

Академия наук СССР
Сибирское отделение
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Исследование БУРЯТСКИХ ГОВОРОВ

ВЫПУСК 1

Академия наук СССР
Сибирское отделение
БУРЯТСКИЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

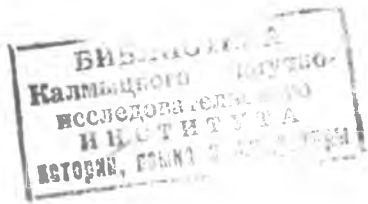
ТРУДЫ
ВЫПУСК 17
Серия языковедческая

ИССЛЕДОВАНИЕ БУРЯТСКИХ ГОВОРОВ

ВЫПУСК 1

БУРЯТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УЛАН-УДЭ 1965

6733-
sc
1980
158
1995

Живой разговорный язык бурят характеризуется диалектной пестротой. Наряду с наличием общих для них черт бурятские говоры значительно отличаются друг от друга не только лексически и фонетически, но и грамматически. Поэтому выявление и научно обоснованное объяснение особенностей этих говоров имеет важное теоретическое значение для монгольской филологии в целом. Вместе с тем диалектологические исследования не могут не иметь и практического значения: они, несомненно, принесут определенную пользу развитию молодого литературного бурятского языка.

Между тем уже сделанные описания отдельных наших говоров и, тем более, собранные диалектологические материалы чуть ли не все продолжают оставаться под спудом, что бесспорно надо признать ненормальным.

Исходя из сказанного, отдел языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР решил взять на себя инициативу по публикации готовых диалектологических исследований. В предстоящий сборник вошли следующие работы: „Тункинский говор“ Д. А. Абашеева, „Боханский говор“ М. П. Хомонова, „Баргузинский говор“ Э. Р. Раднаева, „Сартульский говор“ И. Д. Бураева и „Цонгольский говор“ Ц. Б. Будаева. Работы последних трех авторов написаны в стенах нашего института в плановом порядке. За исключением монографии И. Д. Бураева, все другие описания говоров представляют собой отредактированный сокращенный вариант кандидатских диссертаций, защищенных в свое время авторами.

Предполагается, что в следующий сборник войдут, кроме диссертационных работ по эхирит-булагатскому и качугскому говорам, диалектологические работы и статьи, подготовленные в печать прежде всего сотрудниками Бурятского комплексного научно-исследовательского института.

Д. А. АБАШЕЕВ

ТУНКИНСКИЙ ГОВОР

ВВЕДЕНИЕ

Тункинский аймак Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики занимает широкую долину по течению реки Иркут (от *эрхэ* — «капризная»), к западу от озера Байкал. Долина тянется до самой границы Монгольской Народной Республики и упирается в вечноснежный Мунко-Саридак. На всем своем протяжении (около 300 км) она по северной стороне окаймлена величественными Саянами, а на юге — знаменитым хребтом Хамар-Дабан.

Природа аймака богата. В дебрях тайги водятся ценные звери, встречаются редкостные экземпляры растительного мира. Из горных ущелий шумно несут свои хрустально чистые воды многочисленные целебные источники-аршаны. По красоте и богатству природа Тунки бесспорно занимает одно из первых мест в нашей республике. Недаром она воспевается всеми бурятами: *Түнхэн гэжэ газарнай түглээхэжэ һазхан даа* (Как хороша и величественна наша тункинская земля!). Немало слов восхищения посвящено красотам Тунки всеми теми, кто побывал здесь.

Территория аймака изолирована от всех других районов республики. Только с двух сторон — с востока от Байкала, с запада — со стороны Монголии она имеет связь с внешним миром. С севера и юга закрывают долину высокие горные хребты.

В условиях дореволюционного времени население Тунки редко выходило за пределы своих улусов. Основным занятием населения тогда было экстенсивное скотоводство и охота на пушных зверей. О культурных запросах улусов того времени говорить не приходится, грамотность населения едва достигала четырех-пяти процентов, никто не имел среднего образования. Повсюду царила темнота и бедность. Такое положение как нельзя лучше благоприятствовало бесцеремонной деятельности любителей легкой наживы — спекулянтов-купцов. Все добытое «мягкое золото» и скот за бесценок покупали толстосумы, главным образом иркутские купцы, про которых тункинцами сложено немало песен и поговорок.

Характер хозяйственного уклада прежней Тунки довольно четко отражается в ее устном творчестве — фольклоре. Так, например, повсеместно бытует здесь загадка: *Базха хүүни һанаан бамбагар юумэ тээшэ, хамаг хүүни һанаан хабтагар юумэ тээшэ* (Желания всех людей устремлены к пушистому и плоскому). Ее отгадка: «пушистый» — это соболь, а «плоский» — плиточный чай. Как известно, соболь — самый ценный зверек в Сибири, а чай — любимый напиток всех бурят. По всякому поводу, касающемуся хозяйства и быта, воспевались здесь все пять видов домашних животных (*табан хушуу мал*) — лошади, рогатый скот, овцы, козы и верблюды. Особенной любовью заслуженно пользуется лошадь. Буквально все ее качества и даже части тела, начиная с хвоста и кончая ушами, фигурируют в устном творчестве.

У тункинцев существует устное предание, согласно которому своим прародителем они считают некоего Хонгодора, вышедшего из Монголии. Предание гласит так: *Биди хайн хаани намаргаанда, Бушагтын буналгаанда Монголхоо гарша ерэнэн зон гэшэбдэ*. (Во времена неурядиц в царствование Сайин-нойон-хана и смут, поднятых Галдан Бушугту, мы прибыли сюда из Монголии). Таким образом, время выхода их из Монголии приурочивается ко второй половине XVII в.

Однако в данное время тункинскую долину населяют не одни только хонгодоровцы. По сообщениям знатоков старины, кроме хонгодоровцев, обитают здесь еще представители 12 родов. *Гойно, онход и таха* — выходцы из Монголии — сейчас в восьмом поколении. *Мандай* — прибыл из Янгажина, Иволгинского аймака, в шестом поколении, относится к кости *булагат*. *Зунгар* прибыл из местности Улекчин, Закаменского аймака, в восьмом поколении. *Хоршон* прибыл из Монголии, из местности «нугатын хүнды». *Тэртэ* прибыл из Монголии, в девятом поколении, потомки этого рода живут в Харибяхтах.

Залха — род эвенкийского происхождения; последний представитель этого рода в пятом поколении Даши Шабаганов жил в Харибяхтах. *Хоёд* (сойоты) — род тюркского происхождения. Сойоты небольшими группами от 5 до 10 семейств разбросаны по улусам Тункинського аймака. Основная их масса, около двух тысяч душ обоего пола, живет в Окинском аймаке. *Енгут* — пришельцы из Осинского района, Иркутской области. Они, по сообщению Дашеева Аюши, в количестве 16 дворов живут в колхозе им. XVII партсъезда, в местности Улябар. *Хурхууд*, по преданию выходцев из этого рода, происходит от *тула загалан*, то есть «рыбы таймень». По словам знатоков старины из Эхирит-Булагата, хурхутцы относятся к булагатам, одной из ветвей Тугалука. До 1955 г. тункинские хурхутцы составляли один колхоз. *Чахар* — выходцы из южной Монголии, в восьмом поколении. В данное время из этого рода остался один старик Натар с дочерью.

Из перечисленных выше родов как по давности обитания на данной территории, так и по своей численности первое место бесспорно принадлежит хонгодоровцам. Так, представитель этого рода Будаев Лыксык Убугунович от своего прародителя Хонгодора до своих двух сыновей включительно перечислил 14 поколений. Если продолжительность одного поколения принять за 25—30 лет, то давность появления здесь этого рода исчисляется примерно в 300—350 лет, а других родов — от 100 до 200 лет.

Родословная Лыксыка Убугуновича Будаева: Хонгоодор — Ашхаэ — Хитад — Хилан — Сагаан — Моётоэ — Тармаэ — Мантуу — Маюурхан — Булад — Буда — Үбэгэн — Лэгсэг — Цэрэн и Ошор.

В конце XVIII в. вместе с ламаизмом в Тунку проникло монгольское вертикальное письмо. Но этим письмом пользовалась незначительная часть общества — нойоны и ламы. На развитие языка широких слоев населения оно оказало небольшое влияние. Поэтому не удивительно, что отсутствуют какие-либо письменные документы в виде литературных памятников, хроник, записей и т. п., характеризующие историческое развитие тункинського говора.

В своем описании говора автор опирался на собранные им в полевой обстановке материалы, использовал наблюдения над речью учащихся школ Бурятии и Монголии.

В бытность свою преподавателем бурятского и монгольского языков автору приходилось близко сталкиваться с представителями разных диалектов и говоров — с бурятами, халхасцами, дурбэтами,

чахарами, баргутами и т. д. Для проверки наблюдений, пополнения работы данными из других говоров использованы труды монголистов, касающиеся изучения тех или иных диалектов и говоров.

В настоящее время более или менее удовлетворительно исследованы хоринский, аларский, боханский, баргузинский, эхирит-булагатский, цонгольский говоры.

Имеются описания говоров нижнеудинских и агинских бурят, но они касаются лишь фонетической стороны языка. Говоря о бурятском языке и его диалектах, необходимо указать на работу акад. Б. Я. Владимирцова «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» (Ленинград, 1929), в которой в сравнительном плане использованы данные по бурятскому языку. Также в изучении бурятского языка со стороны его фонетических явлений немалую роль сыграл труд ученого Г. И. Рамстедта «Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора» (СПб, 1908), послуживший образцом исследования диалектов для последующих лингвистов-монголоведов.

Обобщающими трудами в области бурятской диалектологии являются работы профессора Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» (т. 1. 1953), профессора Т. А. Бертагаева «Западно-бурятский диалект на материалах лексики» (диссертация на степень кандидата филологических наук, 1935), статьи Д. А. Алексева «Диалекты бурят-монгольского языка» (Ученые записки ЛГУ, № 98, 1949) и Ц. Б. Цыдендамбаева «О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке» (Труды БКНИИ, вып. 3, 1960).

По последним монголоведным работам, бурятский язык делится на четыре основных диалекта: западный, восточный, южный и промежуточный¹.

Описываемый тункинский говор относится к прибайкальско-саянскому диалекту. Носителями этого диалекта, кроме тункинцев, являются еще баргузинские, байкало-кударинские, окинские и закаменские буряты.

Такое деление говоров бурятского языка основано на лингвистических данных. Прежние же исследователи (Руднев, Владимирцов) при классификации бурятских говоров и диалектов исходили из административно-территориальных признаков, что не соответствует действительному положению вещей.

Как известно, монгольское письмо в силу своей архаичности не могло служить организующим и объединяющим средством развития живого языка всех трудящихся слоев населения. В условиях дореволюционного периода каждый аймак замыкался на своей территории. Отдельные говоры, вместо сближения друг с другом, все более отдалялись друг от друга. Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла трудящимся Бурятии путь для свободного развития своего языка и литературы. Однако в силу наличия многих диалектов и говоров на путях оформления нового литературного языка встречаются серьезные трудности. Так, например, за сравнительно короткий период своего существования бурятский литературный язык трижды менял свою диалектную основу: в первый период за основу нового бурятского литературного языка был взят халха-монгольский разговорный язык (1930—1935), во второй — говор селенгинских, так называемых цакающих бурят (1935—

¹ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. «Тр. БКНИИ», Вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 111.

1937) и, наконец, в настоящее время основой литературного языка служит хоринский диалект. Ряд говоров данного языка, ввиду неизученности их, не принимает должного участия в строительстве нового литературного языка. К таким говорам относится, в частности, тункинский говор бурятского языка, занимающий промежуточное положение между восточным и западным диалектами.

Сбор материалов по данному говору производился на местах: в первый раз — по командировке бывшего Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы и истории с 1 августа по 15 сентября 1941 г. и в последний раз — в июле и августе 1954 года. Материалы собраны во всех крупных населенных пунктах аймака (в Торах, Хойморе, Кырене и Мондах) по следующим темам: исторические улигеры, сказания и легенды, сказки, загадки, пословицы и поговорки; рассказы колхозников о своем производстве; песни исторические и свадебные, песни новые, революционные; образцы разговорной речи и диалоги; материалы для бытового и общественно-политического словаря.

Материалы собраны от 24 граждан в возрасте от 15 до 82 лет. От следующих лиц собрано наибольшее количество материалов:

1. Алсыев Майсан — 60 лет, колхозник, знает старомонгольский язык.
2. Дашиев Аюша — 72 года, неграмотный, знаток родовых делений, сказитель улигеров.
3. Жертаков Николай — 70 лет, колхозник, неграмотный, сказитель улигеров и легенд.
4. Апонтева Анна — 55 лет, колхозница, неграмотная, сообщила свадебные песни.
5. Шагдурова Н. — 28 лет, малограмотная, сообщила песни.
6. Махеев Балдан — 40 лет, колхозник, малограмотный, кузнец, знаток родовых происхождений, сказитель улигеров.
7. Амбаев Д. — 15 лет, сообщил загадки, сказки, песни.
8. Дыльков Д. — 30 лет, учитель, сообщил песни, загадки, поговорки и пословицы и т. д.
9. Гергенов Хасабазар — знаток названий растений, зверей, птиц, терминов по скотоводству, сказитель улигеров.

ФОНЕТИКА

Гласные

Гласные фонемы по своей качественной характеристике и классификации в основном совпадают с гласными хоринского диалекта, легшего в основу литературного бурятского языка¹.

В тункинском говоре насчитывается 18 гласных фонем, которые подразделяются на: монофтонги краткие *a, o, y, ø, э, ү, и* и соответствующие им долгие гласные и дифтонги *аэ, оэ, уи* и *өи*; твердоядные *a, aa, аз, o, oo, оз, y, уу, уи* и мягкорядные *э, ээ, ү, үү, үи, ø, øø, нейтральные и, ии; лабиализованные ү, үү, үи; у, уу, уи; o, oo, оз; ø, øø и нелабиализованные a, aa, аз; э, ээ, эи; и, ии; узкие y, уу, уи; ү, үү, үи; и, ии* и широкие *a, aa, аз; o, oo, оз; э, ээ; ø, øø*.

Как видно из классификации гласных, в отличие от хоринского диалекта, в тункинском говоре краткий звук *ø* является самостоя-

¹ См.: И. Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 105—157.

тельной фонемой. Такого звука нет в русском языке. Его можно уподобить русскому *о*, произносимому этот звук с оттянутым назад языком и при округленном отверстии рта, причем губы немного вытягиваются вперед. Примеры на употребление звука *ө* в говоре тункинцев:

Т у н к. г о в ¹ .	Л и т. я з.	П е р е в о д
өдөр	үдэр	день
мөнгөн	мүнгэн	деньги
өбөл	үбэл	зима
өбөгөн	үбэгэн	старик
өлөн	үлэн	голодный
өбдөг	үбдэг	колени
өглөө	үглөө	утро
гөрөөһөн	гүрөөһэн	коза (дикая)
гөлгө	гүлгэн	щенок
өтөн	үтэн	червь мясной
дөшөн	дүшэн	сорок

Таким образом, в тункинском говоре мягкорядные гласные *ө* и *ү* (в отличие, например, от хоринского и агинского говоров) в большинстве случаев различаются довольно четко. Как известно, в письменном монгольском языке эти фонемы изображаются одним знаком.

В тункинском говоре, как и во всех других говорах бурятского языка, краткость и долгота гласных являются фонематическими. Немало слов отличаются по смыслу только долготой и краткостью гласных. Например, *хана* (стена), *хаана* (где, куда); *даха* (доха), *дааха* (суметь поднять); *дэрэ* (подушка), *дээрэ* (наверху); *ула* (подошва), *уула* (гора).

Вопрос о сверхдолгих гласных в тункинском говоре может быть поставлен разве лишь с той точки зрения, что в силу особо усиленной экспирации на первом слоге долгий гласный в этом положении произносится подчеркнуто, например: *тоолуулаад* (заставив подсчитать), *дуулаха* (петь).

К. М. Черемисовым было отмечено выпадение согласных *h* и *g* в интервокальной позиции и образование на этой основе долгих гласных. Нужно сказать, что такого явления в тункинском говоре мы не наблюдали. В самом деле, тунк. *годоһон* (унты) не совпадает в своем произношении с *годон* (камыс — шкура с лап животных). Также *бэшигээр муу* (грамотой слаб) отличается от *бэшиэр муу* (слаб в другом отношении).

В отличие, например, от хори-бурятского, долгий гласный мягкого ряда *ээ* в тункинском отличается от краткого *э* лишь в количественном отношении².

Дифтонги тункинского говора *аэ*, *оз*, *уи* и *үи* характеризуются тенденцией к монофтонгизации. Как в односложных, так и в много-

¹ В данной работе употреблены следующие сокращения названий языков, диалектов и говоров: лит. — литературный бурятский язык; халх.-монг. — халх-монгольский язык; монг.-письм. — старомонгольский письменный язык; зап. диал. — западный диалект бурятского языка; вост. диал. — восточный диалект; алар. гов. — аларский говор; тунк. гов. — тункинский говор.

² Для хори-бурятского соответствующий нормальный гласный *е* определяется как гласный среднего ряда, а долгий *ее* — как передний. См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. стр. 16.

Для халхаского наречия монгольского языка указанные фонемы определяются следующим образом: *е* — переднего края неабнализированный открытый; несколько более задний, чем приближающийся к нему на слух русский звук *е*, например, в словах *ш ст*, *Бела*, *цен*. См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 54.

сложных словах дифтонги, по нашему мнению, в определенном положении превращаются в обыкновенный долгий гласный и второй элемент как бы совершенно стирается, например, *аэл* (сосед), *даэн* (война), *далаэ* (море), *һазн* (хороший); *оэ* (лес), *оэмһон* (чулок), *ороз* (вершина), *һоэр* (глухарь); *уи* (печаль), *уилаха* (плакать), *гуилга* (подарок); *зүүл* (род, сорт), *туимэр* (пожар), *туи* (обуза, несчастье).

Между тункинским говором и литературным языком наблюдается чередование следующих гласных:

э || у или у || э

бүлэхэ || бэлэхэ — сбивать (напр. масло)

эбдэрхэ || үндэрхэ — ломаться, разбиваться, рушиться

бүһэ || бэһэ — пояс, кушак

гэдэһэ || гүдэһэн — живот

мүшэн || мэшэн — звезда

э || и или и || э

хирээ || хэрээ — ворон

эримэг || эрэмэг — острый край чего-либо

бэри || бэрэ — невестка

О гармонии гласных. В тункинском говоре гармония гласных соблюдается сравнительно последовательно, что в некоторых говорах бурятского языка не всегда бывает.

Например, по поводу гармонии гласных в хоринском говоре А. Д. Руднев говорит: «Особенно разительно выступает неустойчивость гармонии гласных в окончании прилагательных. Я слышу ясно в безыскусственной речи на конце *е*, хотя бы в слове было заднего ряда: ахатээ... мортеэ и т. д.» (См.: А. Д. Руднев. Хори-бур. говор. Ч. 1, стр. 25).

Подобное «нарушение» гармонии гласных в дифтонгических окончаниях имеет место и в тункинском, например, в словах типа *нохоэ* (собака), *нохоэтоэ* (с собакой), *морин* (лошадь), *моритоэ* (с лошастью), а также в сложных словах, например, перед долгими *а* и *о*: *ябаабоэ* (не ходил), *хараабоэ* (не смотрел), *олообоэ* (не нашел) и т. д.

Однако, как указывает исследователь фонетического строя бурятского языка И. Д. Бураев, в данном случае Руднев был неправ, так как отождествлял фонетическое деление гласных на передние и задние артикуляционные ряды с фонематическим делением гласных на три ряда. А эти ряды далеко не совпадают между собой, ибо, например, гласные одного только переднего ряда могут относиться ко всем трем сингармоническим рядам¹.

Согласные

Согласные тункинского говора могут быть представлены в виде таблицы следующим образом (см. на 9 стр. табл. 1).

Х а р а к т е р и с т и к а с о г л а с н ы х

Фонема *ч* — переднеязычная глухая палатализованная аффриката; встречается сравнительно редко, главным образом, в речи старшего поколения и в улигерах, например: *эльчэ* (посланец; лит. *элшэ*), *ошчи* (идя; лит. *ошожо*), *бодчо* (думая; лит. *бодожо*). *Манда юунч базккоэ* (у нас ничего нет).

Фонема *к* — губно-губной сильный смычный; встречается редко,

¹ См.: И. Д. Бураев. Указ. соч., стр. 14—15.

Таблица 1

По способу образования	По месту образования				
	губно-губные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	фарингальные
Шумные	аффрикаты		ч		
	смычные	п, б, пь, бь	т, д; ть,		(к) ¹ , г, гь
	проточные	(ф)	с, з, сь ш, ж		х(г), хь
Сонозные	боковые		л, ль		
	дрожашие		р, рь		
	носовые	м, мь	н, нь		нг

например, в таких словах, как *пантагар* (распухший), *паалан* (эмаль), *пампалаэ* (охотничья обувь).

Фонема *б* — губно-губной слабый смычный. В начале слова взрывной и отчетливо звонкий, например: *баабъгаэ* (медведь). В конце слова и в середине перед глухим согласным оглушается и трудно отличим от *п*, например: *хаб* || *хап* (тюлень), *хэб* || *хэп* (форма, модель), *харааб* || *хараап* (я видел). В интервокальном положении этот звук произносится при слабом мускульном напряжении, поэтому имеет щелевое проявление, например: *баабъгаэ* (медведь), *абааб* (я взял).

Фонема *т* — переднеязычный сильный смычный, например: *тэрэ* (телега), *хатар* (танец).

Фонема *д* — переднеязычный слабый смычный. В начале слова и между гласными отчетливо звонкий, например: *даха* (доха), *дуран* (желание), *хадаха* (жаты).

В конце слова и перед глухими согласными артикуляция *д* совершенно неотличима от артикуляции сильного смычного *т*, например: *һаад* || *һаат* (препятствие), *тэргэд* || *тэргэт* (телеги), *шаргад* || *шаргат* (сани), *хараад* || *хараат* (глядя), *адха* || *атха* (щебень, горсть). *Тэрэ өбгэн ангууша хүүн базгаат, оздо гаража, гөрөөһө аладаг базгаа* (Тот старик был охотником, ходил в лес и убивал коз).

Звук *к* — заднеязычный сильный смычный. Встречается только в середине слова перед согласными и в конце слова как глухой вариант фонемы *г*. В сочетании с гласными твердого ряда звучит как глубоко заднеязычный, например: *гаракка*, лит. *гаргаха* (заставить выходить); *торокко*, лит. *торгохо* (добыть зверя). В сочетании с гласными мягкого ряда *к* продвигнут вперед. Например: *дүүрэккэ*, лит. *дүүргэхэ* (выполнить, наполнить); *мэдэккээ*, лит. *мэдэхэгүй* (не знает). *Хадаһаа халиккуи, хара гөрөөһөнһөө аэккоэ, таһархаэ баатар (шоргоолжон)* (С горы не срывающийся, медведя не боящийся рваный богатырь (муравей)).

Фонема *г* — заднеязычный слабый смычный. В начале слова взрывной и отчетливо звонкий, причем при гласных твердого ряда более глубокий, при гласных же мягкого ряда продвигнут вперед, например: *гар* (рука), *гэр* (дом, юрта), *газар* (земля), *гэдэхэ* (таять), *гагса* (только один), *үгэ* (слово). В конце слова и в середине перед глухими соглас-

¹ В скобки заключены комбинаторные варианты фонем.

ными оглушается, напоминая по произношению звук *к*, например: *ябаг* || *ябак* (пусть пойдет), *сэсэг* || *сэсэк* (цветок), *агта* || *акта* (мерин). Между гласными реализуется как щелевой *г*, например: *бага* (маленький), *дэгээ* (крючок).

Звук *ф* — губно-губной проточный глухой, является лишь вариантом фонемы *б*, например: *абша* || *афша* (взяв), *автамаат* || *афтамаат* (автомат).

Фонема *с* — переднеязычный проточный глухой, на слух сходен с русским *с*, например: *сабсаха* (рубить, косить), *сана* (лыжи), *хагас* (половина). *Сереброогоор яахамнаэб, совезд мөнгөн довоольно* (Зачем нам серебро, советских денег ведь довольно).

Фонема *з* — переднеязычный проточный звонкий, в сочетании с гласными твердого ряда более задний, в сочетании с гласными мягкого ряда более передний, например: *зарга* (тяжба), *газаа* (на улице, вне чего-либо), *зүргэ* (тропинка, дорожка). *Монголшоо Галзуу намган гурбан хубуу дахуулжа ерээ* (Из Монголии женщина по имени Галзуу привела с собой трех сыновей). *Тохорюун зангаар хашихардаг, заахан бэтээ шубуун* (Небольшая птичка, кричит, как журавль).

Фонема *ш* — переднеязычный проточный глухой шепелявый, акустически почти совпадает с русским *ш*, например: *шабар* (глина), *шоно* (волк), *шэхэн* (ухо), *аша* (внук, внучка). *Нэгдоношдо орходоо бараг хөдөлжөө гараа* (По сравнению с прошлым годом неплохо поработали). *Нэжээд хиилэ тарья хубаагаабди, хошоодые хубааха юмаад лэ* (Мы распределили вместо двух только по одному кило зерна). *Нарьдагта ургадаг хоншоохон үнэртээ модон* (На Саянах растущее с приятным запахом дерево).

Фонема *ж* — переднеязычный проточный звонкий шепелявый, акустически почти совпадает с русским *ж*, например: *жорон* (шестьдесят), *нажар* (лето), *жирхи* || *жирси* (бурундук). *Жороо морлноэ жороолхо жороонь ерээд мөнгэнээ, ёноор ахаэн зугаалха зугаань зуугаад мөнгөнээ* (Стоимость иноходи иноходца — девятисто копеек, а стоимость песни уважаемого кавалера — один рубль).

Фонема *х* — заднеязычный проточный глухой. Характеризуется комбинаторными колебаниями, присущими и другим родственным говорам: в сочетании с гласными твердого ряда глубоко заднеязычный, при гласных же мягкого ряда продвинут, например: *хара* (черный), *хэрээ* (ворон), *баха* (лягушка), *бэхэ* (чернила), *хоро* (зло, яд), *хүрээ* (изгородь), *хура* (дождь).

Фонема *н* — фарингальный проточный глухой, встречается только перед гласными, например: *нара* (месяц), *наанаан* (мысль), *блна* (опять), *нонин* (интересно), *нэрээ* (острога), *бэнэ* (пояс), *нөрөг* (порода животных).

Фонема *л* — переднеязычный боковой звонкий, сходен с русским *л*, например: *олон* (много), *улуу* (бесшабашный, забулдыга), *бээлээ* (рукавицы), *өглөө* (утро), *үлүү* (лишний).

Фонема *р* — дрожащий переднеязычный звонкий, сходен с русским *р*; в начале слова не встречается, например: *нөхэр* (товарищ), *арбан* (десять), *хорин* (двадцать).

М — носовой губно-губной звонкий, сходен с русским *м*, например: *мандагар* (большой, здоровый), *морин* (лошадь), *мэргэн* (меткий), *хэрмэн* (белка). *Түлиһэн галнаэ төмөн жэлдэ носог, төрөһэн гараһа-мнаэ төмөн жэл жаргаг* (Пусть разведенный (нами) огонь на долгие годы воспламенится, рожденное (нами) потомство навеки блаженствует).

Н — носовой переднеязычный звонкий, сходен с русским *н*, например: *нажар* (лето), *нохор* (собака), *нэрэ* (имя). В конце слов и в середине перед согласными встречается редко. *Эдээнэ дээжэ — уһан, эдээ дээжэ — модон* (самое нужное в пище — вода, самое необходимое из предметов — древесные изделия). *Хүүн хэрэг тээшээ, хэрмэн модон тээшээ* (Человек к делам своим стремится, а белка — в лес (свой)).

Фонема *нг* — заднеязычный смычный твердый, встречается в конце слова, а в середине — перед проточным глухим *х* и слабым смычным *г*, например: *ангханг* (первый), *сонгхо* (окно), *тангха* (кувшин), *анггаэ* (звериный), *дэлэнг* (вымя), *һолонгго* (радуга). Перед другими согласными в середине слова заднеязычный характер *нг* значительно ослабляется, например: *өндөр* (высокий), *андалдаан* (мена), *анзаһан* (соха), *тоншохо* (стучать).

Палатализация согласных. Большинство согласных тункинского говора бывает палатализованным как перед гласным *и*, так и перед другими гласными или согласными¹. Примеры.

П' — *п'ис-п'ис* (звук, издаваемый мелкой пташкой или мышкой), *п'ад* (резкий крик, издаваемый, например, маленьким ребенком), *п'ёохло* (свекла), *п'еэшэ* (печь).

Б' — *б'и* (я), *таб'ин* (пятьдесят), *таб'яа* (поставил, отпустил), *аб'яан* (звук), *таб'юур* (подставка), *һоб'ёо* (клык) (в лит. *һоёо*), *һэб'юур* (опахало, веер).

Т' — *т'ибг'һэн* (сарана), *т'иимэ* (такой, как), *ябатт'ёо* (уже пошел, ушел), *өгөтт'ёо* (уже дал, отдал), *т'ээд* (затем).

Д' — *абаабд'и* (мы взяли), *бид'и* (мы), *эд'юур* (посуда для кормления животных, перен. лишний рот — дармоед).

С' — *с'ии || х'ии* (сухой мелкоиздробленный навоз), *с'ёрхо || х'ёрхо* (наблюдательный).

Х' — *тах'яа* (курица), *х'ялгааһан || с'илгаан* (волос конского хвоста), *х'алар* (косоглазый), *х'ии* (см. выше), *х'ибэхэ* (жевать жвачку — о животных).

Л' — *дал'и* (крыло), *дол'ёохо* (лизать, облизывать), *нал'яа* (поколоти, побил), *нал'юур* (покатый — о местности), *эл'еэ* (коршун), *эл'юур* (утюг). Кроме этого, *л* перед шипящими и проточным *х* тоже палатализуется. Примеры: *өбөөл'жөн* (удод), *хөл'шөхө* (греться), *тал'хи* (ручная кожемялка).

Р' — *хар'и* (чужой род, и иди домой), *хар'яа* (пошел или ушел домой), *хор'ёо* (запретил), *хар'юу* (ответ), *бүр'еэ* (раковина). *Р* палатализуется также перед слогом *јэ*, например: *хурјэн* в. лит. *хурьгэн* (зять), *бэрјэн* в. лит. *бэргэн* (невестка), *эрјэнэг* в. лит. *эргэнэг* (ворота в поскотине).

М' — *м'инаа* (кнут), *м'ахан* (мясо).

Н' — *н'имаан* (коза), *н'олмоһон* (плевок), *һон'ёор* (интересно, с интересом), *н'юуха* (прятать, скрывать), *н'еэхэ* (смеяться, открывать), *һон'ээр* (за ночь), *тэн'юун* (просторный).

Не смягчаются *ш*, *ж*, *з*, *г*, *һ*, *нг*.

Чередование согласных между литературным языком и тункинским говором:

х' || с' или *с' || х'*: *х'юруу — с'юруу* (иней), *х'ялгана — с'ялгана* (мятлик), *х'ирмаг — с'ярмаг* (мелкий снег, пороша), *һалх'ин — һалс'ин* (ветер), *бүдэх'и — бүдэс'и* (тусклый, мутный), *х'яра — с'яра* (гребень горы), *эрх'ин — эрс'ин* (верхняя колода двери), *бох'ёорхо —*

¹ Ср. Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л., 1941, стр. 20—21.

бос'ёорхо (неметь, цепенеть от холода); *үх'ибүүн* — *үс'ибүүн* (ребенок), *с'охилуур* — *с'яслууур* (мешалка для сбивания масла), *тамх'ин* — *тамс'ин* (табак), *х'иидхэхэ* — *с'иидхэхэ* (веять — о зерне), *х'яаг* — *с'яаг* (пырей), *арх'и* — *арс'и* (вино), *һах'юуһан* — *һас'юуһан* (талисман, гений-хранитель). *Орон дээрэһэнь түлс'ижэ унагаатът'ёо* (С кровати столкнул) (из сказки). *Дорос'инь улижа һууба, түүни дээрэс'и хүх'и-жэ наашиша һууна* (Сидящий внизу плачет, сидящий повыше радуется, поет). *Алтан үргөөнһөөнь нэгэ басаган гараад хэс'ирба* (Из золотого дворца вышла одна девушка и закричала, звала).

д' || г' или *г' || д'*: *долг'ёон* — *долд'ёон* (волна), *галг'иха* — *галд'иха* (идти медленным шагом). *Тэнгэрын гурбан данд'инааб, эндэ, ёрэжэ наашиша базһаар хугалаккуи модо хугалаад, эндэ үлэишһымэб* (Я — одна из трех небесных красавиц {фей}, пришла сюда и, играя, сломала недозволенное дерево, отчего и осталась здесь).

ш || с или *с || ш*: *хүсэтээ* — *хүшэтээ* (сильный), *сабшаха* — *сабсаха* (рубить, косить), *сабишуур* — *сабсуур* (зубило). *Сагаадаэ сабсаа, саанаа хаяа, хулганаэ худхаа, худагтаа хаяа* (Сагадай рубил, подальше бросал, мышка мешала, в колодец бросала — загадка).

с || һ или *һ || с*: *һэбилхэ* — *сибэлхэ* (остудить, охладить питье), *биһалаг* — *бисалаг* (вид сыра или брынзы). *Самандаа болог, сааха унаха бэлигэн болог* (Да будет саманда и умножится домашний скот — лошади и коровы).

м || б: *нёлмоһон* — *нёлбоһон* (плевок). *Нёлмоод нёлмоһоо эдижэ болохобоэ* (сплюнув, плевок свой обратно нельзя глотать, то есть нельзя отказываться от своих слов).

н || г: *мэндэхэ* — *мэгдэхэ* (торопиться), *аннаха* — *агнаха* (охотиться). *Мэндэһэн горхон далаэда хүрэдэгбээ* (Быстро текущий ручей до моря не доходит — поговорка).

х || г: *хахалха* — *хагалха* (пахать; расколоть). *Манаэ холхооз паараа тараактараар хагалдаг болоһоор үни болоо* (Наш колхоз давно ведет вспашку паров тракторами).

р || с: *баэтар* — *баэсар*, *хүрэтэр* — *хүрэсэр*. *Эхээ өгөөһөн алтан табагта мөнөөш хүрэсэр хүрэнэбээб* (До сего времени не могу дотянуться до золотого блюда, которое дала мне мать — загадка).

Об ударе ни и. Как известно, по вопросу об ударе ни и в монгольском и бурятском языках монголоеды после некоторых разногласий пришли к единому мнению, что оно находится на первом слоге слова¹.

Трудность определения удара ни и в названных языках заключается в особом характере их гласных, распадающихся с количественной стороны на нормальные и долгие, независимо от удара ни и.

В этом отношении во взятом нами говоре, благодаря особенно подчеркнутому произношению первого слога слова, местонахождение удара ни и вызывает никакого сомнения: оно находится на первом слоге².

В силу этого, как показывают наблюдения, гласные непервых слогов, находясь между двумя согласными, совершенно редуцируются. Например: *яббал* в.м. *ябабал* (если пойдет или поедет), *таббал* в.м. *табибал* (если положит, поставит), *болхо* в.м. *болохо* (будет), *харха* в.м. *хараха* (смотреть).

¹ См.: А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 77; Аларский говор, стр. 70—77.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 96—112. Наша точка зрения в данном случае не совпадает с мнением, высказанным К. М. Черемисовым.

От места ударения зависит, как нам кажется, образование двойных согласных *кк*, которые наблюдаются, главным образом, в много сложных словах. Так, например, лит. *мэдэхгүй* (не знает) в тункинском дало *мэдэккээ*, *ябахагүй* — *ябаккээ* (не пойдет), *шадахагүй* — *шадаккээ* (не сумеет), *үхэхэ* — *үккэ* (умрет). Сюда же следует отнести случаи сокращенного произношения слов типа *эньшаа* и *тиньшаа*; первое слово состоит из *энэ* (это) и *тушаа* (направление), второе — из *тэрэ* (тот) и *тушаа* (в указанном значении).

Имеются явления контракции, то есть отпадения начального слога, например: *нөөдөр* (сегодня) вм. *мүнөө өдөр* (сегодняшний день), *‘нөө’һөни* (этой ночью) вм. *мэнэө һөни* (сегодняшняя ночь).

Об аналогичных явлениях в монгольском языке Б. Я. Владимирцов говорит следующее: «Особо трактуются в отношении ударения слова, подвергающиеся ускоренному фонетическому развитию, происходящему в результате частого употребления, заношенности слов из-за того, что их произносят скороговоркой. В таких словах можно отметить ударение, которое падало не на первый, а на второй слог слова, в результате чего получилось исчезновение этого первого неударного слога. Халх. *цэциг алсан* (*эцэциг алсан* || монг. письм. *эсиге-үи алагсан* отцеубийца — ругательство)». Халх. *нээрэ* < *үнээрэ* || < монг. письм. *унегегийен* (поистине, действительно), халх. *тишаа* < *тушза* || < монг. ‘письм. *tusiya* (направление, связь); тунк. *эньшаа* < *энэ тушаа* (в этом направлении); *тиньшаа* < *тэрээн тушаа* (в том направлении), *нөөдөр* < *мүнөөдөр* вм. < *мүнөө өдөр* (сегодня).

МОРФОЛОГИЯ

Тункинский говор в области морфологии и лексики занимает промежуточное положение между восточным и западным диалектами, но более близок к последнему, т. е. к западному. Характерной особенностью говора является двойное употребление некоторых окончаний падежей, частиц и т. п.

Имена существительные

Как известно, некоторые монголисты отрицали наличие в монгольских языках существительных и прилагательных на том основании, что эти части речи по морфологическим формантам не отличаются друг от друга, например: *модон базна* (дерево стоит) и *модон гэр* (деревянная юрта); *төмэр харгуи* (железная дорога) и *хатуу төмэр* (твердое железо)². Также имели место разногласия и в отношении других частей речи: наречий, частиц и служебных слов. Так, например, некоторые частицы рассматривались как наречия и наоборот. Служебные слова и частицы назывались «пустыми словами» — *һула үгэ*³.

Но в данное время подобные взгляды на части речи в бурятском языке получили иную оценку и определение. Так, Д. А. Алексеев в своей работе «Наречия в бурят-монгольском языке»⁴ находит, что деление существительного на предметное и качественное имена явля-

¹ Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 113.

² См.: А. Л. Бобровников. Грамматика монгольского языка, стр. 52;

³ См.: Г. Д. Санжеев. Грамматика бурят-монгольского языка. М.—Л. 1941, стр. 26—27.

⁴ См.: Д. А. Алексеев. Наречия в бурят-монгольском языке. Улан-Удэ, Бургосиздат, 1941.

ется несостоятельным. Автор названного труда предлагает при определении этих имен исходить не из внешнего, так сказать, облика, а из смыслового их содержания в контексте речи и из наличия у них показателей. Например, имена существительные отвечают на вопросы *хэн?* (кто?) и *юун?* (что?)¹. Имена прилагательные отвечают на вопрос *ямар?* (какой?). Например, в предложении *Модон ургажа баана (Дерево растет)* слово *модон* (дерево)—существительное, так как отвечает на вопрос *юун?* (что?). В предложении же *Модон гэр баригдаба* (Деревянная юрта выстроена) слово *модон* (деревянный) — прилагательное, отвечает на вопрос *ямар?* (какой?).

В тункинском говоре имена существительные выражают не только конкретные (по терминологии А. Бобровникова, «предметные» имена), реально ощутимые предметы — *гэр* (юрта), *морин* (лошадь), но и такие, которые представляют отвлеченные понятия. Например, *бодолго* (дума), *баздаг* (положение), *баяр* (радость) и т. д. В описываемом говоре, как и в других говорах бурятского языка, имеется целый ряд имен существительных и прилагательных, которые вне контекста формально не дифференцированы, например, имена, основа которых оканчивается на носовой *н*: *модон* (дерево), *шулуун* (камень), *хонин* (овца), *тоһон* (масло), *торгон* (шелк) и т. д. Сравни: *хонин хөнжөл* (одеяло из овечьей шкуры), но *хонин билшижэ ябана* (овца пасется); *тоһон шуудэр* (медовая роса), но *шара тоһон* (топленое масло); *торгон пулад* (шелковый платок), но *үнэтээ торгон* (дорогой шелк) и т. д. Данные имена выступают во фразах в первом случае, как прилагательные, во втором — как существительные. Такой же характер носит целый ряд других имен, но истинное значение их узнается в синтаксически оформленной фразе.

Значительная часть имен существительных в тункинском говоре образуется от глагольных основ. Приведем некоторые из них: а) имя деятеля, суффикс *-ааша*: *зурааша* (чертежник) от *зураха* (чертить); б) имена предмета действия, суффиксы *-г*, *-лга*, *-лан*: *зураг* (чертеж) от *зураха* (чертить); *хаалга* (ворота) от *хааха* (запирать); *сабшалан* (покос) от *сабшаха* (косить, рубить); в) имена процесса действия, суффикс *-мта*: *баримта* (довод, аргумент) от *бариха* (ловить, поймать); г) имена орудия действия, суффикс *-уур*: *хадхуур* (жало) от *хадхаха* (колоть).

Производные имена существительные от именных основ: а) имя деятеля, суффикс *-шан*: *малшан* (скотник) от *мал* (скот); *эмшэн* (лекарь) от *эм* (лекарство); *моришон* (коневод) от *морин* (конь); б) уменьшительные имена, суффикс *-хан*: *басагахан* (девчушка) от *басаган* (девчушка, девочка); в) собирательные имена, суффикс *-тан*, *-шууд*, *-шуул*: *абагатан* (дядины) от *абага* (дядя); *багашууд* или *багашуул* (малыши, дети) от *бага* (маленький, дитя); г) отвлеченные имена, суффикс *-нхи*: *ехэнхи* (большинство) от *ехэ* (большой); *олонхи* (большинство) от *олон* (много).

Обозначение родов в тункинском, как и в других говорах бурятского языка, отсутствует. Исключение представляет собою обозначение возраста и масти домашних животных соответственно полу. Примеры: *гунжан* (трехлетняя телка), *гунан* (трехлетний бык); *дөнжсөн* (четырёхлетняя корова), *дөнөн* (четырёхлетний бык). Суффикс *-гиан* используется только для обозначения масти женских особей домашних животных: *харагшан* (чернуха) — о корове или кобылице, *улаагшан* (краснуха) — о корове, *улэгшэн* (волчица, собака-самка).

¹ См.: Д. А. Алексеев. Указ. соч., стр. 31—33.

Из единичных слов, обозначающих лица женского и мужского пола, можно отметить: *худагуй* (сватья), *худа* (сват).

Наконец, в ряде случаев в тункинском говоре основа, по сравнению с другими говорами, дополнительно усложняется. Так, от сказителей улигеров и сказок часто приходится слышать имена с суффиксом, по звуку гармонирующим с основой имени. Например, к общепринятой форме слова *зон* (народ) здесь нередко прибавляется формант *-хаэ*: *зонхоэ дээрээ хэлсэе* (при народе поговорим). Также: *Манаэ зан-хаэ иимэ ем* (наш обычай таков).

Эти показатели придают слову ласкательный, уважительный оттенок. В песенке ханши у колыбели своего внука, рожденного девицей, ушедшей от своих братьев-богатырей¹, два последних существительных каждой строчки оформлены показателем *-лаэ*:

Хартаганаан хаанаэ ашалаэ-бүүбээлээ,
Харза Минаагаэ таэжалаэ-бүүбээлээ;
Бульханаэ ахаэн зээлээ-бүүбээлээ,

Дитяtko-внучек хана Хартагананского,
Харза-Миня наследник-дитяtko;
Ребеночек-дитяtko младшей сестрицы
Бульханая,
Брага старшего Айдара внучек-дитяtko.

Аэдар ахаэн зээлээ-бүүбээлээ.

В данном случае формант *-лаэ* прибавлен к основам: *аша* (внук), *бүүбээ* (детка, ребенок), *таэжа* (наследник, царевич), *хүүхэн* (малютка, ребенок), *зээ* (племянник).

Также основы некоторых имен — названий животных и растений, — которые в литературном бурятском оканчиваются на *н*, в описываемом говоре часто имеют дифтонгическое окончание, например: *хулгана* — *хулганаэ* (мышь), *харгана* — *харганаэ* (кустарник), *долоогоно* — *долоогоноэ* (боярышник) и т. д.

Конечный *ы* основы литературного языка в тункинском говоре чаще произносится как дифтонг: *харгы* — *харгуи* (дорога), *дугы* — *дугуи* (мостик через канавку, речку), *зугы* — *зүгээ* (пчела), *үгы* — *үгээ*, *үбээ*, *бээ* (нет, не) и т. д.

Особенности склонения существительных

Сравнение показывает, что тункински говор имеет расхождения в падежных окончаниях. О некоторых особенностях имен в номинативе указано выше. Рассмотрим косвенные падежи.

1. Родительный падеж. В этом падеже имена, основа которых оканчивается на согласную, как правило, принимают звук *и*, например: *Энэ морины мээл абагты* (Снимите седло у этого коня). Сравните лит. *мориной*. *Баруун гари бээлээ* (правой руки рукавица). Сравните лит. *гарай*. *Мали бэлшээри* (выгон, пастбище скота). Сравните лит. *малай*.

Наряду с этим в данном падеже после названных основ, кроме окончания *и*, можно встретить и окончание *-ын* (как в монгольском языке). Например: *гэрын* (юрты), *жэлын* (года), *холхоозын* (колхоза).

Наконец, основы на *г* в родительном падеже принимают окончание *а*, *э*, *о*, причем конечный *г* основы переходит в *й*, например: *сэсэг* — *сэсэйэ* (цветок — цветка), лит. *сэсэгэй*; *засаг* — *засайа* (власть — власти), лит. *засагай*.

Основы, оканчивающиеся на краткую гласную, имеют окончания *-ын*, как и в лит., или *-аэн*, например: *аха* — *ахын* или *ахаэн* (брат — брата). Основа на краткий *и* всегда имеет окончание *-шин*: *хургуули* — *хургуулин* (школа — школы).

¹ Из улигера «Аэдар аха»; рассказал Попов Дагба Дугарович (улус Хонто-гол).

Основы, оканчивающиеся на долгий гласный и принимающие окончание *-гай* (*-гэй*, *-гоэ*), характеризуются окончанием *-я* (*-е*), например: *буу* — *бууя* (ружье — ружья), лит. *буугай*; *бороо* — *борооё* (дождь — дождя), лит. *бороогоэ*.

Основы, оканчивающиеся на дифтонги и долгий *ии*, принимают, как и в литературном языке, окончание *н*: *нохоэ* — *нохоэн* (собака — собаки), *гахаэ* — *гахаэн* (свинья — свиньи), *хии* — *хиин* (воздух — воздуха).

2. Дательный падеж никакими особенностями не отличается.

3. Винительный падеж. В тункинском говоре винительный падеж очень часто выступает без присущих литературному языку окончаний *-ие*, *-иие*, *-гие*. В одних случаях выступает чистая основа, в других — к основе прибавляется лишь краткий гласный *-и*, например: *Би энэ хотьго абаад ябанам, энэни хоюундаа үрэе* (Я взял этот нож, давайте вместе поточим его). *Мини мори баряад ерэ* (Поймай мою лошадь и приведи сюда). *Унгээн сэсэгээр бүрхээсэн үргэн Тохоз нютагнаэ, үегын бидэни хүмүүжүүлсэн өндөһөн ёһоноэ сургуули* (Разнообразными цветами покрыта наша широкая родина Тохой. [Тохоз — изгиб, излуцина реки]. Нас, сверстников, просветившая национальная [наша] школа).

Значительно реже встречается в тункинском говоре оформленный винительный падеж, например: *Юэн ангы дээжые хуу суглуулха һанаатаэ базгаа* (Он хотел добыть первосортные экземпляры девяти видов пушных зверей).

4. В орудном падеже нет каких-либо отличий от литературного языка, если не считать того, что основы на дифтонги принимают окончание *-яар* (*-ээр*, *-ёор*): *харгуи* — *харгуияар* (дорога — дорогой); *зүгээ* — *зүгэээр* (пчела — пчелой); *нохоэ* — *нохоээор* (собака — собакой)¹.

5. Совместный и исходный падежи не имеют отличий от соответствующих падежей литературного языка.

Образцы склонения

Падежи	Тунк. гов.	Лит. яз.
Им.	основа	основа
Род.	хадын, хадаэн морини, мориноэ нөхери, нөхерыи бууя далаэн	хадын (горы) мориной (коня) нүхэрэй (товарища) буугай (ружья) далайн (моря)
Дат.	хадада мориндо бууда нөхөртө далаэда	хадада (горе) мориндо (коню) бууда (ружьё) нүхэртэ (товарищу) далайда (морю)
Вин.	хада мори нөхөр, нөхөри	хада, хадые (гору) мори, мориие (коня) нүхэрые (товарища)

¹ Иногда эти суффиксы заменяются суффиксами *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*): *харгуйгаар*, *зүгээгээр*, т. е. как в литературном. В форме *хүүгээр*, *хүүнээр* выступает в орудном падеже основа *хуун* (человек).

	буу, бууя далаэ, далаэе хадаар морѳор нѳхѳрѳѳр буугаар далазяар	буу, бууе (ружьѳе) далай, далаие (море) хадаар (горой) морѳор (конем) нѳхѳрѳѳр (товарищем) буугаар (ружьѳем) далайгаар (морем)
Оруд.	хадатаэ моритѳѳ, моритѳѳэ нѳхѳртѳѳэ буутаэ далаэтаэ	хадатай (с горой) моритѳѳ (с лошадыѳ) нѳхѳртѳѳ (с товарищем) буутай (с ружьѳем) далайтай (с морем)
Совм.	хаданаа моринноѳ нѳхѳрнѳѳѳ буунаа далаэнаа	хаданаа (с горы) моринноѳ (от коня) нѳхѳрнѳѳѳ (от товарища) буунаа (от ружьѳя) далайнаа (от моря).
Исх.		

Множественное число

В тункинском говоре множественное число образуется в основном от имен, обозначающих живые существа, реже — от неживых. Однако при числительном имена всегда употребляются в единственном числе, например: *табан хүүн* (пять человек), *арбан морин* (десять лошадей), *зуун сэнт'эр* (100 центнеров).

В употреблении суффиксов множественного числа здесь нет постоянства. Иногда имена одной и той же категории образуют множественное число по-разному. Все же преобладающим суффиксом множественности в говоре является *-д*, который присоединяется к основам, оканчивающимся на краткие и долгие гласные, на дифтонги и на *н*, *л* и *р*. Причем перед названным суффиксом эти согласные отпадают¹. Примеры: *хотьѳо* — *хотьѳод* (нож — ножи), *аяга* — *аягад* (чашка — чашки), *бага* — *багад* (маленький — маленькие), *буруу* — *бурууд* (теленок [по второму году] — телята), *тахяа* — *тахяад* (курица — курицы), *теэбии* — *теэбиид* (бабушка — бабушки), *харгуй* — *харгуйд* (дорога — дороги), *бишлэхан* — *бишлэхад* (маленький — маленькие), *морин* — *морид* (лошадь — лошади), *тугал* — *тугад* (теленок [до одного года] — телята), *нѳхѳр* — *нѳхѳд* (товарищ — товарищи), *нохѳэ* — *нохѳд* (собака — собаки).

Нужно сказать, что приведенными формами не исчерпываются случаи образования множественного числа от основ данных типов. Например, наряду с *-д* могут употребляться и такие суффиксы, как *-нууд* и *-дууд*, например: *хэтээннууд* (ножи), *аягэннууд* (чашки), *баганнууд* (малыши), *тахяаннууд* (курицы), *мориднууд* (лошади), *нѳхѳдүүд* (товарищи) и т. д. В словах *нѳхѳдүүд* и *мориднууд* имеется двойной суффикс множественности — *-д* + *-нууд*.

Кроме названных суффиксов множественного числа, в говоре употребляется еще суффикс *-над* (*-нэд*), например: *аха* — *аханад* (старший — старшие), *дүү* — *дүүнэд* (младший — младшие), *багши* — *багшинад* и *багшид* (учитель — учителя), *эгэиэ* — *эгэиэнэд* и *эгэиэд* (сестра — сестры). А эти имена во всех восточных говорах во множествен-

¹ О преобладании суффикса множественного числа *д* в древнемонгольском указывает акад. С. А. Козин в статье «К вопросу о показателях множественности в монгольском». «Уч. зап. ЛГУ», стр. 123—132, Л., 1946.

ном числе принимают суффиксы *-нар (-нэр)*: *аха* — *аханар* (брат—братья), *багша* — *багшанар* (учитель — учителя) и т. д. Тункинскому говору также неизвестна форма множественного числа второго лица личного местоимения *таанар*, употребляемая во всех восточных говорах. Вместо *таанар* употребляют *таа*, следовательно, здесь обращение к одному или многим лицам не дифференцировано, как и в других западных говорах.

Из суффиксов множественного числа, относящихся к человеку, наряду с *-д* можно встретить еще суффиксы *-шуул* и *-шууд*, которые образуют множественное число от основ, оканчивающихся па краткие и долгие гласные, например: *бага* — *багад* — *багашууд* — *багашуул* (маленький — маленькие), *залуу* — *залууд* — *залуушуул* — *залуушууд* (молодой — молодые).

Основы имен во множественном числе при склонении принимают те же падежные окончания, что и в единственном числе, например: *морид* — *моридоэ*, *моридто*, *мориди*, *моридоор* или *моридуудаар*, *моридоо* или *моридууднаа* (лошади — лошадей, лошадям и т. д.).

Имена прилагательные

Именами прилагательными называется, как известно, такая часть речи, которая обозначает качество или признак предмета и отвечает на вопрос, как отмечено выше, *ямар?* (какой?)

Прилагательные тункинского говора делятся на три основных группы: 1) качественные, 2) относительные и 3) притяжательные.

К качественным прилагательным относятся такие имена, которые показывают качество предмета, «непосредственно данное в природе предмета»¹. Например: *хазн морин* (хороший конь), *сагаан саархан* (белая бумага), *хара бэхэ* (черные чериила).

Относительные прилагательные образуются от названий «предметно-вещественных»² понятий в форме именительного падежа, например, *тэмөр харгы* (железная дорога, досл. железо-дорога), *халюун заха* (бобровый воротник, досл. бобёр-воротник).

К третьей категории названных имен относятся такие прилагательные, которые «с одной стороны выражают принадлежность, а с другой — выступают в качестве прилагательных же»³, например: *анги архан* (звериная шкура или шкура зверя), *талын ногоон* (степная трава или трава степи), *шоньин мур* (волчий след или след волка).

И, наконец, имеются новые прилагательные, возникшие в результате заимствования из других языков. Причем, все эти новые прилагательные проникают в бурятский язык с сохранением своего лексико-морфологического строения, то есть со своими суффиксами. Подвергаются они изменению и закону гармонии гласных только во флексиях окончаний.

В рассматриваемом говоре прилагательные по своему образованию делятся на первообразные и производные. Последние образуются из других частей речи. Приведем некоторые, наиболее употребительные из них.

1. Ст существительных: а) с суффиксом *-рхуу*: *Залуу хүүн эдирхүү*, *гэлгө нохоэ шудархүү* (человек в молодости — лихач, а собака

¹ Д. А. Алексеев. Части речи в бурят-монгольском языке. «Зап. ГИ-ЯЛИ», V, VI, Улан-Удэ, 1941, стр. 177.

² Там же, стр. 184—185.

³ Там же, стр. 176.

шенком зубаста). *Залхуу хүүн заргархуу, захын модон гэшиүүрхүү* (ленивый человек — сутяга, крайнее дерево — то есть растущее на краю леса — суковато); б) с суффиксом *-таэ*: *Галхитаэ тэнгэри бороогүй, суутаэ хурим архигүй* (Ветреное небо — без дождя, прославляемая свадьба — без вина).

2. От числительных: суффиксы *-таэ* и *-тхи*: *Арбатаэ хубууниин агнадаг ем* (Десятилетний мальчик его ходит на охоту). *Гурбатьхин гоородто нурадаг* (Третий учится в городе).

3. От глаголов: а) с суффиксом *-уу*: *Ногтууда Эрхүү өбдөгсөө боз биш даа* (Ведь пьяному Иркут по колено). *Аха дүү хоёр ээмэ сасуу* (Два брата ростом одинаковы). Отгадка: боковые колоды дверей или окна; б) с суффиксом *-хаэ*: *Гандархаэ дэгэлээ хая, шэнээг өмөд* (брось свою рваную шубу, надень новую); в) с суффиксом *-мар*: *шадмар дархан* (искусный кузнец, мастер), *оолгомор үхибүүн* (понятливый ребенок); г) с суффиксом *-мал*: *Хана хашиамал хүрээдэтнээ адуугаа тулган дүүргээбди, хабшамал модон хээрсагатнээ алтаа тулган дүүргээбди* (Из плотных досок выстроенный ваш двор табуном нашим заполнили (мы). из крепкого дерева сделанный [ваш] ящик наполнили (мы) золотом. — Из свадебной песни).

4. От наречия: суффикс *-хи*: *Маргаашаа нөөдрээхи дээрэ* (от завтрашнего сегодняшнее лучше).

О степенях сравнения. Грамматической категории степеней сравнения в тункинском говоре нет. Сравнение выражается при помощи сочетания имен, с одной стороны, с суффиксом *-шаг* или *-бтар*, а с другой стороны — в форме исходного падежа. Примеры: *Мөнөө жилээ ургаса нёднөн жилхиээ үлүүшэг баэха* (Нынешнего года урожай от прошлогоднего побольше будет); *Тэрэ холхоозын газари хөрөһөн манээ холхоозын газари хөрөһөнһөө харабтар ымэ* (Почва земли того колхоза чернее почвы земли нашего колхоза).

Превосходность выражается описательно, посредством слов-усилителей, например: *Эгээ һаэн морёо унаад ябанам* (Иа самой лучшей лошади еду верхом); *Бэрэ муу буугаар юу хэхээ абашаниб!* (Совсем плохое ружье зачем берешь!); *Эгээ ехээн шэлэ!* (Самого большого выбери!).

Имя прилагательное — неизменяемая часть речи, ибо оно не склоняется и не согласуется с определяемым словом в лице и числе. Но они могут легко субстантивироваться и приобретать при этом грамматические признаки существительных. Субстантивированные прилагательные склоняются по всем падежам:

Им. *һаэн* (хороший)

Род. *һаэни* (хорошего)

Дат. *һаэнда* (хорошему)

Вин. *һаэни* (хорошего, хороший)

Оруд. *һаэнаар* (хорошим)

Совм. *һаэнтаэ* (с хорошим)

Исх. *һаэһаа* (от хорошего).

Прилагательные в тункинском говоре не согласуются с определяемым словом в числе. Нами зафиксирован лишь один случай такого согласования: *тарганууд хонид* (жирные овцы), тогда как в говоре хоринских и агинских бурят оформление прилагательных во множественном числе встречается довольно часто: *һаэнууд үдэрнүүд* (погожие дни), *шэнэнүүд гэрнүүд* (новые юрты).

В предложении прилагательные выполняют функцию определения и сказуемого. Примеры: *ехэрхүү зантаэ хүүн* (с высокомерным характером человек или высокомерный человек). *Тугаархи нөхөр-*

тнаэ хаанахиб? (Давешний товарищ ваш откуда?); Орхи энэ хагархаэ дэгэлээ (Оставь эту рваную шубу). Талан сагаан, хонидан хара—бэшигэ (белая степь, черные овцы—письмо). Хотониин уитхан, хусан мөргөдөг—ороод нюдэхэ (Хлев его тесен, баран его бодливый—в ступе тольч зерно).

Имена прилагательные широко употребляются в речи тункинцев, о чем свидетельствуют приводимые ниже фразеологические образцы из наших материалов:

Хотон соо жалжагаэ гутал—хусаэн эбэр (в хлеве стоптанные унты [бараний рог]). Шара торгон самсатаэ, шандаган сагаан гуятаэ—хамархани эдээн (В желтой шелковой рубашке, с белым, как заяц, бедром [зерно кедрового ореха]). Хүитэн халуун хоэри хоорондо хөхө саархан—шагаабари гэрэл (Между холодом и теплом—синяя бумага [оконное стекло]). Адуунаэ мяхан амтабээ болобо, ангаэ мяхан хануулба (Конское мясо стало безвкусным, звериное мясо хочется покусать). Ороэгуи модондо үбсүүгуи шубуун нуугаад, гаргуи хүүн буудаа, амагуи эдээ—тугэсэг дээрэ нууһан саһан халхани буухада унаа (На дереве без верхушки села птичка без груди, ее стерлял безрукий человек, съел безротый [снег на пне, сдуваемый ветром]). Хуһан хүрээ соо хула морин—шүдэн, хэлин (в березовой изгороди савресый конь [зубы, язык]). Ийбиин оёһон эльгэн сонды энэ үзэбэб—шэхэн (Сшитый матерью замшевый кошелек не вижу [уха]).

—Тосхон, тосхон хаанаһаа ерээбиш? —Тоһотын голһоо ерээб. —Тоһон юундэ нялдаабээб? —Маназ занхаэ иимэ. —Лама ерээб, лама ерээб, үүдээ незгыш! (хониин хоргооһон). (—Тосхон, тосхон¹, откуда прибыл? —Из масляной долины прибыл. —Почему же не прилипло к тебе масло? —Такова природа наша. —Лама идет, лама идет, открывай двери! Отгадка: овечий помет.)

В рассматриваемом говоре широко употребляются также новые прилагательные, вошедшие в язык в связи с социалистической перестройкой быта: һаэн эхэнэр болбол нууһан гэрин сэбэр, хүлтүүгүнэ, бариһан эдээниин амтатаэ баэдаг (У хорошей (аккуратной) женщины юрта, в которой она живет, чистая, обстановка культурная, приготовленная ею пища всегда вкусная); Маназ орондо социалистическэ баэдал хүгжэжэ баэна (В нашей стране социалистическая жизнь процветает).

Местоимения

В тункинском говоре местоимения не имеют каких-либо существенных расхождений с литературным языком. Личные местоимения, как и в других говорах, в косвенных падежах меняют свои основы. В говоре лишь не встречаются имеющиеся в хоринском и других восточных говорах местоимения 1-го лица множественного числа бидэнэр, бидэнэд, маанар и маанад (мы). Некоторые падежные формы имеют иную чем в литературном языке огласовку, что является общей чертой для всех склоняемых имен. Например: вин. п. имеет формы: мани — лит. манишэ (нас); тани — лит. танише (вас), тэрээни — лит. тэрээнише (его), тэдээни — лит. тэдээнише (их). Местоимение 1-го лица множественного числа имеет палатализованное д: биди вм. лит. бидэ (мы).

Из вопросительных местоимений употребляются: хэн (кто), юун (что), хэнээ (чей), хэд (кто), юуд (что), али (который), ямар (какой), хэдэтхи или хэдытхи (который — по порядку), юунэй (чего).

Частицами личного притяжания 1-го лица единственного числа

¹ Тосхон — ласкательное слово (непереводимо).

являются *-м*, *-мни* (после гласных) и *-ни* (после согласных): *аха* (брат) — *ахам* — *ахамни* (мой брат), *гар* (рука) — *гарни* (моя рука). Для 1-го лица множественного числа *-мнаэ* (после гласных) и *-наэ* (после согласных): *ахамнаэ* (наш старший брат), *гарнаэ* (наша рука).

Для 2-го лица единственного числа *-ш*, *-шини* (после гласных и согласных тоже): *ахаш* — *ахашини* (твой старший брат), *гарш* — *гаршини* (твоя рука). Для 2-го лица множественного числа *-тнаэ*: *ахатнаэ* (ваш старший брат), *гартнаэ* (ваша рука).

Для 3-го лица единственного и множественного числа частицей личного притяжания является *-н* или *-нь*, например: *ахан* — *ахань* (его брат, их брат), *гэрн* — *гэрнь* (его юрта, их юрта).

Особенностью тункинского говора является то, что частицы возвратного (безличного) притяжания в родительном падеже единственного и множественного числа, как и в винительном падеже, непосредственно присоединяются к основе слова. Но в отличие от винительного падежа, неустойчивый *н* основы сохраняется. Примеры:

Род. п. *ахая* (своего брата), *бууя* — *буугаа* (своего ружья), *морноо* (своего коня), *ангаа* (своего зверя), *нохозёо* (своей собаки).

Вин. п. *ахая* (своего брата), *бууя* — *буугаа* (своего ружья), *морёо* (своего коня), *ангаа* (своего зверя), *ноходоо* (свою собаку).

В совместном и иногда в орудном падежах дифтонгоиды *аэ*, *оэ* и долгий *ээ* перед частицей притяжания переходят в соответствующие краткие. Причем, в качестве соединительного согласного выступает среднеязычный *й* вместо литературного *г*. Примеры: оруд. п. *нохойоо-роо* — *нохозгоороо*; совм. п. *нохозтоёо* (со своей собакой), *моритоёо* (со своим конем).

Числительные

Количественные числительные тункинского говора, в отличие от литературного языка, при счете произносятся с конечным неустойчивым *н*: *нэгэн*, *хоёр*, *гурбан*, *д рбэн*, *табан*, *жоргоон*, *долоон*, *наэман* и т. п. Вместе с тем, те же числительные, употребляясь в функции обстоятельства, теряют конечный *н*: *дөрбө тоэроод ерээ* (Четыре раза обошел). *Гурба дахин дуудааб* (Три раза прочитал). В функции определения количественные числительные, так же как и в литературном языке, всегда употребляются с конечным *н*: *арбан хүүн* (десять человек), *долоон алха* (семь шагов), *хорин гаа* (двадцать га).

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-тха* (*-тхи*). Примеры: *нэгэтхи* (первый), *гурбатхи* (третий), *хоёртхи* (второй), *дөрбэтхи* (четвертый). Собирательные числительные образуются при помощи суффикса *-уулан* (*-үүлэн*). Примеры: *хоюулан* (вдвоем), *дөрбүүлэн* (вчетвером), *гурбуулан* (втроем), *табуулан* (впятером).

Распределительные числительные образуются посредством суффикса *-аад* (*-ээд*, *-оод*). Примеры: *нэгжээд* (по одному), *хошоод* (по два), *гурбаад* (по три). Суффикс *-аад* иногда при переводе может означать не «по», а *на*, например: *арбаад хүнээ эдээ бэлдэ* (на десять человек приготовить еду).

При помощи суффикса *-та* (*-тэ*, *-то*) образуются множительные числительные, например: *нэгэтэ* (однажды, один раз), *хоёрто* (дважды, два раза), *гурбата* (трижды, три раза) и т. д.

Количественное числительное *нэгэн* (один) иногда употребляется в значении местоимения *некто*, *некий* или со значением *примерно*, *приблизительно*, например: *нэгэ хэды болоод таряаяа хадахабчи* (через некоторое время хлеб будем жать); *Би нэгэ Загтын Үлэксээ гэжэ хүүнтээ ябааб* (Я с неким Алексеем Зактуйским ходил); *Урда нэгэ*

арбаад малтаэ һууһимаб (Раньше примерно десять голов скота имел).

К числительному примыкают следующие прилагательные (по своему значению): *хагад* | *хахад*; *өрөөлө* || *өрөөһөн* (половина), *шээт-бэртэ* (четверть, четвертая часть), *пошмууха* (восьмуха, восьмая часть).

Количественные числительные в тункинском говоре нередко употребляются в роли соединительного союза *и*, например: *Дамба Доржо хоёр агнахаяа гараа* (Дамба и Доржи пошли на охоту), *Дулма Гарма Дондок гурбан өбһө сабсаа* (Дулма, Гарма и Дондок траву косили)¹.

Наконец, количественные числительные могут принимать уменьшительный суффикс *-хан* (*-хэн*, *-хон*), который придает ограничительное значение (только, только лишь), например: *нэгэхэн* (только один), *хоёрхон* (только два), *гурбахан* (только лишь три). Когда хотят подчеркнуть ничтожность единицы, говорят также *ганса* или *гансахан*, или *ори ганса* (только одип-одинешенек)².

Отдельно взятые числительные склоняются по образцу имен существительных, например:

- Им. табан (пять),
- Род. табани (пяти),
- Дат.-мест. табанда (пяти),
- Вин. таба, табы (пять),
- Оруд. табаар, табанаар (пятью),
- Совм. табата, табантаэ (с пятью),
- Исх. табанһаа (от или из пяти).

Глагол

Система глагольных форм в рассматриваемом говоре, как и в других говорах бурятского языка, довольно сложна. Наряду с большим количеством разнообразных синтетических или простых форм имеется не меньшее количество аналитических форм, причем очень часто можно наблюдать переход аналитических конструкций в синтетические.

Многие глагольные основы образуются от имен:

1. С суффиксом *-ла* (*-лэ*, *-ло*, *-лө*): *таряала* (посеять) от *таряан* (зерно); *холишорло* (шутить) от *холишор* (шутка); *хүрээлэ* (загородить) от *хүрээ* (изгородь).

2. С суффиксом *-да* (*-дэ*, *-дө*): *бууда* (стрелять) от *буу* (ружье); *хюрөөдэ* || *сюрөөдэ* (пилить) от *хюрөө* || *сюрөө* (пила).

3. С суффиксом *-та* (*-тэ*, *-то*, *-тө*): *гарзата* (растрачиваться, терпеть убыток) от *гарза* (расход); *гэмтэ* (провиниться) от *гэм* (вина); *дөлөтө* (пламенеть) от *дөлөн* (пламя).

4. С суффиксом *-дха* (*-дхэ*, *-дхө*): *шангадха* (крепить) от *шанга* (крепкий); *ехэдхэ* (увеличить) от *ехэ* (большой).

5. С суффиксом *-шаа* (*-шээ*, *-шоо*, *-шөө*): *найшаа* (одобрять) от *һайн* (хороший); *зөбишөө* (признать правильным) от *зэб* (правильно).

6. С суффиксом *-рха* (*-рхэ*, *-рхө*): *атаарха* (соревноваться³) от *атаан* (зависть); *хүшэрхэ* (хвастать силой) от *хүшэн* (сила); *ёһорхо* (чваниться своим положением) от *ёһо* (положение).

¹ А. Д. Руднев отмечает, что в хори-бурятском говоре слово *хоёр* (два) может употребляться для соединения двойных слов, например, *эжин хүйхэр хоёртоо* (своему хозяину-молодцу), т. е. одному лицу! См.: А. Д. Руднев. Указ. соч., 91. В наших материалах подобных примеров не встречалось.

² В Баргузине говорят *ёдон ганса*, что дословно означает *одинокое торчащий*. Ср. А. Д. Руднев. Указ. соч., стр. 90.

³ С оттенком зависти.

Образование залоговых и видовых форм глагола от глагольных же основ не характеризуется какими-либо особенностями.

Повелительно-желательные формы. Пропозитивная форма первого лица образуется посредством суффикса *-һуу* (употребляется обычно с лично-предикативной частицей): *хараһууб* (посмотрю), *хараһуубди* (посмотрим).

Повелительно-пригласительная форма первого лица множественного числа образуется посредством суффикса *-ји, -жэ, -ја*, например: *һууји* или *һууја* (сядем), *ябаји* или *ябаја* (пойдем).

Повелительная форма второго лица единственного числа, не имея специальных показателей, совпадает в фонетическом отношении с основой глагола. Примеры: *хара-* (смотри), *хэ-* (делай), *тооло-* (считай).

Суффиксом повелительной формы второго лица множественного числа является *-ты*, например: *һууты* (садитесь), *абагы* (возьмите), *бодогты* (вставайте). Этот суффикс, в зависимости от контекста, в котором он фигурирует, может иметь грубое, приказательное значение, например: *Эндэһэ саашаа бологты* (Уходите прочь отсюда).

Для выражения различных оттенков обращения (вежливости, просьбы, настойчивости и т. п.) повелительная форма второго лица часто сопровождается частицами *-лаа* и *даа*: *һуулаа* (садись-ка), *тата-лаа* (покури-ка), *ябыт даа* (идите же) или (что же, идите).

Суффикс *-аараэ* выражает обращение ко второму лицу с пожеланием, просьбой совершить действие в будущем, например: *манайда ябаараэ* (приходите к нам, захаживай к нам). Эти же суффиксы могут употребляться и с предикативными частицами в обоих числах, например: *ябаараэши* (пойдешь), *ябаараэт* (пойдете).

Обращение к третьему лицу передается посредством суффикса *э* и выражает позволение или приказание, например: *баэг* (пусть останется), *һууг* (пусть сидит), *хараг* (пусть смотрит). Если к данной форме присоединить частицы *лэ* и *даа*, то она выражает уже не приказание, а пожелание или просьбу, например: *баэг лэ даа* (да пусть останется), *һууг лэ даа* (ну пусть сидит).

Причастия. Причастие настоящего времени делится на однократное и многократное. Суффиксы однократного причастия: *-ааша, -гша*¹. Примеры: *ябааша* (идуший), *уугааша* (пьющий), *мэдээшэ* (знающий), *харагша* (видящий), *хэлэгшэ* (говорящий), *тоологшо* (считающий). *Таабаттаэ ябагша хүүн тэрэ баэна* (вот тот самый человек, который шел с дедушкой); *Һазн буудааша ангуушые ологты* (найдите хорошо стреляющего охотника).

Настоящее многократное. Суффикс *-даг (-дэг, -дог)*. Примеры: *ябадаг* (идуший, имеющий обыкновение идти), *харадаг* (имеющий обыкновение видеть). *Доржо ошхоолдо һурадаг* (Доржи учится в школе). *Сэдэн холхозын мал харадагыма* (Сэдэн колхозный скот пасет); *Ши ороз унтадаг, эртэ бододог хүүнли* (Ты поздно ложишься спать, рано встаешь).

Причастие прошедшего времени. Суффикс *-һан (-һэн, -һон)*. Примеры: *эбэдэһэн хүүн* (болевший человек), *хараһан* (смотревший), *ябаһан газар* (место, где бывал). *Шархатһан гөрөөһө барижа абаа* (раненую козу поймал); *Баабазмни намда хараһан, дуу-*

¹ Суффиксы *-ааша, -гша* иногда могут употребляться для выражения значения многократного причастия. А. Д. Руднев без оговорки причисляет их к однократным (Указ. соч. §§ 165).

лаһанаа хэлээ (Отец мой рассказал мне о виденном и слышанном); *Нөхөрээ бэшэһэн бишиг энэ бээнэ* (Вот письмо, написанное товарищем)

Форма, имеющая значение причастия будущего времени. Суффикс *-ха* (*-хэ*, *-хо*). Например: *хараха* (посмотрит), *ябаха* (пойдет).

Деепричастные формы. Деепричастие соединительное. Суффиксы *-жа* (*-жэ*, *-жо*), *-ша* (*-шэ*, *-шо*): *хаража* (смотря), *хэлэжэ* (говоря), *ошожо* (идя).

Деепричастие разделительное. Суффикс *-аад*, (*-ээд*, *-өөд*). Примеры: *хараад* (посмотревши), *хэлээд* (сказавши), *ороод* (вошедши).

Деепричастие предельное. Суффикс *-сар* (*-сэр*, *-сор*). Примеры: *харасар* (пока не увидит), *хэлэсэр* (пока не скажет). Обычно форма эта принимает соответствующие личные или безличные притяжания.

Деепричастие предварительное. Суффикс *-мсар* (*-мсэр*, *-мсор*). Примеры: *харамсар* (как только увидел), *хэлэмсэр* (как только сказал), *ошомсор* (как только пошел). Форма эта тоже принимает соответствующие личные притяжательные частицы.

Деепричастие цели. Суффиксы *-хаяа* (*-хэээ*, *-хоёо*). Примеры: *харахаяа* (чтобы посмотреть), *хэлэхэээ* (чтобы сказать), *ошохоёо* (чтобы пойти, поехать).

Деепричастие продолжительное. Суффикс *-һаар* (*-һээр*, *-һоор*, *-һөөр*). Примеры: *хараһаар* (с тех пор как увидел), *хэлэһээр* (с тех пор как сказал), *ошоһоор* (с тех пор как пошел).

В тункинском говоре вспомогательные глаголы употребляются довольно часто и сочетание их с главным глаголом характеризуется иногда полным слиянием в одно слово. Так, например, в тункинском говоре чаще чем в других говорах наблюдается сращение формы соединительного деепричастия знаменательного глагола с вспомогательным глаголом *баэ-* (быть), например: *харъжаэна* (смотрит), *ябъжаэна* (ходит). Приведем другие случаи сращения слов:

1. *Ябжабсарн* в.м. *ябажа ябатарнь* (когда проходил...) Здесь мы имеем *ябажа* — соединительное деепричастие от глагола *ябаха* (ходить), *ябасар!* — совместное деепричастие от того же глагола и *н* — окончание личного притяжания третьего лица. Таким образом, в данном слове слились три грамматических формы.

2. *Хэтээ сахитъмба* (высек огонь огнивом в.м. *сахижа орхибо*): *сахижа* — соединительное деепричастие от *сахиха* (высекать огонь огнивом), *орхибо* — вспомогательный глагол. В данном случае произошло сращение формы соединительного деепричастия с основой вспомогательного глагола *орхи-* (бросать), что дало специальную видовую форму с показателем *-тъ*.

Наречие

В тункинском говоре встречаются наречия, которые по их роли можно разделить на следующие разряды:

1. Коренные наречия¹. Примеры: *иньшаа шэхэ ябааб* (В этом направлении я пошел прямо). *Архэ гэжэ шмаэ таняаб* (Едва тебя узнал). *Бэрхэ хэлээш* (Хорошо ты сказал).

2. Производные. Примеры: *Холхоознаэ газараа һазнаар*

¹ Классификацию даем по Д. А. Алексееву. См. его работу: «Наречие в бурят-монгольском языке», Улан-Удэ, 1941, стр. 66—67.

хагална (Наш колхоз землю (свою) хорошо пашет). *Маргааша эртээр бодоход* (Завтра рано встану).

3. Наречия-повторы. Примеры: *Шанга шангаар хашхарааб* (Громко-громко (несколько раз) кричал я). *Дэмы дэмы бэ хэлэ* (Невпопад, без толку не говори). *Мэнэ мэнэ хура орохоё баэна* (Вот-вот дождь пойдет).

4. Наречия редупликаты. Примеры: *Шиб шэхэ хара, хажуу тээшээ бэ хара* (Прямо-прямо смотри, в сторону не смотри). *Гэб гэнтэ харатьбыаб* (Вдруг я увидел). *Хоб хооһоор шиоо* (Совершенно пустым пошел). *Хэээшые мартаккээб* (Никогда не забуду).

5. Парные наречия. Примеры: *Иишээ тишээ хараашалжа баэгааб* (Туда-сюда посматривал я). *Бага сага хараад гээд хаяаб* (немного поругал и оставил я). *Аб-таб баэса хэгты* (Как следует делайте свою работу). *Энэ тэрэ юумэ хэлээд гараа* (То-се сказал и ушел).

6. Наречия внезапного действия. Примеры: *Нохсэмни бүрэс гээд үгээ болшобо* (Собака (моя), промелькнув, скрылась). *Залд гээд нэрэшээбэлби* (Внезапно вздрогнул и пробудился я).

7. Идиоматические наречия. Примеры: *Гол таһа архи уухая болёоб* (совершенно бросил пить вино). *Хуха нуга бэ хэлэ* (Не говори оскорбительные слова). *Ото таһа мартатьтеоб!* (Совершенно забыл!) *Ажа-түжэ боложо һууба* (Спокойно, счастливо зажили).

8. Наречия-усилители. Примеры: *Содбонтон тээ тэндэ аяар урда һуудаг* (Содбовские вот там, далеко на юге живут). *Аэмагнаа ерэнэн нөхөр гээг бэрхээр доклад хэлэнэ* (Прибывший из аймака товарищ лучше других делает доклад). *Мөнөө нажар эндэмнээ тон халуун баэгаа даа* (В это лето у нас здесь очень жарко было).

Из собранных материалов к категории наречия в тункинском говоре можно отнести слова, которые обозначают представления о качествах действия (*Колхоознаэ газараа һазнаар хагална* — Наш колхоз хорошо пашет свою землю) и отношения, мыслимые не атрибутивно, а обстоятельством (*Иньшаа шэхэ ябба* — В этом направлении прямо пошел или поехал).

Такие слова как *эндэ* (здесь), *тэндэ* (там), *энээгүүр* (по эту сторону) и т. д. исторически представляют собою местоимения в дательном-местном падеже, но они «застыли» в этой падежной форме и превратились в наречия. Эти и подобные им наречия соотносительны с другими частями речи: а) с существительными: *өдөр* (день) и *ёдөрөөр хёдөлхө* (работать поденно); б) с прилагательными: *түргэн* (быстрый) и *түргэн гүихэ* (быстро бегать); в) с числительными: *нэгэн* (один) и *нэгэтэ* (однажды); г) с глагольными формами: *тоэрохо* (кружить) и *тоэрон* (около, вокруг). Функциональные значения наречий в бурятском языке, выявленные Д. А. Алексеевым в названной выше работе, за исключением некоторых положений, применимы и к наречиям тункинского говора.

Частицы

В тункинском говоре бытуют все те частицы, которые имеются в литературном бурятском языке и в родственных говорах. Особенность употребления их здесь заключается в следующем.

1. В качестве вопросительных частиц наряду с *гүү*, употребляется частица *ий*, например: *Бата гэртээ гүү (гэртээ ий)?* (Бато дома ли?)

2. Частица *хаяа*, кроме значения вопроса, часто употребляется в значении подтверждения. Она встречается, главным образом, в речи старшего поколения. Например: *Буугынь абаад, бургааһа луу¹ јабба*

¹ Не *бургааһа руу*, а *бургааһа луу*.

хаяа (Взяв его ружье, пошел в кусты). *Барилсаад абба хаяа* (Схватившись вступают в борьбу).

3. Из частиц отрицания употребляют параллельно: *үгээ* || *үбээ* (нет), *үли* || *эһэ* (не), *бэ* || *бү* (не). Примеры: *Гал үгээ (үбээ)* (огня нет). *Бэ (бү) хара* (не смотри). *Үли (эһэ) мэдэбэ* (не знал).

4. Специфическими частицами подтверждения, присущими, главным образом, данному говору, являются частицы *биши*, *боо би* *даа*. Примеры: *газаа дулаарба биши* (На улице потеплело же). *Ибишиниинь үхэшэһэн боо би даа* (Мать его умерла же ведь).

5. Кроме утвердительных частиц *һэн*, *юм*, *даа* и т. п., в тункинском говоре бытуют еще: *гээ* и *газ*, которые употребляются после имен и глаголов. Примеры: *Адхатээ змхэр алхид гардэг жэрээ бэрлог гээ* (По каменистой дорге шагающий серый инхөдөц [есть]); *Шии гэртээ баз, бишини газ гоород ошоод ерэнүүб* (Ты дома оставайся, а я-то [твой] в город съезжу).

Послелог

Как известно, в бурятском языке послелог выполняет роль, схожую с ролью предлогов в русском языке. Послелог отличается от наречий своей несамостоятельностью: они выступают лишь как средство выражения различных грамматических отношений между членами предложения.

К послелогам в говоре тункинских бурят можно отнести такие слова, как *соо* (в, среди), *зангаар*, *бэтэ*, *шинги* (подобно, словно, как), *тухаз* (ради, для; о). Приведем примеры употребления названных послелогов:

1. *Зуун сагаан хонин соо зуудаг хара бабанаэ* (В стаде сотни белых овец—один кусающийся черный козел). Отгадка: *хадуур* (серп). *Ехэ гэр соо бага гэр, бага гэр соо балшар басаган (гутал, оймһон, хүл)* (В большой юрте маленькая юрта, а в маленькой юрте — маленькая девочка. — Унты, чулок, нога).

2. *Орхоодээн өндөһөн хүүн зангаар гартээ, хөлтээ баздаг ем, малтаад гаргахада хүүн зангаар дуугархыма* (Корни орходоя (женьшенья), подобно человеку, имеет руки и ноги, когда выкопашешь, подобно человеку, издают звуки).

3. *Баруугаараа һур бэтэ хара хөбүү зэргэлүүлээрээ, зүүгээрээ һухаз бэтэ улаан бэрээнүүди зэргэлүүлээрээ* (По правой части (юрты), как ремень, черных (крепких) сыновей в ряд посади (имей), а по левой — (как красный таволожник) невесток посади (имей). — Благопожелание).

4. *Буга шинги ута наһатаэ, буха шинги бүдүүн хүзүүтээ болоороз* (Будь как изюбр долголетним, как пороз — с толстой шеей (крепким). Благопожелание).

5. *Колхоозоо баян болгохын тухаз хэлсээбди* (Мы говорили об укреплении нашего колхоза).

6. *Олоноэ тула оролдохо хэрэгтээ* (За массы надо бороться).

Послелога *дотор* (внутри, в), часто встречающегося в говорах восточного наречия и в монгольском языке, здесь мы не встретили. Послелог же *дээрэ* (на, над) встречается довольно часто. Примеры: *Хөбишин ороз дээрэ хоноод ерэбэ аалши?* (На вершине хребта провел ты ночь и пришел?)

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Принято считать, что в бурятском и в других монгольских языках слова в предложении располагаются в строгой последовательности:

грамматически подчиненные слова ставятся перед подчиняющими, сказуемое — после всех остальных членов предложения, а подлежащее — всегда перед сказуемым. Но в тункинском говоре иногда наблюдается необычное построение предложения, например:

1. *Эсэгэ хөбүүн хоёр хөбшөдө гараа, нохойго дахуулад* (Отец с сыном пошли в тайгу, ведя за собой собаку свою). Здесь предложение заканчивается разделительным деепричастием *дахуулад* (ведя). В литературном бурятском языке это предложение выглядело бы так: *Эсэгэ хубүүн хоёр нохойгоо дахуулад, хубиздэ гараа* (Отец с сыном, ведя за собой собаку [свою], в тайгу пошли). Предложение заканчивается глаголом прошедшего времени *гараа* (пошли).

2. *Ши манаэда ерээрэйш ашшалжа* (Ты к нам приходи в гости, букв. «гостя»). Предложение заканчивается соединительным деепричастием. В литературном было бы: *Ши манаэда айлшалжа ерээрэйш* (Ты к нам в гости приходи), т. е. предложение заканчивается глаголом-сказуемым *ерээрэйш* (приходи).

3. *Гоородто ошохом, дулаан болболнь* (В город поеду, если потеплеет). Предложение заканчивается условным деепричастием *болболнь* (если будет тепло). В литературном языке было бы: *Дулаан болболнь, город ошохом* (Тепло будет — в город поеду). Предложение заканчивается глаголом будущего времени *ошохом* (пойду или поеду).

4. *Ухибүүд өдөр бэрэ наадана манаэ баран тээ* (Дети каждый день играют на западной стороне от нас). Предложение заканчивается обстоятельством места *баран тээ* (на западной стороне). В литературном было бы: *Ухибүүд үдэр бүри манай баруун тээ наадана* (Дети каждый день на западной стороне от нас играют). Предложение заканчивается глаголом настоящего времени *наадана* (играют).

5. *Манаэ холхоозын адуун бэээ урда талаар бэлшэжэ ябаһан* (Нашего колхоза табун, кажется, на южной степи пасущийся). Здесь предложение заканчивается определительным причастием *бэлшэжэ ябаһан* (пасущийся). В литературном было бы: *урда талаар бэлшэжэ ябаһан манай колхозой адуун бэээ* (По южной степи пасущийся нашего колхоза табун, кажется). Предложение оканчивается на частицу предположения *бэээ* (кажется).

У представителей старшего поколения наблюдается тенденция включать в предложение обособления, вводные слова и предложения, например: *Хөбүүниин, бага хөбүүниин, пээиэ дээрээ унтадаг баэгаа* (Сын его, младший сын, на печке обычно спал). *Бургааһаар, улаан бургааһаар, хүрэн өртөөнө хэдэг* (Прутом, красным прутом, колья изгороди связывают). *Ураз, би залуу баэгааб тиихэдэ, ехэ ган болоо манаэ эндэ* (Раньше, я молодым был тогда, большая засуха была у нас здесь).

Наблюдаются такие связи слов в предложении: *Шоно нохой һазн гүү?* (Волк-собака благополучно ли?) Смысл фразы таков: Не нападают ли волки на домашний скот? *Таа хоёр юу хэрэг зориг ерээбтэ?* (Вы двое что дело, намерение прибыли?) Смысл таков: Вы оба по какому делу прибыли? Здесь первые пять слов в номинативе и последнее *зориг* в качестве объекта в предложении не имеет грамматического согласования с завершающим *ерээбтэ* (пришли).

Надо сказать, что приведенные способы построения предложений во взятом нами говоре не являются самодовлеющими. Тем не менее подобный характер оформления предложений, сравнительно с другими родственными говорами, занимает в тункинском значительный удельный вес. Поэтому мы сочли нужным, хотя бы вкратце, сказать об этом здесь.

При сопоставлении словарного состава тункинского говора с другими бурятскими говорами довольно наглядно обнаруживается промежуточное положение этого говора. Это сказывается в параллельном употреблении тех или иных терминов, т. е. для называния одного и того же предмета или явления употребляются слова как западного, так и восточного диалектов.

В качестве иллюстрации приводим следующие примеры:

Зап. диал.	Тунк. гов.	Вост. диал.	Перевод
гуилга	гуилга, бэлэг	бэлэг	подарок
минаа	минаа, ташуур	ташуур	кнут
дааһан	дааһан, гааһан	гааһан	курительная трубка
һуулга	һуулга, хүнэг	хүнэг	ведро
хура	хура, бороо	бороо	дождь
нажар	нажар, зун	зун	лето
жэл, ел	жэл, он	он, жэл	год

Среди слов, употребляемых параллельно, встречаются и фонетические варианты:

Зап. диал.	Тунк. гов.	Вост. диал.	Перевод
шэхэ	шэхэ, сэхэ	сэхэ	прямо
хүшэн	хүшэн, хүсэн	хүсэн	сила, мощь
эбшэн	эбшэн, өбшөн	үбшэн	болезнь
гүдэһэн	гүдэһэн, гэдэһэн	гэдэһэн	кишечник
үбээ	үбээ, үгээ	үгы	нет

Но тункинский говор по своему словарному составу имеет некоторые расхождения с восточным и западным диалектами бурятского языка. Диалектные слова, характерные для рассматриваемого говора, иногда вовсе неизвестны указанным диалектам или имеют отличия в звуковом и грамматическом оформлении.

А. Расхождения в названиях предметов с западными и восточными говорами:

Тунк. гов.	Зап. диал.	Вост. диал.	Перевод
альган хүрээ	хэлээмээн хүрээ	талха худхаха хүрээ	маленькая лопатка для теста
худхуур	худхуурга	юумэ худхадаг модон	мешалка
табхасаг	төөрсөг	байлгансаг	деревянная крынка для молока
һэрбээ	аша	бүлүүр	мутовка
һубяаг	—	—	берестяное корытце
соол	тура, в ал. соол	гэр, байшан	дом
нооһон	нооһон	нооһон	В тунк., ал. <i>нооһон</i> — волос, в других говорах <i>нооһон</i> — шерсть, а волос — <i>үһэн</i>
һоно	ногоһон	нугаһан	утка
дабсан хэрэн-сээ	гэшхүүр хэрэнсээ	шата	ступеньки крыльца
теэбни	төөдээ	хүгшэн эжы	бабушка
таабээ	еха баабээ	хүгшэн аба	дедушка
булхаан	татаар, ал. малхаан	—	бурятская плита с котлом

сүү	hүн, өhөн	hүн	молоко
гутаар сүү	—	—	молоко третьего подоя
адха	—	хайр	щебень
ортоомо	—	—	помесь коровы с яком
уһан гүзээн	—	—	приплод от ортомы и хай- нака
хөхө нюдэн	—	—	приплод от уһан гүзээн

Б. Слова, которые в других говорах употребляются редко или имеют иное значение: *бодорхой хүүн* (действительно, хороший человек). В других говорах этого слова нет. *Зангаар* (подобно, похоже): *Дээрлээ бууһан зангаар, хурса хотьгоор зороһон зангаар (өндөгөн)* (Сверху спустившемуся, дождевой водой умытому подобно и острым ножом отструганному подобно (яйцо). *Баримта* (неволя, заключение): *Иижэ баримтада һууһан хозноо эндээ наһаа дүүрээ болохоб* (Раз попал в такую неволю (заключение), жизнь моя здесь и кончится). В восточном диалекте *баримта* означает основание, доказательство.

В. Некоторые глаголы и другие слова, отсутствующие или осмысляемые иначе чем в других говорах: *сазраха* (сделаться культурным, просветиться): *Одоо мөнөө болоходоо, хүүн бүгэдэ сазража, эрдэмтээ боложо баэна* (И вот теперь все люди становятся культурными и образованными).

Мунишаха, мунтиха (мучиться, терпеть лишения): *Хиана хоргодохошиб, — гэбэ һамганиин. Баһаа хурабиша соогоо хоргодохоб, — гэбэ. Бу мунти, ондоогоор хоргодохош, — гэбэ һамганиин* (Где будешь прятаться? — спросила жена. Опять в наперстке буду прятаться, — сказал (он). — Не мучайся, другим способом будешь прятаться, — сказала жена).

Алдарха (ослабеть, терять силу): *Хөгшөн болжо, газаа гарахаяа алдаршоод һуунаб* (Постарел, я не в силах и на улицу выходить).

Сээнхэ (определить, соизмерять): *Шуумагаэ ябаһан хүүн нара үдэдэ, удаан яабал — үдэшин боро хараанда гэжэ сээнэбэ* (Если быстро пойти, то в полдень; если тихо, то в сумерки, — так определил он). *Болдогоор сээнэжэ, миша табыба, нуураар сээнэжэ архи табыба* (Соизмеряя с бугром (горкой), мясо приготовили, соизмеряя с озером, вино приготовили).

Хөөхэ (гнать, прогнать, выгнать): *Нанишаад, сохёод хөөтьтебэ* (Побил, поколотил и выгнал).

Базсалдахи (сражаться, воевать): *Гурбан һөни, гурбан өдөр базсалдаба* (Три ночи и три дня сражались).

Хашхарха (кричать, звать): *Морёо аба гэжэ хашхарба* (Возьми коня! — кричал (он)).

Зун зудхэ (непреренно, во что бы то ни стало): *Хоёр хубуун зун зудхэбэ, һамга бэдэрхэмнаэ гэжэ баэна даа* (Два молодца решили во что бы то ни стало искать себе жен).

Бадаха (накричать; приказать, повелевать): *Тэрэ хоргоэ торгон самсаа өмөд гэжэ бадаага тэрэ басаган* (Надень ту парчовую рубашку, — так приказала та девушка). В западном диалекте «накричать» — *бадарха*, а в восточном — *бадашаха*. В литературном языке *бадарха* — развиваться, возрастать, процветать.

Оэхо — упасть; отскочить: *Һомон хана сохёод, гүдэргээ отчи оэходоо, нэгэ хүү онотьбо* (Когда пуля ударила об стену и отскочила назад, попала в одного человека).

Можно перечислить еще следующие слова: *гуршаха* (особым образом шивать куски кожи); *өбтэгэлээхэ* (особым образом прошивать подошвы унтов); *лабхандаха* (играть в бабки или камешки); *саргаха*

(покрываться паршой); *хургысха* (падать — о картофельной ботве); *тээрэхэ* (брезговать, гнушаться чем-либо); *ноёхо* (вяло двигаться, еле-еле шевелиться); *ээрэхэ* (задержаться — о молоке коровы); *хүрүүтхэ* (простудиться); *юндихэ* (язвить каким-нибудь тонким намеком); *хэхээхэ* (важничать, петушиться); *мангашалха* (работать быстро, с огоньком); *түнхэхэ* (выздоровать — о женщине после родов); *мээрэглэхэ* (недово-варивать, бормотать невятно); *мэдхэлдэхэ* (перечить): *Һаэнаар бэ мэдхэлдэ, муунаар бэ болзолдо* (хорошему [человеку] не перечь, с плохим — не уславливайся).

Хобоһон гахаэ (трехгодовалая свинья); *хуурмаг* (мешалка для размешивания зерна или муки во время поджаривания их в котле); *шагаэ* (игральные карты); *ээрмэг* (накипь — у кислого молока); *яньшаа*, *ябтаншаа* (дом с четырехскатной крышей); *хуудээ* (мешочек); *зоодоз* (карась); *зоргол* (годовалый изюбр); *бөөрдэг* (в Торах) или *асамаг* (в Мондах) жеребец (с одним шулятным яйцом); *гүльмэ* (черпак); *булсуу* (поплавок); *нюлгар* (небольшая без чешуи рыба); *төөбшэ хорхоэ* (капустный червь); *бэлгэ* (символ); *гүүндэ* (соболь-самец); *бохинсог* (крюк для выдергивания сена из стога); *аданга* (небольшой кожаный мешочек, в котором хранятся ружейные принадлежности); *балхаан*, *яндан* (железная печка); *дүгэнэһэн* (крыша юрты [дерн на крыше]); *туилабша* (меховые галоши, надеваемые сверх уитов); *бодьгоор* (мы с тобой); *уриинхаэ* (гнездо мышей и барсука); *номио* (логово дикой свиньи); *дэгэлээ* (старинная женская одежда, похожая на халат); *ходороо* (сватанье невесты); *самалгаа* (деньги или скот, получаемые за выданную замуж дочь); *алаэр* (большой ящик); *һаэр* (галька, мелкий камень в русле реки); *биһалуу*, *биглоо* (лапта).

Гурбан маарал (три больших звезды — в зимнее время следуют за другими звездами); *оньһон* (ключ от замка); *Маарал һогоон* (название звезды); *ембэ тогоон* (большой котел); *сомгогоэ* (шампиньон); *тороэ* (поросенок дикой свиньи); *төөргэ* (дерево, втыкаемое возле двери юрты перед свадьбой [женитьба сына]).

Табуистические названия некоторых зверей: медведь — а) *хилгааһан гуталта* (имеющий волосяную обувь); б) *баабаз* (отец, батюшка); в) *таабаз* (дедушка); г) *охор һуултэ* (короткохвостый). Обычное название медведя — *хара гөрөөһөн* или *баабагаз*; волк — а) *хээрэн нохоэ* (степная собака); б) *нооһон толгоэто* (волосатоголовый); в) *боохолдээ* (привидение). Обычное его название — *шоно*; соболь — а) *бамбагар* (пушистый); б) *хангаэн хэиэг* (милость хангая). Обычное название соболя *булган*; выдра — *уһан тулам* (водяной тулун [кожаный мешок]). Обычное ее название — *халюун*.

О лексиконе старшего и молодого поколения

Словарный запас старшего поколения насыщен архаизмами и сравнительно беден заимствованиями из русского языка. Так, например, неграмотный охотник Бато Цыренов (улус Монды), 72 лет, в рассказе из своей охотничьей жизни в 370 слов употребляет всего лишь одно русское слово *архираа* (архирей). Причем его речь изобиловала частицей *хая*, употребленной для выражения предикативности, утверждения, а не предположения, например: *буугаа баряад ябба хаяа* (взяв ружье, пошел).

В рассказе из 500 слов старика Н. Жертакова (улус Тора), 70 лет, зафиксированы следующие архаизмы: *заяа* (судьба, предопределение), *өргөөг* (дворец), *элчи* (посланец), *тор хара урьха* (ловушка, сеть), *хослог сабья* (пара сапог), *самсаэн хотьгоээн үзүүр* (кончик острого

ножа), *гани гарди* (одинокий; ловкий, коварный), *маэхан түрбэ гутал* (сапоги-скороходы), *нюдэн түүдэбиэ малгаэ* (шапка-невидимка).

Сильное влияние на лексический запас молодого поколения оказывает новый бурятский литературный язык. Словарный запас молодежи обогащается главным образом общественно-политическими терминами, например: *засаг* (правительство), *удардагша* (руководитель), *болбосорол* (образование, просвещение), *мөришөөн* (соревнование), *шүүмжэлэл* (критика), *наэрамдал* (согласие, дружба), *баэгуулта* (строительство). Число таких терминов можно увеличить во много раз.

З а и м с т в о в а н и я. В лексике говора значительное место занимают заимствованные слова. Заимствования из русского языка можно разделить на две группы, а именно: 1) дореволюционные и 2) послереволюционные.

Дореволюционные заимствования касаются, главным образом, предметов домашнего обихода: а) постройки и домашняя утварь: *пезшэ* (печь), *пильтаа, пильтаак* (плита), *хажуунха* (обогреватель в печи), *ушааг* (очаг) — местные русские называют «горнушка»; *ашхааб, уишааб* (шкаф), *остоол* (стол), *үстүүл* (стул), *уваальник* (умывальник), *амбаар* (амбар), *шүшээг* (сусек), *оохолуб, оохлоби* (охлупень), *маатинса* (матица), *хасазк, холоод* (косык), *пахалаашха* (кол для изгороди), *ислээгэ* (слега); б) посуда: *шобуунха, шомуунха* (чугунный горшок), *шаадниг, шааниг* (чайник), *олоошхо, олоошхо* (ложка), *самбаар, санваар* (самовар), *тахаан* (стакан), *бүлюусэ* (блюдец), *хурьт* (корыто), *сээлинсэ* (сезальница), *хубаашна, хубаашнаг* (квашня), *ислаанха, нутылхэ* (бутыль), *галипин* (графин), *хастгрюулга* (кастрюля), *хүүнниг* (медный котелок), *пилаага* (деревянный сосуд), *хараанта* (крант); в) полевые и огородные культуры: *шэниисэ* (пшеница), *обёосо* (овес), *яарса*(ярица), *ишмээн* (ячмень), *пааданха* (падалица), *гэршүүтхэ* (гречиха), *хапууста* (капуста), *морхоог* (морковь), *эрээпэ, эрээпхэ* (репа), *помьдоор* (помидор), *түрнээпхэ* (турнепс), *улуук* (лук), *эрдисхэ* (редиска), *исвёохло* (свекла).

Послереволюционные заимствования касаются общественно-политических и других, новых для бурятского языка, терминов и слов, появившихся в результате бурного роста экономики и культуры Бурятии в советскую эпоху: *эрбэлюсэ* (революция), *республикхэ* (республика), *хомониизмэ, комуниизмэ* (коммунизм), *парти* (партия), *партийнэ* (партийный), *партоорго* (парторг), *комсомоол* (комсомол), *комсомоолнууд* (комсомельцы), *перзииджум* (президиум), *плээнүүм* (пленум), *паравлээни* (правление), *сэкритаар* (секретарь), *хэриитихэ* (критика), *астахаанов* (стахановец), *гээрбэ* (герб), *удаарник* (ударник), *эрдаактар* (редактор), *газэгтэ* (газета), *журнаал* (журнал), *араади* (радио), *синоо, кино* (кино), *шайноэ* (чайная), *остолосво* (столовая), *гараамата* (грамота), *агарноом* (агронсм), *зстеэхиик* (зсотехник), *хоонюух, коонюх* (конюх), *даяарха* (доярка), *асхалаад* (склад), *хамбаэна* (комбайн), *гараабли* (грабли), *культибаатар* (культиватор), *сатиин* (сатин), *шерстиноэ палаати* (шерстяное платье), *дягнаал* (диагональ), *ховирхоод* (коверкот) и т. д.

Заимствуются не только отдельные слова, но и калькируются сочетания слов, например: *улаан булан* (красный уголок), *соцолиис мөришөөн* (социалистическое соревнование). Наблюдается переосмысление бурятских слов по русскому образцу, например: *үгэ абха* (брать слово на собрании), *мөнөөдөрүн өдөртө* (на сегодняшний день) и т. д.

В речи носителей говора широко употребляются русские слова несмотря на то, что в самом говоре имеются бурятские слова, обозначающие соответствующие понятия. Так, например, в речи неграмотного колхозника Рабсыла Шармаева, 35 лет, зафиксированы следующие неоправданные заимствования: *Полибосдсхо арғыбоото шадхаб* (Полевод-

ческую работу умею делать). *Бедняг ябаһан хуунби* (Был я бедняком). *Быгбэр, намид үбээ хөдлөөд ябагшаб* (Работаю без выговоров и постановки на вид). *Аэмэгһаа далан табан модон арастаяани* (От аймака на расстоянии 75 верст). *Бсяаха пьрооши хөдмөр* (Всякая прочая работа). *Арбан хоёр жэл холостоз ябааб* (Двенадцать лет холостым ходил). *Поростоз ухаагаараа хөдлөөд ябагшаб* (По простому уму своему работаю). *Шислоогоо хээйти* (Проставь число).

В речи другого малограмотного колхозника Шобоева Дондока, 42 лет, были отмечены следующие случаи неоправданных заимствований: *Амитан зон болбол тиимэ ехэ сознательна бэиэ* (Население не такое уж сознательное). *Турдобоз достижеэни дунда зэргэ* (трудовое достижение среднее). *Оэ таагада гарша, дөрбө-табан хуун агнадаг, ямаршбээ перебыполнеэни хэдэг* (выходят в тайгу на охоту 4—5 человек и без особых затруднений, перевыполняют задание). *Государствын задаани дүүргэдэг* (Государственное задание выиолняют). *Арьдобоз шьлээн* (рядовой член). *Дөрбөн жэл актииваар хөдлөөб* (Четыре года активистом работал). *Таба дахин прээми абааб* (Пять раз был премирован).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В территориальном отношении тункинцы занимают между другими бурятами срединное положение.

2. Генеалогия тункинских бурят довольно сложна. В данное время тункинскую долину населяют около десяти отдельных родов, прибывших сюда в разное время и из разных местностей.

Как по давности проживания на данной территории, так и по своей численности первое занимают хонгодоровцы.

3. Несмотря на разнородность этнического состава носителей, в языке тункинцев встречаются лишь редкие случаи перебоя в названиях отдельных предметов, например: *лонхо* в улусе Хоймор означает оконное стекло, в Торах — бутылка; жеребец с одним шулятым яйцом, в Торах — *бөөрдэг*, а в Мандах — *асамаг*.

4. Из западных говоров более сходен с тункинским аларский говор в отношении начального ж: *жоргоон* (шесть), *жада* (копье), *жолоо* (повод узды) и т. д. Эти два говора в своем словарном составе имеют много общих слов: *соол* (дом), *зоодоз* (карась) и т. д.

5. Имеются случаи употребления слов в монгольской огласовке: наряду с *хахалха* употребляются *хагалха* (пахать; расколоть), *һун* — *сүү* (молоко) и т. д.

6. В исследуемом говоре, как и в некоторых других бурятских говорах, различаются *ө* и *ү*, например: *өдөр* (а не *үдэр*) — день, *дөрөө* (а не *дүрөө*) — стремя.

7. Встречается параллельное употребление некоторых как западных, так и восточных слов: *гүдэһэн* || *гэдэһэн* (живот), *эбшэн* || *өбшөн* (болезнь), *шэхэ* || *сэхэ* (прямо), *үбээ* | *үгүи* (нет) и т. д.

8. Для тункинского говора характерно наличие комбинаторного кк в многосложных словах типа *гаракка* из *гаргаха* (выпустить), *мэдэжкээ* из *мэдэхэгүй* (не знаем, не знает), *ябаккээ* из *ябахагүй* (не пойдет или не поедет).

9. Наблюдается употребление разных согласных в литературном бурятском языке и тункинском говоре: *т* — *с*: лит. *слитир* — тунк. *сазсар* (до тех пор пока не поседет или не побелеет), *ш* — *с*: лит. *сабшаха* — тунк. *сабсаха* (косить или рубить).

10. В области морфологии наблюдаются следующие особенности: а) в именительном падеже некоторые основы имен имеют дифгн-

гические окончания, например: *хулганаэ* (вм. *хулгана* — мышь), *дологоноэ* (вм. *дологоно* — боярышиик), *зэдгэнээ* (вм. *зэдэгэнэ* — клубника);

б) в родительном падеже основы на краткие гласные оформляются дифтонгоидным окончанием с *н*, например: *хада* — *хадаэн*, вм. лит. *хадын* (гора — горы), основы, оканчивающиеся на согласный, в родительном падеже принимают двойное окончание *аэ* или *ии* при переходе *д* в *н*: *бурядаэ*, *буряаһии* (бурята); основы, оканчивающиеся на переднеязычный *н*, как правило, в родительном падеже принимают окончание *и*: *морини* (вм. лит. *мориноэ*); основа на *г* в генетиве принимает окончание *и*, при этом *г* переходит в *ј*, например: *сэсэг* — *сэсэји* (цветок — цветка), *засаг* — *засаји* (власть — власти);

в) форма безличного притяжания родительного падежа совпадает с формой аккузатива (показатель *-яа*, *-эз*, *-ёо*), например: *ахаяя морни мээл аба* (сиими седло с коня старшего брата);

г) в качестве соединительного согласного после долгих гласных чаще всего выступает среднеязычный *й* вм. литературного *г*, например: *бууйаа* (вм. лит. *буугаа* — ружье свое).

11. Наблюдается образование синтетических форм в результате слияния сложного или составного глагола, например: *уутытёо* (вм. *уужа орхёо* — выпил), *баритьтёо* (вм. *бариха орхёо* — поймал).

12. В речи тункинцев часто слышатся слова *эньшаа* (в этом направлении, вот сюда) и *тэньшаа* (в том направлении, вот туда). Они образовались в результате слияния указательных местоимений *энэ* (это) и *тэрэ* (то, тот) с послелогом *тушаа* (направление, место). Эти образования могут принимать некоторые падежные окончания: *Тэньшааһаа эрээ* (Оттуда прибыл); *Эньшаагуур яба* (В этом направлении иди).

13. Обращает на себя внимание необычный порядок слов в предложении: *Би түлэгэндэ ошооб, үхэрээ хүлөөд* (Я за дровами поехал, быка запрягши) вм. *Би үхэрээ хүлөөд түлэгэндэ ошооб* (Я быка запряг и за дровами поехал); *Манаэда эрэ ашиалжа* (К нам приходи в гости) вм. *Манаэда аэшиалжа эрэ* (К нам в гости приходи).

14. Наблюдается параллельное употребление ряда слов, характерных как для западного, так и для восточного диалекта: *хура* — *бороо* (дождь), *он* — *жэл* (год), *нажар* — *зун* (лето), *тлшуур* — *мичал* (кнут).

15. В тункинском говоре имеют место названия предметов, не встречающиеся в других говорах или иначе осмысливаемые в них, например: *һоно* (утка), *гутлар сүү* (молоко третьего удоя), *тлбээ* (дедушка), *теэбиш* (бабушка), *бодэрхээ* (действительно; конечно; в особенности).

16. В лексиконе старшего поколения тункинцев встречаются монголизмы и архаизмы, например: *эчи* (посланец), *өрөөз* (дворец), *зэм* (дорога), *сэмсээ* (чистый, непорочный).

17. В целом словарный состав тункинского говора в отношении быговой лексики и шаманской терминологии близок к западно-бурятским говорам, а с восточными соприкасается главным образом в отношении буддийско-ламских и отчасти общественно-политических терминов. Наконец, монгольским источником могут быть объяснены некоторые архаизмы и неологизмы, встречающиеся в фольклоре.

18. Имеются некоторые различия в лексике старшего и младшего поколения, о чем были приведены материалы выше.

19. Разнообразны произведения устного народного творчества. Молодежь, живо реагируя на общественно-политические события, в своих песнях воспеваеет великого вождя трудящихся В. И. Ленина,

слагает песни о доблестных подвигах героев Отечественной войны и энтузиастов социалистического строительства. В связи с коренной перестройкой жизни улусов на основе коллективизации и механизации и быстрым развитием грамотности и культуры язык трудящихся обогащается заимствованными из великого русского языка и интернациональными терминами. Наряду с этим некоторые прежние слова типа *ноён* (начальник) переосмысливаются и теряют свой былой смысл.

20. В связи с обогащением словарного состава языка замечается приобретение навыков в правильном произношении таких не характерных для бурятского языка звуков, как *ф, в, ц, ч, щ* и стечений согласных, например в таких заимствованиях, как *фабрика, завод, трактор, стахановец* и т. п.

Как указывалось выше, тункинская долина занимает между территориями других бурят срединное положение, что, по нашему мнению, обусловило в языке тункинцев некоторые своеобразия. В этом говоре переплетаются черты, свойственные как западному, так и восточному диалекту бурятского языка¹.

¹. Первичное редактирование и сокращение рукописи Д. А. Абашеева „Тункинский говор“ было сделано старшим научным сотрудником отдела языка письменности БКНИИ А. Д. Шагдаровым.—Ред.

М. П. ХОМОНОВ

БОХАНСКИЙ ГОВОР

ВВЕДЕНИЕ

Боханский говор территориально распространяется на Боханский административный район Усть-Ордынского Бурятского национального округа Иркутской области. Этот лингвистический район нами обследовался в течение ряда лет вплоть до 1954 г. Материал собирался путем опроса по темам, записывались связные речи (диалоги), рассказы, фольклорный материал. Последний использовался для выявления древнейших пластов лексики языка.

Наряду с лингвистическим материалом автор интересовался родоплеменным происхождением носителей говора, считая, что деление на роды и племена в какой-то мере служит разграничительной чертой для выяснения отдельных особенностей диалектов. Боханские буряты помнят свои родословные приблизительно до 13—15 поколений, т. е. до 350—450 лет.

Нами были обследованы следующие улусы: Тараса, Буреть, Заглик, Хандагатай, Укыр, В-Шаралдай, Хартирген, Каха, Бильчир, Эрхидей, Моло, Улей, Обуса, Янгут. Следовало бы представить боханский говор как единое целое, но практически это не удалось. Исходя из фонетических данных, мы разбили боханский говор на отдельные части. Ради удобства печатания в данной работе дается упрощенная фонетическая запись, тем не менее основные особенности, присущие данному говору, надеемся, будут зафиксированы. Система знаков транскрипции, используемая в работе, не вполне совпадает с орфографией литературного бурятского языка.

Описание говора боханских бурят мы начнем с выяснения бурятских родов. Выявление родов боханских бурят и, тем более, выяснение их происхождения вызывает определенные трудности ввиду неразработанности этого вопроса в историческом плане. Имеющийся у нас материал по части родоплеменной структуры данного района из-за отсутствия письменных источников ограничивается только устными сказаниями и преданиями.

В историко-этнографической литературе западные буряты делятся на эхиритов, булагатов и другие племена, причем эхириты и булагаты, по преданиям, происходят от легендарного Буха-нойона.

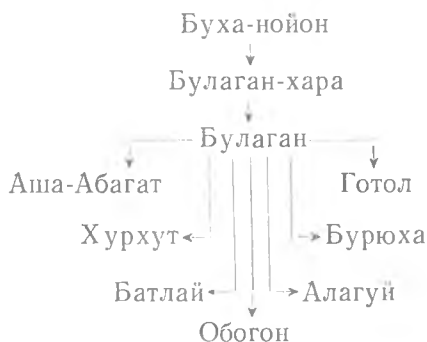
По данным наших материалов, боханские буряты относятся к булагатам. Начиная с предка Булагата, боханские буряты, как об этом говорят различные версии устных преданий, прошли очень сложный процесс формирования. Так, например, обусинские буряты на границе Жигаловского района, должно быть, в эпоху Сайн-хана смешались с прибывшими из Монголии икинатами.

Возникает вопрос: связано ли племенное название «булагат» со словом *булган* (соболь)? Г. Н. Румянцев пишет: «Доказательство того, что булагаты прежде были «лесным народом», от занятия звероловством, по преимуществу, перешедшим к скотоводству, можно видеть

и в самом племенном названии булагат. Булагат не что иное, как множественное число от булаган «соболь», откуда булагат значит — соболи»¹. Далее Г. Н. Румянцев ссылается на Рашид-ад-Дина, историка XIV в., который упоминает о лесном народе булагачин. На основании сведений Рашид-ад-Дина Г. Н. Румянцев пишет: «Это и были, вероятно, предки бурят — булагатов, лесные охотники, промышлявшие ценную пушнину»². Автор хочет доказать, что название племени «булагат» происходит от названия *булаган* «соболь». Следует ли отсюда делать вывод, что буряты, занимавшиеся добычей ценной пушныны соболя, могли перенести слово *булаган* (соболь) на племенное название? Совпадение названия племени со словом *булаган* (соболь) является, видимо, случайным.

Булаган является сыном Шобого-нойона, Шобого-нойон происходит от легендарного Буха-нойона. Все предания сходятся на том, что Тугалак — сын Булагана. Тугалак, по преданию, имел семь сыновей Алагуй, Бурюха, Хурхут, Шошолон, Нарин-Хогой, Аша-Абагат и Саган. Но не во всех преданиях сходятся имена сыновей Тугалака. В преданиях, записанных нами у стариков Боханского района, имена сыновей Тугалака следующие: Хурхут, Батлай, Готол, Алагуй, Обогон, Бурюха, Аша-Абагат. Следовательно, в последнем варианте Батлай, Готол и Обогон считаются сыновьями Тугалака, тогда как в варианте М. Н. Богданова таковыми являются Шошолон, Нарин-Хогой и Саган³. Если предположить на основании данных М. Н. Богданова, где Батлай уже является правнуком Тугалака, то Готол и Обогон тоже могут быть отнесены к четвертому поколению от Тугалака, так как они считаются, по преданиям, современниками Батлая. Как бы там ни было, нас больше интересуют готольцы, обогонцы и батлаевцы, составляющие в племенном отношении единое целое.

По нашей схеме родословная западных бурят представляется в таком виде:

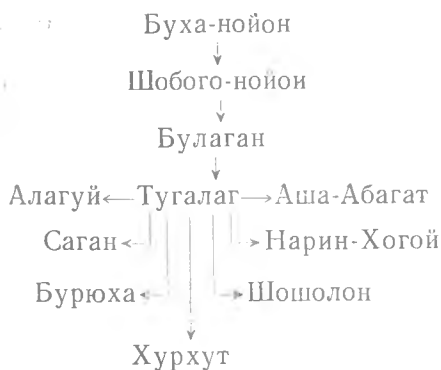

По схеме М. Н. Богданова происхождение западных бурят выглядит так:

¹ «История бурят-монгольского народа». Т. 1, стр. 81.

² Там же.

³ См.: «Очерк истории бурят-монгольского народа». Верхнеудинск, 1922.

Исходя из схемы М. Н. Богдаинова, возьмем один из известных нам родов, чтобы представить отдаленность того времени, о котором идет здесь речь.

- 1) Булаган
- ↓
- 2) Саган
- ↓
- 3) Ботой
- ↓
- 4) Батлай
- ↓
- 5) Шаралдай
- ↓
- 6) Баламжа
- ↓
- 7) Бажабагар
- ↓
- 8) Ошхон
- ↓
- 9) Хопхон
- ↓
- 10) Мушаан
- ↓
- 11) Мальджин
- ↓
- 12) Мархай
- ↓
- 13) Богдан¹
- ↓
- 14) Хаарпа
- ↓
- 15) Самуил
- ↓
- 16) Александр
- ↓
- 17) Сын Александра

Приведенная таблица родословных показывает, что буряты помнят еще далеких своих предков, отдаленных от нас семнадцатью поколениями, что представляет в среднем 450—500 лет. Таким образом,

¹ От Богдана дальше прибавляются имена автором данной работы.

можно предположить, что роды Готол, Обогон и Батлай берут свое начало с конца XIV и начала XV веков.

Потомки Готола и Батлая живут теперь в пределах бывшего Боханского района. Потомки Обогона — Хогой, Онхотой и Онгой — в пределах бывшего Осинского района. Эти два района в 1963 г. объединены в один Боханский район.

Потомки Готола ныне составляют следующие улусы: Тараса, Буреть, Хандагатай, Шаралта, Хөөрмэ, Заглик, Аргаһан, Шуита, Хартирген, Абагайтан, а потомки Батлая образовали следующие улусы: Үхэр, Хорьёлог, Хада-айл, Хадарта, Хуһа-нуга (Нижний Шаралдай, где живут потомки сына Шаралдая Баламжи). В состав Верхнего Шаралдая входят следующие улусы: Хонзо, Дунда-айл, Хараһан, Хаагта-нуга, Нашта. Таким образом, шаралдаевский род ныне составляет десяток улусов и граничит на востоке с Эхирит-Булагатским районом.

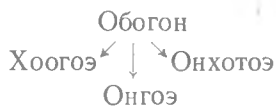
Готол имел трех сыновей: Түдэн, Түргэн и Тубши. Вероятно, соответственно этому в свое время были образованы три готольских административных рода: 1-й готольский, 2-й готольский, 3-й готольский. Представители шаралдаева рода живут сейчас в двух сельсоветах: в Укырском (потомки Бажи) и Шаралдаевском (потомки Баламжи). Самыми древними старожилками в Боханском районе являются готольцы, которые, видимо, являются пришельцами также из местности Эхирит-Булагат.

Шаралдаевские роды, как повествуют предания, сравнительно недавно прибыли в Бохан. В преданиях говорится о маршруте перекочевки шаралдаевцев, прибывших из местности Үдүгээ узуур (Эхирит-Булагат). Шаралдаевцы имели, как рассказывают, *үй түмэн адаһа* (бесчисленное количество скота) и в поисках удобного места для жительства и обильных пастбищ перекочевывали с места на место: сначала прибыли в местность Бадай (в 6 км от Усолья), но с приходом туда русских они уходят в Александровск (Александровский централ еще не был построен), затем в Олонки и оттуда через Тарасу в Бохан, потом, двигаясь вверх по Иде, обосновались в таежной, неудобной для пастбищ местности, ныне называемой Шаралдай. Любопытно отметить, что шаралдаев род платил штраф (яла) скотом прежде жившим там боханским бурятам.

Готольцы, как и шаралдаевцы, кочевали с места на место в поисках места с обильными пастбищами: сначала они остановились в Халхайта узуур (с. Усть-Тараса), затем двинулись вверх по р. Иде. Со времени обоснования готольцев в Боханском районе прошло приблизительно 350—400 лет, а раньше, как указывают предания, они обитали в степях нынешнего Эхирит-Булагатского района, Качуга и Ольхона. Названия этих местностей упоминаются в шаманских гимнах, кроме того, в них встречается название Кудара (Хуһан хээр Худара), дальше Тунки.

Все улусы бывшего Осинского района расположены вдоль реки Осы. Поэтому в языковом отношении этот район будем называть осинским.

Происхождение родов осинских бурят схематически представляется в следующем виде:

Потомки Хогой живут в следующих улусах: Бильчир, Наймангут, Даахан, Буждай, Н. Каха Унай-ха; потомки Онгой — Обуса, Кутанка и В. Каха; потомки Онхотой — Улей.

По преданиям, Обогон является дядей Готола по матери (Готол родился от сестры Обогона). Таким образом, Готол имеет родственные отношения с другими поколениями Тугалака. Если это предание верно, то всякая «загадочность», приписываемая Готолу, снимается.

По преданию, среди осинских бурят (в Обусе) есть икинаты, нойоты, т. е. представители ойратского племени.

В состав рода Хогой входит один готольский род, образовавший улус Моло, находившийся между улусами Эрхидей и Бильчир. Образование родов боханских бурят, как говорилось выше, относится к XV веку, т. е. 400—450 лет прошло с тех пор. За это время, разумеется, произошли большие изменения в общественной жизни. Одним из крупнейших событий было присоединение Бурятии к России, что вызвало большие изменения в общественной и экономической жизни бурят, следовательно, большие изменения и в их языке, в частности, изменения в словарном составе языка.

Боханские буряты занимают территорию, простирающуюся на площади 100×50 км. Они имели в прошлом и, тем более, сейчас имеют между собой тесные хозяйственные и другие сношения. Поэтому в их языке наблюдается определенное единство, а имеющиеся незначительные отклонения идут по линии еще прежних родовых делений. Некоторые отличия связаны с влиянием соседних говоров. Так, например, шаралдаевские роды, граничащие с эхиритцами, имеют отдельные черты, общие с последними; улейские буряты, граничащие с балаганскими бурятами, не могли не подвергнуться влиянию последних.

«К приходу русских в Восточную Сибирь в начале XVII в. бурятские племена, несмотря на разнообразие этнических элементов, вошедших в их состав, говорили уже на весьма близких друг другу диалектах, принадлежащих к одной и той же монгольской группе языков. Они стояли на одной ступени социально-экономического развития и имели одинаковую культуру, которая при всех местных различиях представляла собою определенную этнографическую общность. Племена эти, однако, не представляли единого политического целого, так как не создали собственной организации. Это были еще обособленные друг от друга родовые и племенные группы, враждовавшие друг с другом. Это была, следовательно, народность лишь в этнографическом, а не в политическом смысле этого слова, так как здесь отсутствовали единое общее управление и прочные политические связи»¹.

Ранее разрозненные племена, обитавшие по берегам Ангары и забайкальским степям, после Великого Октября консолидировались в бурятскую социалистическую нацию. Из разрозненных диалектов образовался единый бурятский национальный язык, который пережил длительный путь развития от языка родового до языка национального.

Говоря о родоплеменном составе носителей боханского говора, небезынтересно выяснить, что же представлял в прошлом бурятский род.

1. Нам представляется, что бурятские родовые названия не связаны с названиями животных, а происходят от имени того предка, от которого берет свое начало род. Каждый член рода преклоняется перед главой рода, почитая его, гордится своим происхождением и ритуальными обрядами, присущими данному роду.

¹ «История Бурят-Монгольской АССР», Т. I, изд. I. стр. 84.

Род иногда принимал человека чужого племени. Например, известно, что тарасинский род принял нексего Шаглая из Эхирита. Правда, представители других родов не разрешали участвовать ему в своих родских богослужениях, а во всем остальном: в территориальном разделе земли, пастбища, наделе сенкосных угодий, в празднествах, при выборах старейшин его принимают как равноправного члена коллектива.

2. Существовало отцовское право и широкая экзогамия. Подобная экзогамная система существовала и у монголов. «Древний род монгольский был экзогамный, почему члены одного и того же рода не могли вступить в брак с девушкой того же рода, а должны были жениться обязательно на женщинах из других, не родственных родов¹. Например, Тараса делится на несколько мелких родов, которые не считаются близкими по крови, поэтому представители этих родов могли вступать в брачные отношения. Отец считался главю семьи, жена и дочери не имели права участвовать в религиозных церемониях (на тайлаганах).

3. Старший сын у отца, после женитьбы получив часть имущества, заводит свое хозяйство, а самый младший (одхон) остается у отца (как гесрили, у очага). Дочери не имеют права на наследство.

4. Характерно, что внутри рода существовала помощь-выручка или, как по-бурятски называют, *аша туһа хүргэхэ* (оказывать помощь, сыновнюю почитательность). Слово *аша* означает не только внук, но и *помощник в хозяйстве*.

Если кто-либо из близких сородичей запаздывал в сельскохозяйственной работе, то род обязан был ему помочь.

5. Весь род имел общее место погребения. По преданиям бурят, трупы хоронили в степи (или в лесу), или сжигали.

6. Готольский, шаралдаевский и сбогоновский роды делятся в свою очередь на более мелкие группы, которые образуют улусы, а каждый улус подразделяется на еще более мелкие части, которые по мере роста населения делились и дальше.

Таким образом, иногда один род по мере увеличения населения подразделяется на мелкие единицы, которые в совокупности составляли племя. По существу лингвисты имеют дело с пережиточным племенным языком.

Что представлял собой, например, готольский род в прошлом?

а) Этот род имеет собственную территорию. За пределами занимаемой родом территории были люди чужого племени, с которыми данный род имел все-какие связи сменно-торгового характера. Если существовала большая нейтральная полса, например, между бурятами, с одной стороны, и якутами или эвенками — с другой, то с последними мало встречались, если встречались, то с целью обмена продуктами, вещами и т. д.;

б) по мере роста населения стали делить свободные земли для обработки под пашню. Каждый крестьянин, получив определенную площадь, должен был выкорчевывать деревья на своей собственной территории, и эту территорию другие не имели права вспахивать. Луга тоже делились. Делили землю по количеству мужских душ. Готольские роды, по преимуществу, занимались земледелием. С дальнейшим развитием земледелия стали ограждать пашни от скота. Происходило так: загороженные округ усадеб луга (индивидуальные),

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, Л., 1934. стр. 46.

загороженные пашни (общие), а затем свободные пастбищные угодья за лугами, где пасли скот, независимо от того, кому он принадлежал;

в) в религиозном отношении готолыцы были шаманистами. Родовой строй «...предполагал крайне неразвитое производство, следовательно, почти полное подчинение человека чуждой, противостоящей ему, непонятной природе, что и находит свое отражение в детски-наивных религиозных представлениях»¹;

г) хозяйство готолыцев было преимущественно натуральным. Каждый хозяин мог производить все для себя из шерсти и кожи домашних животных. Таким вплоть до Октябрьской революции и был бурятский род.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковой состав боханского говора в основном совпадает с таковым литературного бурятского языка.

В боханском говоре различаем восемь кратких гласных фонем: *a, o, y, ʏ, э, и, ы* и семь долгих: *aa, oo, үү, уу, ээ, өө, ии*.

Все перечисленные звуки являются самостоятельными фонемами, но если учесть комбинаторные варианты вышеназванных фонем, в частности, редуцированные гласные, то количество звуков значительно больше.

Гласные

В боханском говоре различаются долгие и краткие *ä* (широкий гласный переднего ряда). Долгий *ä* является самостоятельной фонемой, а краткий звук *a* — это разновидность *ai*. Фонема *a*, относящаяся к заднему ряду, в определенной позиции становится передней. Долгий *a* (*aэ*) в литературном бурятском языке отмечают как *ай*, например, *айл* (улус).

В боханском говоре, как и в других бурятских говорах, это древнее *ai* перешло в *ä*: *ai* → *ä*. Примеры: *ал* (улус), *һанг* (хороший), *һахан* (красивый).

Приведем примеры употребления краткого *a*, являющегося разновидностью *ä*: *нарин* (тонкий), *хари* (иди домой) и т. д. Иногда *ä* чередуется с *a*, например: *тармаха* || *тармаха* (грести), *гар* || *гар* (рука). Внутри боханского говора встречается чередование кратких *ө* и *у*. Например, обусинские буряты произносят: *өнтэлэг* (конопля), *гөдэһэн* (кишки), *дөлэн* (пламя), тогда как идинские буряты в соответствующих позициях произносят *ү*. В данном случае говор обусинских бурят совпадает с аларским говором. Например, алар. *дөлэн* — бох. *дүлэн* (пламя, угар), алар. *хөдэмэр* — бох. *хүдэмэри* (работа), алар. *хөрэнгэ* — бох. *хүрэнгэ* (молочная закваска), алар. *өлдөөб* — бох. *үлдөөб* (проголодался), алар. *хөгшэн* — бох. *хүгшэн* (жена) и т. д.

В самом боханском говоре употребление *ү* и *ө* разграничивается в общем по системе рек Иды и Осы. Буряты по долине реки Осы говорят больше *ө*, а по долине Иды — *ү*. Абсолютно точную границу провести трудно, но тем не менее имеющийся материал дает основание думать, что и здесь в известной мере проявляется бывшее племенное деление.

Краткий *э* акустически очень близок к *и*, особенно трудно их различить во втором слоге после шипящих, например, *эжэн* || *эжин* (хозяин), *Бүжэн* || *Бүжин* (имя), *хүгшэн* || *хүгшин* (жена). Колебание *э* || *и*

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949, стр. 93.

встречается и в первом слоге: *эргэнэ* || *иргэнэ* (решетчатые ворота), *эрэ* || *ирэ* (мужчина), *элдэн* || *илдэн* (вольный), *эжэл* || *ижэл* (свыкшийся), *этуур* || *итуур* (деревянная лопата).

Подобное чередование, видимо, существует с древних времен. Так, например, Б. Я. Владимирцов отмечает, что «монгольская письменность знает чередование *e* с *i*, например, *el* || *il* «народ, государство» *eldeb* || *ildeb* «разный, всякий», *esi* || *isi* «ствол, рукоятка; соизволение, основание; знатная дама», *eleg* || *ileg* «насмешка, издевательство», *beder* || *bider* «пестринки, крапины, полосы»¹. Надо полагать, что чередование *э* || *и* сохранилось в разговорном языке боханских бурят, являясь отражением древнего языкового состояния монголов. Такого рода чередование восходит к монголо-тюркскому языку-основе. Б. Я. Владимирцов по этому поводу пишет, что «монголо-тюркский общий язык знал особую фонему *e*, которая отражается в языке древнетюркском (языке орхонско-енисейских надписей) как *e*, как *ja* ← *ie* в чувашском, *e* || *i* в других тюркских наречиях и как чередование *e* || *i* в монг. письм.: некоторые монгольские наречия сохранили это *e*, восходящее в общемонг.-тюрк. **e*, например, язык монгольских текстов квадратного письма, наречие Торгут—Алт. и некоторые другие»².

В совместном падеже в литературном бурятском языке пишут дифтонг *эй*, а в боханском говоре всегда слышится чистое долгое *ээ*.

Относительно краткого *э* А. Д. Руднев замечает: «Сами буряты часто затрудняются сказать, как нужно писать какое-нибудь слово: с *i* или с *e*. Русские *e*, которые в неударных слогах заменены везде *i*, конечно, и буряты хоринские воспринимают как *i*»³.

В улусе Буреть и Обуса вместо обычного боханского *э*, *ү*, говорят узкий *и*, который палатализует предшествующий согласный, например, *бие* (тело) вм. *бэе*, *биһэн* (пояс) вм. *бэһэн*, *нидүн* (глаз) вм. *нүдэн*, *нигүл* (грех) вм. *нүгэл*.

Звук *ы* в боханском говоре является разновидностью долгого *и*. Звуковая сторона любого живого языка не является чем-то данным раз навсегда, а изменяется под влиянием различных факторов. Гласные фонемы иногда изменяют свое качество в зависимости от сочетания с твердыми или мягкими согласными и реализуются в своих более передних или задних вариантах. Но часто бывает наоборот: гласные переднего ряда смягчают предыдущий согласный и делают его более палатальным.

Гласные фонемы заднего ряда произносятся при более сильном мускульном напряжении, чем гласные переднего ряда. Долгий гласный образовался благодаря стяжению гласных, в результате выпадения интервокального согласного. Интересно отметить, что в Обусе (бывший Осинский район) встречается, например, слово *нааса* вм. *нагаса* (дядя по матери) в других местах.

Таким образом, мы видим, что система гласных фонем очень сложна. Гласные первого слога по качеству отличаются от гласных последующих слогов. Различия гласных первых и непервых слогов носят комбинаторный характер, зависят зачастую от соседства согласных фонем.

Долгота и краткость гласных в говоре являются весьма существенным фонетическим признаком гласных.

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр. 149.

² Там же.

³ А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, VI.

Согласные

В бурятском литературном языке имеются следующие согласные фонемы: *б, д, г, һ, х, л, м, н, р, с, т, з, ж, ш*. Все они имеют место в боханском говоре. Еще нужно добавить звук *к* и варианты *нь* и *ть*.

Аларскому палатализованному *х'* в боханском соответствует *с'*, *т'* и *ш*. Следует отметить, что палатализованный *х'* местами встречается и в говоре боханских бурят, например в Хандагатае.

Некоторые монголисты склонны считать, что в языке старшего поколения преобладает *х*, а в языке молодого поколения *с*.

В селах Бильчир, Каха, Эрхидей, Обуса употребляют фарингальный *һ* там, где идинские буряты произносят *д*. Такое же чередование наблюдается также и в основах глагольных форм. Примеры: *бодоод* — *боһоод* (вставши), *садаад* — *саһаад* (накушавшись), *дууһаад* — *дуудаад* (закончив), *ср.* также в орудном пад. *хонидоор* — *хониһоор* (овцами), *нохээдоор* — *нохээһоор* (собаками), также *үлдөөб* — *үлһөөб* (проголодался). В других именных или глагольных образованиях чередование *д || һ* не замечено.

В боханском говоре щелевой *ж* встречается очень редко, в основном в начале слова, например в словах: *жаалдаһан* (к сожалению), *жииганаха* (шипеть). Обычно в начале слова всегда встречается *й* там, где в аларском произносится *ж*, например, алар. *жил* — бох. *йыл* (год), алар. *жолоо* — бох. *йолоо* (повод), алар. *жороо* — бох. *йороо* (инюходь) и т. д.

Такое соответствие *й* и *ж* не имеет исключений, а всегда находит в соответственных словах параллельное чередование, поэтому в фонетическом отношении аларский и боханский говоры противопоставляются друг другу в первую очередь по этим признакам. В пределах исследуемой нами территории жакание имеет место лишь в селе Новостройке, жители которого прибыли из Усть-Удинского района в Осинский район в 1934 г.

Переднеязычный щелевой *з* внутри говора чередуется с *д*, например, *збсахан* — *дабт'ахан* (маленький). Переднеязычный звонкий, плавный, боковой сонант *л* в некоторых словах чередуется с *р*, например, *хошоор* — *хошоол* (вдвоем), *эмээлшэн* — *эмээршэн* (ветер).

Среднеязычный звонкий спирант *й* в боханском говоре является слогаобразующим звуком. В начале *й* + гласный чередуется с гласным *и*, например; *ирэхэ* — *йэрэхэ* (прийти), *илааһан* — *йалааһан* (муха), *илгаха* — *йалхаха* (отделить) и т. д. В боханском говоре он является самостоятельной фонемой.

Щелевой глухой спирант *һ* существует в хоринских (восточных) и во всех западных бурятских говорах, но отсутствует в цонголо-сартульском говоре.

В эпических произведениях вместо обычного *һ* часто появляется *с*, например, *морин сайхан хулуг* вм. *морин һайхан хулуг* (добрая лошадь-аргамак), *салаа үгээ үлдэбэл* вм. *һалаа үбээ үлдэбэл* (неотлучно преследовал), *тиисэн ясан хойном* вм. *тииһэн яһан хойном* (после того как было), *һуран суран байна* вм. *һуран һуран байна* (стоит и переспрашивает). Язык эпосов долго сохраняет старые формы, в частности, в приведенных выше примерах мы видим, что буряты вместо нынешнего *һ* говорят *с*, который в монгольском языке сохранился в прежней форме.

Кроме того, в эпосах встречаются формы типа *һүлдүүлһэн* вм. *үлдүүлһэн* (выгнанный). Такого рода примеры дают повод думать, что некоторые слова еще в древнее время произносились с придыханием, что

отражено в монгольских памятниках XIII—XIV вв. и языке бурятских былин.

В боханском говоре наблюдается выпадение *h* в середине слова. Этот процесс, видимо, только начинающийся, он территориально охватывает не все население данного лингвистического района. Например, *саан* вм. *саһан* (снег), *загаан* вм. *загаһан* (рыба), *нараан* вм. *нараһан* (сосна), *ялаан* вм. *ялааһан* (муха) и т. д. Подобные явления наблюдаются в улусах Тараса, Буреть, Шаралдай, Бохан.

В исходном падеже также наблюдается выпадение *h*, например, *тэрэ уладаа һама үбээ* вм. *тэрэ уладаһа һама үбээ* (лучше нет тех родов).

Иногда *h* чередуется с *x*, например: *һахуу хүрхэ* || *хахуу хөрхэ* (насморк).

Звуки *ф*, *в* в заимствованных из русского языка словах передаются звуками *п* и *б*, например: *Балдиимар* вм. Владимир, *паабрика* вм. фабрика, *панаар* вм. фонарь. Мягкая согласная фонема *т* встречается в Обусе, Кутанке, Улее вместо бильчиро-эрхидейского, шаралдаевского *ш* и готольского *с*. Различие *с* || *т* || *ш* является весьма резкой диалектальной особенностью боханских бурят и остается одной из характерных особенностей боханского говора. Следует отметить, что эта особенность разграничивается строго по старому племенному делению.

Следует также заметить, что мягкость и твердость не всегда противопоставляются для смысловой дифференциации слов. Если в словах *ам'аараа* (отдельно) || *амаараа* (ртом) противопоставляются значения слов, то в словах *бээлээ* || *б'ээлээ* (рукавицы) видим простые диалектные фонетические различия, не имеющие смыслового различия.

Сингармонизм

Сущность явления гармонии гласных заключается в артикуляционном уподоблении (ассимиляции) гласных последующих слогов гласному предыдущего слога, т. е. за гласными заднего ряда следуют всегда гласные заднего ряда, а за передними — передние.

Таким образом, можно разделить все гласные на две категории в качественном отношении:

1) заднерядные: *а, аа, о, оо, у, уу, а, аа, ы, (и, ии)*;

2) переднерядные: *э, ээ, ө, өө, ү, үү, (и, ии)*.

Закон гармонии гласных в боханском говоре действует вполне последовательно, и лишь в некоторых случаях наблюдается нарушение его, к чему можно отнести следующие моменты:

1. За переднеязычным *э* иногда употребляются гласные заднего ряда, а за заднеязычным *а* — гласные переднего ряда.

2. После долгих гласных *аа, оо* часто появляются гласные переднего ряда.

3. Гласный *и* (*i*) вообще безразличен к гармонии гласных.

В противоположность хоринскому в боханском говоре в орудном падеже за *ү* появляется *э*, а не *ө*, например: *үрэ—үрээр*, а не *үрөөр* (семьями), *үргэхэ—үргээд*, а не *үргөөд* (приподняв), *түшэхэ—түшээд*, не *түшөөд* (опираясь).

Действие закона гармонии гласных распространяется и на заимствованные слова, например, *хэрэнсээ* (крыльцо), *ёлобо* (жолоб), *оглооби* (оглобли), *боошхо* (бочка), *бүтылхэ* (бутылка), *самбаар* (самовар).

На явление гармонии гласных обратил внимание еще Грунзель, который писал, что «тюрк. *ast* «нижняя сторона», *üst* «верхняя сторона»,

монг. аха «старший брат», ege — tsi (тунгус. eki) «старшая сестра», калм. tsilarga | tsilerge «огорчать», ата «отец», еме «мать», амха «свекор», емхе «свекровь», хаха «мужчина», хэхэ «женщина», амйла «птица мужского пола», емйле «птица женского пола»¹.

О подобных фонетических изменениях в монгольском языке говорит и Б. Я. Владимирцов: «...существует довольно значительное количество слов, которые с фонетической точки зрения отличаются друг от друга тем, что одни принадлежат к заднему — гуттуральному ряду, а другие — к переднему — палатальному, сохраняя, по большей части, одно и то же значение, или же семантически они оказываются очень близкими. В языке, таким образом, получаются как бы парные слова, принадлежащие то к одному, то к другому ряду, но в то же время представляющиеся одними и теми же: слово одно, но является в двух облициях, гуттуральном и палатальном»².

Таким образом, разделение звуков на задние и передние ряды обусловлено не только просто артикуляционной основой, но и внешними обстоятельствами, зависящими от дифференциации слов по значениям, которые вытекают из противопоставления звуков заднего и переднего рядов.

Слова, образованные таким путем, или незначительно отличаются друг от друга, или совершенно противоположны по значению. Это стало весьма важным законом в тюрко-монгольских языках, благодаря которому язык имел возможность обогащаться. Иногда эти традиции нарушаются, когда двухсоставное слово понимается как единое целое, например, *муурэ* (дурак) образовано из двух слов — *муу* (плохой), *эрэ* (мужчина); *шонхээ* (зверь), из *шоно* (волк), *нохээ* (собака). Такой факт нарушения сингармонизма при сложении слов и сейчас имеет место в боханском говоре.

Ударение

Вопрос об ударении в монгольских языках совершенно не разработан. Ударение в бурятском языке не играет существенной роли, какую, например, оно играет в русском языке. Боханский говор ничего нового не дает к тому, что известно по другим диалектам. В ойратском и халхаском языках неударные гласные непервых слогов имеют тенденцию к редуцированию, на основании которых исследователи пришли к выводу, что ударение в этих языках падает на первый слог слова.

В боханском говоре акцентирование возникает путем создания разнообразных оттенков музыкальности, которые равномерно или неравномерно распределяются по всему слесву, причем в боханском говоре в отличие от других диалектов конечные слоги не редуцируются. Поэтому очень трудно найти, где падает ударение.

Если в монгольском языке наблюдается тенденция к выпадению последующих и, тем более, конечных гласных, например, *мэдон* — *мод* (дерево), то это объясняется тем, что гласный первого слога занимает сильное положение, т. е. находится под ударением, а гласный последующего слога находится в безударном положении. В боханском говоре ударение также находится на первом слоге, но оно в отличие от русского ударения не имеет существенного значения. В русском

¹ Грунзель. Entwurf einer vergleichender grammatik altaischen Sprachen... 1895, стр. 37.

² Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр. 126—127.

языке ударение выполняет смыслообразительную функцию, например, мука' || му'ка, чего нельзя сказать в отношении боханского говора, как и вообще бурятского языка. Но для боханского говора характерно постоянное первослоговое ударение: гласный первого слога является более сильным по сравнению с гласными последующих слогов.

В заимствованных словах ударение заменяется долгими гласными. Это объясняется тем, что долгота в бурятском языке играет смыслообразительную роль, как ударение в русском. Например, *уула* (гора), *ула* (подошва); *гаара* (рассердись), *гара* (выходи). Таким образом, в боханском говоре имеются особые, противопоставленные друг другу долгие и краткие фонемы. Долгота и краткость звуков используются в целях семантической дифференциации слов, что и делает их особыми фонемами не только в боханском говоре, но и во всех монгольских языках.

Кроме того, в боханском говоре существует фразовое логическое ударение, которое характеризуется протяжностью ударного слова во фразе. Перестановка слов в одной и той же фразе дает целый ряд различных смысловых оттенков, например, *уһан далай* (море; половодье), а если переставить слово и ударение сделать на первое слово — *далай уһан* (море-вода, или просто вода). Таким образом, от перестановки слова меняется смысл сказанного. Мы здесь делаем поочередно логическое ударение на каждом из слов, и каждый раз фраза приобретает особый смысловой оттенок, в зависимости от слова, выделяемого логическим ударением.

Мелодика

В боханском говоре важную роль играет мелодика, которая служит для выражения утверждения, вопроса, восклицания и вообще для эмоциональной окраски речи. Речь получает выразительность благодаря мелодике.

Существует масса тончайших мелодических оттенков, с помощью которых мы можем передавать все разнообразие и богатство нашего языка. Эти разнообразные оттенки проявляются только в звучащей речи.

В заключительной части описания фонетических явлений, наблюдаемых в боханском говоре, хотелось бы обратить внимание еще на некоторые моменты.

Вновь возникшие термины и заимствованные из русского языка слова принимают фонетический облик исследуемого говора, подчиняясь его фонетическим законам. Это обстоятельство доказывает, что установившиеся в говоре фонетические закономерности являются непрелюбными.

Трудно согласиться с мнением проф. Т. А. Бертагаева, который утверждает, что «у западных бурят (в эхирит-бул.) слово *архи* и др. слова в зависимости от корреспондирующих в них звуков имеют различные стилистические окраски, например, *арши* вместо *архи* «тарасун» представляется словом грубым, вульгарным; а *арси* — словом изысканным и изящным и поэтому его найдем только в языке молодежи»¹. Здесь чередование звуков *с* || *ш* происходит не ради изысканности или изящества произношения, а объясняется скорее всего принадлежностью людей к разной ветви родов. Для подтверждения сказан-

¹ «Сб. трудов по филологии». В. 1. Улан-Удэ, 1948, стр. 100.

ного приведем следующие примеры из боханского говора, где произношение *т || и || с* территориально разграничено.

Улус Тараса	Улусы Эрхидей, Шаралдай	Улус Обуса	Перевод
арси	арши	арти	(водка)
тамси	тамши	тамти	(табак)
сируу	шируу	тируу	(иней)
гасирха	гаширха	гатирха	(выйти)

Тенденция развития *у* в *ө* наблюдается в Обусе и Кутанке. Здесь мы не касаемся говора усть-удинских бурят, которые в отличие от коренных боханских, в том числе и осинских бурят, жакают, но во всем остальном говор усть-удинцев довольно близок к говору осинцев.

В боханском говоре иногда наблюдается выпадение начальных звуков, например, *одоо* вм. *модоо* (нынче), *осоо* вм. *досоо* (внутри), *осоогуур* вм. *госоогуур* или *досоогуур* (внутри) и т. д. Встречается чередование некоторых звуков: *д || т* — *манта* вм. *манда* (нам), *м || н* — *умтарха* вм. *унтарха* (гаснуть); *р || д* — *хүдэг* вм. *хүрэг* (изображение), *з || д || ж* — *озирхо* вм. *одирхо*, *ожирхо* (Шарал. — войти), *д || һ* — *дуудаха* вм. *дууһаха* (кончать).

Переход *с* в *һ* представляет интерес с исторической точки зрения. В современном западнобурятском диалекте употребляется только *һ*, но данные говорят о том, что этот *һ* теперь употребляется только там, где в свое время был *с*. Б. Я. Владимирцов писал, что «при таком положении у монгольских племен, переходивших на степную кочевую жизнь, процесс фонетической эволюции должен был пойти скорее, и новые слова, а также старые, приспособленные к требованиям новой жизни, относившиеся к области кочевого быта, степной кочевой обстановки, оказались в формах новых. А многочисленные слова передавались и последующим поколениям в старой форме, отсталой потому, что многие представители различных монгольских племен и даже целые племена продолжали еще вести лесной звероловный образ жизни»¹. Но Ф. Энгельс в письме Блоху от 21-го сентября 1890г. справедливо заметил, что «Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономически... происхождения верхне-немецкого передвижения согласных»².

Звуковые изменения происходят в результате длительного процесса развития, зависящего от факторов развития самого языка, с одной стороны, и от рассеяности на большом пространстве мелких разобщенных групп — с другой стороны. Разобщенность служит причиной неодинаковых фонетических изменений под влиянием аналогий и связей с другими языками. В замкнутых территориальных пределах создавались не только лексические различия, но и звуковые.

В боханском говоре качество гласных и согласных в различных словах выявляется неодинаково, неравномерно. Слоги в каждом конкретном слове имеют различное количество звуков и поэтому качество образования или функционирования фонем различно.

В фонетическом отношении боханский говор не является единым, в нем наблюдается внутреннее различие, граница которого проходит приблизительно по прежним родоплеменным делениям.

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика, стр. 241.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1948, стр. 432.

Боханский говор в области морфологии не имеет отклонений по улусам, как это было в области фонетики.

Для боханского говора, как для всех монгольских диалектов, характерно суффиксальное словообразование. Но вместе с тем имеет место словообразование путем изменения гласных фонем, иначе говоря — внутренняя флексия, например: *бидаха* (пачкать) и *будаха* (красить), *арбаэха* (растопыриваться) и *эрбээхэ* (чуть-чуть растопыриваться), *сагаан* (белый) и *сэгээн* (светлый) и т. д.

Суффиксы словообразования

Многие словообразовательные суффиксы бурятского языка настолько слились с прежней основой, что последняя отдельно (без суффикса) не только не употребляется, но чаще всего и не мыслится. Для примера возьмем наиболее распространенный суффикс *-хан*: *са+хан* (снег), *у+хан* (вода), *мүлэ+хэн* (лед), *хоо+хон* (пустой), *ноо+хон* (шерсть), *шу+хан* (кровь), *шүү+хэн* (сок), *нара+хан* (сосна) и т. д. А о том, что *-хан* исторически представлял суффикс, говорит сравнительно-исторический анализ этих слов. С этой точки зрения интересно отметить, что, например, *шу* в чувашском языке означает «вода», с которыми сравните бурятское *шу+хан* (кровь).

В боханском говоре почти не встречается образование отвлеченных понятий типа литературного *барилга* (строительство), *хадалга* (жатва), *бодолго* (мысль) и др., но в нем употребительны такие слова, как *уялга* (привязь, связка), *идэлгэ* (взятка), *һуулга* (ведро), которые образованы также посредством суффикса *-лга*.

С суффиксом *-бари* (-мари) образуются имена: *хүдэлмэри* (работа), *хүтэлбэри* (руководство), *найдабари* (надежда), *түлбэри* (плата), *татабари* (налог), *нэхбэри* (иск) и т. д.

С суффиксом *-лан* образуются имена: *зоболон* (страдание), *хадалан* (сенокос).

Посредством суффикса *-гаан* образованы: *хонсиргоон* (стук), *хубилгаан* (оборотень), *түбжэргээн* (глухой стук), *хаасиргаан* (зов), *доһолгоон* (тряска) и т. д.

С помощью суффикса *-лдаан* образуются имена, обозначающие взаимные действия или действия многих лиц: *хонсирголдоон* (стуки), *түбжэргэлдээн* (глухой топот), *хаасиралдаан* (многократный зов), *доһолодоон* (многократная тряска), *алалдаан* (убийство взаимное), *барилдаан* (борьба), *буляалдаан* (споры) и т. д. Путем прибавления суффикса *-дан* (или *-даһан*) образованы: *инээдэн* (смех), *наадан* (игра), *хан аадан* (кашель), *үрмэдэн* || *үрмэдэһэн* (полынь), *хуудан* || *хуудаһан* (листья, страницы), *голодоһон* (отбросы), *хэршээдэһэн* (надрезы) и т. д. Суффикс *-мжа* образует такие имена, как *бүтэмжэ* (исполнение), *үлэмжэ* (остаток), *аргамжа* (веревка), *залгамжа* (связка).

Суффиксы *-мта* и *-лта* обнаруживаются в словах: *талгалта* (прием, гостеприимство), *гуламта* (очаг), *баримта* (детское одеяло), *хүндэлэлтэ* (угощение).

Большое распространение имеет суффикс *-га*: *урга* (аркан), *арга* (способ), *ганга* (богородская трава), *нюдарга* (кулак). Некоторые суффиксы образуют имена от глагольных основ, например, *-уур*: *таб'уур* (подставка), *шэгнүүр* (весы), *бар'уур* (ручка) и т. д. *-Уури*: *һуури* (сиденье, место жилья), *агнуури* (охота). *-Уурга*: *дамжуурга* (лестница), *набига ханжуурга* (тряпье), *хэнжүргэ* (то, что висит). *-Бси* (-бши):

зубси (веки), *далабси* (отвальная доска), *хурабиш* (наперсток). -*Аар*: *һургаар* (учение), *ур'аар* (приглашение). -*Аари* (-ээри): *бэлиээри* (пастбище), *ид'ээри* (гной). -*Аахаэ* (-уухаэ, -хаэ): *абаахаэ* (паук; санки), *яраахаэ* (мальки), *шубуухаэ* (воробей), *шэбишүүхээ* (свисток), *ангархаэ* (дыра).

Наряду с отмеченным выше суффиксом *-бари* встречается суффикс *-бар*: *шагаабар* (окно), *дол'ообор* (указательный палец) и т. д. Суффикс *-саг* имеет место в таких образованиях, как *гулинсаг* (пятое поколение — по нисходящей линии), *хонхосог* (ложбинка, углубление), *һархинсаг* (анатом. «книжка» — часть желудка) и т. д. Суффикс *-дээ* придает слову уменьшительный оттенок: *хүүхэлдээ* (кукла). Суффикс *-са* редко употребляется в боханском говоре: *эдисэ* (кушанье), *һургааса* (учеба).

Суффиксы, образующие имена качества, признака или свойства

Суффикс *-рхаэ*: *ангархаэ* (дырявый), *хахархаэ* (рванный), *һэтэрхээ* (сломаный), *бутархаэ* (раздробленный) и т. д. Суффикс *-лиг*: *мяхалиг* (мясистый), *хабалиг* (сильный). Суффикс *-мал*: *оёмол* (сшитый), *гүрэмэл* (плетеный), *зүһэмэл* (нарезанный). Суффикс *-мар*: *эдимэр* (обжора), *шадамар* (умелый, искусный). Суффикс *-маг*: *дутамаг* (недостаточный). Суффикс *-гар*: *хабтагар* (плоский), *годигор* (кривой), *бамбагар* (пушистый), *толигор* (гладкий), *набтагар* (низкий).

Суффиксы, обозначающие внешний вид. -*Нхаэ*: *туранхаэ* (тощий), *идэмхээ* (жадный, прожорливый). -*Рхуу*: *һаэрхуу* (хвастливый), *бөөрхуу* (шаманистый), *ноёрхуу* (начальствующий), *хасархуу* (скуластый), *саһархуу* (обильный снегом) и т. д.

Уменьшительный суффикс *-хан*: *бишаэхан* (маленький), *һүсүүхэн* (приятенький), *амтаэхан* (сладенький), *наришхан* (тоненький), *һэрүүхэн* (прохладенький) и т. д.

Разновидностью уменьшительного суффикса является *-хээ*: *ербээхээ* (бабочка), *хүүхээ* (девочка), *дүүхээ* (барышня), *изыхээ* (бабенка), *зубүүхээ* (летунья) и т. д. Этот суффикс имеет не только уменьшительный, но и ласкательный оттенок. Суффикс *-гуу* имеет оттенок предикативности, например: *ирэнгуу* (просящий; горделивый), *бөөлэнгүү* (шаманящий), *бадарангуу* (кричащий, приказывающий) и т. д. Суффикс *-сир*: *улансир* (раскаленный), *хоро холсир* (неэкономный), *үлэнсир* (голодненький), *бахансир* (веселенький) и т. д. Суффикс *-гар*: *мандагар* (большой), *халсагар* (облезлый), *гэлэгэр* (прозрачный), *элегэр* (прямоватый) и т. д. Суффиксы *-мгаэ*, *-лгаэ* образуют имена прилагательные: *налгаэ* (спокойный), *һолгоэ* (рассеянный), *шумгаэ* (быстрый), *ухамгаэ* (понятливый), *хэлэмгээ* (говорливый), *шошомгоэ* (пугливый), *халамгаэ* (выпивший). Суффикс *-ша* образует качественные прилагательные, характеризующие человека по его деятельности: *үльгэршээ* (сказитель), *загаһаша* (рыбак), *зугааша* (певец) и т. д. Если эти прилагательные употребляются без определяемого слова, то они играют роль существительных. Суффикс *-мхаэ* является разновидностью суффикса *-мгаэ*, выражает те же качества, что и *-мгаэ*: *аэмхаэ* (боязливый), *шошэмхээ* (пугливый), *идэмхээ* (ирожерливый). Имеется суффикс *-ши* || *-си* || *-ти*, который употребляется с именем в родительном падеже: *харгынси* (дорожный), *хүгүнээси* (чужой), *һолоэнси* (дальний), *оэрхээнси* (ближний). Несколько с дургим оттенком употребляется суффикс *-сии* || *-иши* || *-тии*: *харгынси* (принадлежащий дороге), *хүүнээсии* (принадлежащий чужим), *һолээнси* (относящийся к далекому), *оэрхээнси* || *ойрхээнси* (принадлежащий близким), *ноһоэнсии* (принадлежа-

щий собаке) и т. д. Суффикс *-шуул*: *залуушуул* (молодые), *бэрхэшуул* (молодцы), *ехэшуул* (большие), *дархаишуул* (кузнецы). Суффикс *-дал*: *ябадал* (хождение), *гүйдэл* (бег), *байдал* (состояние, положение), *хуудал* (сидение), *үхэдэл* (смерть) и т. д.

Склонение

Склонение имен в боханском говоре почти не отличается от склонения в других западнобурятских говорах.

1. Родительный падеж имеет в боханском говоре следующие падежные окончания: *-и*, *-ээ*, *-аэ*, *-ээн*, *-аэн*, *-гаэ*, *-н*.

Если слово оканчивается на долгий гласный, то оно в родительном падеже имеет окончание *-гаэ*: *буруу* — *буруугаэ* (теленка); если слово оканчивается на краткий гласный, то в родительном падеже имеет окончание *-аэн* (*-ээн*): *эхэ* — *эхээн* (матери), *хуула* — *хуулаэн* (ведра) и т. д.; если слово оканчивается на дифтонг, то оно принимает окончание *-н*: *харгуй* — *харгуйн* (дороги), *хургуй* — *хургуйн* (жерди).

Окончание *-аэ* характерно для слов, оканчивающихся на *д*, *л*: *буряад* — *буряагаэ* (буряты), *булад* — *булагаэ* (булата), *гал* — *галаэ* (огня). Эти же слова могут иметь и другое окончание *-ии* с тем же значением: *буряагии*, *булагии* (бугата), *мангагии* (русского).

Слова, оканчивающиеся на *н*, в родительном падеже имеют окончания *-и*, *-ээ*: *модон* (дерево) — *модонээ* и *модони* (дерева), где исконным для боханского является окончание *-и*.

2. Винительный падеж имеет следующие окончания: *-и*, *-йи* (*-йэ*), *-ийэ* (*ийи*).

Слова, оканчивающиеся на согласный (кроме *н*), в винительном падеже имеют окончание *-ии* или *-и*: *булаг* (ключ) — *булайи* (ключа), *мангад* (русский) — *мангагии* (русского); слова, оканчивающиеся на долгие гласные, имеют окончания: *-йэ* (*-йи*): *минаа* — *минаайэ* (бича), *хүрээ* — *хүрээйэ* (пилу); слова, оканчивающиеся на краткие гласные, имеют окончание *-ийэ* (*-ийи*): *модо* — *модыйэ* (дерева), *хони* — *хонийэ* (овцу). Следует отметить, что в боханском говоре по сравнению с литературным языком гораздо чаще употребляется неформальный винительный падеж.

3. Исходный падеж имеет окончание: *-һаа* (*-һээ*, *-һоо*), но начальный *һ* этого окончания иногда выпадает, например: *гэрһээ* — *гэрээ* (из юрты), *бумбаараһаа* — *бумбаараа* (из амбара), *хээрэһээ* — *хээрээ* (с поля), *тураһаа* — *тураа* (из дома) и т. д. После долгих гласных и дифтонгов *һ* сохраняется всегда: *дүүһээн* (от младшего своего брата), *бурууһаан* (от теленка своего). Конечный *н* основы при прибавлении суффикса исходного падежа сохраняется: *моринһоо* (с лошади), *модонһоо* (с дерева) и т. д.

4. Местный падеж имеет следующие окончания *-да* (*-дэ*, *-до*), *-та* (*-тэ*, *-то*). В данном случае боханский говор не имеет отличия от литературного бурятского языка: *газарта* (на земле), *Москвада* (в Москве), *модондо* (на дереве).

5. Дательный падеж по своей форме ничем не отличается от местного, только отвечает на другой вопрос: *юундэ?* (чему?), тогда как местный падеж имеет вопрос *хаана?* (где?).

6. Совместный падеж имеет окончание: *-таэ* (*-тээ*): *шулутаэ* (с камнем), *моритээ* (с лошадыю).

7. Орудный падеж имеет окончание *-аар* (*-ээр*, *-оор*) и *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*): *тарагаар* (хлебом), *түлэггээр* (дровами), *хониhoop* (овцами), *модоор* (деревом).

Окончания падежей в боханском говоре имеют небольшие разли-

чия по улусам. Так, в Верхнем Шаралдае винительный падеж имеет окончание с личным притяжением -гоо, например, *моригоо* (своего коня), *хонигоо* (свою овцу). В улусах Обуса, Новостройка, Буреть окончания родительного падежа с личным притяжением имеют в конце палатализованный *н*, что не характерно для других улусов. Например, *хүүхээнийн* (его дитя), *гахаэнийн* (его свинья), *баабазнийн* (его отец).

Множественное число

Множественное число образуется при помощи суффиксов -д, -ууд (-үүд), например, *тасяаууд* (курицы), *нохоэууд* (собаки), *гахаэууд* (свиньи), *тэмээдүүд* (верблюды), *нимаад* (козлы), *хүгиид* (жены), *һамагад* (женщины). Там, где вместо -д путем чередования появляется фарингальный *һ*, последний то употребляется, то выпадает: *һуулгууд* || *һуулгуһууд* (ведра), *модууд*, *модоһууд* (деревья). Литературный суффикс множественного числа -нууд (*галуунууд* — гуси) в боханском говоре не употребляется, а заменяется суффиксом -д: *галуунууд* — *галууд* (гуси), *хүнүүд* — *хүүд* (люди). Суффикс -нууд зарегистрирован только в сказке, записанной в улусе Буреть: *Ахануудын, Ибаан тэнэг юу ойлгохым гээд, бодонобээ* (Братья не обращают внимания на Ивана, считая его ничего не понимающим дураком).

От собирательных имен типа *ногоон* (трава), *уһан* (вода), *оэ* (лес), *түлээн* (дрова) и т. д. множественное число не образуется. Имеется суффикс множественного числа -шуул (-шүүл), обозначающий определенную группу людей: *бөөшүүл* (шаманы), *ехэшүүл* (великие), *дархашуул* (кузнецы), *һазшуул* (молодцы).

Изредка для образования множественного числа употребляется суффикс -тан со значением «имеющие что-тс», например, *буутан* (люди, имеющие оружие), *моритон* (люди, имеющие лошадей).

Местоимения

Личные местоимения. В боханском говоре имеются следующие личные местоимения: *би* (я), *ии* (ты), *биди* (мы), *таа* (вы). Формы *өөһэн* (он сам) и *өөрөө* (сам) относятся к показателям 3-го лица единственного числа. В роли личных местоимений 3-го лица используются и указательные местоимения.

Указательные местоимения: *энэ* (этот), *эдэ* (эти), *тэрэ* (тот), *тэдэ* (те). К ним также относятся *иимэ* и *тиимэ* со значением *такой*, *инаэхан* || *наэхан* и *тараэхан* со значением *вот столько*, *уды* и *туды* (столько), *мүнөөши* (-ти, -си) (тот самый).

Указательные местоимения склоняются по всем падежам. Примеры:

И.	энэ	тэрэ
Р.	энээнэ	тэрээнэ
Д.	энээндэ	тэрээндэ
В.	энээни	тэрээни
Совм.	энээнтээ	тэрээнтээ
Исх.	энээнһээ	тэрээнһээ

К указательным местоимениям можно отнести местоимения наречного характера типа *наана* (ближе), *саана* (дальше), *наагуур* (по близости), *саагуур* (дальше, туда), которые указывают местоположение чего-нибудь.

Вопросительные местоимения: *хэн* (кто?), *юун* (что?), *хэм* (кто?), *юум* (что?), *хэр* (как?), *ямар* (какой?), *алин* (который из них?), *худы* (сколько?).

Местоимение *хэм* (кто?) носит более конкретный характер, чем *хэн*. Оно не склоняется по падежам и не имеет личных притяжаний.

В функции прямого и косвенного дополнения вопросительные местоимения сочетаются с послелогоми, например, *юуни хоэно*, *хэнии урда* и т. д.

Возвратное местоимение: *өөһэн* (он сам), мн. ч. *өөһөд*. *Өөөһэн* отсутствует в литературном бурятском языке. Возвратное местоимение *өөрөө* (сам) не имеет формы множественного числа.

В улусе Буреть местоименно *өөһэн* употребляется вместо слова *бэе*, например, в сказке «*Төөсхэн хубуун*», записанной Казаковым, есть форма *өөһэниши идэхэм* — «самого тебя съем».

Безразличные местоимения. К ним относятся *иимэ*, *тиимэ* (такой), *иихэ*, *тиихэ* (делать так).

Между местоимениями *иимэ* и *тиимэ* есть разница только в смысле указания места, хотя на русский они переводятся одним словом. Местоимения *иимэ*, *тиимэ* имеют производные глагольно-местоименные формы: *иижэ*, *тиижэ*; *иигээрээш*, *тиигээрээш*; *иигээт*, *тиигээт*; *иийээр*, *тиийээр*; *иийэн*, *тиийэн*; *иигээ*, *тиигээ*; *иихэдэн*, *тиихэдэн*. Самостоятельно они не употребляются, а встречаются только в сочетании с другими глагольными формами.

Говоря о местоимениях, нельзя не отметить, что в улусах Буреть и Хандагайтай вместо обычных *манда* и *танда* говорят *маништа* (к нам, у нас) и *таништа* (к вам, у вас). В других улусах Бохана употребительны также *манаэда* и *танаэда* в тех же значениях.

Частицы сказуемости. Кроме притяжательных суффиксов, в боханском говоре имеются частицы сказуемости, которые имеют местоименное происхождение. Они присоединяются к основам глагола, а также к именам, выступающим в роли сказуемого. Примеры: *Би ерээб* (Я пришел), *Ши ерээш* (Ты пришел), *Таа ерээт* (Вы пришли); *Би ахаб* (Я старший), *Ши ахаи* (Ты старший), *Биди ахабди* (Мы старшие), *Таа ахат* (Вы старший); *Би хубуунишиб* (Я твой сын), *Ши хубуумниш* (Ты мой сын), *Биди хубуунтнаэбди* (Мы ваши сыновья), *Таа хубууништ* (Вы его сын).

Часто в боханском говоре употребляются сложные предикативные формы — *бисдаа*, ранее являвшиеся вспомогательными глаголами. Такие формы как *бис*, *боо*, *моо* (-б) в боханском говоре широко употребительны. Они образовались от древней формы *буй*. Частица *бис* имеет свою полную форму — *биизэ* (форма сомнения), *боо* (*моо*): *тиимиш моо* (таков есть). Форма опасения *бисдаа* употребляется при неуверенной речи: *Тэрэш тиимэ бисдаа* (наверно, оно так и есть), а при уверенной речи принимается форма *бообдаа*: *Тэрэ тиимэ бообдаа* (Так оно и есть).

Наречие

Наречия в боханском говоре образуются от разных частей речи и оформляются морфологически по-разному. Некоторые из них образуют еще производные наречия путем редупликации корня или посредством других морфологических средств.

В говоре боханских бурят встречаются следующие наречия: *туруун* (раньше), *туруунээ* (издавна), *угаһаа* (издавна), *дунда* (средний, середина), *дундуур* (средний, середине), *урда* (впереди, раньше), *урдуур* (впереди, по южной стороне), *хоэно* (позади, на северной сторо-

не), *хоэгуур* (сзади, по задней стороне), *хуүлдэ* (после, затем), *утаа-шин* (вдоль), *үнжөөд* (через день), *үнгэрэхөөр* (чересчур), *уртаад* (первым), *урдахана* (вот недавно), *хаэшин* (куда?), *һэмээхэнээр* (исподтишка), *зориин* (нарочно), *нэгэтэ* (однажды), *зангаараа* (по-прежнему), *хартандиа* (напрасно), *удангуэ* (вскоре, не промедлив), *өөрэ үбээ* или *өөрсэ үбээ* (безразлично, одинаково), *хамнара* (сплошь), *хуу* (сплошь, все), *тугаар* (давеча), *тугаараэ* (недавно).

Имеются наречия с усилительными частицами. Эти частицы не имеют самостоятельного значения и употребления. Например: *аб адли* (одинаково), *гэб гэмтэ* (вдруг), *зэб зэргэ* (равно), *хоб хороор* (ядовито).

Имеются наречия, которые не образованы от каких-либо имен: *алгад гарха*, (разойтись), *бага* (мало), *багса* (вплотную), *бала* (вдребезги), *булга хүрэхэ* (вывихнуть), *гүдэргээ* (назад), *ураэгшаа* (вперед), *дасин || дашин* (снова), *доло* (дочиста), *дүтэ* (близко), *дэмээ* (зря, напрасно, попусту), *мүнөө* (сейчас), *мэнэ һая* (недавно), *ондоо* (другой), *ондоогоор* (по-другому), *орээ* (поздно), *сүү* (насквозь), *шэхэ* (прямо), *таһа* (совсем, наотрез), *тодо* (ясно, отчетливо), *түргэн* (быстро), *тэнэ* (вдребезги), *уда татаха* (разорвать), *үни* (долго), *халта || мүлтэ* (мимо), *хаха* (пополам), *ходо* (постоянно), *хуүлдэ* (после), *холо* (далеко), *хурдаар* (быстро), *хуха* (постоянно, непрерывно), *һая* (сейчас), *һула* (свободно), *һэргэг* (бдительно), *шалай балай* (так и сяк), *шанга* (крепко), *һһала* (очень, довольно, достаточно, вполне), *азхабта* (удивительно), *һөөл* (слишком — употребляется не во всех улусах), *шал* (совсем).

Наречия, образованные из парных слов: *бага сага* (помаленьку), *ишиээ тишиээ* (туда-сюда), *мууса (мууса һаэса)* (так-сяк), *абир шибир* (шепотом), *гүбэр шибир* (шепотом), *эндэ тэндэ* (там-сям), *дээшэ доошо* (вверх и вниз), *хаана яана* (везде и всюду), *урда хоэно* (вперед и назад), *һураг зориг* (слышно), *хулиб халиб* (так себе), *бага зэргэ* (мало), *ябууд хоорондо* (сейчас, быстро), *ами амяараан* (сами по себе, отдельно), *буур туур* (еле-еле).

Наречия, показывающие пространственные отношения: *баруугаар* (правой стороной), *зүүгээр* (левой стороной), *хоэгуур* (задней — или северной — стороной), *урдуур* (спереди), *холуур* (подальше).

Наречия времени и меры: *утархаэгаар* (по половине), *үрөөһөөр* (по половине целого), *дабхараар* (в два слоя), *ганса* (одинок), *недондо* (в прошлом году), *урзанда* (в позапрошлом году), *эстэр* (вчера), *уржсдэр* (позавчера), *маргаар || малгаар* (завтра).

Наречия со значением однократного действия: *бута* (вдребезги), *ото* (совсем), *зада* (насквозь), *далба* (на прорыв), *ходо* (всегда), *мулта татаха* (выдернуть), *мэнэ мэнэ* (вот сейчас), *шобто* (насквозь). Наречия, образованные от разных частей речи: *баһа* (опять), *һөөргөө* (назад), *мэнэ һая* (недавно), *хамта* (вместе), *сутаа* (вместе), *яар* (очень), *митии* (зря, даром), *анжиран* (быстро, в скором времени), *бала* (не так), *хаха* (пополам), *хари* (да, пожалуй), *һуха* (непрерывно, всегда), *одоош* (с тех пор), *нээрээ* (правда), *бүхэлдээ* (определенно), *бэлхэнээр* (легко), *һазсар* (хорошо), *муугсар || муусар* (плохо), *бүтүү* (зря), *сирюун* (отлично), *ямар хэмэр* (как бы то ни было), *заэдаар* (вхолостую), *мэнэ-гээр* (сейчас), *шуумгаэ* (быстро), *угаа* (издавна), *һаяшаг* (недавно), *залиб зуур* (мигом), *бэри* (совсем), *дан* (не так, умеренно), *аста* (на боках), *багса* (вплоть), *балаэ* (не так), *һарюу* (неправильно, криво), *халаэ балаэ* (так себе, спустя рукава), *угаэдаан* (хоть), *хуүлдэ* (после), *гэмтэ* (вдруг), *эртэ* (рано), *ороз* (поздно), *адли* (одинаково), *зуураа* (мимоходом, по пути), *тушаа бэри* (там и сям), *мэтэ* (подобно), *азмаиш-таэ* (удивительно), *зэргэ* (одновременно).

Послелогои

Послелог *соо* имеет значение *внутри*, *в*, например: *гэр соо* (в доме), *уһан соо* (в воде), *уһан соогуур* (по воде) — в данном случае мы имеем падежную форму. *Адли* (одинаковый, подобный): *хүүн адли* (подобно человеку). Послелог *бартаэ* употребляется с глаголом в инфинитивной форме будущего времени, например: *Галсилаха бартаэ* (Как будто будет ветер), *Үүр саэха бартаэ* (Как будто приближается рассвет). Послелог *биидэ* (на той стороне) образован от слова *бэе* (тело) — *ара биидэ* (на северной стороне). *Заха* (край) — *модони захада* (на краю леса); этот послелог может быть не только в местном, но и в орудном, исходном и др. падежах — *захаар*, *захаһаан* и т. д. Послелог *орэ* (вершина) употребляется в местном и исходном падежах, например: *хуһани ороэдо* (на вершине березы), *хуһани ороэһоо* (с вершины дерева). *Сасуу* (ровесник) по значению синонимичен с послелогом *адли*: *энэнтээ сасуу* (одинаково с этим). *Тала* (простор) в некоторых конструкциях переводится как «промежуток», например, *нэгэ ели тала* (в промежутке одного года). Он встречается в форме орудного, винительного, исходного, местного падежей. Послелогои *узуур* (корень) и *үзүүр* (вершина) употребляются в местном, исходном, орудном падежах, например: *модони узуурта* (под деревом, у дерева), *модони узуурһаа* (из-под дерева), *модони үзүүртэ* (на вершине дерева). *Хажуу* (бок) употребляется в исходном, местном и орудном падежах, например: *гали хажууда* (около костра), *тураэн хажуугаар* (мимо дома), *гэри хажууһаа* (от юрты) и т. д. Послелог *худар* употребляется только в своей основе, имеет значение направления в пространстве, например: *Ирхүү худар* (В Иркутск). Послелог *шадар* имеет значение *близко к чему-нибудь*, например: *Оэ шадар ябана* (Близко к лесу идет). Послелог *тулса* образован от глагола *тулаха* (упираться) — *үһээдэ тулса* (до потолка).

Некоторые наречия выступают в качестве послелогов, когда позиционно примыкают к имени, например, *дээрэ* (наверху), *доро* (внизу), *наана* (ближе), *саана* (дальше), *тэндэ* (там), *урда* (впереди), *хоэно* (позади).

Кроме того, в функции послелогов выступают следующие слова: *гадна* (кроме) — *түүнһээ гадна* (кроме того); *дунда* (среди, посредине) — *хубууһии дунда* (среди ребят); *зуураа* (по) — *харгы зуураа* (по пути), *ябаха зуураа* (мимоходом); *өөдэ* (вверх) — *тэнгэри өөдэ хара* (смотри на небо); *орондо* (вместо) — *түүни орондо* (вместо того); *тэндэ* (середина), *һүн' тэндэ* (в середине ночи); *тула* (для) — *баяжахын тула* (для разбогатения); к нему близко по значению слово *түлөө* — *талгахын түлөө* (для уважения); *тухай* (для) — *юуни тухай* (для чего); *тээ* (сторона), — *баруун тээ* (на правой стороне); *тээшэ* — *баруун тээшээ* (на правую сторону, на запад), или *хабар тээшэ* (к весне), но *баруун тээгүүр* (по правой стороне) выражает пространственное отношение.

Послелог *хамта* (вместе) всегда выражает *совместность*, *соучастие*: *гархын хамта* (вместе с выходом), или *тэдэ хамта* (те вместе). Послелог *шэнээн* имеет значение *меры* или *величины*, например, *хүды шэнээн* (какой величины).

Частицы

В боханском говоре употребляются следующие частицы: вопросительная частица *ги* (*йи*): *морин ги* || *морин йи?* (лошадь ли?). Частица *лэ* (*ла*) выражает утверждение, достоверность, например,

энш ногоон лэ (это же трава). Частица *ша* выражает уступку в чем-либо и соответствует русской частице *ли*, например, *ябажшия* (стоит ли пойти), *баһаша* (хоть опять), *хүүниэ* (хоть человек). Уступительная частица *ша* — *Һуужаша баэжаша үгэнэ үбээ* (Не желает ни посидеть, ни постоять), *хэбтэнэшиэ*, *ябанашиа*, *һуунашиа* (и лежит, и ходит, и сидит). Частица сравнения *шэ* (подобно): *хабхэршэ* (черноватый), *халмагашэ* (выпивший). Частица *-лдаа* выражает утверждение, достоверность: *тураэн хоэноһоолдаа* (сзади дома же). Она состоит из двух компонентов *л* (от *элэ*) и *даа* (от *дэаа*). Частица *ма* выражает достоверность, например: *шими ма* (вот так оно и есть), *ябаһи ма* (уже ушел), *гүүй ма* (глубокий). Частица *ми* имеет вопросительное значение, например, *Тиими ми?* (Разве это так?), *Хони ми?* (Овца ли?), *Хөхы ми?* (Синий ли?), *Ошоһи ми?* (Разве он ушел?) Эта частица присоединяется к любому слову: к именам, глаголам, служебным словам, числительным, прилагательным и притягательным местоимениям. Частица *-шиидаа* встречается в разговорно-повествовательной речи в качестве утверждения. Иногда эта частица указывает действие, которое произошло в прошлом или произойдет в будущем, например, *Бэээрэн Москва ябахымишиидаа* (Сам уезжает в Москву). В данном случае все предложение относится ко второму лицу, а если предложение относится к первому лицу, то в середине частицы вклинивается показатель первого лица *-б*, например, *Би бэээрэн Москва ябахымишибдаа* (Я ведь сам должен ехать в Москву). Частица *-бишиидаа* состоит из двух компонентов: *биши* и *даа*. Частица *даа* означает утверждение, а *биши* — это не что иное, как *бэшиэ* (другой, иной), но, видимо, восходит к общемонгольскому *ви || си* (иной, другой) от *ви-sи id*. Таким образом, вся эта частица состоит из комплекса отрицания и утверждения, но значение последнего превалирует и подчиняет второе, в результате чего и получается слово с положительным значением.

Отрицательная частица *бэшиэ* в боханском говоре употребляется только в вопросительных формах: *Морин бэшии?* (Не конь ли?) и *Тиимэ бэшии?* (Не так ли?).

Частица *хаяа* выражает вероятность, предположительность, например, *тиимэ хаяа* (наверное, так), *ябаха хаяа* (наверное, пойдет), *үзүүлхэ үбээ хаяадаа* (наверное, не покажет), *ошохо хаяаштаа* (наверное, пойдет или пойдут). Форма *хаяа* иногда выступает в усеченной форме (*ш* — показатель второго лица). Частица *-л* (*-ла*) выражает достоверность: *тэрэи түмэр лэ* (то есть железо). Частица *-б* выражает вопрос: *юун болооб?* (что случилось?), *яагааб?* (что случилось?), *хэр гээб?* (скоро ли конец?). Частица *гаэ* подчеркивает сказанное с целью выделить или акцентировать то ли иное слово: *хүүрин гаэ* (что касается его слов). Иногда эта частица употребляется при выражении временной функции, например, *Ирхүү орхдон гаэ хоэноһоон ороо* (Когда он поехал в Иркутск, то поехал за ним). Частица *тээ* выражает утверждение, обозначает факт, не вызывающий сомнения, она соответствует русской частице *же*, например, *Хубүүнтнаэ бэри һаагаа болиимши т'ээ* (Ваш сын в помощи уже не нуждается) в значении «ваш сын стал уже большой», *үбээшии т'ээ* (нет же), *хэлыи т'ээ* (скажи же). *Моо* является предикативной частью, которая подчеркивает сказанное, служит для усиления смысла высказывания, например: *үбээ моо* (вовсе нет), *ехи моо* (очень большой), *ошхи моо* (неприменно пойдет). Частица *-шиимаад* имеет уступительный оттенок, например, *Ошоһошиммаад*, *ошоо үбээб* (Хотя и должен был пойти, но не пошел). Она употребляется только с глаголами. Частица *-шка* выражает усиление. Она соот-

ветствует частице литературного языка *-шье*: *Юундашка хэрэг үбээ* (Ни к чему не пригодно).

Звукоподражательные слова

В боханском говоре звукоподражательные слова имеют большое распространение. Приведем примеры: *хэр-хэр хазана* (грызет с хрустом — о собаке); *минаагаар шаб-шаб гэхэ дуулдана* (слышен звук «шап-шап»); *тал-мал гэжэ хэлэнэ* (говорит еле понятно, говорит с трудом); *бард-бард гэнэ* (воинственно покрикивает); *дуур-дуур гээд абааб* (чуть-чуть вздремнул); *хаб-хаб гэнэ* (гремит); *хон-хон гэнэ* (звонит «хон-хон»); *жир-жир гэлдэнэ* (чирикают — о птицах); *һар-һар ябана* (*ходит — шелестит*); *тас-няс гэнэ* (раздаются громкие стуки); *пас-пас ябана* (ходит «пас-пас» — тяжелая походка человека); *шал-шал гэнэ* (шлеп-шлеп); *нял-нял ид'энэ* (ест, шлепая губами); *таб-таб гэшхэнэ* (шагает «топ-топ»); *яр-яр дуугарна* (кричит звонко, пронзительно) и т. д.

Звукоподражательные слова эмоционально окрашивают речь, делая ее полнее, красочнее и разнообразнее.

Союзы

В боханском говоре нет специальных союзов, какие имеются в литературном бурятском языке типа *хэрбээ* (если), *ба* (и) и других, но в роли союзов употребляются такие слова, как *түүгээд* (затем), *али* (или).

Числительные

В исследуемом говоре имеются количественные, порядковые, собирательные, разделительные и распределительные числительные.

К количественным числительным относятся: *нэгэн* (один), *хсёр* (два), *гурёсн* (три), *сүрбэн* (четыре), *табан* (пять), *ёргон* (шесть), *бслссн* (семь), *каэман* (восемь), *кһэн* (девять), *арбан* (десять), *хорин* (двенадцать), *гүшан* (тридцать), *душэн* (сорок), *табин* (пятьдесят), *ёрон* (шестьдесят), *далан* (семьдесят), *наян* (восемьдесят), *ерэн* (девятьюсто), *зуун* (сто).

Порядковые числительные образуются путем прибавления к основам количественных числительных суффикса *-т'ха* (лит. *-дахи*): *нэгэт'хэ* (первый), *хоерт'хо* (второй), *гурбат'ха* (третий) и т. д.

Собирательные числительные: *хоюулан* (вдвоем), *гурбуулан* (втроем) и т. д.

Разделительные числительные: *нэжээд* (по одному), *хошоод* (по два), *дүрбөөд* (по четыре) и т. д.

Распределительные числительные семантически приближаются к разделительным: они образуются путем прибавления суффикса сродного падежа *-аар* (*-ээр*, *-оор*, *-өөр*) к основам разделительных числительных, например, *хошооһоор* (по два), *гурбааһаар* (по три), *дүрбөөһөөр* (по четыре) и т. д.

Иногда по улусам *д* не переходит в *һ* и тогда употребляются числительные: *хошсдсор*, *гурбаадаар*, *дүрбөөдөөр* с теми же значениями.

Нередко употребляются кратные числительные: *нэгэтэ* (однажды, один раз), *хоёрто* (дважды), *гурбата* (трижды, три раза), *арбата* (десять раз). Вместо обычного *нэгэн* (один) употребляется иногда слово *ганса*, которое может принять уменьшительный суффикс *-хан*: *гансахан* (одинокий), а в улусе Обуса говорят *гансляхан* с тем же значением.

Дробные числительные образуются путем прибавления слова *ху-би* к знаменательным, причем знаменатель говорится раньше, а потом числитель, напр., *гурбанай нэгэ ху-би* (одна третья), *гурбанай хоёр ху-би* (две третьих). Вместо *халтагай* (половина), имеющегося в других западных говорах, употребляется слово *утархай*, а слово *үрөөхөн* будет только в значении «вторая половина чего-нибудь».

Глагольная основа

Глагольные основы делятся на первичные и вторичные. Первичными основами являются глаголы, которые дальше неразложимы: *гара* или *гар* (выходи), *оро* или *ор* (войди). Вторичные основы образуются прибавлением к первичной основе суффикса, причем могут наслаиваться друг на друга, например, *харааха* (ругать), *хараалгаха* (подвергнуться ругани), *хараалгуулха* (вынудить, чтобы он поругал кого-то), *хараалгуулагдаха* (быть поруганным через посредство кого-то). Производные глаголы образуются от имен, наречий, междометий, а также от глагольных основ. Суффиксы, образующие производные глаголы, подчиняются закону гармонии гласных.

Образование глаголов от имен существительных

В боханском говоре имеются следующие суффиксы, образующие глаголы от имен существительных:

Суффикс *-ла* (-ло, -лэ): *шүдэр* (пути) — *шүдэрлэхэ* (надевать пути), *хэрэг* (дело) — *хэрэглэхэ* (нуждаться), *олзо* (находка) — *олзолохо* (присвоить находку), *тамга* (печать) — *тамгалаха* (поставить печать).

Суффикс *-та* (-то, -тэ) или *-да* (-до, -дэ): *мүлэһэн* (лед) — *мүлэһэтэхэ* (обледенеть), *хөөһэн* (пена) — *хөөһэтэхэ* (пениться), *гэрэл* (свет) — *гэрэлтэхэ* (испускать лучи), *тоһон* (масло) — *тоһодохо* (мазать маслом).

Суффикс *-рха* (-рхо, -рхэ): *зүһэн* (вид) — *зүлэрхэхэ* (опознавать), *һаззагаэ* (грозный) — *һаззагаэрха* (важничать). Суффикс *-ша* (-шо, -шэ): *хура* (собрать) — *хурашаха* (удти часто. — О дсжде).

Суффикс *-на* (-но, -нэ): *хэм* (мера) — *хэмнэхэ* (мерить), *һам* (гребенка) — *һамнаха* (причесываться). Суффикс *-р*: *сомсо* (куча, скирда) — *сомоорхо* (скупчиваться).

Образование глаголов от имен прилагательных

Суффикс *-дха* (-дхо, -дхэ): *бага* (маленький) — *багадхаха* (уменьшить, сузить, сокращать), *шанга* (крепкий) — *шангадхаха* (укреплять, усиливать), *ехэ* (большой) — *ехэдхэхэ* (сделать больше).

Суффикс *-р*: *зузаан* (толстый) — *зузаарха* (утолщаться), *нэмэгэн* (тонкий) — *нэмгэрхэ* (стать тоненьким).

Суффикс *-жа* (-жо, -жэ): *бүхэ* (крепкий) — *бүхэжэхэ* (укрепиться), *хаһан* (засохший) — *хаһажаха* (засохнуть).

Суффикс *-ла* (-ло, -лэ): *мангар* (похмелье) — *мангарлаха* (плохо чувствовать себя с похмелья), *нээрмэг* (сон) — *ноэрмоглохо* (бредить во сне), *тарган* (жирный) — *таргалаха* (сжиреть, быть упитанным), *арсун* (чистый) — *аржулаха* (очистить).

Суффикс *-да* (-до, -дэ): *хурса* (острый) — *хурсадаха* (заострить, точить), *түргэн* (быстрый) — *түргэдэхэ* (грячиться), *халуун* (горячий) — *халуудаха* (быть в жару, страдать от жары).

Суффикс *-рха* (-рхо, -рхэ): *ехэ* (большой) — *ехэрхэхэ* (высокомерно вести себя), *алая* (шаловливый) — *алаярхаха* (баловаться), *муухай* (худой) — *муухээрхаха* (замышлять худое).

Суффикс *-шаа* (*-шоо*, *-шээ*, *-шөө*): *буруу* (неправильный) — *буруу-шааха* (считать неправильным), *зүб* (правильный) — *зүбшөөхө* (считать правильным), *ехэ* (большой) — *ехэшээхэ* (считать большим).

Суффикс *-та* (*-то*, *-тэ*): *обор* (плохой) — *обортохо* (быть в плохом положении, ухудшаться), *буурал* (седой) — *бууралтаха* (седеть), *наэхан* (красивый) — *наэхатаха* (быть красивее).

Суффикс *-ра* (*-ро*, *-рэ*): *дүлээ* (глухой) — *дүлээрэхэ* (оглохнуть), *муу* (плохой) — *муураха* (худеть).

Образование глаголов от глагольных основ

К производным глаголам от глагольных основ относятся: 1) побудительные, 2) страдательные, 3) взаимные, 4) совместные, 5) возвратные, 6) многократные.

Страдательные глаголы образуются при помощи суффиксов *-гда* (*-гдо*, *-гдэ*): *баригдаха* (быть пойманным), *алагдаха* (быть убитым), *үзэгдэхэ* (быть видным); *-та*, *-да*: *абтаха* (быть взятым), *үгтэхэ* (быть отданным).

Побудительные глаголы образуются при помощи суффикса *-уул* (или *-гуул*): *ид'үүлхэ* (заставить есть), *оруулха* (заставить войти), *байлгуулха* (заставить стоять), *болгуулха* (дать поспеть), *хулуулгуулха* (заставить красть).

Взаимные глаголы образуются при помощи суффикса *-лда* (*-лдо*, *-лдэ*): *мэдэлдэхэ* (узнавать вместе), *ошолдохо* (идти вместе), *барилдаха* (бороться), *хүрэлдэхэ* (ругаться).

Совместные глаголы образуются при помощи суффикса *-лса* (*-лсо*, *-лсэ*): *хүргэлсэхэ* (проводить вместе), *мэдэлсэхэ* (узнавать вместе), *наадалсаха* (играть вместе).

Возвратные глаголы образуются прибавлением суффикса *-ра* (*-рэ*): *нэмтэрэхэ* (рассекаться), *нугараха* (перегибаться), *таһараха* (разорваться), *бэдэрэхэ* (искать).

Многократные глаголы образуются прибавлением суффикса *-сагаа* (*-сэгээ*): *ябасагааха* (похаживать), *унасагааха* (надать неоднократно), *инэсэгээхэ* (посмеиваться).

Повелительные формы глагола

Повелительные формы в боханском говоре выступают в функции сказуемого в предложении: они выражают действие или состояние в будущем времени. Повелительные формы имеют все три лица и могут употребляться с отрицанием *бу*.

Ф о р м ы о б р а щ е н и я. Обращение к первому: первое лицо имеет суффикс *-нуу*, например, *яба-нуу-б*. Множественное число образуется при помощи суффикса *-ибди*, *-йибди*. Обращение ко второму лицу: эта форма совпадает с основой глагола. Примеры: *яба* (иди), *ошо* (ступай), *ерэ* (иди). Множественное число образуется прибавлением суффикса *-гты*: *ябагты* (идите), *ошогты* (ступайте). Наряду с *-гты* в более вежливой форме употребляется суффикс *-гтун*: *ябагтун*, *ошогтун*, *ерэгтун*.

Формы пожелания и просьбы

Формы пожелания образуются при помощи суффикса *-аараэ* (*-өөрээ*, *-ээрээ*), например, *саэ уугаараэ* (попьешь чай), *наэн ябаараэ* (счастливого пути), *шадахасоо хүдэлөөрээ* (как сможешь потрудись).

Для более вежливого обращения употребляется форма *-разгтун*, например: *ябааразгтун манаэда* (приходите к нам). Эта форма является повелительной формой для второго лица единственного и множественного числа.

Вообще форма *-аараэ* является повелительным наклонением второго лица единственного числа будущего времени. Эта форма выражает не приказание и повеление, а приглашение, пожелание и просьбу, относящиеся как к единственному, так и к множественному числу второго лица будущего времени. Употребляется эта форма с отрицанием *бу*: *бу ябаараэ* (не ходи). Множественное число образуется наращением суффикса *-т*: *ябаараэт*.

Форма просьбы образуется при помощи суффикса *-иши* (*-ишии*) для единственного числа, *-ыт* (*-иит*) для множественного числа. Примеры: *Намаэ табишии* (Отпусти меня), *Гэртэм хургыши* (Проводи меня до дому), *Хээрээ гаргыши* (Отправь же в поле); множественное число: *ябыт* (идите), *ошыт* (идите).

Собственно повелительная форма. Эта форма образуется прибавлением к основе глагола частицы *-г* и относится всегда к третьему лицу, например: *ябаг* (пусть идет), *үзэг* (пусть смотрит), *хараг* (пусть смотрит).

Категорические формы выражаются при помощи отрицания *бу*: *бу хара!* (не смотри!), при прибавлении частицы *лаа* к основе глагола, последнему придается несколько другое, а именно просительное значение: *хара* (смотри), а *бу хара лаа* (не смотри-ка).

Форма пожелания будущего времени. Форма пожелания имеет следующие суффиксы: *-хууб* для ед. ч. первого лица, *-хуубди* для мн. ч. первого лица, *-хай* (*-хээ*) для третьего лица ед. ч. и мн. ч. Эти формы придают глаголу значение настойчиво выраженного пожелания, например: *Би ошохууб* (Я схожу-ка), *Биди ошохуубди* (Мы сходим), *Өөһэн бэээрээн ерэхээ* (Сам бы он лучше пришел).

Повелительная форма пожелания образуется прибавлением к основе глагола суффикса *-һаэ*, например: *ябаһаэ* (лучше бы он ушел), для первого лица — *ябаһаэб*, для второго лица — *ябаһайш*, для третьего лица — *ябаһаэ*. Множественное число образуется прибавлением к *-һаэ* личных окончаний первого и второго лица, а в третьем лице остается без изменения, например: *ябаһаэбди* (лучше бы нам пойти), *ябаһайт* (лучше бы вам пойти), *ябаһай* (лучше бы они пошли). К форме пожелания можно отнести суффикс *-уужа*, например: *Би ябуужаб* (Я схожу), *Ши ябуужаш* (Ты пойдешь), *хэлүүжэ* (пусть он скажет). Все эти формы могут употребляться во множественном числе.

Форма предостережения образуется посредством суффикса *-лаэ* и прибавлением соответствующих личных показателей (*-б* для первого лица, *-ш* для второго лица, а третье лицо не имеет личных показателей). Таким же путем образуется множественное число: *-лаэ + -бди*, *-лаэ + -т*, *-лаэ*. Примеры: *уналаэб* (как бы я не упал), *уналаэш* (как бы ты не упал), *уналаэт* (как бы вы не упали), *уналаэ* (как бы он не упал, как бы они не упали).

Форма опасения. Форма опасения выражается суффиксом *-гшаб*, например: *мартагшаб* (как бы он не забыл), *ябагшаб* (как бы он ни пошел). Форма опасения употребляется во всех трех лицах как единственного, так и множественного числа.

Изъявительные формы. Настоящее время изъявительного наклонения имеет форму *-на*: *Би ябанаб* (Я хожу), будущее время *-ха*: *Би ябахаб* (Я пойду), прошедшее время *-аа*: *Би ябааб* (Я пошел),

соответственно для второго лица: *Ши ябанаши* (Ты ходишь), *Ши ябахаш* (Ты пойдешь), *И и ябааши* (Ты пошел), а для третьего лица не имеется особой формы. Несколько иначе обстоит дело со сложными формами, сочетанием деепричастной формы с вспомогательными глаголами. И эти формы показывают, что действие начиналось в прошлом и продолжается в настоящем, например: *ябажа ябаба* (шел и продолжает идти). Недавнoproшедшее время образуется при помощи суффикса *-ба*, например: *буудаба* (выстрелил), для второго лица — *буудабаши*, а для третьего остается *буудаба*. Давнoproшедшее время выражается посредством суффикса *-нан*: *буудаананби* (я стрелял), *буудаананши* (ты стрелял), *буудаанан* (он стрелял).

Будущее время, как было сказано, образуется присоединением к основе глагола суффикса *-ха*. Прибавление к форме будущего времени окончания личного притяжания *-мни* дает понятие о подготавливаемом действии — *Би ябахамни* (Я пойду), сочетание с ней вспомогательного глагола *болохо* выражает понятие о готовности к действию, о том, что действие наступит скоро — *Би ябаха болооб* (Я скоро пойду или поеду), при сочетании же ее с частицей *хаштаа* выражается предположительность действия *ябаха хаштаа* (наверное, уедет), а при сочетании ее (формы прошедшего времени) с *биизэ* выражается неуверенность (*ябаха биизэб* — наверное, я пойду). Кроме всего перечисленного, форма будущего времени употребляется в сочетании с такими словами как *ёһотээ*, *зэргэтээ*, *хэрэгтээ* и выражает долженствование — *Би ябаха ёһотээб*, *Би ябаха зэргэтээб* и *Би ябаха хэрэгтээб*, которые почти одинаковы по своему значению и могут быть переведены — *я должен пойти*. К модальным же сказуемым частицам относятся *биизэ*, *хаас* и *бооб*, которые могут принимать утверждение *даа*. Примеры: *ошохо биизэ* (наверное, пойдет), *ошохо хаас* (наверное, пойдет), *Гэрэ һазн хүүн бооб даа* (Тот хороший ведь человек). Частицы *биизэ*, *хаас* и *бооб*, как видно из примеров, употребляются со значением предположения.

В боханском говоре встречается форма глагола, оканчивающаяся на *-н*, которая выражает предположение, например: *Ү ороо болхон* (Будет ненастная погода) или *Хура орхон* (Будет дождь). При изъявительных формах употребляется отрицание *үбээ* (*-бээ*), причем это отрицание сливается с глаголом: *ябаабээб* (я не пошел), *ябаабээши* (ты не пошел).

Причастие

Причастие настоящего времени образуется посредством суффикса *-гши*, *-шиа*, например: *Тэрэши хуу барни мэдэгшэ* (Он все знает), *Энэ хүүн ехэ худалши* (Этот человек очень врущий), *Манай үбэгэн газарши* (Наш старик — проводник).

Многokратное причастие настоящего времени образуется при помощи суффикса *-даг* (*-дог*, *дэг*): *Хээрэ гаража модо отолдог* (Выезжают на поле и рубят лес), *Убэлдөө саһа ородог* (Зимой снег выпадает).

Причастие прошедшего времени образуется путем прибавления суффикса *-аа* к основе глагола: *яба* — *ябаа* (ушел), *зура* — *зураа* (написал). Оно, употребляясь с частицей *бэлээ*, приобретает значение давнoproшедшего причастия: *Зураа бэлээ* (Давно еще написал), *Ябаа бэлээ* (Давно ушел).

Причастие будущего времени образуется посредством суффикса *-ха* (*-хо*, *-хэ*): *Малгаар ииниши ябаха газарта би ябахаб* (Завтра я пойду туда, куда тебе нужно идти), *Тэндэши баруугшаа ябаха харгы базха* (Там будет дорога направо).

В боханском говоре отглагольные имена образуются при помощи суффиксов *-ма, -мар, -аата, -мал, -ша, -та*, например: *Тэнгэртэ хүрэмэ унин* (Дым, достигающий неба), *шадмар хүүн* (искусный человек), *хуулгаатаэ баханаг* (посаженный столб), *хадамал таряан* (сжатый хлеб) *хургааша болхо* (быть учащим), *хорюута болоод баэна* (запрещенным стал).

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

Деепричастия делятся на две группы: в первую группу входят условные и уступительные деепричастия, во вторую — соединительные, разделительные, слитные, продолжительные, предварительные, совместные, предельные, последовательные, конечные, мгновенные и предпочтительные деепричастия, а также деепричастия образа действия.

Условное деепричастие образуется путем суффикса *-бал* (*-бол*): *ябаални* (если я пойду—1-е лицо), *ябаалини* (если ты пойдешь—2-е лицо), *ябаали* (если он пойдет—3-е лицо).

Уступительное деепричастие образуется при помощи суффикса *-шихаан*: *Ли агнахаяа гараашихаан, долоон часта гэртээ баэхаб* (хотя я поеду охотиться, но к 7 часам буду дома), *Тэрэ бисэханшихаан, шамаһаа хуштээ* (Хотя он мал, но сильнее тебя), *Би тэндэ ошхошаан, ошхобээб* (Хотя я туда и должен пойти, но не пойду), *Би гоордто ороошихаан, һөөргөө ерэхэб* (Хотя я в город поеду, но обратно приеду).

Есть уступительная форма, образованная при помощи суффикса *-шиха* и выражающая предпочтение одного предмета или действия другому, например: *Убажашха хэрэг үбээ* (Не стоит пойти), *Энээни худалдажа абажашха юундаа хэрэгтэйм?* (Стоит ли покупать такую вещь?)

Уступительная форма, образованная посредством суффикса *-шии-маад*, выражает причинность: *Шамда ерхэшиимаад, хураһаа аэгаад баэшооб* (Хотя я должен был прийти к тебе, но побоялся дождя и остался), *Худэлмэрөө дууһахашиимаад, шамда һаатаад баэшооб* (Хотя я работу должен был закончить, но из-за тебя задержался).

Соединительное деепричастие образуется при помощи суффикса *-жа*: *ниидэжэ ерэбэ* (прилетел), *гүйжэ ерэбэ* (прибежал). Оно, это деепричастие, нередко употребляется со вспомогательным глаголом *баэна*: *хаража баэна* (смотрит), *дуудажа баэна* (читает) и т. д.

Разделительное деепричастие образуется при посредстве суффикса *-аад* (*-оод, -ээд*): *Морго уяад, гэртээ оробо* (Привязав лошадь, вошел в свой дом), *Оэдо гараад, түлээ отоло* (Поезжай в лес и руби дрова), *Газаа гараад, хараад ерэ* (выйди на улицу и посмотри).

Слитное деепричастие образуется путем прибавления суффикса *-н* к основе глагола: *Ғарангли мандан, сээгдли дэлгэрэн...* (подобно солнцу светя, подобно цветку простираясь), *Хашхаран хашхаран хоэноһоон гүйбэ* (Крича, за ним побежал).

Продолжительное деепричастие образуется при помощи суффикса *-һаар*. Примеры: *Ябагаар яба ябаһаар хүрэбэб* (Пешком идя, идя достиг), *Абаһаар тэрээндэ үгөөб* (Как получил, сразу ему отдал), *Үбһөө шабшаһаар һүр дээрээ хурягаа* (Как скосили сено, сразу же убрали на сеновал). Продолжительность действия иногда характеризуется и путем повторения глагола, например: *яба ябаһаар* (идя, идя), *хара хараһаар* (смстря, смотря) и т. д.

Предельное деепричастие образуется посредством суффикса *-сар* (*-сор, -сэр*): *Минии ябсар ерээрээш* (До моего отъезда

приходи). Это деепричастие принимает также личное притяжание.

Последовательное деепричастие образуется посредством суффикса *-лаар*: *Минии ошохолаар, суглаан захалаа* (Как только я ушел, началось собрание), *Үүлэни арлихалаар, наран ягаагаа* (Как только тучи рассеялись, солнце засияло). Последовательное деепричастие принимает личные притяжания.

Предварительное деепричастие имеет суффикс *-мсаар*. Примеры: *Минии ябамсаар, нүхэрни намда ерээ* (Как только я уехал, пришел ко мне друг), *Шинии тэндэ хүрэмсаараш би телеграмма табиخاب* (Как только доедешь туда, я отправлю телеграмму).

Конечное деепричастие имеет суффикс *-хаяа*, например, *Абхаяа ерээ* (Пришел, чтобы взять), *Алхаяа ханаа* (Хотел убить), *Театрта ошхоёо түхөөрөө* (Собрался пойти в театр). Кроме того, встречается деепричастие с суффиксом *-аараа*, которое выражает примерно то же самое, что и деепричастие на *-хаяа*, например: *Ябхаараа ербэ* (Приехал, чтобы совсем уехать).

Мгновенное деепричастие образуется прибавлением к основе глагола суффикса разделительного деепричастия и плюс вспомогательный глагол *гэхэ*, например: *Бүргэд гэжэ ниидэжэ арлиба* (Улетел, как беркут), *Арбагад гэжэ унаба* (Упал распластавшись). Мгновенное деепричастие примыкает к фразеологическому сочетанию такого типа, как *ябууд зуур* (мигом).

Предпочтительное деепричастие имеет суффикс *-нхаар*, например: *Тэндэ ябанхаар гэртээ нуугуужам* (Чем туда идти, лучше дома останусь).

Деепричастие образа действия примыкает по значению к наречию: оно имеет суффикс *-мган*. Примеры: *Тэрэ хүүн нуумган унтажа нууна* (Тот человек сидя спит).

В боханском говоре имеются глагольные формы, которые не употребительны в литературном языке, и, наоборот, в литературном есть такие формы, которых нет в боханском. Так, например, в литературном бурятском языке вместо боханского глагола *-гтун* с почтительной формой обращения, употребляется форма на *-гты*, которая придает в боханском, наоборот, приказной оттенок. В боханском говоре не употребляется суффикс прошедшего времени *-нхай*, не говорят *ябанхай* (ходил). Отсутствуют в боханском говоре глаголы с суффиксом *-аа*, не употребляются в таких сочетаниях, как *нуугаа хүүн* (сидящий человек), то есть они не имеют определительной функции. Вместо ограничительной формы литературного языка с суффиксами *-тара* и *-тала* в боханском говоре употребляются формы с суффиксом *-сара* и *-са*.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Словарный состав, как известно, является наиболее подвижной областью языка, он непрерывно изменяется в зависимости от развития общества, хотя определенная часть слов сохраняется в течение долгого периода времени.

В процессе изучения лексики боханского говора мы наталкиваемся на пласты слов, корневые элементы которых сохранились, должно быть, со времени родовой организации. Вместе с тем наблюдается изменение смысла ряда слов и выражений, выпадение из словаря некоторых устаревших слов за последние несколько десятков лет. Лексика боханского говора значительно пополнилась за счет заимствований из русского языка, что имело и будет иметь очень большое значение в будущем для развития бурятского языка. Это влияние идет

не только по линии словарного состава языка, но и по линии производных значений слов.

Западные буряты с XVII в. находились в тесной связи с русскими. С этого времени начинается общение бурят с русским населением. Хозяйственные, политические и другие отношения, начатые еще в XVII в., оставляют пласты заимствованных слов, которые и вошли в словарный состав бурятского языка.

Еще более тесное сближение бурят с русскими происходит в XVIII в. и с этого времени начинается культурное влияние русских на бурят. Изменения в политической и хозяйственной жизни бурят способствовали быстрому прогрессу бурятского населения, освоению новой культуры. Это отразилось на языке боханских бурят, живших недалеко от главной транссибирской магистрали.

Бурное развитие хозяйственной жизни боханских бурят начинается с середины XIX в., когда наряду с утужным хозяйством начали заниматься в широком масштабе земледелием и когда последнее становится преобладающим.

У западных бурят в конце XIX в. начинают появляться представители зарождающейся буржуазии типа Пирожкова в Бохане. Пирожков имел сотни десятин пахотной земли, эксплуатировал соседних крестьян, занимался ростовщичеством. Он имел мукомольные и крупчаточные мельницы, магазины, прииски и т. д. В лице Пирожкова мы имеем крупного представителя паразитического класса эксплуататоров. Если мы говорим о прогрессивном влиянии русского народа на развитие бурятского народа, то, с другой стороны, мы должны отметить влияние верхушечных слоев русского общества на верхушечные слои бурятского народа. Не кто иной как Пирожков в Бохане построил церковь, за что получил титул потомственного дворянина. В общем, XIX в. для западных бурят явился веком приобщения к русской культуре и, вместе с тем, веком ярко выраженного классового расщепления.

Бурятское население было втянуто в русло общественной жизни России. Боханские буряты уходили на заработки, когда строилась сибирская магистраль, работали плотниками в Олонках, Александровке и других местах. С ростом города Иркутска сюда стекались купцы с разных концов России закупать пушнину и продавать свои товары, приезжали буряты с окрестных сел продавать сельскохозяйственные продукты и пушнину.

Особенно большое влияние русские оказали на бурят в деле обработки земли, возделывания злаковых и огородных культур.

Все эти явления заметно отразились на изменении словарного состава языка западных бурят. Следует добавить к этому еще то, что бурятское население Боханского района находилось все время поблизости с русским населением, потому что русские села и бурятские улусы, как правило, были расположены рядом. Поэтому русские и буряты не могли не подвергнуться взаимному языковому влиянию. Весь облик родовой жизни бурят изменяется, и их замкнутость растворяется в широком общении с русским населением. Для этого даже существует специальный термин *анда танил* (друг знакомый). Это слово, по-видимому, возникло в эпоху натурального хозяйства, когда обмен продуктами между племенами, говорящими на разных языках, играл известную роль в хозяйстве, а теперь оно имеет несколько другой смысл — *знакомый друг*. Раньше оно обозначало *знакомый по обмену, друг по обмену*, откуда происходит слово *андалдаха* (меняться). Раньше оно имело узкий смысл, теперь приобрело более широкий.

Слова, заимствованные из русского языка, вошли в состав бурятского словаря равномерно по всем улусам, не имея семантических отклонений. Следует заметить, что русские слова, вошедшие раньше в словарный состав бурятского языка, подверглись фонетическим изменениям в большей степени, чем слова, вошедшие позже, например, в послеоктябрьский период, т. е. чем позже по времени, тем слова больше сохраняют свой исконный облик.

Социальные и административные термины раннего периода вошли в состав бурятского словаря вместе с теми общественными или административными понятиями, какие были присущи дореволюционному времени. Такими словами являются: *губэрни* (губерния), *гулбаа* (голова), *уездэ* (уезд), *боошто* (почта), *магжээ* (хлебный амбар, государственный склад), *губирнаатор* (губернатор), *выборно* (выборный), *дүүмээн тараагта* (думский тракт), *упраавл* (управа), *заведеэни* (заведение), *пальшиба мунгэн* (фальшивые деньги), *почётно гаражданиин* (почетный гражданин), *пирхайшиг* (приказчик), *таршанаа* (старшина), *приискэ* (прииск), *ураэдниг* (урядник), *воолости* (волость).

Как видно из примеров, административными и социальными терминами являются в большинстве случаев русские слова. Буряты вместе с понятием заимствовали и слова.

Производственные термины и названия предметов домашнего обихода в большинстве своем состоят из русских слов, тогда как конкретные бурятские названия составляют сравнительно меньшее количество. *Паровээ тээрмэ* (паровая мельница), где *тээрмэ* является древнейшим монгольским словом, которое было зарегистрировано в монгольских квадратных письменах; *хурубушаатхаэн тээрмэ* (крупчаточная мельница), *тёсо* (тес), *хэрэнсээ* (крыльцо), *лаабси* (лавка, пол), *бартла* (ворота), *бээжэ* (печь), *амбаар* || *бумбаар* (амбар), *гооронсо* (горница), *дараэнса* (дранье), *сүсээг* (сусек), *обин* (овин), *молтишлха* (молотилка), *остоляр* (столяр), *полоотник* (плотник), для последних двух названий употребляется иногда общее название *уран*. *Тур* (изба)—собственно бурятское слово неизвестного происхождения, боханские буряты его иноязычным не считают, а *эр* значит просто *юрта*. В Бохане употребляют еще слово *булгаахан*, которое тоже означает *юрта*. *Хүрээ* (изгородь), *һур* (сеновал), *олээр* (сенозал), *һур* первоначально означало *зимник*, потому что в зимники на зиму возили сено. Ниже еще даем примеры на строительные термины: *хэршээлэн* (лапы дома), *шлхлбар* (окно), *үһээ* (печь), *тээг* (посудная полка), *арблхжлч* (стропила), *хушлгэ* (крыца), *үүдэч* (дзерь), *бүгэ* (порог), *хлч* (стена), *хтэн* (овчарня), *шэбээ* (овчарня), *эргэээ* (ворота) и т. д.

Предметы домашнего обихода (утварь, инвентарь): *остэл* (стол), *устуул* (стул), *хэдүүлхэ* (кадушка), *ашкааб* (шкаф), *тарээлхэ* (тарелка), *үрүмхэ* (рюмка), *астлхлч* (стакан), *борнээ* (борна), *молти* (молотилка), *хэллэсэ* (келес), *орээд* (рэжь), *хоормо* (корм), *олтээбхэ* (литэвка). В боханском говоре не употребляется бурятское название литэвки *хажуур*, оно вышло из употребления. *Сүндэг* (сундук), *самбаар* (самовар), *сээ* (чай), *лхлмпа* (лампа), *һүхэ* (топор), *хүрээ* (пила), *шударга* (рубанок), *шүүшэ* (долото), *гар хүрээ* (ручная пила), *тээрмэ* (точило), *хайраг* (брусок), *амалга һүхэ* (специальный топор для продырявливания столбов), *ухмя* (тесло), *ооли* (долото, тесло), *алха* (молот), *абарга* (плоскогубцы), *тээгон* (котел), *һуулга* (ведро), *шүбүгэ* (вилки), *аяга* (чашка), *хлбээгэ* (ложка), *хтэээ* (нож). То, что многие предметы имеют бурятское название, свидетельствует, что буряты пользовались в домашнем обиходе этими предметами еще до влияния русской культуры, что эти названия сохранились с даяних

времен. В некоторых случаях русские и бурятские названия сосуществуют, например, наряду с русским словом *стакан* употребляются бурятские слова *хонхор* и *тагши*, но *деревянная чашка* сохранила свое название *аяга* наряду с *мишкэ* (миска), которое употребляется для называния современной железной посуды.

Названия упряжи почти целиком заимствованы из русского языка, но названия, связанные с верховой ездой, являются сплошь бурятскими. Это характеризует в какой-то мере своеобразие в культуре и хозяйстве бурят. Примеры: *хубаанха* (кубанка), *таратгйака*, *ходоог* (ходок), *хушабаа* (кошева), *дровниг*, *үстүүл шзрга* (сани со стулом), а также названия частей транспортных средств: *оглобо* (оглобли), *стууница*, *хомуут*, *шодоолхо* (седелка), *шэлья* (шлея). Наряду с русскими названиями иногда существуют бурятские, например: *булуу* (стуница), *тэргэн* и *арбаа* (телега).

Названия принадлежности верховой езды: *эмээл* (седло), *хазар* (узда), *хударга* (потфэя), *тохом* (потник), *эмээли дали* (крылья седла), *ногто* (недоуздок), *олом* (подпруга), *шүдэр* (путы), *дүрөө* (стремена), *ёлоо* (повод).

Названия одежды представлены русскими и бурятскими словами. Бурятскими словами большей частью обозначаются кожаные и войлочные изделия. Русскими заимствованиями являются следующие названия предметов: *урмааси* (рубашка), *пальтоо* (пальто), *сарпаан* (сарафан), *сабья* (сапоги), *бурюук* (брюки), *ишизэг* (ичиги), *баалинха* (валенки), *булууза* (блуза), *шааль* (шаль), *пулаад* (платок), *костюм* (костюм), *матраас* (матрац), *ботшинкя* (ботинки), *тууфли* (туфли), *пиришаатхя* (перчатки), *телогрейка*, *гимнастерка*, *белье*, *простыня*, *будуушха* (подушка). Но наибольшее место в этой области лексики занимают исконно бурятские названия: *дэгэл* (пальто), *нэхээ дэгэл* (шуба), *малгай* (шапка), *бээлээ* (рукавицы), *даха* (доха), *үндэн || үмдэн* (штаны), *хормойтой дэгэл* (шуба с подолами), *хубяаса* (женский халат), *халдай* (надевают на блузу), *хурмаа* (телогрейка), *тобшо* (пуговицы), *заха* (воротник), *хормоэ* (подолы), *бортого малгай* (цилиндрическая женская шапка), *годоюн* (унты) и т. д.

Земледельческие термины в большинстве своем представляют русские слова, тогда как бурятские названия употребляются в меньшем количестве. Из русского языка заимствованы названия злаковых культур: они претерпели определенные фонетические изменения. Например, *ороод* (рожь) употребляется в улусах Бильчир, Обуса, Улей, а в других улусах обследуемого района *рожь* имеет бурятское название *хара таразн* (досл. черное зерно) в противоположность *улин таразн* (пшеница, досл. красное зерно). Названия гречихи, овса, ячменя, ярицы заимствованы у русских. Названия способов и видов обработки земли также заимствованы из русского языка: *паар* (пар), *загам* (загон) и т. д. Но есть термины земледелия, которые являются бурятскими, например: *анзахан* (соха), *будаа* (просо), *тирэн* (зерно), *тэлхан* (мука), *тэлхя тэлхя* (мелоть муку), *бутуу ачзэлхн* (цельная соха), *анзэлхни аргахли* (ручка сохи), *үртэлэн* (стрела), *номэ* (рассоха), *далабси* (крылья).

До революции буряты не знали таких названий, как *трактор*, *плуг*, *сеялка*, *комбайн*, *культиватор* и др. В то время в сельском хозяйстве передовой техникой считались конная молотилка, веялка, паровая мельница, сосредоточенные в руках богачей.

Из сельскохозяйственных орудий названия косы и серпа являются бурятскими. *Хадуур* (серп) и *хажуур* (коса) употреблялись с

давних пор, следовательно, буряты давно вели какое-то примитивное земледелие.

Выше мы отмечали, что названия упряжи в большинстве своем русские, но среди них *телега* и *сани* имеют бурятское название: *арбаа* и *шарга*. Характерно также то, что все части телеги и сохи называются по-бурятски: *мөөр* (колесо), *шихэн* (чека), *арал* (остов), *тээли* (ось), *аргаали* (оглобли), *уртэнэн* (стрела), *һомо* (рассоха) и т. д.

Известно, что буряты раньше для хозяйственных целей использовали быка и запрягали его без хомута и седла, которые заменялись ошейником. Хомут, седелка и вожжи вошли в употребление значительно позже.

Кроме слова *татаха* (молоть) сохранилось еще слово *нюдэхэ* (толочь), характеризующее способ обработки зерна. Орудие, называемое *уур* (ступка), ныне вышло из употребления в боханском говоре, а слово, носящее название данного предмета, перешло в разряд архаизмов.

Материальная культура ранних бурят нам неизвестна, поэтому рассмотрение некоторых слов помогает раскрыть особенности хозяйственной и культурной жизни бурят в прошлом. Исконные бурятские слова типа *дархан* (кузнец), *сиа* (горн), *хүрхэ* (кузнечный мех), *балта* (молоток), *абарга* (клещи), *алха* (молот) показывают, что буряты занимались кузнечным ремеслом. Эти простые языковые факты являются наглядными показателями истории их носителей.

Рыболовством боханские буряты, должно быть, не занимались, и бурятских рыболовецких терминов в их говоре нет. Но зато термины животноводства, точнее, названия домашних животных и животноводческих продуктов, в боханском говоре почти полностью являются бурятскими. Названия домашних животных и молочных продуктов довольно разнообразны и богаты, тем не менее, думается, что нет необходимости приводить их, поскольку они являются общебурятскими.

В боханском говоре очень малочисленны названия трав и цветов, хотя таковыми богат край, населенный носителями говора. Приведем некоторые слова, обозначающие меру длины: *һөөм* (четверть, расстояние в длину пальцев), *төөм* (полпальца). Русское слово *верста* в данном случае в боханском говоре имело 2 эквивалента: *модон* и *хараан*. Это можно объяснить тем, что первоначально — это видимое расстояние, а потом связано со столбами. Для слова *весы* в боханском говоре не было бурятского эквивалента, только позднее вошло в обиход калькированное слово *хэмнүүр*, появившееся от глагола *хэмнэхэ* (мерить), но зато сохранился термин *хубааха* (делить, распределять), появившийся от слова *хуби* (часть, доля) уже в эпоху, когда делили земельные и сенокосные угодья.

Есть слова, которые употребляются только в речи стариков, когда они рассказывают о давно минувших днях. Например, *дишлэхэ* (преодолеть, побороть), *ада* (черт, домовый), *албан* (налог), *атаа булялдаха* (соперничать), *анда танил* (знакомый, друг), *дарга* (старшина, начальник), *еэртэ* (предел жизни), *ёһо* (порядок, образ), *саг* (время), *түрсэ* (расплата), *уулзаха* (встречаться), *уртөө* (подвода), *золиг* (выкуп), *зуһалан* (летник), *ширээ хубааха* (делить общеродовой жертвенный очаг), *шонтоор* (групповая борьба) и т. п. Они вышли из современного словоупотребления и стали архаизмами.

О некоторых различиях в употреблении слов

В боханском говоре наблюдается незначительный разницей в значении слов по улусам. Например: *соха* в улусе Обуса обозначается сочетанием слов *саабан анзахан*, а в других улусах просто *анзахан*; *сошник* в Новостройке — *шаплаа*, а в других местах — *далабси*; *рожь* в Обусе, Улее — *ороод*, а в других улусах — *хара тараэн*; *пшеница* в Обусе и Улее — *шэниисэ*, а в других улусах — *улаан тараэн*. Обусинские и улейские буряты, по преданиям, стали заниматься земледелием позже, чем остальные буряты интересующего нас района, но они на севере граничили с балаганскими и жигаловскими русскими, поэтому с ними имели более тесные экономические связи, поэтому в вышеназванных бурятских улусах видим такие заимствования, как *ороод*, *шэниисэ*, *саабан*, *шаплаа*. Названия инвентаря и утвари не везде совпадают, имеются значительные отклонения по улусам. Так, например, русское слово *котелок* в Обусе называется *заглуу*, а в остальных улусах нашего района — *зантуу*; *ящик* в Обусе — *хорбило*, а в готольских улусах — *хобто*; *блюде* в Обусе, Кутанке произносят как *балюуда*, а в других улусах — *яланхаэ*; *щипцы* почти всюду — *хабшуурга*, но только в улусе Буреть — *зали тумэр*; *клевцы* в Тарасе и в других соседних с ней улусах *абарга*, а в Обусе, Улее — *элэрбэ*.

Дом в большинстве улусов Боханского района называется *тур*, но в улусах Даахан, Бужда Бильчирского булсовета, в Бурети II-го Готольского булсовета назван совершенно иным словом — *соол*, тогда как последнее во всех готольских улусах значит «печь». *Хутхуурга* (кочерга) образовано от глагола *хутхаха* (мешать), а в Бурети кочергу называют *шэлээбэр*; *тоэрсог* (крынка для молока), а в некоторых местах — *маатар*.

Дальше нужно заметить, что термины родства по обследуемому нашему району везде одинаковы, за исключением, например, таких слов как *гутаар* (четвертое поколение), а в улусе Новостройка — *душэ*, в последнем улусе слово *гутаар* совершенно отсутствует. *Гулинсаг* в монгольских языках *праотец*, в боханском говоре — *пятое поколение*. Слово *өөбээ* во всех улусах употребляют в значении *люльки*, а в улусе Каха оно означает *дитя*.

Если коротко говорить о терминах в строительстве, то следует отметить следующее. У боханских бурят нет в отдельности своих слов по обозначению таких понятий, как *плотник*, *столяр*, *маляр*, а есть общее название для всех этих понятий — *уран*, означающее «мастерской, искусный». В говоре бытует древнемонгольское слово *дархан* (кузнец). Употребительное здесь слово *ёолбо* происходит от русского (желоб), а *стропила* в боханском говоре называют по-разному: *арбаалжин* — в Тарасе, *хараа* — в Новостройке, *ониһон* — в Шаралдае. Как общее название постройки употребляется слово *аали*. *Таһалга* в боханском говоре дало *таалга* (комната). В названиях упряжи хотя и нет особенных отклонений между улусами, но следует отметить один-два любопытных факта. Слово *шэртээнэг* (чересседельник), произносимое в Обусе, Улее как *чэчээнэг*, в Шаралдае как *шэртээнэги һур*, является по происхождению русским заимствованием, различающимся по улусам в основном фонетически. Но в Шаралдае оно образовано несколько иначе, а именно: заимствование употреблено как определение к бурятскому слову *һур* (ремень) — *шэртээнэги һур*. В Верхнем Шаралдае употребительно слово *эмээлхэ* в значении *седелка*, которое образовано от *эмээл* (седло), подобно тому как русское слово *седелка* образова-

лось от слова *седло*. Это характеризует неравномерность использования бурятами внутренних возможностей своего языка. Верхнешаралдаевские буряты на базе своего языка создали новое слово и тем самым обошлись без заимствования, тогда как другие в пределах даже одного говора предпочли заимствовать слово. Вот почему сплошь да рядом возникают разные названия одного и того же предмета по улусам, по родам, по племенам и т. д.

Разнобой в лексике, наблюдаемый в исследуемом говоре, представляет остатки далекого прошлого, следы разобщенности в период родового строя и раздробленности в период феодализма. В этом отрицательную роль сыграл и шаманизм. Известно, что каждый род молился своему родовому «богу», предку. Часто между шаманами разных родов завязывалась борьба, в которую втягивались и рода в целом. Между враждующими родами прекращалась всякая связь, что могло продолжаться очень долго, из поколения в поколение. Следовательно, шаманизм способствовал не объединению, а разъединению, разобщению родов. И это в известной мере не могло не сказаться на языке, в частности, на языке боханцев.

Однако более определяющее значение имела объединяющая тенденция. Потому-то и возник единый говор, характерный для представителей ряда родов и объединяющий целый ряд улусов. Капиталистические отношения, которые не миновали и Сибирь, способствовали более интенсивному развитию экономических и иных связей. Эти моменты не могли не повлиять на язык, в частности на его лексику.

Объединяющий процесс особенно усилился в советский период. В связи с созданием нового бурятского литературного языка в советскую эпоху возникли условия для нивелировки диалектных различий. За период социалистического строительства в нашей стране произошли заметные изменения и в языке бурят, о которых идет речь здесь.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла широкие возможности экономического, политического и культурного роста народов нашей страны, в том числе и бурятского народа. Годы предвоенных пятилеток, а затем послевоенная перестройка и особенно развернувшееся строительство коммунистического общества ознаменовались громадными успехами во всех областях народного хозяйства и культуры. Соответственно этому прежде всего обогащался словарный состав языка.

С первых же дней установления Советской власти в языке боханских бурят появляются такие слова, как *булсовет*, *ревком*, *хошун*, *аймсовет*, *декрет*, *улаанууд* (красные), *сагаанууд* (белые), *большевик*, *ячейка*, *комсомол*, *коммунист*, *комбед*, *самообложение*, *клуб*, *кооператив*, *нүхэр* (товарищ), *суглаан* (собрание), *митинг*, *делегат*, *газета* и т. д.

С каждым этапом социалистического строительства возникают новые слова, а некоторые старые слова приобретают новые значения. В период нэпа появляются такие слова, как *нэп*, *обложение*, *продразверстка*, *баяшуул* (кулаки).

В связи с переходом к сплошной коллективизации на базе ликвидации кулачества как класса в бурятском языке появились новые слова: *коллективизация*, *колхоз*, *коммуна*, *артель*, *кулак*, *бедняк*, *середняк*, *твердое задание*, *плуг*, *трактор*, *сортировка*, *сложная молотилка*, *удобрение* и т. д.

Как видно из примеров, абсолютное большинство приведенных

слов является заимствованием и вошло в лексический состав бурятского языка из русского или через посредство русского языка.

Кроме приведенных выше, в основном в предвоенные годы появляются такие слова, как, например, *райзо, правление, артель, член* (колхоза), *устав, трудодень, комбайнер, учетчик, МТС, бензин, горючее, политотдел, райком, секретарь, прокурор, отчетное собрание, долоон елэй школа* (семилетка), *тракторная бригада, животноводческая ферма, выбор, конституция, агитатор, голос, кандидат, депутат, МТФ, норма, сдельщина, сельпо, раймаг, самоходный комбайн, дисковээ борнээ* (дисковая борона), *ветпункт, медпункт, силос, силосная яма, мотор, подшипник, стартер, цилиндр, шины, деталь, руль, ремонт, инструмент, агротехника, селекция, яровизация, кондиционные семена, агроном, опытный участок, севооборот, продуктивность, породистый, га, тонна, центнер, килограмм, грамм, метр, изба-читальня, детсад, амбулатория, санаторий, справка, извещение, шахматы, отара, птицеферма* и т. д. и т. п.

Далеко не полный перечень слов, вошедших, в частности, в язык боханских бурят в последние годы, достаточно наглядно характеризует пути обогащения бурятского языка за счет заимствования из русского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев говор боханских бурят с фонетической, морфологической и лексической стороны, мы приходим к следующему заключению. Для боханского говора характерно выпадение интервокального *h*, например: *тооһон* дает в этом говоре *тоон* (пыль), *нооһон* — *ноон* (шерсть). Такое явление характерно и для исходного падежа: *гэрһээ* — *гэрээ* (из дома).

В одном и том же слове может употребляться *с, ш, т* или *х*. Примеры: *арти* (Обуса), *арси* (Тараса), *арши* (Ирхэдей). Имеет место чередование *и || й*, в словах типа *илааһан || йалааһан* (муха), *илагаха || йалгаха* (различать).

В селах Обуса, Кутанка, Новостройка и Буреть личное притяжание третьего лица всегда палатализуется, в то время как в других улусах оно произносится твердо: *ахан* (его брат), а в указанных селах — *ахань*.

Чередуются конечный *д* основы слов с *h*, например, *хониһууд || хонидууд* (овцы).

В селе Верхний Шаралдай в падежных окончаниях появляется особая частица *-го* (см. выше).

В селах Буреть, Хандагатай сохраняется архаическая форма личных местоимений *маништа* (у нас), *таништа* (у вас). В улусах Боханского района можно видеть некоторые лексические и фразеологические различия. Слово *полка* в боханском говоре имеет пять различных названий: *тодога* (Обуса), *пруус* (Тараса), *данхаэ* (Каха), *үүдэни тазэ* (Новостройка), *тазэ* (В. Шаралдай). Слово *сошник* только в Обусе называется *халха*, а в других улусах: *далабси, далабши, далабти*. Выражение *уһанда хөл алдаха* отличается от выражения *уһанда орохо*: первое существует в значении несчастного случая (утонуть), а второе в значении *упасть в воду*. *Солоо алдаха* (терять сознание), но в некоторых улусах говорят *сүлөө алдаха* (Бильчир, Обуса). В Тарасе слова *сүлөө* и *солоо* семантически различаются: первое—*свободное время*, а второе—*сознание*. Слова *өөбээ* и *улгээ* существуют во всех улусах Боханского аймака в значении *колыбель*, а в Кахе слово *өөбээ* означает

ребенок. Слово *зали* (лучина) встречается только в Обусе и Бурети, в других улусах — *шэртэгээ*, а в Шаралдае — *нушан*.

Несмотря на некоторые различия, имеющиеся в говоре боханских бурят, мы считаем боханский говор самостоятельным говором, хотя он имеет несколько сходных черт с аларским и эхирит-булагатским говорами. По фонетическим и лексическим особенностям боханский говор стоит ближе к аларскому.

Боханский говор можно подразделить на два подговора: бильчиро-обусинский и готольский. К готольскому подговору относятся улусы, расположенные по Идинской долине. Поэтому мы подразделяем боханский говор на идинский (готольский) и осинский (бильчиро-обусинский) подговоры. Это означает, что граница подговоров проходит как раз по водоразделу двух рек: Иды и Осы.

Э. Р. РАДНАЕВ

БАРГУЗИНСКИЙ ГОВОР

В этой работе баргузинский говор исследуется на материалах, собранных, главным образом, самим автором в течение ряда лет. Кроме того, были использованы и диалектологические материалы, хранящиеся в РО БКНИИ СО АН СССР¹.

Особенности баргузинского говора по возможности даются в сравнительном плане с родственным ему эхирит-булагатским говором, так как баргузинские буряты — это эхиритцы, переселившиеся в XVII в. в Баргузинскую долину. Носители исследуемого говора имели и имеют некоторое общение с хоринскими бурятами и не могли подвергнуться их языковому влиянию. Поэтому баргузинский говор сравнивается с хоринским диалектом и литературным бурятским языком, в основу которого лег этот диалект.

Тем не менее ввиду территориальной изолированности внутренней языковой процесс говора баргузинских бурят шел обособленно. Изучение этого говора позволило обнаружить ряд его особенностей, отличающихся от других говоров, причем эти особенности носят настолько своеобразный характер, что вполне правомерно говорить о самостоятельном баргузинском говоре.

Вместе с тем говор баргузинских бурят продолжает сохранять основные особенности, присущие родственным западным говорам.

В лингвистической литературе относительно интересующего нас говора имеется ряд высказываний общего характера. Так, А. Орлов исследуемый говор по территориальному признаку относит к группе говоров хоринских, кударинских и других бурят, находящихся по ту сторону озера Байкал². В группе бурятских диалектов и говоров баргузинский говор наиболее точно впервые был определен А. Д. Рудневым³. Он относит этот говор к северным (добайкальским) говорам (баргузинский, нижнеудинский, аларский, балаганский, тункинский, эхирит-булагатский, кудинский, капсальский, унгинский). При этом он заметил, что баргузинский говор по географическому расселению — забайкальский, по языку — добайкальский⁴. Г. Рамстедт, хотя и относит говор баргузинских бурят к забайкальскому наречию, все же считает его также «близким к добайкальскому»⁵. Б. Я. Владимирцов высказывает мысль о переходном характере этого говора между северным и южным наречиями: «Баргузинский говор является переход-

¹ РО БКНИИ, инв. №№ 1732, 1734, 2704, 1728, 1725.

² См.: А. Орлов. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. Казань, 1878, стр. VII.

³ См.: А. Руднев. Хори-бурятский говор. Пг., 1913—1914, вып. III, стр. 0124.

⁴ См. там же, стр. 0124.

⁵ Г. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. СПб., 1908.

ным говором, близким как к северной, так и южной группе¹. Д. А. Алексеев, ввиду переходности данного говора, считает трудным отнесение его к какому-либо диалекту: «Язык тункинских, окинских, баргузинских, кабанских бурят в настоящее время трудно отнести к одному из наречий»². Но он в поздних своих работах выделяет его как самостоятельный говор³. Г. Д. Санжеев исследуемый говор вместе с кабанским говором считает кабанско-баргузинским диалектом⁴.

ИЗ ИСТОРИИ БАРГУЗИНСКИХ БУРЯТ

Носители баргузинского говора в административно-территориальном отношении в настоящее время проживают в основном в Баргузинском районе Бурятии⁵. Этот район расположен на восточном и юго-восточном берегу Байкала и граничит на севере с Северо-Байкальским, на юге — Прибайкальским, на юго-востоке — Баунтовским, Хоринским, Еравнинским (через горные хребты) районами.

Население Баргузинского района состоит из русских, бурят и эвенков. Примерно больше половины от общего количества населения составляют буряты. В этом районе буряты в настоящее время живут: 1) в улусах Баянгольского сельсовета: Баянгол (по-бурятски *Баян-Гол*), Харасун (*Харуу'ан*), Ярганта или Уржил (*Ярганта*, *Уржэл*), Таллы (*Таала*), Соёл (*Суял*); 2) в улусах Улюнского сельсовета: Улюн (*Улан*), Хилгана, Улигчихан (*Улагшахаан*), Униган, Нур; 3) в улусах Харамодунского сельсовета: Аргада (*Аргата*), Шартал (*Шара-Тала*), Уныгытей (*Унэгэтэй*), Тохиной (*Тоохиной*), Турахин (*Тураахин*), Саган-Нур, Сасандай (*Саһандаа*), Хутырхэй (*Хүтэрхэй*), Засхалик; 4) в улусах Гаргинского сельсовета: Разгон (*Арсагуун*), Тунген (*Тунгээн*), Угнасай (*Угнаасаа*), Гарга; 5) в улусах Могойтинского сельсовета: Сахули (*Һахули*), Шургур Могойто; 6) в улусах Дыренского сельсовета: Алла, Ягдык (*Ягдаг*), Хучигэр (*Хүшэгээр*), Нама, Аян, Тассы (*Тааса*); 7) в улусах Мургунского сельсовета: Курумкан (*Хурамхаан*), Мургун (*Мүргэн*), Топка (*Тоопхо*), Томокто; 8) в улусах Барагханского сельсовета: Барагхан (*Бархан*), Галтай, Хонхино, Элесун (*Элүү'эн*), Харгана, Турахин.

Все вышеперечисленные улусы были охвачены нами при исследовании говора.

Улусы баргузинских бурят расположены по обеим сторонам реки Баргузин. Вся территория Баргузина делится на Верхнюю и Нижнюю долины (*Дэгдэ*, *Досдо гол*). На правой стороне среднего течения реки Баргузин расстилаются две платособразные степи Куитуны (*Хуитэй*), с круто спускающимися к реке берегами.

Баргузинские буряты в прошлом занимались, как и другие буряты, преимущественно скотоводством. Наряду со скотоводством они занимались и земледелием⁶. По данным 1897 г., как сказано в «Истории

¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.

² Д. А. Алексеев. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ». 1949, № 98, стр. 165.

³ См.: его же. «О территориальных диалектах бурят-монгольского языка», стр. 86—87.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., стр. 42.

⁵ Основная часть баргузинских бурят живет ныне в Баунтовском районе, а также в Читинской области.

⁶ Между прочим, в одной из летописей баргузинских бурят причина слабого развития земледелия в Баргузине объясняется якобы отсутствием черноземных оро-

Бурятской АССР», в Баргузинском ведомстве насчитывалось 2332 хозяйства. По количеству крупного рогатого скота, овец буряты этого ведомства тогда уступали только бурятам Агинского ведомства¹.

Другие виды хозяйства, такие, как рыболовство и охота, были развиты слабо. Основной отраслью экономики баргузинских бурят являлось скотоводческо-земледельческое хозяйство, особенно скотоводческое, которое не случайно наиболее шире и богаче представлено в лексике говора. Что касается земледелия, то в прошлом оно в Баргузине было развито недостаточно, велось примитивным ручным методом, что подтверждают также лексические данные. Земледелие было развито больше в Нижней долине (*Доодо гол*). Буряты Нижней долины сеяли разные зерновые культуры, здесь занимались даже овощеводством (в селе Улюн). Это объясняется тем, что буряты Нижней долины были больше связаны с русскими, находились с ними в более близком экономическом, хозяйственном контакте. Здесь больше половины населения составляют русские.

Совместная жизнь баргузинских бурят с русскими начинается со дня их переселения. В 1643 г. был основан Баргузинский острог, явившийся первым русским поселением в Забайкалье. А в настоящее время русские населяют села: Баргузин, Усть-Баргузин, Уро, Читкан, Суво, Бодон, Курумкан, Сахули и другие. Русские оказали благотворное влияние на рост хозяйства и культуры баргузинских бурят.

Территория Баргузина находится в одном из отдаленных, труднодоступных уголков Бурятии; не случайно Баргузин в прошлом служил местом ссылки. Здесь отбывали ссылку декабристы — братья Кюхельбекеры. Раньше не было хорошей дороги, соединяющей Баргузин с другими районами Бурятии. От Баргузина до Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) нужно было преодолеть все расстояние (более 400 км) на лошадях. Были найдены и прямые пути в Хори и Еравну, куда попадали через труднопроходимые дебри на верховых лошадях.

По территории Баргузина протекает судоходная река Баргузин (протяженностью 400 км), впадающая в оз. Байкал с притоками Ина (по-бурятски *Онео*), Гарга, Аргада и другими. Есть также немало озер (Кучегор, Гагина и др). По правой стороне Баргузина проходит Баргузинский хребет, который отделяет Баргузин от оз. Байкал².

Баргузин славится красотой и своеобразием природы, отличается также богатыми природными ресурсами. Он богат сельскохозяйственными угодьями, лесными массивами, минеральным сырьем, славится своими горячими лечебными источниками, золотом, пушными зверями, рыбой³.

Природные богатства территории Баргузина, безусловно, не могли не привлекать в прошлом сюда переселенцев. Не случайно в одной из легенд ему дана такая характеристика:

Хотиггээ миха олхо,
Гүхэгээ түлээ олхо,
Хулгаэ хээ хадан нюуха,
Худлаар хэлээ хадан
Хорголхо газар.

Местность, в которой можно
Мяса достать без ножа,
Дрова без топора.
В случае кражи есть где прятать,
В случае обмана есть где скрываться.

1 См.: Г. Н. Румянцев. Баргузинские летописи. Улан-Удэ 1956, стр. 49.

2 См.: «История БурАССР». Г.п. 1, Улан-Удэ, 1954, стр. 310.

3 См.: Б. Р. Буянтуев. Баргузинская долина. Улан-Удэ, 1959.

4 См. об этом подробнее: Б. Р. Буянтуев, Г. Ш. Раднаев. Советская Бурят-Монголия. Улан-Удэ, 1957.

Буряты раньше Баргузин называли *Ара Баргажан* «Задний отдаленный Баргузин». Действительно, Баргузин в то время был своего рода «Запорожской сечью», куда стекались непокорные племена, бежавшие от постоянных войн, угнетения феодальных ханов и земельного вытеснения.

Село Баргузин (ныне районный центр) было раньше одним из крупных торговых центров. В лексике говора имеются следующие названия промышленных и продовольственных товаров, которые получали баргузинские буряты тогда торговым путем: *мангал*, *дэмбэ хамба* — различные виды китайского шелка, *хонинхоор* (коленкор), *харамжан* (полусукно), *даалин* (далемба) и многие другие.

Баргузинский острог с 1783 по 1822, затем с 1913 по 1917 годы был переведен в разряд уездных городов. Не было в нем промышленных и других предприятий. Правда, накануне Октябрьской революции были открыты кожевенный и мыловаренный заводы, основанные на примитивном ручном труде.

Исторический путь, пройденный баргузинскими бурятами, так же как и другими бурятами, длителен и сложен. О древней истории баргузинских бурят говорят нам устные народные предания, а также исторические сочинения¹.

По истории баргузинских бурят имеется ряд летописей, часть которых издана Г. Н. Румянцевым в указанных выше «Баргузинских летописях». Первым историческим сочинением, посвященным баргузинским бурятам, считается историко-этнографический очерк Николая Цыванжаба Сахарова под названием: «Об инородцах, обитающих в Баргузинском округе Забайкальской области»². В этом очерке, состоящем из двух частей, даны краткие сообщения о времени переселения, о родо-племенном составе, об условиях жизни баргузинских бурят. Следующим летописным сочинением является «Краткое повествование о старинной истории Баргузина»³. Из «Кратких повествований» узнаем в основном те же данные, что и из «Очерков» Н. Ц. Сахарова. В частности, в нем сообщаются сведения о древнейшем населении Баргузина, о первых его переселенцах (об эвенках, бурятах, русских). Заслуживает внимания содержащееся в этом повествовании сообщение о переселении бурят в Баргузин еще в XVII в.

Также краткую, но содержательную справку об истории баргузинских бурят дает Цыдеб-Жаб Сахаров в своей «Летописи баргузинских бурят»⁴. Летопись Ц.-Ж. Сахарова излагает историю баргузинских бурят с 1740 г. — со времени переселения в Баргузин бурят из рода бура под предводительством Андрея Шибшеева. В начале летописи изложены предания о древних обитателях и первых переселенцах Баргузина, о происхождении тайшей. Затем дается хронологическое изложение событий, происшедших в Баргузине. В конце летописи говорится о родовом составе, о разделении баргузинских бурят на шесть управ, о количестве дацанов, о размере податей и внутренних сборов и т. д.

В следующей летописи под названием «История перекочевки в Баргузин в 1740 году баргузинских бурят с севера Байкала под предводительством Андрея Шибшеева»⁵, предка Сахаровых, повествуется

¹ См.: «Материалы для истории бурят-монголов I. Летописи баргузинских бурят. «Тр. ИВАН СССР». Вып. VIII, М. — Л., 1935; Г. Н. Румянцев. Указ соч.

² См.: «Материалы для истории бурят-монголов», стр. 37—43.

³ См.: Г. Н. Румянцев. Указ. соч., стр. 37—39.

⁴ См.: «Материалы для истории бурят-монголов», стр. 18—25.

⁵ Г. Н. Румянцев. Указ. соч. стр. 58—65.

то же самое, что и в «Летописях» Ц.-Ж. Сахарова. В этой летописи все события, имевшие место в Баргузине, даны в хронологическом порядке.

Одной из наиболее ценных, содержательных летописей баргузинских бурят является «Сокращенная история баргузинских бурят с приложением документов», составленная в 1917 г. преподавателем монгольского языка Харганайской школы Цэжибом Цэрэновым¹. Она начинается с рассказа о первых обитателях Баргузина — о баргутах, или аба хорчидах. Далее говорится об 11 хоринских родах, размножившихся в XII в. от Хоридоя, об устных преданиях эхирит-булагатских родов, о землепользовании и образах жизни баргузинских бурят. Затем летописец подробно останавливается на распространении буддийской религии, на открытии дацанов, школ.

Мы выше остановились на летописях баргузинских бурят, тексты которых опубликованы. Кроме них имеется ряд рукописных летописей, хранящихся ныне в РО БКНИИ. Они по содержанию в основном близки к изданным летописям. Среди них обращает на себя внимание летопись, составленная Ц. С. Содиевым под заглавием «Краткая история о том, как первоначально образовались баргузинские буряты». В ней встречаются некоторые данные, дополняющие другие исторические сочинения.

Летописи баргузинских бурят представляют собою весьма ценные исторические памятники. В них содержатся материалы по истории не только баргузинских, но и эхирит-булагатских, хоринских и других бурят. Летописи были написаны осведомленными в вопросах монгольской истории людьми. Так, летописцы были знакомы с трудами первого бурятского ученого Д. Банзарова, с монгольской летописью «Алтан Тобчи», с произведениями А. Позднеева («Образцы монгольской словесности») и другими сочинениями.

В летописях баргузинских бурят были широко использованы устные предания, бытующие до сих пор среди населения. Пишущий эти строки от многих осведомителей — любителей старины своего края — записал ряд ценных преданий, проливающих свет на былую историю баргузинских бурят. Назовем их имена: Эрдыниева Ринчин (с. Аргада), Эрдыниева Бата (с. Разгон), Харамов Санжи (с. Барагхан), Будаев Битган (с. Мургун), Шараев Ринчин (с. Баянгол), Гымпылов Доржи (с. Баянгол), Упанов Жамбал (с. Баянгол), Зуртанов Санжи (с. Барагхан), Ешиев Содном (с. Баянгол) и другие².

Основываясь на материалах вышерассмотренных летописей и преданий, собранных нами, попытаемся дать краткую историческую справку о баргузинских бурятах.

Территория Баргузинской котловины в далеком прошлом составляла дно моря. Действительно, сейчас на высоких скалах находятся остатки морских раковин, на большой глубине (при копке глубоких колодцев) обнаруживаются круглые, отточенные волною камни.

Самыми древними обитателями Баргузина (тогда страны Баргуджин-Тукум) были баргуты. Об этом нам говорит персидский историк Рашид-ад-дин, живший в средние века: «Племена баргут, тулас, туман жили в Баргуджин-Тукуме»³. В летописях баргузинских бурят также сказано, что самым древним населением Баргузина были аба

¹ См.: Г. Н. Румянцев. Указ. соч., стр. 40—52.

² Выражаю им, а также всем другим осведомителям, сообщившим нам ценные данные, большую благодарность.

³ Рашид-ад-дин. Сб. летописей, Т. I, книга 1, М.—Л., 1952, стр. 121.

хорчиды, или баргуты. Баргутов называли в своих устных преданиях аба хорчидами баргузинские эвенки, впоследствии это слово (аба хорчид) было заимствовано бурятами. К моменту прихода в Баргузин эвенков баргуты (или аба хорчиды) переселились в Монголию. Как известно из истории бурят, примерно в XVI в. в результате военных действий и распоряжений ханов произошло переселение племен из страны Баргуджин-Тукум на север и на восток.

О переселении баргутов из Баргуджин-Тукума среди эвенкийских и бурятских (баргузинских) легенд существует следующее предание. Когда начала расти береза и появился заяц-беляк, которых не было раньше, баргуты решили переселиться в другое место в направлении восхода солнца, предчувствуя, что в их местности будет править отныне другая царь и не желая ему подчиниться:

Саг хубилжа,
Сагаан модон ургаба,
Сагаан ямаан гүйбэ.
Нарни гарха зүгтэ
Эбэр монгол нүүхэ
Саг мэндэ ерэбэ.

Изменились времена:
Выросло белое дерево,
Появился заяц-беляк.
Пришло время переселиться
В направлении восхода солнца
В Монголию внутреннюю.

После ухода баргутов из Баргузина прибыли туда эвенки или, как их называют буряты, ортоны (от *орон* «колень» и словообразовательного аффикса *-тон*, в переводе на русский язык «имеющие оленей»). Они в Баргузине сначала жили в местностях Хабаржан, Долон Нарасун, затем в улусах, называемых ныне Бодон, Суво. Основным их занятием было скотоводство и охота.

Родовой их состав также разнороден. Е. М. Залкинд устанавливает наличие двух племенных групп: «выходцев из Приамурья: киндигиров, баликагиров, намегиров и, по-видимому, чилчагиров и, с другой стороны, связанных с западно-эвенкийским комплексом — мунгалов, лимагиров, тепкогиров и, возможно, чолкогиров»¹. Мунгальский род состоит из родов галзут, ашебагат и цонголир, немногочисленные представители которых живут ныне в Дыренском сельсовете Баргузинского района. На основании данных, собранных нами, можно добавить еще несколько названий «костей», на которые распадаются вышеназванные роды, например, род галзут делится на «кости»: капча галзут, джангэйчэ галзут, упамачэй галзут; род ашебагат делится на «кости»: манкаар ашебагат, тибэйчэн ашебагат и другие.

Эвенки, по-видимому, первоначально населяли побережье Байкала. Об этом свидетельствуют некоторые топонимические данные. В частности, в Прибайкальском районе, основным населением которого теперь являются русские, встречается ряд названий деревень эвенкийского происхождения: Кика, Хаим и другие.

Ныне большинство географических названий территории Баргузина эвенкийское. Совместная жизнь эвенков с бурятами не могла не оставить также следы в их языке².

Первое переселение бурят в Баргузин происходило еще в 60-х годах XVII в. В эти годы прибыла группа бурят из рода авазай, поселившаяся в местностях Яракта, Долон Нарасун (по-бурятски *Яарагта, Долоон Наруу'ан*). Часть этих бурят, как это видно из сообщения летописей, незадолго до прибытия в Баргузин русских, переселилась,

¹ Е. М. Залкинд, Родовой состав баргузинских эвенков в XVIII в. «Зан. БМ ГИЯЛИ». Вып. III—IV, Улан-Удэ, 1941, стр. 242.

² Подробно о языковом взаимовлиянии эвенков и бурят, а также о топонимике на территории Баргузина скажем в разделе «Лексика».

как рассказывают, в Монголию. Затем примерно в 1700-х годах прикочевало в Баргузин около семи семей булагатского племени. В 1720 г. началось массовое переселение других эхиритских бурят: сэнгэлдур, баяндай. В 1740 г. из урочища Анги Верхоленского округа переселились буряты рода бура под предводительством родового князца Андрея Шибшеева. Переселение бурят в Баргузин продолжалось вплоть до первой половины XIX в. Среди баргузинских бурят есть незначительное число бурят, прибывших в 1861 г. из Байкало-Кудары в связи с провалом на Байкале.

Баргузинские буряты переселялись тогда из Иркутской губернии двумя путями. Первый их путь проходил по южному, юго-восточному берегу озера Байкал, второй — прямо через остров Ольхон по льду.

Буряты, прибыв в Баргузин, вступили в столкновение с эвенками, местными жителями, которые подвергли их сильному притеснению, запрещали вести охоту, пользоваться пастбищами. В этих спорах одним из главных зачинщиков был эвенкийский нойон Зугей, известный по летописи баргузинских бурят и эвенков («зугеевский грабеж»). Население вынуждено было построить так называемую *ута хурей* (длинную изгородь), начиная с речки Харасун, через Шингальжин до местности Хара Модон. Эта изгородь служила им своего рода границей, которую не должны были нарушать, в частности, выпускать скот, вести охоту и т. д. Несмотря на это, по велению нойона Зугея, эвенки часто грабили скот у бурят (отсюда и «зугеевский грабеж»). Буряты вынуждены были специально отправить своего представителя по имени Гулгэ в Селенгинскую воеводческую канцелярию с жалобой на эвенков. Эвенкийский нойон Зугей, как говорится в преданиях, отправил за посланным погоню, которая должна была его поймать и убить. Но последний благополучно добрался, жалоба бурят была принята. В результате этого состоялось примирение на основе обоюдного «соглашения». Однако впоследствии сами эвенки были вытеснены бурятами. Значительная часть их вымерла в прошлом от оспы и других болезней, а оставшиеся в живых переселились в другие места. Ныне они живут в Дырене, а также в Баунтовском районе.

Баргузинские буряты богаты устными преданиями и легендами, фольклорными произведениями, повествующими, в частности, об их происхождении. Например, об этом они говорят на свадебных торжествах. Когда невеста с женихом приезжают в дом жениха, родные жениха задают вопросы, на которые следуют ответы:

— Хаанаан ерээбт?
— Худанхаэн хуймараан,
Худаэн голи эхинээн,
Ари ехэ мэлхээн ерээбди.

— Откуда прибыли?
— Из северной стороны,
Местности Худанхай,
Из долины реки Кудэ,
Из далекой, отдаленной
Местности прибыли.

— Хэн гээшэбт?
— Инги дороон гараан
Ихири хубүүдэбди,
Боори дороон гараан
Булгаши хубүүдэбди.

— Кто вы такие?
— Мы дети Эхирита,
Вышедшие из-под берега,
Мы дети Булагата,
Вышедшие из-под
подножия горы.

— Юу асараабт?
— Хээрээр дүүрэн түрэ,
Хэнэйгээр дүүрэн номо
асараади.
— Хашан гэжэ ерээбт?
— Бодогшинн боро толгоздо,

Что привезли?
Свадьбу, полную степь,
Стрелы, полные колчаны, привезли.
— Как доехали?
— На вершине горы Бодогшо,

Даагани сабшаан дабдан харгуйда,
Гунани сабшаан губилтар харгуйда
Сэхэ харгуйда шэнүүнэ загиджа,
Хуушан харгуйда хуһа загиджа
ерээбди.

Где мчится жеребенок двухгодовалый,
Ехали по прямой дороге,
Лиственницу завязывая узлом,
По старой дороге — березу
завязывая узлом.

Родо-племенной состав баргузинских бурят весьма разнороден. Он представлен ныне восемью родами: галзут, чоно (по-бурятски *шоно*), хенгелдер (*һэнгэлдэр*), баяндай, авазай, сэгенут (*сэгээнэд*), эме-хенут (*эмхэнэд*), булагат. Из них род галзут относится к хоринскому племени¹, булагат — к булагатскому племени, роды чоно, хенгелдер, баяндай, авазай, сэгенут (?), эмехенут (?) — к эхиритскому племени².

Таким образом, баргузинские буряты состоят из родов эхиритского, булагатского и хоринского племен, из которых в основном сложилась бурятская народность. Но подавляющее большинство бурятского населения Баргузина составляют представители родов эхиритского племени. В частности, почти пятьдесят процентов бурятского населения Баргузина относится к одному только роду хенгелдер. Так же многочисленны чоноевцы. Третье место по количеству занимают галзуты. Булагаты и другие представлены в незначительном количестве.

Каждый из перечисленных родов имеет свою историю. В частности, галзутский род, как мы выше говорили, относится к хоринскому племени. В преданиях говорится, что галзуты живут примерно в пятьдесят четвертом — пятьдесят пятом поколении. Потомки галзутского рода ныне проживают не только в Баргузине, но и в Хоринском районе, в Агинском и Усть-Ордынском национальных округах, в МНР.

Интересно отметить, что ныне бытующую песню «Наян набаа», широко распространенную в основном среди баргузинских, хоринских, агинских бурят, считают в Баргузине песней, посвященной галзутам.

Галзутский род, как и все другие, делится на ряд ответвлений, или костей. Например, баргузинские галзуты распадаются на следующие пять костей: маньшууна (Аргада, Гарга и другие), хаагильмай (Гарга), обхор, онгор (Дырен, Гарга, Аргада), хоодо (Аргада), хээбэн (Саган-Нур, Галтай).

Предком баргузинских галзутов, по преданию, был человек по имени Ирэйн, имевший пять сыновей, по именам которых названы кости рода: Маньшууна — старший сын, Хаагильмай — второй сын, Ухин — третий сын (его сыновья Онгор и Обхор), Хоодо — четвертый сын, Хээбэн — младший сын.

Чоноевцы по происхождению относятся к эхиритскому племени. В большинстве своем они живут в селе Баянгол. Чоноевский род в преданиях считается одним из древних родов эхиритского племени³. Так, сам Эхирит имел одного сына по имени Зонхи. Сыновьями Зонхи были Сэрхэ и Сэрхэлдэй⁴. От первого сына родились Чоно и Хенгелдер. От рода чоно в Баргузине образовалось семь костей: борсой, басай (или хамнай), бутама, буга, шубхэй, оторши, түмэнтэй. Предок рода чоно имел трех сыновей: Борсой (старший), Басай или Хамнай (второй),

¹ Однако баргузинские галзуты переселились сюда с Ольхона и Качуга, а родов, переселившихся в Баргузин непосредственно из Хори, нет.

² См.: П. Т. Х а п т а е в. Предания о бурятских родах эхиритского племени. «Бурятовед. сб.». Вып. VI, Иркутск, 1928, стр. 45—46.

³ См.: Г. Н. Р у м я н ц е в. Родо-племенной состав баргузинских бурят. «Зап. БМ НИИК». Вып. XV, Улан-Удэ, 1951, стр. 91.

⁴ Согласно родословным эхиритов, Зонхи имел не два, а пять сыновей, а Сэрхэ и Сэрхэлдэй были внуками Зонхи (см.: Г. Н. Р у м я н ц е в. Указ. соч., стр. 54).

Бурлай (третий). Правнуки этих трех сыновей Чоно составили впоследствии семь костей рода чоно. Так, потомками Бурлая являются Оторши, Шүтхэй, Заяхай, Отоохой, Мэлэй и другие. Буга, Бутама — сыновья Заяхая. Некоторые потомки Чоно, видимо, ввиду малочисленности не смогли составить самостоятельные кости. Братом Чоно был Хенгелдер, по имени которого и назван род. Хенгелдер имел пять сыновей: Хазуухай (старший), Хадаалай (второй), Соодой (третий), Уухан (четвертый), Үлдэй (пятый). У Сооды было три сына: Эмэгэт, Оол, Агшай. Сыновья Эмэгэта: Номол, Хаалха. Сыновья Агшая Хурзаан, Сагаан, Хольши, Хуулгаар, Хонзо, Борбиншо, Болой, Ходой, Хонхо, Буура, Еэхүй и другие считаются также потомками предка Хенгелдера. Из них Ходой, Болой, Борбиншо — сыновья Улдея. Род хенгелдер распадается еще на первый (Баянгол) и второй хенгелдер (Гарга, Мургун). Кроме того, видимо, в составе рода хенгелдер была «сборная» кость (по-бурятски *избоорон*).

Носители рода баяндай живут в Аргаде, Улюне, Алле. Этот род делится на две кости: хонхой и тохой. Предок рода Баяндай имел четырех сыновей, из которых двое (Хонхой, Тохой) образуют кости. Баяндаевцы живут в селах Улюн, Баянгол.

Авазаевцы живут в селах Могойто, Алла. Предок рода Авазай имел восемь сыновей. Авазай и Баяндай были сыновьями Сэрхэлдэя (Сэрхэлдэй — сын Зонхи, внук Эхирита).

В отношении происхождения родов чоно, хенгелдер, баяндай и авазай существует такое предание. Сын Эхирита Зонхи своим внукам Авазю, Баяндаю (сыновья Сэрхэлдэя), Чоно и Хенгелдеру (сыновья Сэрхэ) приказал сломать свои луки, разбить котель и, нарушив традицию, вступить в брак через семь и девять поколений и образовать самостоятельные кости.

Представители родов сегенут, эмхенут, булагат живут в улусах Баянгол, Улигчихан. В преданиях говорится, что матери Сегенут и Эмхенут были беженками из других каких-то неизвестных племен.

Баргузинские буряты в прошлом жили отоками (оток — административная единица), при этом каждый оток составлял один род. Сначала таких отоков было три, затем стало пять, шесть и двенадцать. Во главе каждого отока стоял голова рода. Например, в последнее время головой рода чоно был Сэбэгжаб, рода хенгелдер — Замбалан, рода галзут — Борогшон.

Как известно, для управления бурятами в середине XVIII в. были учреждены так называемые конторы. Во главе конторы стоял главный тайша. Такая контора в Баргузине была учреждена в 1790 г. Она существовала до появления «Устава об управлении инородцев», проект которого был в 1822 г. составлен графом М. Сперанским. Согласно этому «Уставу» в селе Улюн была учреждена Улюнская степная дума, объединявшая группу родов. А территория, подведомственная думе, называлась «ведомством». Во главе думы стоял тайша с заседателями.

В 1903 г. степная дума была упразднена и образовалось волостное инородческое управление, объединяющее восемь булуков. Резиденция управления находилась в Харгане. В 1918—1923 годах в улусе Читхан было учреждено Баргузинское хошунно-волостное правление, состоящее в основном из четырех хошунов: Баянгольского, Барагханского, Аргадинского и Дэдэ-Гольского. Каждый хошун состоял из нескольких сомонов. Например, в Барагханский хошун входили Харраганадский, Галтайский, Духэйский, Баяндаевский сомоны.

Баргузинские буряты сначала исповедывали шаманизм. Пересе-

лились они в Баргузин, будучи еще шаманистами. Но в отличие от западных бурят, шаманизм у них был более слабый. Здесь, видимо, сказалось влияние ламаизма. Значительное количество слов из шаманской терминологии, а также разнообразные обряды, известные западным бурятам, старшему поколению баргузинцев в настоящее время неизвестны¹. Примерно в конце XVII и в начале XVIII в. в Баргузин проник ламаизм через его проповедников — монгольских, тибетских лам. В народе говорят, что впервые прибыл в Баргузин примерно в начале XVIII в. некий Нимайлан-лама. С этого времени ламаизм получил распространение среди баргузинских бурят. В 1810 г. на берегу реки Бургал было построено молитвенное сумэ. Первый дацан в Баргузине основан в 1828 г. В 1861 г. его перенесли сначала в местность Цаган-Нур, затем в местность Барагхан.

До Октябрьской революции в Баргузине светских школ было всего несколько. В 1844 г. впервые при Улюнской думе была открыта двухклассная русско-монгольская приходская школа. В 1908 г. в Харгане открылась вторая по счету одноклассная школа. Затем такие школы появились в улусах Нур (1910 г.), Курумкан, Мургун, Хара-Мбдон, Аргада и Дырен (1916 г.) До революции всего насчитывалось 9 школ.

В эти школы поступали большей частью дети состоятельной части населения. Поэтому основная масса населения до Октябрьской революции была неграмотной. Правда, было несколько человек, окончивших учебные заведения в Иркутске, Верхнеудинске и других городах, часть которых стала потом учителями и другими общественными деятелями, например: А. Г. Гальчев, Э.-Д. Ринчино, Р. У. Тубчинов, З. Х. Харпухаев, Р. Х. Харпухаев, Ц. Ц. Цэрэнов, А. Н. Шанюшкин и другие. Они были первыми просветителями и о них до сих пор в народе отзываются тепло. Среди этих деятелей был и Ц. С. Содиев (Соодой), имеющий тибетское, монгольское и русское образование. Он известен среди народа как путешественник-паломник. Он посетил Монголию, Тибет, Индию, Японию, Цейлон, Бирму. Побывал он и в Москве и Петербурге. Есть сведения, что во время путешествия Содиев встретился с А. П. Чеховым.

Хорошо известно имя Э.-Д. Ринчино, уроженца улуса Баянгол, Баргузинского района. Он окончил в свое время юридический факультет Петербургского университета. Его общественная деятельность развернулась в Бурятии еще перед Октябрьской революцией. Он проводил особенно плодотворную общественную деятельность в Монголии в период Народной революции.

За время Советской власти облик старого Баргузина изменился неузнаваемо. В Баргузине теперь имеются крупные предприятия, десятки школ, много колхозов-миллионеров². Изменения, происшедшие в экономике и культуре баргузинцев, нашли свое отражение и в их языке.

ФОНИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Звуковой состав. Вокализм исследуемого говора состоит из следующих 20 гласных фонем: *a, aa, aэ, o, oo, оэ, э, ээ, эи, у, уу, уи, у, үү, үи, ө, өө, өи, и, ии*; в том числе кратких фонем *7: a, o, y, ү, э, ө, и*; долгих фонем *7: aa, oo, уу, ээ, үү, өө, ии*; дифтонгов *6: aэ, оэ, уи, үи, эй, өэ*.

Налицествует в говоре 23 согласных фонемы: *n, n', m, m', t, t', d, d', н, н', м, з, ш, ж, л, л', й, х, х', г, г', нг, һ*.

¹ См.: С. П. Балдаев. Культ писаниц у западных бурят. «Зап. БМ НИИК». Вып. XXII, Улан-Удэ, 1956 г., стр. 83—87.

² См.: «История Бурятской АССР», Т. II, Улан-Удэ, 1959.

Характеристика согласных и гласных звуков литературного бурятского языка, данная в работе И. Д. Бураева «Звуковой состав бурятского языка»¹, вполне приложима к согласным и гласным баргузинского говора.

В литературном бурятском языке нет дифтонга *өэ*, который довольно часто употребляется в баргузинском говоре. Первый элемент этого дифтонга — открытый краткий гласный центрального ряда; второй элемент — гласный переднего ряда, открытый. Причем начальный элемент является огубленным, а конечный произносится уже без огубления. Примеры: *нөхөдөэ* (товарищей — род. п.), *хэлхөэ* (не скажет).

Краткий *ө* — гласный центрального ряда в литературном языке, вместе с более узким *ү* являются оттенками одной краткой фонемы мягкого ряда. В баргузинском говоре эти два звука (*ү* и *ө*) имеют фонемное различие: *үгэ* (слово), *өгө* (отдай).

О гармонии гласных. В баргузинском говоре гармония гласных имеет абсолютное действие в корне простых слов, например: *үндэр* (высокий), *тоо'он* (пыль), *үрхэр* (бык). Распространяется гармония гласных также на аффиксы простых и сложных слов, компоненты которых первоначально состояли из разнокачественного вокализма, например: *ябхөз*, *ябах* *үгэи* (не пойдет), *ерхөи*, *ерэхэ* *үгэи* (не придет), *хэлхэи*, *хэлэхэ* *үгэи* (не скажет,) *ахаан* (от брата), *хадаан* (с горы).

Гармония гласных распространяется и на слова, заимствованные из русского языка: *тоошхо* (точка), *боошхо* (бочка), *эсхэмэихэ* (скамейка).

В баргузинском говоре сингармонизм иногда не соблюдается в аффиксальной части простых и сложных слов, например: *гэраан*, лит. *гэр-һээ* (из дома), *хээрраан*, лит. *хээррэнээ* (с поля), *үлдаан*, лит. *үлдээ һэн* (выгнал) *хэлаан*, лит. *хэлээ һэн* (говорил, сказал). Появление гласного *аа* в этом говоре, как и в байкало-кударинском и эхирит-булагатском говорах, объясняется тем, что утвердительная частица *һэн* и аффикс исходного падежа имен (в лит. *-һаа*, *-һоо*, *-һээ*) в основе своей сохраняют древнюю форму *-һан*: *ераан*, *ерээ һан* (пришел, приходил), *хэлаан*, *хэлээ һан* (говорил, сказал), *ошаан*, *ошоо һан* (ходил).

Кроме того, аналогичными же аффиксами оформляются также причастия прошедшего времени (в лит. *-һан*, *-һон*, *-һэн*), глагольная форма пожелания (в лит. *-һай*, *-һой*, *-һэй*): *ераан*, *ерэнэн* (пришедший), *мэдаэб*, *мэдэнэйб* (узнать бы).

О выпадении звуков и слогов. Сокращение слов, или выпадение звуков и слогов в словах, широко представлено в баргузинском говоре.

Очень часты случаи выпадения фарингального *һ*. В начале слова фарингальный *һ* в баргузинском говоре сохраняется, например: *һара* (луна, месяц), *һонгино* (лук). Но встречаются отдельные случаи отсутствия его и в начале слов, например: лит. *һахарха* — барг. *ахарха* (скупиваться); лит. *һишнаха* — барг. *ишнаха* (жужжать).

Фарингальный *һ* не выпадает в середине гласных в тех односложных и двухсложных словах, в которых в случае его выпадения, возможно, получилась бы сильная ломка звуковой их оболочки. Например: *иһэн* (сажа), *үһан* (вода). Однако он между гласными выпадает и в основе слова, что видно из следующих примеров: *даа'ан*, лит. *гааһан* (трубка), *ноо'он*, лит. *нооһон* (шерсть), *хоо'он*, лит. *хоһон* (пустой, пусто), *тоо'он*, лит. *тооһон* (пыль), *дабуу'ан*, лит. *дабһан* (соль), *һэлбэрүү'эн*, лит. *һэлбэр-*

¹ И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 65—104, 129—157.

hэн (сиг), *наруу'ан*, лит. *нархан* (сосна), *шэнүү'эн*, лит. *шэнэһэн* (лиственница).

Как видно из примеров, на месте ожидаемого *h* образуется лишь пауза, которую обозначаем апострофом ('). А в байкало-кударинском говоре, в отличие от баргузинского, в результате выпадения этого звука произошло стяжение соседних его гласных в долгие, например¹:

литературный язык	баргузинский говор	байкало-кударинский говор	значение
загаһан	загуу'ан	загуун	рыба
дабаһан	дабуу'ан	дабуун	соль
нараһан	наруу'ан	наруун	сосна
шэнэнэн	шэнүү'эн	шэнүүн	лиственница
нэрэнэн	нэрүү'эн	нэрүүн	голубица

Но в баргузинском говоре стяжение гласных наблюдается только в аффиксах родительного; исходного падежей имен, например: *загуунаан* (с рыбы), *нарууни* (сосны, сосновый), *нэрүүнаан* (с голубицы).

Таким образом, выпадение *h* в корне простых слов ведет обычно к образованию долгих гласных *уу* или *үү*: *дабуу'ан*, лит. *дабһан* (соль), *хабуу'ан*, лит. *хабһан* (ребро), *түрүү'эн*, лит. *түрһэн* (икра).

Кроме того, в этом говоре нередко встречаются случаи употребления *у*, *ү* и *уу*, *үү* вместо *а*, *э* и в словах без фарингального *h*, например: *таргуун*, лит. *тарган* (жирный), *амгуулан*, лит. *амгалан* (тихо, мирно, спокойно), *таху*, лит. *таха* (подкова), *алху*, лит. *алха* (молоток), *зүргэ*, лит. *зэргэ* (ряд).

Звук *h* выпадает в аффиксах причастий, в формах пожелания в глаголах и в сложных словах, о которых говорилось выше. Например: *ераан*, редко *ерээн*, лит. *ерэһэн* (пришедший), *ошаан*, редко *ошоон*, лит. *ошоһон* (сходивший), *ябаан*, лит. *ябаһан* (ушедший), *бэшаан*, редко *бэшээн*, лит. *бэшэһэн* (писавший), *ерээб*, лит. *ерэһайб* (пришел бы), *ошаэб*, лит. *ошоһоэб* (сходил бы), *эсаэш*, лит. *эсэһэйш* (устал бы).

В баргузинском говоре наблюдаются выпадения гласных звуков: а) в начале основы: *неэн*, лит. *үнеэн* (корова), *неэдэн*, лит. *энеэдэн* (смех); б) в конце основы: *ошхо*, лит. *ошохо* (идти), *хэлхэ*, лит. *хэлэхэ* (сказать, говорить); выпадения согласных звуков: а) в начале основы: *үльжэргэнэ* (смородина), в зап. диалекте *хүльжэргэнэ*, *үбөөльжэн*, лит. *бүбөөлжэн* (удод); б) в середине основы: *хайшан*, лит. *хайшан* (как); в) на стыке сложных слов: *баэхуу?*, лит. *баэха гү?* (будет ли?), *зүү?*, лит. *зэ гү?* (ладно?), *хэлхүү?*, лит. *хэлэхэ гү?* (скажет ли?), *хадуу?*, лит. *хада гү?* (не гора ли?), *хэлхүүш?*, лит. *хэлэхэ гүш* (скажешь?), *оэлгоош?*, лит. *оэлгоо гүш?* (понял?); выпадение слогов в простых словах: *үхэб*, лит. *үгэхэб* (отдам), *үстэр*, лит. *үсэгэлдэр* (вчера).

Слова в потоке речи подвергаются своеобразному стяжению. Например: *барраэ*, лит. *баруун урда* (на юго-западе), *зүүрээ*, лит. *зүүн урда* (на юго-востоке), *нэбшаа*, лит. *нэгэ бишыха* (немножко), *таттаха*, лит. *таһа татаха* (оторвать, разорвать).

Этому явлению подвергаются и целые предложения: *энэш шэнгэнэ* (что он делает), лит. *энэшин хайшан гэнэ*, *тидээ шэнгэнэ* (что он делает), лит. *тихэдээ хайшан гэнэ*, *идээ шэнгэнэ* (что он делает), лит. *ишхэдээ хайшан гэнэ*².

¹ См.: Д. А. Абашеев. Заметки по говору байкало-кударинских бурят. «Зап. Б.М. НИИК». Вып. XXI, Улан-Удэ, 1956, стр. 134.

² Точно такие же стяжения слов в предложениях встречаются и в эхирит-булагатском говоре. См.: Б. В. Матхеев. Звуковой состав эхирит-булагатского говора. «Уч. зап. БМПИ им. Д. Банзарова». Вып. XI, Улан-Удэ, 1957, стр. 219.

Следует заметить, что слова подвергаются сокращению только в определенных сочетаниях: *зуун сгооб* (сто рублей); однако слово *солхооб* (рубль) в сочетании с другими числительными не сокращается.

О некоторых других фонетических явлениях.

1. Краткий *ө* составляет еще самостоятельную фонему. Следует отметить, что в исследуемом говоре эта фонема встречается реже, чем в западных диалектах; например, она имеет место в таких словах, как *өххэ* (подниматься вверх), *өдхө* (размножаться), *нөхөд* (друзья, товарищи). В баргузинском говоре за последнее время под влиянием литературного языка наблюдается тенденция употребления в начале слова *ү* вместо *ө*. Такое же явление встречается в говоре иволгинских бурят¹. Что же касается эхирит-булагатского говора, то он, в отличие от баргузинского говора, полностью сохранил фонематичность звука *ө*. Ср. примеры:

эхирит-булагат- ский говор	баргузинский говор	литературный язык	значение
төмөр	түмэр	түмэр	железо
өсөөн	үсөөн	үсөөн	мало
өндөр	үндэр	үндэр	высокий

В письменных работах учащихся школ Баргузинского района по бурятскому языку и литературе не наблюдается орфографических ошибок, связанных с различием *ү* и *ө* в начале слова. Даже в устной речи молодежи, учащихся звук *ө* стал употребляться редко.

2. Встречаются случаи различения *өө* и *ээ*, например: *дүрөө* (стреля), *дүрээ* (сгорел); *хүрээ* (хватит), *хүрөө* (замерз).

В рассматриваемом говоре во многих случаях после краткого *ү* следует *ээ*. Например, творительный падеж имен, разделительное деепричастие глагола оформляются аффиксами *-ээр* (лит. *-өөр*), *-ээд* (лит. *-өөд*), например: *хүсээд* (догнав), лит. *хүсөөд*, *үдэрээр* (на день) лит. *үдэрөөр*, *нюдээр* (глазом), лит. *нюдөөр*, *түргээр* (быстро), лит. *түргөөр*.

3. В начале слова вместо литературного *ж* употребляется *й*. *Яда* (*йада* — штык), в лит. яз. *жада*, *ялга* (*йалга* — овраг, лощина), лит. *жалга*, *яргал* (*йаргал* — счастье), лит. *жаргал*, *егдэ* (*йэгдэ* — сплошь, равномерно), лит. *жэгдэ*, *ебэн* (*йэбэн* — ржавчина), лит. *жэбэн*, *ел* (*йэл* — год), лит. *жэл*.

Слова с начальным *ж* встречаются редко, притом в большинстве случаев в словах из области буддийской терминологии: *жоод* (жод, молитва-заклинание), *жоодшо* (лама, читающий жод), *жаган* (кухня — при дацане), *жатха* (колдовство), *жабдан* (топчан, деревянная койка).

В заимствованных из русского языка словах начальный *ж* сохраняется: *жаатха* (жатка), *журнаал* (журнал). В давно заимствованных словах встречаются случаи перехода *ж* в *й*: *ёолбо* (*йоолбо* — желоб).

4. В баргузинском говоре притяжательная частица третьего лица имен не палатализуется: *номишн* (его книгу), лит. *номынь*, *гэришн* (его дом), лит. *гэрынь*, *санан* (его лыжи), лит. *санань*, *ахан* (его брат), лит. *ахань*.

Также наблюдается много слов, где согласные, в отличие от литературного языка, оказываются твердыми: *хируун* (теплый), лит. *хэрюун*, *нушгэн* (голый), лит. *нюсэгэн*, *хүрзи* (пила), лит. *хюрөө*.

5. Согласный звук *д* перед *и* переходит в *ш*: *тугаши* (телят — род. п. мн. ч. от *тугад*), *үхэши* (скота — род. п. мн. ч. от *үхэд*), *хониши* (овец — род. п. мн. ч. от *хонид*), *нохоши* (собак — род. п. мн. ч. от *ноход*).

¹ См.: Д. А. Абашеев. Предварительный отчет по обследованию говора, бурят-монголов Иволгинского, Байкало-Кударинского аймаков, стр. 141.

6. В баргузинском говоре широко представлена ассимиляция. Примеры на регрессивное ассимилятивное оглушение: *уртхэ* (успеть), лит. *урдихэ*, *хултхэ* (обморозить), лит. *хүлдэхэ*, *үсхэ* (смотреть), лит. *үзэхэ*, *мульшэ* (грызть), лит. *мүлжэхэ*, *хасха* (кусать), лит. *хазаха*. В этих примерах звонкие согласные в результате выпадения кратких гласных, стоящих после них, оглушаются перед глухими.

Часто наблюдаются согласные, оглушение которых связано с сокращением слова и редукцией конечных кратких, стоящих после них: *мэшь* (зная), в лит. яз. *мэдэжэ*, *бошь* (вставая), в лит. яз. *бодожо*.

Примеры на прогрессивное ассимилятивное оглушение: *юунштаа* (во что бы то ни стало, обязательно), лит. *юуншье даа*, *хуунштаа* (человек же), лит. *хуунши даа*.

В баргузинском говоре имеет место ассимиляция или взаимодействие не только соседних звуков (контактная ассимиляция), но и звуков, разделенных между собою другими звуками, слогами (дистантная ассимиляция). Примеры на случаи дистантной ассимиляции гласных звуков в вокализме одного слова: *дубуун* (возвышенность), лит. *добуун*, *хуньшуун* (душистый), лит. *хоншуу*. Но наиболее характерным для изучаемого говора является то, что под влиянием переднеязычного *и* краткий гласный предыдущего слога приобретает более передний, несколько дифтонгоидный оттенок, например, баргузинцы произносят *мөрин* (ср. лит. *морин* — конь), *нарин* (ср. лит. *нарин* — тонкий), *түби* (ср. лит. *түби* — мир, вселенная), *хөрин* (ср. лит. *хорин* — двадцать) и т. д.

7. По всей вероятности, появлению в начале слова краткого *ү* на месте краткого *ө* способствовал последующий долгий *үү*, образовавшийся в связи с выпадением фарингального *h*. Ср. следующие слова:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор	значение
хөдөһөн	хүдүү'эн	кисет
хөлөһөн	хүлүү'эн	пот; заработок
һөнөһөн	һүнүү'эн	душа

8. В рассматриваемом говоре встречаются также случаи влияния гласных одного слова на гласные другого, сочетающегося слова, например:

баргузинский говор	литературный язык	значение
уур сааха	үүр саэха	рассветать
туи татха	түи татха	чинить препятствие
ба барь	бү бари	не держи
бэ хэл	бү хэлэ	не говори

9. Перестановка слогов в сравнении с письменной формой литературного языка:

баргузинский говор	литературный язык	значение
хадалгаха	хадагалха	спрятать
шабаагар	шагаабар	окно
тээрэм	тээрмэ	мельница

10. В исследуемом говоре нами зафиксированы следующие случаи чередования сравнительно с литературным языком:

баргузинский говор	литературный язык	значение
	з/ж	
зажалга	жажалха	жевать
заахан	жаахан	маленький, небольшой
зихэ	жихэ	вытягивать (ноги)
изини	эжи	мать

намтар шүрмүү'эн мурьха	<i>м//б</i> набтар шүрбэһэн буриха	низкий мышцы уклоняться от указанного на- правления (например, о лошади) лист
намшуу'ан	набшаһан	
һухалга бахана тэрээхүүр энээхүүр	<i>х//г</i> һугалга багана тэрээгүүр энээгүүр	выдвижной ящик у стола столб по тому месту, там здесь, по этому месту
гүрхэ гүрэлгэ	<i>г//б</i> бүрэхэ бүрэлгэ	сбивать масло процесс сбивания масла
гилагар гилаэха ниргэхэ	<i>г//й</i> ялагар ялайха нэрьехэ (нэрийэхэ)	блестящий блестеть шуметь
йаргал йабар йолоо	<i>й//ж</i> жаргал жабар жолоо	счастье холодный ветер поводья
гэтүү'эн гатуу'ан	<i>т//д</i> гэдэһэн гадаһан	живот, брюхо палка с железным наконечником
нол'бохо бул'шан һүүл'шиин	<i>л'//л</i> нёлбохо булшан һүүлшын	плевать мышцы последний
хэрүүр бар'уур аршуур	<i>р//л</i> хэрүүл барюул аршуул	ссора ручка, рукоятка тряпка
илээ ирэ идеэн	<i>и//э</i> элеэ эри эдеэн	коршун острие пища
зубалга хултуу'ан хумигар хуршаганаха шургалжан	<i>у//о</i> зоболго холтоһон хомигор хоршогонохо шоргоолжон	тощее мясо кора узкий, плоский шуметь, тарыхтеть муравей
горогор горьбо	<i>о//у</i> гурагар гурьба	стройный, длинный резьба, углубление вдоль че- го-либо
одигон хотиго	удаган хутага	шаманка нож

	<i>u//a</i>	
тишаганаха нижаганаха нирээ хиршаганха	ташаганаха нажаганаха нараэ харшаганаха	трещать, греметь шуметь, гудеть, греметь новорожденный, младенческий скрипеть
	<i>э//ү</i>	
бэри эбшэн мэн	бүри үбшэн мүн	очень болезнь опять, тоже, также
	<i>ү//э</i>	
хүдэн зүргэ	хэдэн зэргэ	сколько ряд

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Баргузинский говор, наряду с сохранением в своем словарном составе значительного количества слов, бытующих в родственном ему эхирит-булагатском говоре, подвергся и некоторому лексическому влиянию хоринского диалекта и литературного языка. Лексика баргузинского говора обогащалась и за счет своих внутренних ресурсов, определивших, в конечном счете, ее специфику. Но в целом этот говор сохранил значительное количество слов, общих для западных говоров. См. следующий список общеупотребительной лексики.

Западный диалект	Баргузинский говор	Литературный язык	Значение
салим	салим	шалбааг	лужа
үнэгэн шээг	үнэгэн шээг	холонго	радуга
шабхаэ	шабхаэ	туюу	комок снега, прилипающий зимой к копытам лошади
хонгорог	хонгорог	хүр	сугроб
андаляа	андаляа	анда худа	обменный брак
хашар	хашар	тошон	наледь
хөрөнгө	хүрэнгэ	айраг	кислое молоко
бозо	бозо	сагаан	кислое молоко для курения вина
тэбтээр	түбтээр	бэрхээр	крышка у котла
малгаар	малгаар	үглөө	завтра
зантуу	зантуу	һуулга	жестяное ведро
зэнхээн	зэнхээн	шармайлга	стремление
таалаха	таалха	таалаха	в <i>зап.</i> и <i>барг.</i> «обнимать, ласкать», в <i>лит.</i> «целовать»
эргэнэг	эргэнэг, иргэнэ	хаамжа	клетки для телят
гээгэ	гээгэ	гээгэ, шэлэ	затылок
		хүзүүн	
шиихан	шиихан	хадьха	фурункул
мэнэһэн	мэнүү'эн	амһарта	посуда
гуулга	гуулга	гуйлга	в <i>зап.</i> и <i>барг.</i> «подарок», в <i>лит.</i> «просьба»,
хаг	хаг	набтаһан	послед
шэхэнэг	шэхэнэг	тэбхээнсэг (в Аге)	санки с коробом для возки навоза
хубсар	хобсор	годон шэрдэг	подстилка в виде коврика (из шкур овечьих, лошадиных ног)
саажа	саажа	гээгэ	коса (о волосах)

Наряду с этим словарный состав баргузинского говора также сохранил общность и со словарем эхирит-булагатского говора:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор	литературный язык	значение
тээли (хүбүүн, басаган)	тээли (хүбүүн, басаган)	дунда (басаган, хүбүүн)	средний (сын или дочь)
хомхо	хомхо	тонтогоол	конский шевяк
дандаэ	дандаэ	адаэр или адяар	полка
ообордохо	ообордохо	шэдэхэ	бросать
ангуу	ангуу	шарха	рана
бажнаг	бажнаг	сообо хүхэ	топор-пазник
бэсэгэн	бэсгэн	одхон, бага	младший (брат, младшая или вторая жена)
шоогоэ	шоогоэ	ямаан	коза
хошхо	хошхо	хүлдүүр	лопата, служащая для выбрасывания мусора из дома
өбөлгө	өбөлгө	эрмэг	край, борт койки
зөөмэр	зөөмэр	ээрмэг	накиль, образуемая при кипении курунги
нэбхүүл	нэбхүүл	дэгнүүл	кочка
иньгэ	иньгэ	эрье	берег, крутой обрыв
богодхолхо	богодхолхо	хабидхалха	путать ноги коровы
һум (морин)	һом (морин)	эмээл, хазаар (морин)	верховая лошадь
элдэн	ильден	—	загородка для зарода
һаал	һаал	—	один из моментов свадебного обряда
хэһэнэг	хэһэнэг	үхэг	гардероб для вещей — приданого девушки
нэд	нэд	шэрхи, нэдхэ	выносливый

Баргузинский говор испытывает влияние хоринского диалекта, а также и литературного языка почти во всех пластах своей лексики. Это не могло не определить одну из причин нынешнего словарного расхождения баргузинского и эхирит-булагатского говоров. Примеры:

диалект	баргузинский говор	эхирит-булагатский говор	значение
зураха	зураха	писать	рисовать
хүгшэн аба, баабаэ	хүгшэн баабаэ	төө баабаэ	дедушка, дед
хамаагүй	хамаагоэ	баагоэ, һаатхоэ	ничего, все равно
тэлюур	тэлюур	түльхүүр	пихло (сиб.)
тибэһэн	тибүү'эн	һараана	саранка
эмхи зургаан	зургаан	учреждени, организаци	учреждение, организация
барилга	барилга	аали	постройка
гэр	гэр	тур, тура	изба, юрта
хулпаа	хольпии	хабтагаэ	клоп
поршоонхо	поршоонхо	тороэ, поршоонхо	поросенок
хамуур, веэниг	хамуур	эльбүүр	веник
хартаабха	хортообхо	яабал	картофель

Лексическое влияние хоринского диалекта и литературного языка на баргузинский говор сказывается и в том, что в последнем на правах

синонимов употребляются как литературно-хоринские, так и диалектно-западные слова:

хоринский диалект	западный диалект	баргузинский диалект	значение
машииндаха	бүлэхэ	машииндаха, бүлхэ	сепарировать
намаг	намарга	намаг, намарга	болото, трясины, топь
гэм, зэмэ	зэмэ	гэм, зэмэ	вина
зун	нажар	зун, нажар	лето
эхилхэ	захалха	ихелхэ, захалха	начинать
бороо	хура	бороо, хура	дождь
үгэ	хүүр	үгэ, хүүр	слово

Известный интерес представляет религиозная терминология. В Баргузине прежде всего встречается довольно много слов из области шаманского культа: *одьгон* (шаманка), *онго* (дух, идол), *таэлга* (шаманское жертвоприношение), *арангалха* (хоронить шамана на помосте), *горьбэ* (посох), *оргоэ* (ритуальный головной убор шамана), *аэху* (священная роща, где похоронен шаман). Но, с другой стороны, в словарном составе баргузинского говора имеется немало слов из области буддийского ритуала, например: *ланшад* (вино, которое преподносится богу), *жасаа* / *ясаа* (ежегодная молитва), *шоэро* (ламский диспут), *хубараг*, *гэбши*, *габжа* — различные ламские звания, *ошор* (ламский инструмент), *сабдуур* (палочка для опрыскивания священной водой).

Сравнимая баргузинский говор с эхирит-булагатским по части лексики, можно заметить, что одни эхиритские слова в баргузинском говоре дали либо совершенно новые значения, либо изменились в своем значении, например:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор
хаяа	уголочек за печкой, где хранится посуда и прочая утварь
мээрхэлдэхэ	соперничать
һер	дом, изба
хербэ	ягненок
домоґ	хвалебная песня
сэр	большая деревянная чашка
	делать что-либо на зло
	крыша
	овечья шкура (без шерсти)
	грустная песня
	деревянный кувшин, жбан для молочного вина

А другие слова стали употребляться только в определенных сочетаниях, например:

эхирит-булагатский говор	баргузинский говор
төөдэи (старушка, бабушка)	төө һахул (длинная старая борода)
балгааһан (постройка)	гэр балгаа'ан (постройка, строение)
һүи (ночь)	һүйдүү'ан (ночью)
яһаха (вылечиться, поправ- ляться)	яһал болхо (поправляться, вылечиться)

В сравниваемых говорах встречаются отдельные расхождения, связанные со словообразованиями частей речи. Например, в баргузинском говоре есть слово *хохюур* (сухостой), но нет производного от него глагола *хохюурдаха* (сохнуть), бытующего в эхирит-булагатском говоре. В баргузинском говоре есть глаголы *хоэмоґхо* (варить пищу из арсы с молоком), *бүмбэихэ* (принимать округленную форму), но нет имен *хоймоґ* (пицца, приготавливаемая из арсы с молоком), *бүмбэгэ* (мяч), которые имеют место в эхирит-булагатском говоре.

Наблюдается разнoбoй в заимствованиях из русского языка. Так, например, некоторые названия предметов, являющиеся заимствованиями

в эхирит-булагатском говоре, в баргузинском обозначаются бурятскими словами или наоборот: *отобрсог* эх.-бул. — *ээгэл* барг. (творог), *оглобли* эх.-бул. — *шэргүүбиэ* барг. (оглобли), *сулхи* барг. — *оэмһон* эх.-бул (чулки).

Как показывают факты, семантический разнобой, наблюдающийся в диалектах и говорах бурятского языка, падает, главным образом, на производные слова, образованные морфологическим путем от общебурятских корней с помощью словообразовательных суффиксов. Приведем слова из баргузинского говора, которые в такой форме не употребляются в других говорах: *доржоохоз* (воробей), лит. *борбилоо*, ср. общебурятское *доржоонохо* (тараторить, лепетать); *эмээлхэй* (седелка), лит. *шожоолохо*, ср. *эмээл* (седло); *шэргүүбиэ* (оглобли), лит. *оглөбо*, ср. *шэрэхэ* (тащить); *минюухэй* (личная собственность), лит. *үмсэ*, ср. *миниш* (мой); *дэбхэрэлгэ* или *дэбхэргэ* (водопад), лит. *хүүюур*, ср. *дэбхэрхэ* (скакать, прыгать); *гилаан* (шкура ягненка), лит. *хурьганай арһан*, ср. *ялагар* (блестящий); *хамжаан* (магазин), лит. *магазин*, ср. *хамжаха* (объединиться), *сордон* (щука), лит. *сурхаз*, ср. *сордогор* (длинно-продолговатый); *ха̄ттуу'ан* (крыло седла), лит. *дүрөөбиэ*, ср. *хабтагар* (плоский); *хашааргана* (карась), лит. *хөөлэнтий*, ср. *хашарһан* (чешуя); *унангуи* (валежник), лит. *унаанги*, ср. *унаха* (падать); *бүгээрэгэ* (пробка, затычка), лит. *таглаа*, ср. *бүглэхэ* (затыкать); *хошолхо* (страдать поносом — о животных), ср. *хошхоног* (прямая кишка): *адха* (подземелье, куда просачивается вода), ср. *адхаха* (лить, выливать); *хитаруулга* (калач), лит. *халааша*, ср. *хитарха* (закручиваться, виться, ломаться) и т. д.

Эти производные слова в баргузинском говоре образованы морфологическим (суффиксальным) путем на основе общебурятских корней посредством словообразовательных суффиксов *-хаэ*, *-биша*, *-лга*, *-аан* и других, придавших им семантически новые значения.

Как известно, каждый предмет или явление реальной действительности имеет множество признаков, например, признаки формы, звука, цвета, характера действия и т. д. А «название есть служащий для различия знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак»¹.

При наименовании предметов, явлений берется всегда один из характерных признаков. Но выбор одного из них (форма, цвет, звук, характер действия или образ), положенный в основу слова, бывает в говорах бурятского языка произвольным. «Говорящие коллективы могут воспринять предмет с разных сторон и соответственно этому дают ему разные наименования»². Эта произвольность выбора одного из признаков предметов, явлений при словообразовании и вызывает семантические отклонения, разнобой в говорах бурятского языка.

Т. А. Бертагаев в бурятском языке устанавливает следующие три случая образования слов по признакам предмета³: а) образование по производимому действию или эффекту; б) образование по внешним признакам предмета (по форме, цвету, вкусу); в) образование по производимому звуку. Например, в баргузинском говоре слово *дэбхэрэлгэ* или *дэбхэргэ* (водопад) образовано от глагольной основы *дэбхэр-* (прыгать), обозначающей само действие, а в литературном языке соответствующее слово *хүүюур* (водопад) получило название от глагольной основы *хүүе-* (шуметь), выражающей действие по издаваемому звуку. Слово *нюдүүр* (ступка) в баргузинском говоре образовано от глагольной основы *нюдэ-* (толочь), обозначающей действие предмета, тогда как вместо него в хорин-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Госполитиздат, 1947, стр. 320.

² Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков, рукопись, стр. 142.

³ См. там же, стр. 526.

ском диалекте употребляется слово *уур* (ступка), образованное, вероятно, от корня общего с *уургай* (гнездо) по внешнему сходству предметов.

Зачастую в говорах производные слова, в основу которых кладется одия и тот же признак, а именно признак действия предмета, создаются нередко от семантически различных по значению основ, выражающих разные стороны действия. Например, понятие *веник* в баргузинском говоре оформлено словом *хамуур*, образованном от глагольной основы *хама-* (сгребать, мести). Это же понятие в эхирит-булагатском говоре бытует в форме *эльбүүр* (веник), образованной от глагольной основы *эльбэ-* (гладить), а в боханском говоре обозначается словом *шэрбүүр*, образованном от глагольной основы *шэрбэ-* (хлестать). Слово *хонхицуур* (колокольчик, ботало) в баргузинском говоре образовано от глагольной основы *хонхино-* (звенеть), в эхирит-булагатском говоре — *шагнуур* (ботало) образовано от глагольной основы *шагна-* (слушать). *Спичка* в баргузинском говоре называется словом *зуруул* от *зура-* (чиркнуть), в боханском — *шударуул* от *шудара-* (скрести). Такое действие, как *сепарировать*, обозначается следующими глаголами: *мүшыха* (крутить, вертеть — Алята и Улзетуй), *эрьюулхэ* (вращать, крутить — Булуса), *ашалха* (вертеть мутовкой — Тангут и Нельхай), *машиндаха* досл. *пропускать молоко через машину, бүлэхэ* (сбивать, болтать)¹. *Сфотографировать* передается также разными словами, например: (*хаарташха*) *буулгах* (снимать), *хааха* (закрывать), *абаха* (брать); *оруулха* и *сожоулха* (фиксировать). Понятие *лестница* обозначается словами: *гэшхүүр* (Алята и Улзетуй) от основы *гэшхэ-* (наступать), *абируулга* (Тангут, Обуса) от *абир-* (взбираться, взлезать), *дамжуур* барг. от *дамжа-* (переходить, взбираться, перебираться).

По признаку формы образованы такие слова, как *сордон* (щука); название дано по признаку внешней формы — *сордогор* (длинно-продолговатый); *хашааргана* (карась) образовано от *хашаруу'ан* (чешуя, караси по сравнению с другими рыбами имеют крупные чешуи); *балблана* (язь) образовано от основы *балблэ-* (быть полным, пухлым). Слова *хитаруулга* барг., *хотируулга* эх.-бул. в значении (калач) образованы по форме названного предмета. Слово *гахуули* барг. (удочка) образовано от слова *гэхэ-* (крючок) при помощи суффикса *-уули*. Тункинцы удочку называют *хаялаа* от основы *хая-* (бросать).

В бурятских диалектах и говорах также широко представлено лексико-семантическое словообразование, под которым подразумевается приобретение словом дополнительных и новых смысловых значений.

В зависимости от условий жизни и деятельности носителей языка или говора, слова подвергаются дальнейшему развитию, дают разветвления, дополнительные значения. Притом эти дополнительные значения, образованные из дальнейшего развития, разветвления первоначального значения слова, составляют вместе с тем преемственную, связанную семантическую цепь². Процесс лексико-семантического словообразования слов в диалектах и говорах бурятского языка носит также разнообразный характер. Одним из характерных семантических расхождений говоров бурятского языка является то, что одно слово в одном говоре обозначает одно, в другом — два или несколько значений. Например, слово *тхэлха* первоначально обозначало *рзвязывать, снимать*. Затем оно в хоринском диалекте дало значение *открывать* (о двери войлочной

¹ Эти примеры заимствованы из работы Т. А. Бертагаева «Лексика монгольских языков», стр. 144.

² См. об этом: Т. А. Бертагаев. К вопросу о внутренних законах развития полисемии (на материалах сравнительно-исторического изучения монгольских языков), АН СССР, ОЛЯ, т. X, вып. 6, 1951, стр. 573—588.

юрты), так как хоринские буряты, жившие в войлочных юртах, чтобы открывать дверь, развязывали ее.

Наименования в бурятском языке, а также в его диалектах и говорах переносятся на основе сходства предметов, явлений по форме, цвету, величине, характеру действия. Но выбор одного из этих признаков при перенесении по сходству, как и в морфологическом и в других словообразованиях, в говорах бурятского языка бывает разный, произвольный, что вызывает семантические расхождения. Например, в баргузинском говоре по сходству характера действия перенесены значения следующих слов: *дэбхэрхэ* (прыгать; служить в армии), *тоншохо* (стучать; столярничать), *һунааха* (удлинять; доконать; доводить), *харха* (смотреть, видеть; содержать; оказывать помощь), *зольборхо* (бродяжничать, скитаться; вести себя развязно, нарушать дисциплину), *орхо* (зайти, заходить, войти; нападать), *хүндэлхэ* (уважать; угощать), *хуха* (лаять; кашлять сухим кашлем), *узаарха* (долго длиться; одряхлеть), *баллаха* (ломать, разменять — о деньгах).

Перенос значений может также происходить по сходству функции, формы, например: *таху* (подкова || каблук у унтов), *нюдэн* (глаз || оконная клетка), *хабхаг* (крыша || клапан кармана), *хүрээ* (лопата || весло).

Развитие значений или перенос значений слов с одних предметов и явлений на другие идет не только на основе сходства признаков, но и на основе общности их функции (функциональный перенос): *үлгээсэ* (вешалка для одежды || бэльзевой шнур). Иногда по общности функции разные предметы в говорах обозначаются одним и тем же словом: *хүдхуур* (мутовка) барг. — *хүдхуур* (кочерга — Обуса, Нельхай); *тульхүүр* (ключ) барг. — *тульхүүр* (пихло — Тангут); *хадхуур* (вилка) барг. — *хадхуур* (жигало для прожигания дырки в чубуке — Улзетуй, Тангут, Булуса); *тээг* (поперечина) барг. — *тээг* (коромысло — Алята, Улзетуй); *углуурга* (металлический наконечник для карандаша), барг. — *углуурга* (чехол — Булуса)¹.

Перенос значений может происходить на основе сходства признаков обозначаемых предметов по форме, цвету, характеру действия с признаками других предметов. Сюда относятся такие составные названия, в которых определяемое является общим родовым названием, а определяющее — названием, перенесенным с другого предмета по внешнему сходству сопоставляемых предметов². Здесь в качестве первых компонентов определений выступают имена в именительном падеже, являющиеся наименованиями домашних животных. Кроме того, бывает и такие составные названия, первые части которых не являются переносными определениями, наименованиями других предметов, а лишь представляют собой прилагательные, выражающие качества самого предмета, а также имена в родительном падеже, обозначающие принадлежность того или иного предмета.

Эти составные названия представляют собой семантически нерасчленимые, лексикализованные сочетания. Они служат, главным образом, для выделения предметов по видам, типам и т. д. Например: 1) флора: *хүүн үбүү'эн* (жень-шень), *шүдэр үбүү'эн* (вьюнок), *нохон хоньшоор* (шиповник), *домбо сэсэг* (досл. «цветок-чайник»), *наран сэсэг* (подсолнух); 2) птицы: *хүүн хараасгаэ* (досл. «ласточка-человек»), *үхэр хараасгаэ* (досл. «ласточка-скот»), *морин хараасгаэ* (досл. «ласточка-лошадь»), *шара шубуун* (филин), *сагаан шубуун* (лебедь); 3) полезные ископаемые: *үүхэн*

¹ Примеры заимствованы из работы Г. А. Бертагаева.

² См.: Т. А. Бертагаев. Флексия основ в агглютинативных языках. Сб. тр. по филол., Вып. 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 98—120.

шулуун (кварц), сагаан шулуун (известняк), үхэр туулган (свинец), сагаан туулган (олово); 4) домашние животные: *яа нохоэ* (собачка-мопс); 5) звери: *хонин гүрөө'эн* (косуля), *хара гүрөө'эн* (медведь), *сагаан гүрөө'эн* (белый медведь), *ирээн гүрөө'эн* (тигр); 6) насекомые: *хара сохо* (жук майский), *эбэртэй сохо* (жук-волосогрыз); 7) болезни: *хургани эбиэн* (болезнь пальца), *нарин эбиэн* (рак), *хоолоэн хаалта* (дифтерия), *халуун тахул* (тиф); 8) разные предметы: *сагаан сааруу'ан* (писчая бумага), *үхэр сааруу'ан* (картон) и другие.

Перенос может происходить по смежности значений предметов и явлений: слово *угаабар* (запястье) от слова *угааха* (мыть) в баргузинском говоре дало омонимы *угаабар* (браслет и манжеты на сорочках); слово *хаяа* (уголочек за печкой, где хранится посуда), бытующее в эхирит-булагатском говоре, в баргузинском по метонимии дало *хаяа* (стена).

В баргузинском говоре встречаем отдельные слова, созданные фонетическим способом — способом семантического изменения слов по звукам¹. Например: *басган* (девушка) — *бэсгэн* (младший или младшая), *хоол* (пицца) — *хуул* (сок, питательность), *ёһорлохо* (соблюдать правила вежливости) — *юһарлаха* (угощать), *гоогуу'ан* (дикий лук) — *гээгүү'эн* (дикий лук со съедобным корнем).

Синонимы. В баргузинском говоре синонимные пары образуются для обозначения какого-либо существенного признака предметов и явлений, например: *зоогто* (саранка) от *зоо-* (закапывать, высаживать), *адхуур* (сковородник) от *адха-* (сжимать), *гарса* (брод) от *гара-* (переходить, выходить), *бүглөөдүү'эн* (пробка) от *бүглэ-* (затыкать). Синонимы могут возникнуть также в результате появления новых значений у имеющих в говоре слов: *үргэн* (сплетня) от *үргэн* (челюсть).

Синонимные пары образуются морфологическим путем от разных частей речи, например: *аляадха* (играть) от *алья* (веселый), ср. *наадха* (играть) от *наадан* (игра); *тугаллаха* (телиться) от *тугал* (теленок), ср. *нираалха* (телиться) от *нираэ* (младенческий); *наашалха* (приближаться) от *наана* (ближе, поблизости), ср. *дүтэлхэ* (приближаться, подходить ближе, близиться) от *дүтэ* (близко); *хээрэлхэ* (хоронить) от *хээр* (степь), ср. *хөдөөлхө* (хоронить) от *хөдөө* (место, отдаленное от населенного пункта).

Встречаются синонимы, образованные от одних и тех же корней, но с помощью разных суффиксов: *бабанха* (лаять), ср. *бабарха* (подняться с лаем); *бэбэрхэ* (коченеть от холода), ср. *бэбэнхэ* (дрожать от холода). Кроме того, в говоре наблюдаем множество синонимных рядов, образованных от разных корней, основ: *иг*, *даг*, *хирэ* (грязь); *иргуутхэ*, *хиирхэ*, *улуурха*, *димеэрхэ* (сходить с ума, быть сумасшедшим).

В качестве синонимных пар могут выступать фразеологические и другие сочетания, а также изобразительные слова²: *һүрд гүүлхэ* (воровать, стащить), ср. *хулууша*; *шэм шэм гэхэ* (ныть — о боли), ср. *шэмшиэрхэ*; ута *гартэ* (вор, вору), ср. *хулууша*; *ёро харха* (предвещать, предвидеть плохое), ср. *ёролхо*.

Кроме того, в качестве синонимов употребляются и заимствования. Так, в результате заимствования из хоринского диалекта и литературного языка в баргузинском говоре имеются такие пары, как *үгэ*, *хүүр* (слово); *сонхо*, *шагаабар* (окно), *хура*, *бороо* (дождь), а в результате заимствований из русского языка, часть которых идет через литературный язык, имеем:

¹См.: Т. А. Бертагаев. Флексия основ в агглютинативных языках. «Сб. тр. по филол.» Вып. 1, Улан-Удэ, 1948, стр. 98—120.

²См.: Л. Ш. Шагдаров. Изобразительные слова в современном бурят-монгольском языке. (Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук). Л., 1958.

халаа'ан, *хармаан* (карман); *самса*, *хоштиюм* (костюм); *хонхосоз*, *аста-хаан* (стакан), *хүзүүбиш*, *шаарпаг* (шарф); *үлгүүр*, *сапуушиха* (цепочка); *халабиша*, *забаали* (завалинка); *сэбэрээр*, *сиис* (начисто); *хала*, *пирбоозо* (перевоз, переправа); *хүбэрэг*, *бүүлхэ* (булка).

О м о н и м ы. В баргузинском говоре различаются следующие типы омонимов: 1) омонимы корневые, образованные путем случайного совпадения звукового состава слов: *бии* (я), *бии* (есть), *бии* частица (разве, неужели); 2) омонимы словообразовательные, не имеющие между собой связи, возникшие независимо друг от друга: *үлгээсэ* (бельевой шнур), *үлгээсэ* (вешалка); 3) омонимы, образованные в результате фонетических изменений в звуковом составе слова: *уур* (рассвет) в сочет. *уур саэха* (рассветать), *уур* (гнев); *хурган* (ягненок), *хурган* (палец); *хаз* (передняя нога туши), *хаз* (ведь, пожалуй); 4) омонимы, возникшие в результате совпадения звукового состава собственных и заимствованных слов: *шүүрхэ* (чурка), *шүүрхэ* (хватать, клюнуть); 5) омонимы, образованные в результате утери преемственной семантической связи переносных значений с первоначальным значением слова: *һара* (месяц), *һара* (Луна); *солбон* (ловкий), *Солбон* (Венера).

П а р н ы е с л о в а. В баргузинском говоре парные слова по своим значениям классифицируются на: а) слова, имеющие собирательное значение, иногда с функцией множественного числа: *хибсаһа хунар* (одежда и прочее), *хоньшии хонор* (рукава и прочее), *малгаэ толгоэ* (шапка и прочее), *суглаан муглаан* (собрание и прочее), *хүрэи хүшэ* (городьба и прочее), *адалхэ шэдээхэл* (колючее и прочее), *бургаа'ан хургаа'ан* (прут и прочее), *хэрүүр аруур* (ссоры и прочее), *үри шари* (долг и прочее), *д'буу донхи* (возвышенность и прочее), *амтуур шэмтүүр* (прикус и прочее); б) парные слова, обозначающие отвлеченные и обобщающие понятия: *гарбал түрбэл* (родственники), *аха дүү* (родственники), *хада агуула* (горы), *эхэ эсэгэ* (родители), *гэр балгаа'ан* (постройка), *ута тагтар* (длина), *халуу хүитэн* (температура), *үндэр намтар* (высота).

Парные слова по структурным признакам могут быть подразделены на: а) смежные пары, состоящие из синонимов: *хада уула* (горы), *орон нютаг* (родина), *багажэ зэмсэг* (инструменты и прочее), *таряа талхан* (урожай), *үхэр мал* (скот); б) контрастные пары, состоящие из антонимов: *аха дүүгөй* (и стар и млад); *һаэтаяа муутаяа* (как хорошие, так и плохие), *хлууу хүитэн* (температура), *хүндэ хүнгэн* (вес); в) скрещенные пары, состоящие из собственных слов и слов, заимствованных из хоринского диалекта, литературного языка или русского языка: *бороо хура* (дождь), *үгэ хүүр* (слово), *машина тошиило* (машина и прочее).

Ф р а з е о л о г и ч е с к и е в ы р а ж е н и я. Фразеологические выражения, употребляющиеся в исследуемом говоре, мало отличаются от подобных выражений литературного бурятского языка. Лишь некоторые фразеологические сочетания, употребляющиеся в литературном языке, могут отсутствовать в баргузинском или наоборот. Например, сочетание *соохор мори гүйлгэхэ* (играть в карты), *ута аргамжа татаха* (создавать волокиту), употребительные в литературном языке, отсутствуют в баргузинском говоре. Такие выражения, как *гахаэ яла болхо* (важничать), *нюдэ манха* (наблюдать за кем-либо), *шараэ адуулха* (следить за кем-либо), *нюур харха* (сделать что-либо по благу), *нюдэ амаа хахараар* (сроду, совсем), *һабаада мэдүүлхэ* (выставлять себя), *ахун бараан соо* (невпопад, наугад), *һагтаа унха* (изнемогать, замаяться) и другие имеют место, напротив, в баргузинском говоре, но не встречаются в литературном языке.

Фразеологические сочетания в исследуемом говоре и по своей струк-

туре примерно делятся на следующие группы¹: а) удвоенные назывные неразложимые сочетания: *нохоэн хоньшоор* (шиповник), *үхэр буу* (пушка), *хүүн үбүү'эн* (жень-шень) и другие; б) удвоенные субстанционально-глагольные сочетания: *нюур харха* (лицемерить), *ада үзэхэ* (ненавидеть, презирать), *улхархаяа бусалгаха* (спать), *амья бүтхэ* (сердиться, злиться), *хул худэлгэхэ* (выкинуть ребенка) и другие; в) удвоенные причастия—субстанциональные сочетания: *һүлдээ алдаһан* (трусливый) и другие; г) объективно-субстанциональные сочетания: *хоо'он аман* (пустослов, пустое обещание), *үүхэн нюдэн* (близорукий, подслеповатый) и другие; д) удвоенные объективно-субстанциональные сочетания: *аман дээрээ хүүртэй* (находчивый, за словом в карман не полезет), *хамартаа ууртай* (вспыльчивый), *ута гартаэ* (вор) и другие; е) удвоенные адвербиально-глагольные сочетания: *голоо таһа* (окончательно), *тархьяа хаха* (совсем, окончательно), *һүлдэээ таһа* (до смерти, до крайней возможности) и другие; ж) субстанционально-объективные сочетания: *нюдэн балээ* (вслепую, на авось), *нюдэндэ дулаан* (приятный, милый) и другие; з) распространенные фразеологические сочетания: *һүхэээ буруу эшэлхэ* (быть не в духе, быть несговорчивым, отказаться от прежних обещаний), *нохоэн дуун оэртхо* (приближаться к концу) и другие.

Архаизмы. В связи с быстрым темпом общественно-экономической жизни, многие слова выходят из повседневного употребления, архаизируются. Слова, ныне активно бытующие в эхирит-булагатском говоре (*дүүхэй* — девушка, зазноба, *ахаэ* — молодой человек, *бүүбэй* — ребенок и другие), в баргузинском говоре встречаются только в улигерах, в старинных песнях. Многие слова встречаются только в сочетаниях, тогда как в самостоятельном виде они баргузинским бурятам неизвестны: *һагтаа унаха* (изнемогать), *һагтаа* — неизвестно; *дабаагоэ* (нескромный, наглый), *дабаа* отдельно не бытует; *бадагоэ* (добротный, замечательный), *бада* тоже нет; *төһөөгөи* (очень), *төһөө* неупотребительно; *шубуу шонхор* (птицы и прочие), *шонхор* не бытует; *хубсаһа хунар* (одежда и прочее), *хунар* — не имеет самостоятельности; *аг тулха* (наотрез отказаться), но *аг* — неизвестно и т. п.

О заимствованиях из русского языка. В словарном составе баргузинского говора заимствованные из русского языка слова занимают значительное место. Благоприятное экономическое, культурное и политическое влияние русского народа наложило отпечаток на лексику рассматриваемого говора.

В баргузинском говоре слова *зээрхэл* (зеркало), *сулхи* (чулки), *поршоонхо* (поросенок), *хольнии* (клоп), *палаатшаг* (платье) и другие являются заимствованными, тогда как в других говорах употребляются свои бурятские слова: *гэрэл* (зеркало), *оэмһон* (чулки), *һорёһон* (поросенок), *хабтагаэ* (клоп), *халдаэха* (платье).

В исследуемом говоре бытуют также заимствованные глаголы: *замараэха* (замарать), *заэмалха* (дать взаймы) вместо соответственно — *будаха* и *урьһалха* в литературном языке.

В процессе усвоения говором заимствованные слова могут приобретать иные значения, суживаться или расширяться в своих значениях. Например, слово *комсод* (комитет содействия школам) в исследуемом говоре бытует в значении *возчик продуктов учащимся, живущим в интернате*. Отдельные заимствованные из русского языка слова в баргузинском говоре употребляются в измененных значениях, например: *хоштюум* (костюм) употребляется в значении *пиджак, хилёонхо* (клеенка) в значе-

¹См.: Т. А. Бертагаев. Об устойчивых фразеологических выражениях. «Сб. тр. по филол.» Вып. II, Улан-Удэ, 1949, стр. 64—119.

ний *скатерть, базар* (рынок) в значении *фабричный, заводской* (базар хапча — изделие фабричного изготовления), *шүжөөлхэ* (седелка) в значении *чересселельник* и т. д. Подсбные явления встречаются и в других говорах. В частности, в агинском подговоре слово *ухват* употребляется в значении *кочерга* (у агинских бурят не было русской печи, потому и не существовало ухватом, а название его по сходству функции было перенесено на кочергу).

Заемствованные слова в баргузинском говоре встречаются не во всех пластах его лексики. Не случайно встречаются редко или вовсе не встречаются заимствования из русского языка в области животноводства или родства людей, в области охоты или названия частей тела человека.

В баргузинском говоре встречаются заимствования, суффиксальная часть которых является необычной для русского языка, например: *харбуульниг* (караул), *пороосниг* (простыня), *бороэмног* (бревно), *өрхэмэйдхэ* (рукомойник), *палаатшаа* (платье), *тансабааха* или *тансабаадалха* (танцевать).

Из русского языка заимствуются слова (имена) не только в форме именительного падежа, но и в других падежных формах, но воспринимаются в значении именительного падежа, например, слово *лаптуу* (лапта) заимствовано из русского языка в форме винительного падежа.

Ныне словарный состав баргузинского говора, отражая новые социалистические преобразования, происшедшие за советский период, пополнился новыми словами, выражениями. Вместе с тем из его словаря выпали устаревшие слова, связанные со старым бытом, административно-управленческим аппаратом и религиозной идеологией.

Одной из характерных черт послеоктябрьского заимствования из русского языка является то, что слова в исследуемом говоре заимствуются через посредство литературного бурятского языка.

Заимствованы слова, обозначающие названия органов местной власти, партийных и общественных организаций, организаций культуры и просвещения, форм общественных отношений, классовой дифференциации, профессий людей, средств связи и транспорта, предметов быта и домашнего обихода: *бюроо* (бюро), *хулүүб* (клуб), *яасли* (ясли), *дипутаад* (депутат), *митингэ* (митинг), *хулааг* (кулак), *холхооз* (колхоз), *хамбааян* (комбайн), *барааша* (врач), *шоопир* (шофер), *тилпоон* (телефон), *мотсыхал* (мотоцикл) и т. д.

Речь шла о влиянии русского языка на лексику баргузинского говора. Вместе с тем нельзя не упомянуть об обратном влиянии — о влиянии исследуемого говора на речь местного русского населения. В речи местного русского населения ныне встречается ряд бурятских лексических заимствований, например: *бурун* (годовалый теленок), барг. *буруу*; *хаширик* (двухгодовалый бычок), барг. *хашираг*; *адали* (однаковый, похожий), барг. *адли*; *абга* (дядя), барг. *абга*; *алда* (маховая сажень), барг. *алда*; *алтын* (золото), барг. *алтан*.

О влиянии старобурятской письменности. Старобурятская письменность в Баргузине имела широкое распространение. Ныне встречается много людей из старшего поколения, владеющих этой письменностью. Вполне естественно, что она не могла не оставить в баргузинском говоре некоторых следов. Через эту письменность попали в лексику баргузинского говора монгольские слова типа: *эдэгэ* (ныне, сначала), *индээр* (помост, пол), *болбосоруулха* (культивировать), *албан* в знач. *служба* и др.

Кроме того, в баргузинском говоре сохранились формы слов типа

сургуули (школа), лит. *хургуули*; *осол* (несчастный случай) вм. *оһол* и т. п.

О топонимике. Как известно, местные географические названия, особенно названия рек, гор, озер и т. д., в течение длительного времени сохраняют старые свои наименования, независимо от перемены населения. Поэтому разбор топонимики имеет серьезное значение и при разрешении некоторых языковедческих проблем.

По Баргузину нами собрано около тысячи географических названий. Они по своему происхождению делятся на 3 группы. Первую группу составляют эвенкийские названия, образованные с помощью суффиксов: а) *-хаан, -хоон, -хээн* (по-эвенк. *-каан*) — Лугшхаан, Хурамхаан, Буурхаан, Дагальшхаан, Булдухаан, Аргатхаан, Бүхсэхээн, Улаанхаан, Огноохон, Шүгшэхээн, Гаахаан, Ачатхаан, Готхоон, Буисхаан, Шиирхаан; б) *-та, -то, -тэ* (по-эвенк. *-кта, -кто, -ктэ*) — Яарагта, Мэарагта, Тунхалаагта, Даспаагта, Мунхалаагта, Гэльхэгтэ, Турхигта, Томогто; в) *-нга, -нго, -нгэ* — Шэлбэнгэ; г) *-хи* — Нүхти, Нийлтихи; д) *-гаан, -гоон, -гээн* — Унигаан, Түнгээн; е) *-хэд* — Хүрмээхэд, Хүхэлмээхэд; ж) *-са, -со, -сэ* — Далса, Оолсо, Ээгсэ, Тааса; з) *-ли* — Нахули, Асуули; п) *-хин* — Тураахин, Даахин; к) *-шаан, -шоон, -шээн* — Шэбэгшээн, Хадагшаан, Сээлигшээн, Буугшаан и другие.

Все вышеперечисленные суффиксы характерны для эвенкийского языка¹. А многие из них, в частности, суффиксы *-нга, -нго, -нгэ; -кта, -кто, -ктэ* встречаются в родовых названиях маньчжуров².

Эвенкийские географические названия, попав в лексику баргузинского говора, подверглись изменению соответственно его фонетической системе и получили иной звуковой облик. Тем не менее вполне возможно установить их первоначальные значения. Например: А л л а (село), по-эвенк. *олло* (рыба); Т а а л а (село), по-эвенк. *таалэ* (береста); Г а а г и н а (озеро), по-эвенк. *гаага* (лебедь); Э е э (местность), по-эвенк. *эээ* (низовье реки); Д э р э э н (местность), по-эвенк. *дэраан* (исток реки); Я н и и (местность), по-эвенк. *агши* (тайга, лес); Б а г д а р а н (село), по-эвенк. *багдама* (белый известняк); О о л с о (речка), по-эвенк. *оолос* (пожелтевшие листья); Б у у г ш а а н (возвышенность), по-эвенк. *букачаан* (бугор, холм, сопка); М а а р а г т а (местность), по-эвенк. *маарик* (прутья) и другие.

Вторую группу составляют топонимические названия бурятского происхождения: Б а р г а ж а н — от *барга* (глухой, лесистый, малоосвоенный) и суффикс *-жан*³; Б а я н г о л — от *бян* (богатый) и *гол* (долина); Х а ш а а р г а н т а — от *хашааргана* (карась) и т. д.

Многие бурятские географические названия образованы от названий флоры: У л а а г а н т а — от *улаагана* (красная смородина); Х а с у у р и н н у г а — от *хасуури* (елка); З о о г т о э н м а р а э н — от *зоогто* (сарана); Д о л о о н н а р у у ' а н (семь сосен).

Часть названий связана с именами жителей или владельцев того или иного участка: Д о м е о г и н у г а (луг Домэ), С о о х о н д о э н н у г а (луг Сохондоэ), Г а м б а л и д у б у у н (возвышенность Гамбали), Г а л з у у ш и н у г а (луг Галзута), А р а н з а э н о л ь т о р о г (остров Аранзая), М о л х о о б и н у у р (озеро Молхоби), Х у г ш э н

¹См. В. А. Горцевская. Характеристика говора баргузинских эвенков. М.—Л., 1936; Г. М. Василевич. Эвенкиско-русский словарь (разд. «Грамматический очерк эвенкийского языка»), М., 1958.

²См.: Е. П. Лебедева. Лингвистический анализ родовых названий маньчжуров, «ВЯ», № 3, 1958, стр. 103.

³См. об этом: Т. А. Бертагеев. Об этимологии слов баргуджин, баргут и тукум. «Филол. и ист. монг. народов». М., 1958, стр. 173—174.

ноённи хээр (степь Старого нойона), Эмлээнни сээл (глубокое место в реке Эмлена), Тангаани нуга (луг Тангана).

Некоторые географические названия образованы от названий насекомых, рыб, зверей, водящихся в данной местности: Могоэто — от *могоэ* (змея); Унэгэтэй — от *үнэгэн* (лиса); Зүгэйтэ нуур от *зүгэй* (оса); Хорхоэ нуур — от *хорхоэ* (червяк); Гутаарта — от *гутаар* (налим); Галтаэ — от названия светлячков.

Топонимические названия создаются также по признакам, присутствующим в данной местности, краю: Шара тала (желтая степь), Сагаан нуур (белое озеро), Хара оэ (глухой, букв. «черный» лес), Шара мараэн (желтая лысая гора), Хара үшөө'эн (черные ивы), Нүхэн нуур (яма-озеро), Аразагуун (задний загон), Баян толгоэ (богатая сопка), Хара нуур (черное озеро).

Часть географических названий создается по названиям предметов, веществ, наличествующих в данной местности: Элүү'эн — от *элүү'эн* (песок), Саһандаэ — от *саһан* (снег).

Третью группу топонимических названий территории Баргузина составляют названия русского происхождения: Шаманха — от слова *шаманка*; Тоопхо от слова *топка*.

За советское время ряд местностей, сел получил новые названия: Уржэл, Суял, Арбижил — от названия колхозов, Ваянгол — от названия села.

Топонимика Баргузина в подавляющем своем большинстве состоит из эвенкийских названий, заимствованных баргузинскими бурятами. Но, с другой стороны, следует отметить и влияние баргузинского говора на говор баргузинских эвенков. Более того, баргузинские эвенки ныне почти все хорошо владеют бурятским языком. Приведем бурятские слова, бытующие в языке местных эвенков:

в говоре баргузинских эвенков	в литературном эвенкийском языке	значение
гатаһун	мо	кол
баэтаһун	умари	яловая
индээр	нет	полка
зоогто	нет	саранка
баэса	кэкса	скала

Обурятских именах. В именах людей в какой-то мере отражается историческое прошлое народа. При рассмотрении имен баргузинских бурят выясняется, что представители более ранних поколений имеют в основном бурятские имена, потом появляются некоторые эвенкийские имена. Вслед за эвенкийскими выделяется группа имен, связанных с шаманской верой, а затем с буддийской религией. Современные поколения баргузинцев во многих случаях носят русские имена. Правда, русские имена встречаются и у пожилых людей, в частности, в селе Улюн. Дело в том, что в этом селе в прошлом жили крещенные буряты, получившие русские имена (Тараскины, Цивилевы и другие).

Такие имена, как *Сумбэл*, *Сэнхирээн*, *Гоосоон*, *Ятуулаэ* и другие являются эвенкийскими. Они встречаются и у самих эвенков. Среди эвенкийских или близких к ним по звуковому составу имен своеобразную группу составляют имена типа *Попо*, *Попончи*, *Потхо*, *Порхо*, *Порхоон*, *Портхо*, *Пэшхэ*, *Пэхонии*, *Пүмэ*, *Шэлэ*, *Хоно*, *Олээ*, *Пэрэн*, *Порзонной*, *Шаана*, *Шаанин*, *Шэлпашха*.

Такие имена, как *Баяр*, *Сэсэг*, *Сэнгэ* и другие, являются собственно бурятскими. Среди них имеется еще определенная группа имен, связанных с различного рода предрассудками. Так, буряты своим детям давали

«скрытые» от шаманских духов имена, называя их словами, обозначающими домашних животных: *Азарга* — от *азарга* (жеребец), *Буха* — от *буха* (сык, порос), *Тэхэ* — от *тэхэ* (козел), *Хуса* — от *хуса* (баран), *Эшэгээдэй* — от *шигэгэн* (козленок). К этой группе примыкают также имена-прозвища, в основе названий которых лежат также религиозные пред-рассудки: *Аргаа'ан* — от *аргал* (кызяк), *Муу Иэи* — от *муу иэи* (худая баба), *Холбссихо* — от *холбссихо* (булка хлеба), *Хуаа Буруу* — от *хуаа буруу* (каурый теленок), *Шабаалаэ* — от *шабаа'ан* (свежий нагез).

Многие бурятские имена образованы при помощи различных суффиксов на базе основ, обозначающих какие-либо признаки предметов и явлений, например: *Онгсэди* — ср. *онгогор* (раскрытый, зияющий), *Шарлуу* — ср. *шара* (желтый), *Хс рлуу* — ср. *хара* (черный), *Урбуушха* — ср. *урбагар* (свернутый — о веке), *Ёдоэ* — ср. *ёдогор* (торчащий, остро-конечный), *Амхаан* — ср. *амхагар* (беззубый), *Сагаалаэ* — ср. *сагаан* (белый), *Илаалдахэ* — ср. *илаалдаха* (прилипиться), *Хабтагаэ* — ср. *хабтагар* (плоский), *Зууралдахэ* — ср. *зууралдаха* (пачкаться), *Малаасгаэ* — ср. *малаан* (лысый), *Шишхэ* — ср. *шишхаха* (кричать, вопить), *Шодноэ* — ср. *шодогор* (тонкий, короткий).

Есть имена, образованные от прилагательных, а также и других имен: *Хүсэд* — ср. *хүсэд* (полный, целый), *Түгэд* — ср. *түгэд* (полный, целый), *Элбэг* (сбильный, богатый, изобилующий), *Элбэн* — ср. *элбэн* (обильный, изобилующий); *Зургаан* — ср. *зургаан* (шесть), *Хаалга* — ср. *хаалга* (ворота).

В исследуемом говоре в качестве имен иногда подбираются названия, обозначающие или подчеркивающие какие-либо желаемые детям качества, например: *Булад* — ср. *булад* (сталь), *Арсалан* — ср. *арсалан* (лев), *Баяр* — ср. *баяр* (радость, веселье), *Этигэл* — ср. *этигэл* (надежда, вера), *Номшо* — ср. *номшо* (любящий или читающий много книг), *Мүнхэ* — ср. *мүнхэ* (вечный, постоянный), *Амгуулан* — ср. *амгуулан* (тихий, мирный, спокойный).

Названия местных имен бургузинских бурят связаны с распространением ламаизма. Например, такие имена, как *Бадма*, *Пагма*, *Ганжуур*, *Буда*, *Ошор* и другие, были даны ламами.

Имеется также значительное количество и составных имен, притом первые компоненты их всегда являются бурятские имена прилагательные: *Элбэг-Доржо*, *Хара-Доржо*, *Хүхэ-Хүбүүн*, *Нашан-Бата*, *Наган-Зана*, *Бадма-Сэрэн*, *Базар-Сада*, *Сэрэн-Дулма*, *Дори-Ханда*. В таких составных именах вторыми компонентами чаще выступают имена, заимствованные из тибетского языка: *Дари*, *Жаб*, *Маа*, *Ссо*: *Маандари*, *Сагаандари*, *Хандассо*, *Гамажаб*, *Сангажаб*.

Нередко имена образуются от одних и тех же корней с помощью разных суффиксов: *хүбүүн*—*Хүбүүлэй*, *Хүбүүтхээн*, *Хүбүүнэйшхэ*, *Хүбүүдээн*, *Хүбүүшээн*; *омо* — *Омсоз*, *Омсосоз*, *Омоодхо*; *дүү* — *Дүүлээн*, *Дүүдхээн*; *лама* — *Ламашха*, *Ламатхаан*, *Ламашхоо*, *Ламажаб*, *Ламадин*.

В качестве словообразовательных суффиксов выступают суффиксы, придающие именам людей какие-либо уменьшительно-ласкательные оттенки: *Бата* — *Батуузах*; *Бобсо* — *Бобоолоз*; *Молон* — *Молондой*; *Муту* — *Мутууназ*; *Буха* — *Бухадин*.

Одни и те же имена выступают в разных фонетических вариантах: *Мухаа* — *Мухуу*; *Мунхаар* — *Монхоор*; *Сүхээн* — *Сүхөөн*; *Пүксэг* — *Пунсаг*.

Обращает на себя внимание тот факт, что отдельные слова, активно употребляемые в других говорах, в исследуемом говоре сохраняются только в именах людей: *бөөбэй* (ребенок) — эх.бул., ср. *Бөөбэй* — имя (барг.); *муха*, *мухаа* (милая) — лит., ср. *Мухаа* — имя (барг.). Такие русские

имена, как *Болооди*, *Бааси*, *Наади*, *Угтябар*, *Хуманаар* и другие, носит в основном молодое поколение баргузинских бурят. Среди современных имен есть и бурятские имена: *Хубисхал* — от *хубисхал* (революция); *Эрхэтэ* — от *эрхэ* (право); *Арбижил* — от *арбижала* (богатеть); *Баяр* — от *баяр* (радость); *Баатар* — от *баатар* (богатырь).

* *
*

В целом лексика баргузинского говора, несмотря на свое богатство и разнообразие, все же значительно беднее лексики литературного бурятского языка. Например, термины, связанные с хайнаководством, верблюдоводством и войлочной юртой, совершенно неизвестны носителям этого говора. Кроме того, еще слабо внедряются в лексику этого говора общественно-политические и научно-технические термины.

Между тем основным источником литературного языка является общенародный язык с его диалектами и говорами. «Язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит то, что мы имеем так сказать «сырой» язык и язык, обработанный мастерами»¹.

Хоринский диалект, легший в основу литературного языка, таит в себе наиболее общие элементы общепурятского языка и считается одним из богатых диалектов бурятского языка. Но это не значит, что один хоринский диалект составляет литературный язык; последний обогащается за счет всех других диалектов и говоров. В литературный язык должны войти слова из других говоров, неизвестные диалекту, легшему в его основу. Например, в словарном составе байкало-кударинского говора широко представлена лексика по рыболовству, которая должна войти в лексический фонд литературного языка². Кроме того, в литературный язык должны войти те слова, которые имеют наиболее широкое употребление в большинстве диалектов и говоров. А те слова хоринского диалекта, которые расходятся с этими общими адекватными словами, бытующими в большинстве других диалектов и говоров, должны отпасть как диалектизмы, несмотря на то, что этот диалект лег в основу литературного языка.

Из баргузинского говора, на наш взгляд, могли бы быть приняты в литературный язык слова, обозначающие названия разных птиц, зверей, частей тела людей и животных, разных предметов, которые пока неизвестны литературному языку. Например: *сахилжаан*³ (дикорастущий съедобный горох), он растет только в Баргузине, *тооплин*, *шобхо*, *дэгдэ* — названия лекарственных растений, *сухай* (кустарник, из которого делают мундштук, кнутовище), *эмхэлжэн* (вид сараны), *хомхолжон* (вид сараны), *торомжоо* (зажим сережки), *голоод* (обувь без голенищ — род ботинок), *шэгшүүргэ* (костяная зубочистка-палочка), *набига* (женское украшение, плетеное из шелковой нити с кистями), *нэртэбиэ* (клипсы, серьги с кистями), *болоосгоэ* (маленький язв), *мириихэй* (маленький хариус), *балагтай* (внутренняя часть рыбы, состоящая из сгустка крови), *панаага* (деревянное приспособление (доска), служащее охотнику для ношения груза на спине), *устуунай* (кастрированный взрослый жеребец), *заһамаг*, или *аһамаг* (кастрированный взрослым бык, баран), *хотохо* (страдать болезнью рта, языка), *ёдообой* (кофейник), *сагбуур* (выкройка обуви, одежды), *сардаһан* (раствор глины с песком), *һагаадаһан* (скошенное сено, оставшееся после наводнения), *хахаадаһан* (плоский деревян-

¹Л. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 220.

²См. об этом: Д. А. Абашеев. Заметки по говору байкало-кударинских бурят..., стр. 142—143.

³Рекомендуемый для заимствования список слов дается здесь в орфографированном написании.

ный клин, например, для ножки стола, ручки топора), *шулуур* (гнилой камыш) и т. д.

Некоторые слова, употребительные в баргузинском говоре, по своему происхождению являются исконно бурятскими, тогда как в литературном языке вместо них употребляются заимствованные слова: барг. *шэргүүбизэ*, а лит. *оглёбо*; барг. *хэршээ'эн*, а лит. *зоплоотниг* и другие.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Морфологический строй литературного бурятского языка и баргузинского говора в основном един. Различие касается, в общем, степени распространенности словообразовательных суффиксов, перехода слов из одних частей речи в другие, из самостоятельных слов в служебные. Например, некоторые самостоятельные части речи литературного языка в этом говоре употребляются в значении служебных слов. А некоторые послелоги, союзы и частицы, широкоупотребительные в литературном языке, в баргузинском говоре оказываются неупотребительными или малоупотребительными и т. д.

Об именах существительных

Категория рода в бурятском языке, как и в его говорах, морфологически не выражается, мужской и женский пол различаются лексически. В качестве таких лексических показателей пола в баргузинском говоре выступают слова типа *эхлуур* (женский), *неэн* (корова), *буха* (бык), *эрэ* (мужской), *эмэ* (женский): *эхлуур хокин* (овца-матка), *неэн буруу* (годовалый теленок-матка), *буха тугал* (теленоч-бычок), *эмэ гахаз* (свинья-матка).

Категория множественности в этом говоре выражается при помощи разных формантов, расходящихся с литературным языком только по степени их распространенности.

1. В баргузинском говоре, как и в эхирит-булагатском, суффикс *-д* более распространен, чем в литературном языке¹. Этот суффикс принимается словами, оканчивающимися: а) на согласные *р, л, н*: ед. ч. *үхэр* (скот) — мн. ч. *үхэд* (лит. *үхэрнүүд*); ед. ч. *нөхөр* (друг) — мн. ч. *нөхөд* (лит. *нүхэдүүд*); ед. ч. *дэгэл* (шуба) — мн. ч. *дэгэд* (лит. *дэгэлнүүд*); ед. ч. *үбгэн* (старик) — мн. ч. *үбгэд* (лит. *үбгэдүүд*); ед. ч. *ноён* (начальник) — мн. ч. *ноёд* (лит. *ноёдууд*); б) на дифтонги: ед. ч. *гахаз* (свинья) — мн. ч. *гахад* (лит. *гахайнууд*); ед. ч. *нохоэ* (собака) — мн. ч. *ноход* (лит. *нохойнууд*); ед. ч. *бээлэ* (рукавицы) — мн. ч. *бээлэд* (лит. *бээлэйнүүд*); в) на краткие гласные: ед. ч. *хуса* (баран) — мн. ч. *хусад* (лит. *хусанууд*), ед. ч. *баха* (лягушка) — мн. ч. *бахад* (лит. *баханууд*); ед. ч. *таху* (подкова) — мн. ч. *тахад* (лит. *таханууд*); ед. ч. *заха* (воротник) — мн. ч. *захад* (лит. *заханууд*).

Следует, однако, отметить, что некоторые имена, оканчивающиеся на *р, л, м*, могут образовать множественное число, как и в литературном языке, посредством суффикса *-нууд* (*-нүүд*), например: ед. ч. *гэр* (дсм) — мн. ч. *гэрнүүд* (совпадает с лит.), ед. ч. *гүрбэл* (ящерица) — мн. ч. *гүрбэлнүүд*, ед. ч. *арал* (остров) — мн. ч. *аралнууд*, ед. ч. *гар* (рука) — мн. ч. *гарнүүд*, ед. ч. *газар* (земля) — мн. ч. *газарнууд*.

2. Суффикс *-ууд* (*-үүд*) употребляется при образовании множественного числа от именной основы, если последняя оканчивается на задне-

¹По мнению С. А. Козина, в монгольском языке одним из наиболее распространенных суффиксов множественности был суффикс *-д* (См.: «К вопросу о показателях множественности в монгольском языке». «Уч. зап. ЛГУ, серия филол. наук». Вып. 10, Л., 1946, стр. 120—136).

язычный согласный *нг*, например: ед. ч. *онг* (год) — мн. ч. *онгууд* (лит. *онууд*), ед. ч. *анг* (зверь) — мн. ч. *ангууд* (лит. так же), ед. ч. *дэнг* (лампа) — мн. ч. *дэнгүүд* (лит. так же).

3. Суффикс *-тан* (*-тон*, *-тэн*) употребляется для образования имен, обозначающих не только семейство, но и людей одной профессии с собирательным значением: *ахатан* (семья брата), в лит. то же, *абгатан* (семья дяди), *багшатан* (учительство), в лит. *багшанар*.

В баргузинском говоре, как и в эхирит-булагатском, отсутствует суффикс множественного числа *-нар* (*-нор*, *-нэр*), распространенный в литературном языке. Остальные суффиксы мн. ч. баргузинского говора совпадают с такими же литературного языка.

Суффиксы словообразования имен существительных. Суффиксы, образующие существительные от глаголов: 1) *-аан* (*-оон*, *-ээн*): *сохилдоон* (драка), *буудалдаан* (стрельба), *хэрэлдээн* (ссора), *хамжаан* (магазин), *дуулаан* (пение); 2) *-л*: *ахил* (уменьшение), *нанал* (мысль), *бодол* (мысль), *гүидэл* (беготня), *хурал* (ламская молитва); 3) *-уур* (*-үүр*): *барюур* (ручка), *харуур* (фуганок), *хазуур* (щипцы), *сахюур* (кремень), *хэрүүр* (ругань); 4) *-са* (*-со*, *-сэ*): *бариса* (улов, добыча), *ургаса* (урожай), *үгэсэ* (отдача, сдача); 5) *-даа'ан* (*-доо'он*, *-дуу'ан*), ср.лит. *-да-хан* (*-дохон*, *-дэхэн*): *таглаадуу'ан* (пробка), *хаядуу'ан* (отбросы), *халаа-дуу'ан* (заплата); 6) *-га* (*-го*, *-гэ*): *нюдарга* (кулак), *ёборго* (кулачный удар), *хабирга* (ребро); 7) *-лаа* (*-лоо*, *-лээ*): *хадхуулаа* (воспаление легких); 8) *-лан* (*-лон*, *-лан*): *гаслан* (трудности, препятствия), *зоболон* (мучение); 9) *-ааса* (*-оосо*, *-ээсэ*): *үлгээсэ* (вешалка), *болгоосо* (осторожность).

Суффиксы, образующие существительные от имен: 1) *-шан* (*-шон*, *-шэн*): *малишан* (скотоводы), *түлэзшэн* (возчик дров), *хонишон* (овцеводы); 2) *-биша* (*-бишо*, *-биэ*): *үргэбишэ* (ноша), *хонь-шообишо* (переда узды), *хасабиша* (ушки ушанки); 3) *-рга* (*-рго*, *-ргэ*): *бүг-лээрэгэ* (затычка), *таглаарга* или *таглуурга* (пробка, затычка), *бүүргэ* (лука у седла).

Малораспространенные суффиксы: 1) *-сая* (*-соэ*, *-сэй*): *тэбхэсэй* (подушка на стульях), *табхасая* (чурбан), *хонхосоя* (стакан); 2) *-ая* (*-оэ*, *-эй*): *дээлэй* (безрукавка, сшитая из кожи); 3) *-даан*: *мухардаан* (комолая корова), *ябхардаан* (четырёхскатная крыша у дома); 4) *-нсаг*: *нэрхинсэг* (анат. книжка); 5) *-лжаа*: *гурбалжаа* (тринога — путы для лошадей); 6) *-жаан* (*-жөөн*): *өбөлжөөн* (зимнее стойбище), *хабар-жаан* (весеннее стойбище); 7) *-аалин*: *базалин* (свояки); 8) *-нсэр*: *зээнсэр* (сын племянника — по женской линии).

Суффиксы собирательности: 1) *-тан* (*тон*, *-тэн*): *багшатан* (учительство), *нургуулитан* (ученые, образованные), *зөөритэн* (имущие); 2) *-шуул* (*-шүүл*), *-шууд* (*-шүүд*): *залуушуул* (молодежь), *багашуул* (дети), *баяшууд* (богачи); 3) *-аархин* (*-оорхин*, *-ээрхин*): *нюта-гаархин* (земляки), *гоородоорхин* (городские).

Уменьшительно-ласкательные суффиксы: 1) *-хаз* (*-хоэ*, *-хэй*): *шубуухаз* (птичка), *Батуухаз* (имя в ласкательной форме), *эмээлхэй* (седелка); 2) *-нсаг* (*-нсог*, *-нсэг*), суффикс малораспространенный: *гойнсог* (украшение); 3) *-жаан* (*-жоон*, *-жээн*, *-жөөн*), суффикс малораспространенный: *нөхөржөөн* (дружок), *өбөлжөөн* (зимник); 4) *-сгээ* (*-гоэ*, *-сгэй*), суффикс малораспространенный: *хүбүүсгэй* (мальчишка), *хүхсэгэй* (трясогузка); 5) *-маэ*, суффикс малораспространенный: *нуурмаэ* (озерко, пруд).

Склонение имен существительных. Склонение имен в баргузинском говоре расходится со склонением в литературном языке, главным образом, в родительном и винительном падежах. Здесь говор баргузинских бурят совпадает с говорами западных бурят.

Родительный падеж оформляется посредством аффиксов:

1) *-аэн (-оэн, -ээн)*, ср. лит. *-ын*, если основа существительных оканчивается на краткие гласные: *аха — ахаэн* (брата), лит. *ахын*, *заха — захаэн* (воротника), лит. *захын*, *баха — бахаэн* (лягушки), лит. *бахын*; *тала — талаэн* (степи), лит. *талын*. Некоторые заимствованные из русского языка имена, оканчивающиеся на согласные звуки, в родительном падеже принимают также аффикс *-аэн (-оэн, -ээн)*: *холхооз — холхоозэн* (колхоза), лит. *колхозой*, *собхооз — собхоозэн* (совхоза), лит. *совхозой*;

2) *-и* (ср. лит. *-ай -ой, -эй*), если основа оканчивается на согласные звуки: *худаг — худаги* (колодца), лит. *худагай*, *уһан — уһани* (воды), лит. *уһанай*, *үхэр — үхэри* (скота), лит. *үхэрэй*. Если имя выполняет функцию сказуемого, то оно принимает в родительном падеже, как и в литературном языке, аффикс *-аэ (-оэ, -эи)*: *уһан худагаэ* (вода из колодца), *тэрэ замаг гэрэи* (тот замок от дома);

3) *-ги* или *-йи* (ср. лит. *-гай, -гой, -гэй*), если основа оканчивается на долгие гласные: *хашаа — хшааги* или *хашаайи* (загородки), лит. *хашаагай*; *дөрөө — дөрөөги* или *дөрөөйи* (стремени), лит. *дүрөөгэй*; *пальтоо — пальтооги* или *пальтоойи* (пальто), лит. *пальтогой*; *дугаа — дугааги* (дуги), лит. *дугаагай*;

4) *-н*, если основа оканчивается на дифтонги: *гахаэ — гахаэн* (свиньи), *нохоэ — нохоэн* (собаки).

Винительный падеж в баргузинском говоре, в отличие от литературного языка, всегда безаффиксальный: *мал манааб* (пас скот), ср. *малые*; *ном абааб* (купил книгу), ср. *номы*; *далаэ харааб* (видел море), ср. *далайе*. Но в этом падеже имена, обозначающие людей, всегда употребляются с аффиксом: *аха абгаэги* (*абгаэйи*) *дуудба* (брат позвал дядю).

Исходный падеж в баргузинском говоре имеет всегда аффикс *-аан (-оон, -ээн)*, ср. лит. *-наа (-ноо, -нээ)*: *хадаан* (с горы), лит. *хадаһаа*.

Частицы личного и возвратного притяжания, употребляемые в баргузинском говоре при именах существительных косвенных падежей, не имеют особых отклонений от норм литературного языка, если не иметь в виду некоторые фонетические изменения, в частности, выпадение в окончаниях конечного слога *-ни*, фарингального *h*: *морим* (мой конь) вм. лит. *моримни*, *морини* (твой конь) вм. лит. *моринини*, *моринаам* (с моего коня) вм. лит. *моринһоомни*, *ахатаэм* (с моим братом) вм. лит. *ахатаймни*.

В первом лице формально совпадают родительный и винительный падежи личного притяжания: род. п. *ахаэм* (моего брата), — лит. *ахымни*; вин. п. *ахаэм* (моего брата) — лит. *ахыемни*; род. п. *гэриим* (моего дома) — лит. *гэрымни*, вин. п. *гэриим* (мой дом) — лит. *гэрыемни*. Также совпадают по форме родительный и винительный падежи возвратного притяжания: род. п. *гэрээ* (своего дома), лит. *гэрэйнгээ*, вин. п. *гэрээ* (свой дом), лит. *гэрээ*.

Об именах прилагательных

Имя прилагательное в баргузинском говоре также не имеет особых отклонений от литературного языка.

В баргузинском говоре встречается своеобразный уменьшительно-ласкательный суффикс *-тхаан*, образованный, видимо, от слова *отхон* (самый младший): *бишииттхаан* (маленький), *һаэхаттхаан* (красивенький)¹.

¹Этот же уменьшительно-ласкательный суффикс употребляется и в эзенкиском языке: *бэеткээн* (мальчишка). См.: Г. М. Василевич. Указ, соч., стр. 791.

Суффикс *-бар* (*-бор*, *-бэр*), выражающий в литературном языке ослабленное качество, в баргузинском говоре не употребляется.

В исследуемом говоре, как и вообще в бурятском языке, усиление качества передается усилительными словами. Часть из этих слов встречается только в баргузинском говоре, например: *төһөөгэи гоё* (очень красивый), *ээжэ баэха хаэхан* (очень, чересчур красивый), *үхээн тэнэг* (очень, слишком глуп). Усиление качества передается также при помощи внутренней флексии: *үндэр* (высокий) — *үндыр* (очень высокий), *ехэ* (большой) — *ехы* (очень большой). Усилительные слова типа *маша*, *тон* в говоре баргузинских бурят не употребляются.

О числительных

В баргузинском говоре составные числительные подвергаются сокращению: *дүш наэм* (сорок восемь), лит. *дүшэн найман*, *ная наэм* (восемьдесят восемь), лит. *наян найман*.

Порядковые числительные образуются с помощью суффикса *-дэхи* (лит. *-дахи*, *-дэхи*, *-дохи*): *нэгэдэхи* (первый), *хоёрдэхи* (второй), *гурбадэхи* (третий).

Собирательные числительные, как и в других говорах, имеют суффикс *-лаа* (*-лоо*, *-лээ*): *дүрбүүлээ* (вчетвером), *табуулаа* (впятером). В баргузинском говоре употребляются еще собирательные числительные с суффиксом *-ндаа* (*-ндоо*, *-ндээ*): *дүрбүүндээ* (вчетвером), *гурбуундаа* (втроем).

Разделительные числительные в баргузинском говоре имеют форму *-аад* (*-оод*, *-өөд*): *хошоод* (по два), ср. лит. *хоёр-хоёроор*, *гурбаад* (по три), ср. лит. *гурба-гурбаар*.

О местоимениях

В баргузинском говоре местоимения *бусад* (другие), *бүхэн* (каждый), *бүхы* (все), бытующие в литературном языке, неупотребительны. В нем употребительны местоимения *бодогоор* (мы с тобой) — из *бидэ* (мы) + *хоёр* (вдвоем), *таатогоор* (вы двоем) — *ти*, *ти* (вы и вы) + *хоёр* (вдвоем). В этом говоре есть специальное местоимение третьего лица уважительной формы *бидээрээ* (сами): *Бидээрээ эрээрэйгтүй* (Приходите Вы сами).

Иногда в функции личного местоимения я употребляется слово *хуун* (человек), например: *Хуун хүдиш хэлхиим* (Сколько я буду говорить), *Хууни хүүр дуула* (Слушайся меня).

В разряде вопросительных местоимений вместо литературного *хэды* употребляется *хүдиш* (сколько). Местоимение *хэн* принимает иногда форму *хэмий* (кто?): *хэмийи?* (ты кто?). Вместо литературного возвратного местоимения *өөрөө* в баргузинском говоре употребляется *биеэрээ* (сам).

Глагол

Глагол в баргузинском говоре не обладает также существенными особенностями, отличными от литературного языка.

Глаголы образуются посредством суффиксов: 1) *-л* (лит. *-ли*, *-ло*, *-лэ*): *мулталха* (сорвать), *зугаалха* (разговаривать); 2) *-т* (лит. *-ти*, *-то*, *-тэ*): *хуртхэ* (хватать всем), *гэтхэ* (пристально смотреть); 3) *-ж* (лит. *-жа*, *-жо*, *-жэ*): *бэежхэ* (пополнить); 4) *-лэ* (лит. *-ли*, *-лэ*, *-лээ*): *нхилэхэ* (качаться, изгибаться), *хотолзо* (извиваться); 5) *-ган*, *-гон*, *-гэч* (лит. *-гана*, *-гоно*, *-гэнэ*): *арбаганха* (размахиваться), *шилбэганха* (кривляться),

гримасничать); б) *-бхил*: *эзэбхилхэ* (улыбаться), *соробхилхо* (полюхаться — о пламени).

С помощью суффикса *-уум* (лит. *-һууб*) выражается намерение первого лица совершить действие в ближайшем будущем: *ябуум* (пойду-ка), лит. *ябаһууб*, *еруум* (приду-ка), лит. *ерэһууб*. Суффикс *-ии* (лит. *-я, -ё, -е*) употребляется с оттенком приглашения или побуждения другого лица (или других лиц) совершить действие: *ябии* (пойдем), лит. *ябая, оһии* (пойдем), лит. *сисё*.

Форма обращения ко второму лицу выражает приказание совершить действие: *яб!* (иди!), *гар!* (выходи!), *ор!* (иди!), *ябал даа* (иди), *ерэл даа* (приходи). Данная форма может иметь также оттенок настойчивости, принуждения и образуется с помощью суффикса *-ииш, -иит, -һиит, -тэй*: *ерииш* (приходите), *һууһиит* (садитесь), *хэлэгтэй* (скажите).

Форма обращения ко второму лицу способна также выражать и предложение совершить действие в будущем, при этом употребляется аффикс *-аараэ* (*-срсэ, -зэргэй*): *ябаараэ* (пойди), *ерээрэйиш* (приходи).

Что касается формы обращения к третьему лицу, то она выражает требование совершить действие и образуется посредством аффиксов *-а, -уужан* (*-үүжэн*), *-ужаг* (*-үүжэг*): *сисэг* (пусть идет), *байгуужаг* (пусть побудет), *байгуужан* (пусть побудет).

В баргузинском говоре, как и в эхирит-булагатском¹, сохранилась пороздельно-желательная форма третьего лица с аффиксом *-тгаэг* (*-тгоэг, -тэгий*): *ястгаэг* (пусть уйдет, уходит). Кроме того, в этом говоре употребляется еще предугрожденно-запретительная форма с аффиксом *-гшаб* (*-гшсб, -гшэб*): *алагшаб* (как бы не убили), *идегшэб* (как бы не съели).

Причастная форма. В исследуемом говоре имеются причастия: а) будущего времени, образуемые с помощью аффикса *-ха* (*-хэ*), например: *ерхэ хүн* (человек, который придет); б) причастия прошедшего времени, имеющие аффиксы *-аан* (*-оон, -ээн*), *-гаан* (*-гоон, -гээн*), ср. лит. *-һан* (*-һон, -һэн*), например: *ябаан хүүн* (ушедший), лит. *ябаһан, һуугаан хүүн* (сидящий), лит. *һууһан, баэгаан хүүн* (стоящий), лит. *баэһан*; в) причастия многократные, оканчивающиеся на *-даг* (*-дог, -дэг*): *ердэг* (приходящий); г) однократные причастия на *-гша* (*-гшио, -гшиэ*): *баэгша* (присутствовавший); д) причастия возможности на *-маар* (*-моор, -мээр*): *бутмээр* (осуществимое, возможное); е) страдательные причастия на *-аатаэ* (*-оотоэ, -ээтэй*): *неэлэгтэй* (открытый); ж) постоянные причастия на *-ааша* (*-оошо, -ээшэ*): *абааша* (взявший, получивший).

В баргузинском говоре не употребляются причастия совершенно прошедшего времени на *-нхэз* (*-нхоэ, -нхэи*), которые весьма распространены в литературном языке.

Деепричастия в исследуемом говоре не имеют отклонений от литературного языка.

Наречие

Наречие в баргузинском говоре имеет следующие разряды:

- 1) образа действия: *илаас* (прямо в лоб, в глаза), *тэмсэн* (сразу же), *һаэса* (хорошенько), *гэнтэ* (вдруг), *һилба, била* (вдребезги);
- 2) места: *ураэ* (впереди), *хоэно* (сзади), *дээрэ* (вверху);
- 3) времени: *эгээс* (в самую пору), *малгаар* (завтра), *тугаар* (недавно, сегодня), *недондо* (в прошлом году);
- 4) цели: *зориин* (нарочно), *митиш* (просто так).

Кроме того, в этом говоре также встречаются а) наречия повторы:

¹См.: Б. В. Матхеев. О морфологических особенностях эхирит-булагатского говора. «Сб. тр. по филол.» Вып. 3, Улан-Удэ, стр. 153.

түргэ түргээр (часто, быстро); б) парные наречия: *ишээ тишээ* (туда и сюда), *эндэ тэндэ* (тут и там); в) наречия-усилители: *төһөөгөө найн* (очень хорошо), *юрдөө гоё* (очень красивый); г) наречия подражания: *пүрд* (бултых), *түг-түг* (тук-тук).

Некоторые имена в застывшей падежной форме переходят в наречия, например: *наһаараа* (вечно, постоянно), *доло* (постоянно, много).

Послелог

В баргузинском говоре встречаются почти все послелог, бытующие в литературном языке, за исключением *шэнги* (как), вместо него употребляются *дли*, *шэнэин*; *тула* (за, для), вместо него — *төлөө*; *дотор* (в), вместо него — *соо*; *шахам* (примерно, около), вместо него — *тухаз*.

В говоре бытует послелог *тама* (ср. лит. *бури*), употребляющийся с глаголом будущего времени: *хэлхэ тама сухалдана* (чем больше говоришь, тем больше злится).

Самостоятельное в литературном языке слово *хирэ* (мера, предел) в баргузинском говоре употребляется в роли послелога: *гэр хириин* (примерно с дом).

Послелог обозначают: 1) место: *дээрэ* (вверху), *доро* (внизу), *хоорондо* (между), *дунда* (посредине), *соо* (в); 2) направление: *хуртэр* (до), *тэшиэ* (туда); 3) время: *туриша* (период); 4) цель: *төлөө* (для того, чтобы; за); 5) совместность: *хамта* (вместе), *сугтаа* (вместе); 6) приблизительную меру: *шэнэин* (примерно), *хириин* (примерно); 7) послелог-связки: *хадаа* (есть), *гээшэ* (есть).

Частицы

Самостоятельные в литературном языке слова в баргузинском говоре часто выступают в роли частиц. Кроме того, в исследуемом говоре наблюдается также тенденция к слиянию частиц в одно фонетическое целое, иногда даже образуются самостоятельные частицы типа *гаа* (разве) из *гү* и *аа*.

В потоке речи частицы обычно сливаются с предыдущим словом: *ераам* (приходил).

Вместо вопросительной частицы *гү* (лит.) употребляются *-г* и *-уу* (-үү): *ерээг?* (пришел ли?), ср. лит. *ерээ гү?*, *ябахануу?* (собирается ли идти?), ср. лит. *ябахань гү?*, *ошхуу* (пойдет ли?), ср. лит. *ошохо гү?*, *эдэлхүү?* (будет ли использовать?), ср. лит. *эдэлхэ гү?*, *буудхамуу* (пострелять ли?), ср. лит. *буудахамни гү?*. Вместо вопросительных частиц литературного языка *-б*, *бэ* употребляется *-м*: *хэм* (кто), ср. лит. *хэн бэ*; *хаанаам* (откуда?), ср. лит. *хаанаһааб*; *хэмшии* (ты кто?). В говоре употребительны вопросительные частицы: 1) *бии* (ср. лит. *бы*) с некоторым оттенком удивления: *ябаа бии?* (разве ушел?), *һууна бии?* (разве сидит?); 2) *гаи* (из *гү* и *аа*) с оттенком удивления: *ерээг гай?* (разве пришел?), *хэлээг гай* (разве говорил?).

Частицы предположения: а) *бараэ* — *ерээ бараэ* (не пришел ли), *машина бараэ* (не машина ли); б) *аабз* — частица, состоящая из частиц *аа* и *бээ*: *ераабз* (вероятно, пришел); в) *тххиим* — частица, состоящая из сочетания слова *тиихэ* (делать так, поступать так) и частиц *ха* и *юм*: *ошо тххиим* (наверно, пошел), *хуун тххиим* (наверно, человек); г) *гдаа* — сочетание частиц *гү* и *даа*: *ахам ерээгдаа* (мой брат, кажется, пришел).

Частицы подтверждения: а) *даа*: *энэ зуб даа* (это, конечно, верно); б) *гэи* — частица с некоторым оттенком усиления, представляющая собой, видимо, фонетический вариант вопросительной частицы *гай*: *ерээ гэи* (пришел ведь), *хэлээ гэи* (говорил ведь), *машина гэи* (машина ведь);

в) *бэи* — частица, образованная от сочетания частиц *бэ* и *лэ*: *ерээ бэи* (пришел же); г) *-иуу* — частица, выражающая вероятность совершения действия: *ахш ерээбиү* (должно быгь, тэй браг приехат), *мидэбиү* (должно быгь, узнали); д) *-л* (или *лээ*) — частица подгверждения: *ябил* (ушел же), *ябаа лээ* (ушел же); е) *бэлэи*: *ерээ бэлэи* (приходил ведь), *унгла бэлэи* (спал ведь); ж) *-аан*: *ераан* (приходил); з) *-шим* (ср. юм): *ериим баэна* (пришел, оказывается).

Частицы отрицания: а) *бү*, *бэ*, *ба* (в лит. яз. *бү*): *бэ хэл* (не говори), *ба бари* (не держи), *бү үзүүл* (не показывай); б) *бэиш*: *тэрэи ном бэиш*, *тифрадил* (та не книга, а тетрадь); в) *үлэ* — частица, употребляющаяся в сочетании *үлэ мэдэг* (незаметно). Огрицание передается также слезом *үгэи* (нет): *ябхэ* (не пойдэт) — *ябхя үгэи*, *хэлхэи* (не скажет) — *хэлэхэ үгэи*.

Союзы

В баргузинском говоре встречаются следующие союзы: а) *хаэри* (лит. *харин*): *хаэри мэдаам даа* (но я знал же); б) *тэид* (в лит. яз. *теэд*): *тэид хэлиши* (но скажи); в) *мэн* (в лит. яз. *мүн*): *мэн мэдалм* (но я знал же); г) *-алд* (в лит. яз. *алд*): *хэлхэлд*, *хэлээгиб* (должен был сказать, но не сказал); д) *-г*, *али* (в лит. яз. *гу*, *али*): *ябхг*, *али үгэиг?* (уехали ли нет?).

Союзы *ба* (и), *болон* (но), *һаа* (если) в баргузинском говоре не употребительны.

Междометие

В исследуемом говоре имеются междометия, обозначающие: а) удивление: *һээг*, *ягаабии!* (эй, что ты делаешь!); б) удовлетворение: *заэ*, *оиии* (ладно, пойдём!); в) сожаление: *аэ даа*, *хаэран!* (ох, как жаль!); г) сомнение: *хаэ даа*, *ерхүү даа* (вряд ли придет); д) отвращение, разочарование: *пэи*, *ямар муухаэм!* (тьфу, как грязно!)

* *
*

Порядок расположения членов предложения в баргузинском говоре бывает более свободным, чем в литературном языке, например: *Ошоороэл даа гэртээ иши юумээ худалдажа абаад түргэн хамжаанаан* (Пойдешь домой быстрее, как купишь нужные тебе вещи в магазине). *Баэха гульдижа гэртэи хүүн зон тиштэр* (Пока то да сэ, будет собираться в твоём доме народ). *Баэгаа зон хүлүүбээр дүүрсэ тиихэдэ суглараад* (Тогда было полно в клубе народа).

Приведенные здесь предложения, конечно, не характеризуют синтаксические особенности говора, а представляют лишь примеры, свойственные устно-разговорной речи вообще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Баргузинский говор является одним из самостоятельных говоров бурятского языка. Баргузинские буряты — эхиритцы по происхождению, переселившиеся в местность Баргузин 300 лет тому назад. Поэтому понятно, что исследуемый говор родственен эхирит-булагатскому. Более того, баргузинский говор сохранил в основном фонетические, лексические и морфологические черты, свойственные западным говорам, и все еще он примыкает к ним. Тем не менее в исследуемом говоре в целом превалируют общебурятские языковые черты. Напримёр, в области лексики расхождения между исследуемым говором и другими бурятскими говорами и литературным языком падают главным образом на производные слова, образованные от общебурятских корней. Вместе с

тем баргузинский говор, как мы попытались показать, имеет и свои специфические особенности.

За годы Советской власти неизмеримо возрос культурный уровень баргузинских бурят. Сейчас Баргузин — край сплошной грамотности. Все грамотное население, говорящее на своем баргузинском говоре, оказывается фактически неплохо знающим и литературный бурятский язык. Поэтому литературный язык доступен ныне каждому труженику. Но местный говор остается прежде всего в речи старшего поколения баргузинцев. Он сохраняется в бытовой речи среднего и даже молодого поколения носителей говора.

В настоящее время особенности исследуемого говора, как категории отживающие, по мере развития литературного языка и взаимного общения его носителей с другими бурятами постепенно теряют свою силу.

И. Д. БУРАЕВ

САРТУЛЬСКИЙ ГОВОР

Носители сартульского говора населяют Джидинский район Бурятской АССР, граничащий на западе и на северо-западе с Закаменским районом, а на востоке и на северо-востоке с Кяхтинским и Селенгинским районами Бурятской АССР. На юге на протяжении более 150 км этот район граничит с Монгольской Народной Республикой.

Этот интересный уголок республики является одним из самых малоизученных участков как в лингвистическом, так в этнографическом и фольклорном отношении. По языку имеется небольшая статья С. Ш. Чагдурова «Заметки о сартульском говоре»¹ и некоторые отрывочные сведения в обзорных работах по бурятской диалектологии Г. Д. Санжеева² и Д. А. Алексева³.

Специальное экспедиционное исследование этого говора с охватом всех населенных пунктов указанного аймака проводилось впервые отделом языка и письменности Бурятского комплексного научно-исследовательского института.

В Джиде и Торее диалектологические экспедиции побывали трижды: летом 1957, 1958 и 1959 годов. Первый год в составе отряда экспедиции работали Е. Цыденов, Ш. Мансорунов, Г.-Б. Токтохоев; второй год — Д. Будаева, Т. Болдонова, Ц.-Е. Гармаев, Г.-Б. Токтохоев; третий год — Ц.-Е. Гармаев, Т. Уладаева, Л. Савельева⁴. Отряды работали под руководством И. Д. Бураева. Задача этих экспедиций заключалась в сборе лингвистических сведений по лексике, фонетике и грамматике сартульского говора.

Лингвист-диалектолог в своей работе вынужденно соприкасается с другими дисциплинами: с историей носителей исследуемого говора, с их этнографией, фольклором и т. д. Он, собирая текстовый материал, записывает рассказы с самым различным содержанием. В первую очередь записываются тексты на обиходно-бытовые темы, затем — материалы о происхождении названий местности, история их возникновения, а также фольклорный материал: сказки, рассказы, песни, пословицы и поговорки.

Для выяснения ряда вопросов, касающихся особенностей того или иного говора, в частности, для выявления границ распространения говора или для установления некоторых отклонений внутри его, необходимо изучение родоплеменной структуры носителей этого говора. Участниками диалектологической экспедиции 1958 г., рабставшими в

¹См.: «Зап. НИИК». Вып. XI, Улан-Удэ, 1951.

²См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1, М., 1953, стр. 45.

³См.: Д. А. Алексева. Диалекты бурят-монгольского языка. «Уч. зап. ЛГУ», 1949, № 98, стр. 161—202.

⁴Ссылки на материалы вышеуказанных собирателей с указанием года экспедиции и страницы записи в дальнейшем даются сокращенно, напр.: Гарм., 59, стр. 2.

Джидинском и Торейском аймаках, произведена запись о родовых делениях бурят названных аймаков.

Основное население Джиды и Торей — носители сартульского (сакяющего) говора — считают себя бурятами, перекочевавшими из Монголии в начале XVIII века. В преданиях повествуется о том, что они прибыли на занимаемую ими ныне территорию из окрестностей Лунной горы (Сарата уула). Свое племенное название «сартул» они связывают с названием этой горы. Между тем в исторической литературе говорится, что название *сартул* — *сартагул* происходит от слова *сарт* (бурхарец, хорезмиец) и *гур* (государство, народ)¹. Слово *сартагур* в монгольском языке в результате диссимилиации фонемы *р* дало *сартагул*. Согласный *р*, диссимилируясь, заменяется согласным *л*, если в составе основы уже имеется *р*. Расплюбление подобного типа, очень распространенное в монгольских языках, чаще касается звука *р* в составе аффиксов. Например, в бурятском языке аффиксы *-ра*, *-рха*, *-уур*, *-уури*, *-уурга* дают *-ла*, *-лха*, *-ул*, *-ули*, *-улга*, когда в основе слова имеется согласный *р*. Например: *улаара* (краснеть) — *эрээлэ* (пестреть). *сэсэрхэ* (умничать) — *дээрэлхэ* (заноситься), *хадуур* (серп) — *харуул* (сторож), *агнуури* (охота) — *нургуули* (школа), *хабишурга* (тиски) — *барюулга* (вручение) и т. д.

Предположение о том, что сартулы — бывшие аборигены Средней Азии (Хорезма), основано не только на их племенном названии, но и на некоторых этнографических данных, в частности на том, что сартулы в отличие от всех других монгольских племен не употребляют крови в пищу.

Сотрудники нашей экспедиции узнали, что сартулы в основной своей массе не едят крови и сейчас. Наши попытки выяснить причины этого не увенчались успехом. Кроме легендарных данных, прямых ответов на это мы не нашли. Легенда об этом очень краткая, суть ее заключается в следующем. Однажды, это было где-то в окрестностях Хангая², один человек зашел в одну юрту (семью), он приехал верхом на лошади, которую оставил у юрты. Хозяин «дома» угостил гостя кровью. Пока он угощался, его лошадь ушла. Ему пришлось потратить на поиски своей лошади очень много времени и сил. И когда он, наконец, разыскал свою лошадь, то дал клятву «никогда больше не употреблять кровь». И с тех пор сартулы никогда не употребляют кровь в качестве пищи.

Сартулы также совершенно не употребляют свинину, как-то брезгают ею. Как известно, раньше монголы, как и буряты, тоже не употребляли свинину, но они не знали такого строгого запрета. Сейчас буряты охотно употребляют свинину, которой кое-где даже отдают предпочтение перед бараниной, кониной и говядиной. А что касается сартулов, то брезгливое отношение к свинине у них сохранилось до настоящего времени. На вопрос: почему они не едят свинину, как правило, отвечают: «Не ели и не едим».

В пользу предположения о среднеазиатском происхождении сартулов говорят также некоторые антропологические данные. По внешнему облику вполне можно отличить сартулов от других бурят: у них узкие лица, с довольно правильным красивым носом, в основной своей массе они заметно смуглее других бурят. Более подробные и интересные сведения в этом отношении может дать антропологическое исследование бурят, произведенное в 1956—1957 гг. Институтом этнографии АН СССР

¹См.: Доржи Банзаров. Собрание сочинений. М., 1955, стр. 188.

²Почти во всех легендах и рассказах сартулов действия связываются с названием гор Хангай и Алтай.

под руководством проф. Г. Ф. Дебеца. Непосредственно исследованием антропологии бурят занималась И. М. Золотарева. Она побывала почти во всех улусах Джиды и Торея, провела массу измерений. В предварительном отчете И. М. Золотарева пишет, что «...буряты не представляют единства по своему антропологическому типу»¹. По комплексу признаков они объединяются в определенные группы, которые условно названы: Закаменской, Джидинской (курсив мой. — И. Б.), Кударинской, Хоринской, Селенгинской, Байкало-Кударинской, Баргузинской². Таким образом, сартулы составляют самостоятельную группу, условно названную Джидинской.

Никаких следов о прошлом сартулов не сохранилось в их языке. Наши поиски в этой области, особенно в лексике их говора, не увенчались успехом. Язык сартулов полностью ассимилировался с монгольскими языками. Говор сартулов имеет общие черты как с современным монгольским, так и с современным бурятским языком.

Некоторые данные дают нам названия родов. В основном названия родов совпадают с монгольскими, например, табангуты, тайшиуты, атаганы, хатиганы, цонголы, урянхи, сальджуты и т. д. Среди этого перечня встречаются род *кулемен* (*хулмээн* — по-бурятски). Нынешние представители рода кулемен утверждают, что их род немонгольского (и небурятского) происхождения, что кулемены туркменского происхождения. Если кулемены на самом деле являются туркменами, то есть основание действительно говорить о среднеазиатском происхождении нынешних наших сартулов.

Судя по родовому составу, бурятское население Джидинского аймака далеко не все сартульского происхождения. Например, в селе Цагатуй обитают следующие роды: атаган, сартул, арбатан, табангут, цонгол, хурмаш; первый представитель последнего рода, по преданию, пришел из-за Байкала. В селе Верхний Ичетуй обитают роды: сартул, урянхай, атаган, сальджут, хатиган, табангут, цонгол, в Нижнем Ичетуе: галзут, урянхай, цонгол, сэджин, арбатан, керит, атаган, удаган, алагуи. Так же и по другим населенным пунктам. К перечисленным названиям прибавляются в общем по всему району названия тайшиут, кулемен, батад, тосгот. По сведениям, сообщенным Д. Р. Галсановым (1884 года рождения; бывший колхоз им. Кирова), роды галзут, батад и тосгот являются последующими разветвлениями широко распространенного рода табангутов.

Таким образом, на территории Джидинского аймака живут не только представители сартульского рода, но и других, преимущественно монгольских, родов. Однако, все они, исключая поздних пришельцев, называют себя общим названием *сартулы*. Вероятно потому, что сартульский род численно являлся по сравнению с другими самым многочисленным, так как при изучении состава родов по отдельным населенным пунктам рассматриваемых аймаков выясняется, что род сартул встречается почти в каждом селе. А что касается других родов, то они с не меньшей частотностью встречаются в Селенгинском, Кяхтинском и бывшем Кударинском аймаках Бурятской АССР (см. экспедиционные материалы Э. Раднаева). Поэтому, когда говорим о сартулах Джидинской долины, то имеем в виду всех коренных бурят названного района.

¹ См. в статьях И. М. Золотаревой: «Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья» («Зап. БМ НИИК», вып. XXIV, 1957). «Антропологическое изучение бурят» (Сб. «К 35-летию ин-та культуры». Улан-Удэ, 1958).

² См.: И. М. Золотарева. Антропологическое изучение бурят. Сб. «К 35-летию ин-та культуры». Улан-Удэ, 1958, стр. 103.

Наши предварительные наблюдения этнографического характера показали, что у сартулов нет каких-либо заметных межродовых различий. Межродовых различий не обнаружено и в их говоре. Поэтому говор всех абсригенов Джиды мы называем сартульским.

Языковые материалы показывают, что сартульский говор не имеет внутри себя отклонений «подговорного» характера. Замечены только незначительные отклонения в произнесении *к* и *х*, редуцированных непервослоговых гласных и т. д., но они носят индивидуальный характер. Население пограничных пунктов—Улегчина на западе и Дырестуя на востоке—является смешанным, соответственно и говор их является переходным. В Улегчине частично *накают*, что связано с влиянием говора Закаменских бурят, в Дырестуе несколько окают, но у нас пока нет конкретных данных для категорического утверждения о влиянии цонгольского говора.

Предания и легенды говорят о том, что сартулы по прибытии из Монголии расселились по долинам девяти маленьких рек, впадающих в Джиду. Названия рек совпадают с названиями населенных пунктов, расположенных у этих рек: Хадхалдоч, Алцак, Торей, Бургултай, Нарин, Гэгэтуй, Цагатуй, Ичетуй, Боргой. Эти населенные пункты существуют и сейчас. И действительно, коренные сартулы проживают именно в этих пунктах. Наиболее компактным и сохранившим свой быт является население сел Бургултай в бывшем Торейском аймаке, Ичетуй в Джидинском аймаке.

Сартулы расселены по долинам рек, впадающих в Джиду, только села Оёр и Гэдэн находятся на берегу самой Джиды. Русские деревни, наоборот, расположены, главным образом, поблизости к Джиде. Характерно, что названия русских деревень почти все бурятского происхождения. Причем некоторые названия состоят из таких слов, которые в сартульском говоре отсутствуют. Например, большое русское село, расположенное в двух километрах от районного центра бывшего Торейского района называется Шартекей, что по-бурятски означает *шара тэхэ* (рыжий козел). В сартульском говоре *козел* называется не *тэхэ*, а *бабана*. *Тэхэ* в смысле «козел» употребляется в других говорах бурятского языка. То же самое надо сказать о названии села Елотуй.

Названия русских деревень суть следующие: Харацай — *харацай* (черный чай), Нарин — *нарин* (тонкий), Армак — *армаг* (местность, по северной стороне которой растут деревья), Хулдат — *хула дааган* (двухгодовалый савраска), Шартекей — *шара тэхэ* (рыжий козел), Торей — *тоэро* (кружить), Тахой — *тохоэ* (излучина, изгиб реки), Желтура — *зэлтэр?*, Боян — *баян* (богатый), Енхор — *ёнхор* (низина).

О происхождении названий населенных пунктов, соответственно и речушек, где в настоящее время проживают сартулы, существуют легенды различных вариантов. В селе Бургултай бывшего Торейского аймака у Баинова Гармы Лубсановича (ему около 60 лет) записан один рассказ, где повествуется следующее: один знаменитый батор охотился за драгоценной желтой (эрдэнэ шара) лисой. Гонясь за ней, он прошел по всем сартульским долинам, начиная с долины Хадхалдоч, расположенной в трех километрах от большого русского села Армак, почти у западной границы Джидинского района. По рассказу, сартульские реки и села получили названия в зависимости от событий и явлений, которые встречались на пути этого батора, гонявшегося за драгоценной лисицей.

Название Хадхалдоч связано с глаголом *хадха-* (колоть); в легенде говорится, что здесь произошла резня (хадхалдаан).

Следующая местность — Алцак. Это название связывают со словом

алаха (убить). Говорят, что здесь произошло убийство и якобы поэтому местность названа Алцаком. Рассказывается, что в Алцаке тот батор потерял лису и в поисках ее сделал большой круг, поэтому, дескать, название местности Тори (Торей) произошло от глагола *тойро-* (кружиться, обходить), ср. *тойруу зэм* (дальний, кружный путь).

Название Бургултай, как объясняют, происходит от сартульского слова *бурган* (буран), *бургаха* (снегопад с ветром). Когда батор проходил по этому месту, был сильный буран. Однако некоторые сказители дают другое толкование названию села (реки) Бургалтай. В частности, Данзан Жамсанович Цыденов (55 лет, с. Н. Бургултай) утверждает, что Бургултай происходит от сочетания слов *боро* (серый) и *гал* (огонь).

Названия долин Нарин (западный и восточный) происходят от слова *нарин* (тонкий, узкий). Как повествуется в легенде, реки, имеющиеся в этих долинах, показались батору слишком маленькими (вернее, «тонкими», т. е. узкими).

Когда батор подъехал к долине Гэгэтуй, только забрезжила утренняя заря, то есть *гэгээтээ*. Когда батор проезжал следующую долину — Цагатуй, было уже светло (*цагаан* — лит. *сагаан* — белый, светлый).

Название долины Ичетуй, согласно легенде, происходит от сартульского слова *үчөөрхэ/үшөөрхэ*, обозначающего время, приближающееся к полудню. Название Боргой, по-бурятски Борьо, связывают со словом *боро* (серый) и говорят, что когда батор проезжал здесь, стало уже темно (ср. *боро хараан* — сумерки).

В рассказе Г. Байнова говорится о девяти названиях рек и населенных пунктов. Другие сказители добавляют еще название села Инзагатуй, объясняя его происхождение тем, что батор, проезжая эту местность, якобы встретил множество диких козлят (*инзаган* — дикий козленок).

Легенда кончается тем, что этот батор достиг лису и убил ее где-то в Аге. Концовка легенды по-бурятски звучит так: Онон очодьж онобо, Ага очодьж алаба. «У Она она попал, в Аге убил».

Нам представляется, что приведенная легенда небезынтересна как один из образцов народной этимологии.

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Исследование звукового строя сартульского говора раскрывает весьма любопытные факты. На первый взгляд создается впечатление, что фонетика данного говора представляет не что иное как фонетику монгольского языка. Однако при более близком и тщательном изучении выявляется, что монгольские фонетические особенности остаются в языке нынешних сартулов Джиды как субстратное явление, а тесный контакт сартулов с бурятами, продолжающийся более чем 200 лет, оставляет серьезный след в языке.

Согласные

Всего в сартульском говоре бурятского языка 28 согласных фонем. Все они, в зависимости от их акустико-физиологических особенностей, а также характера употребления в языке, подразделяются на определенные группы.

1. Все согласные фонем сартульского говора делятся на сильные, слабые и сверхслабые. Основанием для этого деления служит степень напряженности артикулирующего органа. При артикуляции сильных согласных, куда относятся следующие 10 фонем: *п, п', т, т', с, ш, ц,*

ч, х, |х', произносительные органы напрягаются значительно сильнее, чем при артикуляции слабых или сонантных. Причем сильные согласные сартульского говора отличаются от соответствующих сильных согласных литературного бурятского языка еще большей силой. Это обуславливает то, что сартульские смычные сильные *n, n', m, m'* являются всюду придыхательными, чего нельзя сказать относительно соответствующих фонем литературного языка, а щелевые имеют более усиленный шум.

К слабым согласным в сартульском говоре относятся следующие 8 фонем: *б, б', д, д', дз, дж, г, г'*.

К сверхслабым относятся: *м, м', н, н', й, л, л', р, р', нг*.

Как видно из перечисленных звуков, почти все сильные согласные от соответствующих своих слабых компонентов отличаются действительно только одним признаком силы. Например: фонема *n* и *б*, если иметь в виду глухой *б*, который имеет, кстати, более частое употребление, чем звонкий, то все признаки, кроме силы и слабости, совпадают. Также и другие: *n' — б', m — д, m' — д', ц — дз, ч — дж*.

Сонантные в этом отношении стоят несколько особняком. С одной стороны, они произносятся, как правило, звонко; с другой — согласные *м, м', н, н', нг* являются плюс ко всему носовыми; в-третьих, к согласным *л, л', р, р'* прибавляются еще признаки боковинности, вибрантности. Тем не менее в общей системе согласных сонантные являются более слабыми по степени напряженности произносительных органов и составляют третью ступень.

2. В системе сартульских согласных имеет место также противопоставление *твердых* и *мягких* согласных. Здесь основанием деления является дополнительная работа средней части языка. Если при произнесении согласных дополнительно к работе основного активного органа имеет место еще подъем средней части спинки языка, то согласный палатализуется, т. е. является мягким; если нет такого подъема, то согласный — непалатализованный, т. е. твердый. По этому признаку почти все согласные составляют определенные пары: *n — n', б — б', m — m', д — д', м — м', н — н', л — л', р — р', х — х', г — г'*; без пар к твердым относятся: *с, ш, ц, дз, нг*, к мягким — *дж(дьж), й, ч*. Фонема *ш* здесь отнесена к твердым, хотя это не совсем верно, но в данном состоянии она не может быть отнесена и к мягким. Звук *ш* и сейчас произносится с некоторым смягчением, но не мягко, а исторически *ш* противопоставлялся как мягкая пара к твердому *с*, и соответственно *дж* к *дз*, *ч* к *ц*.

3. Основанием деления согласных на губные, передне-среднеязычные и заднеязычно-увулярные является участие активных органов соответственно названиям. Впервые в монголистике для определения фонемного состава согласных по активным органам В. М. Надеяев ввел термины: 1) «первая артикуляция» — для губных; 2) «вторая артикуляция» — для переднеязычных и среднеязычных и 3) «третья артикуляция» — для заднеязычных и увулярных¹.

Деление согласных на три группы по участию активных органов проходит по всем монгольским языкам, кроме современного бурятского литературного языка, где наличие фарингального *h* нарушает эту систему. Поэтому для бурятского языка целесообразно выделить еще четвертую фарингальную артикуляцию. Поскольку в сартульском говоре нет этого *h*, то деление на три артикуляции целиком проходит по системе сартульских согласных.

Деление именно на три артикуляции с выделением самостоятельно

¹См.: В. М. Надеяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. «Вестник ЛГУ». 1957, № 8, стр. 129.

переднеязычных и среднеязычных, заднеязычных и увулярных объясняется тем, что в монгольских языках, в частности в исследуемом сартульском говоре, могут быть оттенками одной фонемы переднеязычные и среднеязычные согласные, а также заднеязычные и увулярные согласные.

В сартульском говоре к фонемам первой артикуляции относятся: *n, n', б, б', м, м'*; ко второй артикуляции *т, т', с, ш, ц, ч, д, д', дз, дж, н, н', й, л, л', р, р'*; к третьей — *х, х', г, г', нг*.

4. Деление согласных на носовые и неносовые (ротовые) основано на дополнительной работе мягкого нёба. Если при произнесении согласных мягкое нёбо опускается вниз и преграждает проход воздуха через ротовой канал, то воздух проходит через носовую полость, образуя, таким образом, носовые согласные. В сартульском говоре к носовым согласным фонемам относятся: *м, м', н, н', нг*, все остальные относятся к неносовым, т. е. ротовым.

Описание согласных фонем

Фонема *n*. Звук *n* образуется сильной смычкой нижней губы с верхней. Он часто сопровождается придыханием, но аспирация фонемы *n* в сартульском говоре является факультативной. Однако если в литературном бурятском языке *n* в основном представляет собой чистый звук без дополнительного придыхания, то в сартульском говоре он произносится в большинстве случаев с придыханием. А в современном монгольском языке звук *n* произносится всегда с придыханием¹. Как и в литературном бурятском языке, фонема *n* в сартульском говоре имеет весьма ограниченное употребление. Встречается в начале слов, главным образом, в так называемых изобразительных словах типа *пампагар* (пушистый), *порчогонох* (хрюкать); в звукоподражаниях — *нос, пас, пус* и т. п.

Некоторые исследователи монгольских языков не считали звук *n* самостоятельной фонемой, основываясь при этом на безразличном употреблении *n* и *б* в бурятском языке в словах типа *пешэн/безшэн* (печь)². Такие утверждения не имеют достаточного основания, так как они основаны на единичных случаях безразличного употребления этих звуков, тогда как большинство слов не допускает такого употребления *n* и *б*. В сартульском говоре наблюдается очень четкое произнесение звука *n*, поэтому здесь тем более не может быть речи о безразличном употреблении *n* и *б*. В пользу самостоятельности фонемы *n* говорят также те факты, что заимствованные из русского языка слова, такие как *почто, пароход, паровоз* и т. д. произносятся с четким *n*.

Фонема *n'*. Фонема *n'* артикулируется сильной смычкой губ, но в отличие от твердого *n* при значительном дополнительном подъеме средней части языка. Аналогично твердому *n* произнесение мягкого *n'* часто сопровождается придыханием. Употребление *n'* в сартульском говоре весьма ограниченное, встречается этот звук, как правило, в начале слова: *п'эшиэн* (пешэн) — печь, *п'ас* (пяс) — звукоподражательное слово. Надо отметить, что в сартульских (да и вообще в бурятских) словах мягкий *n'* так же, как и твердый *n*, употребляется в основном в образных и звукоподражательных словах, а обычные слова с мягким *n'*, как правило, являются заимствованными.

Фонема *т*. Фонема *т* артикулируется так же, как и аналогич-

¹См.: В. М. Наделяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. «Вестник ЛГУ». 1957, № 8, стр. 129.

²См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, П., 1913—1914 гг., стр. XIV.

ная фонема литературного бурятского языка, смычной преградой, образованной между кончиком языка и верхними передними зубами, или альвеолами.

В бурятском языке фонема *t* произносится в основном без дополнительной аспирации. В сартульском говоре, как и в монгольском языке, произносится в основном с придыханием.

Сильный придыхательный *t* в сартульском говоре употребляется в начале слов: *тагалцаг* (тапочки домашние), *тунтэгэр*//*тунтугур* (выпуклый — о лбе), *тоэрцог* (ермолка). Имеется аналогичный глухой звук, встречающийся в исходе слогов, но он является слабым и более близок к звуку *d*; носителями языка последний не различается от фонемы *d*, и, таким образом, они являются глухим и звонким вариантами одной фонемы.

Ф о н е м а *t'*. Фонема *t'* в сартульском говоре, в отличие от других бурятских говоров, употребляется очень редко. В словах типа *тиимэ*, *тиихэ* и т. п. употребляется твердый *t*; говорят, как правило, *тымэ*, *тыхэ*. Как и твердый *t*, мягкий *t'* является придыхательным. В отличие от хоринского *t'*, сартульский *t'* произносится при большем подъеме средней части спинки языка, артикуляционно приближаясь к аффрикату *ч*, но не совпадая с ним. В описываемом говоре *t'* и *ч* различаются, являются разными фонемами. Мягкий *t'* употребляется в начале слов: *талт'и* (кожемялка), *бот'и* (том).

Ф о н е м а *c*. Звук *c* произносится так же, как и соответствующие звуки бурятского и монгольского литературных языков, т. е. узкой щелевой преградой, образованной сближением передней части спинки языка с передней частью твердого нёба.

Однако позиционное употребление звука *c* в сартульском говоре и в накающих говорах бурятского языка различается. В описываемом говоре отсутствует весьма распространённый в бурятских накающих говорах фарингальный звук *h*, которому в сартульском соответствует звук *c*. В этом отношении сартульский говор совпадает с монгольским языком.

Фонема *c* употребляется чаще всего в начале слогов, изредка в конце слога в середине слова: *самар* (орех), *уса* (вода), *цаса* (снег), *эсхэхэ*//*эсгэхэ* (кроить). В монгольском языке в словах типа *ус* (вода), *цас* (снег) конечный редуцированный гласный не произносится. А в сартульском говоре, они, как правило, сохраняются, и поэтому в абсолютном исходе слова звук *c* почти не употребляется; лишь в редких случаях, особенно в языке старшего поколения носителей говора, встречается произнесение *c* в абсолютном исходе слова типа *шэнэс* (лиственница), *андас* (соха, плуг).

Ф о н е м а *ш*. В сартульском говоре фонема *ш* является менее распространенным звуком, чем аналогичный звук в бурятском литературном языке. Позиционное употребление *ш* в сартульском говоре совпадает с монгольским языком. В них имеет большое распространение аффриката *ч*, которой в бурятском языке соответствует тот же звук *ш*.

Там, где в старомонгольском языке были \check{s} и \check{si} , в сартульском говоре сохранился *ш*, а там, где было \check{ci} произносится *ч*.

Фонема *ш* — звук щелевой двухфокусный; одна щель образуется между задней спинкой языка и твердым нёбом, а передняя щель — между передней частью языка и альвеолами. Примеры: *шүнэ*//*шуну* (ночь), *шогуулах* (ехать тихой рысью), *шэнэс* (лиственница), *шара* (вол), *шэгшүүр* (сито).

Ф о н е м а *ц*. Артикуляция фонемы *ц* начинается с переднеязычного смычного *t* и кончается переднеязычным щелевым *c*. Для аффри-

кат вообще, в частности для *ц*, характерно то, что ее оба элемента произносятся не расчлененно, не отдельно друг от друга, а без отрыва, т. е. переход от одного элемента к другому не заметен, он не ощущается говорящими.

Фонема *ц* — сильная глухая аффриката, встречается в основном в начале слогов: *цам* (ламское представление), *хуца* (баран), *эцэхэ* (уставать), *дзубцаа* (халат).

Фонема *ч*. Первый элемент аффрикаты *ч* (т'ш) представляет собой сильно палатализованный *т'*, который в основном произносится как среднеязычный смычный. А второй элемент — двухфокусный *ш* со вторым средним фокусом. Таким образом, описываемый звук произносится на слух впечатление сильно смягченного согласного. Аналогичного звука нет в литературном бурятском языке, но он имеется в монгольском языке. Употребляется в словах, где в старописьменном монгольском языке имело место *сi*, а там, где было *ši*, употребляется в современном языке обыкновенный *ш*. В литературном бурятском языке во всех случаях употребляется звук *ш*. Фонема *ч* употребляется в начале слогов и в исходе слова: *сэтцүү* (чесуча), *чулуу* (камень), *чарга* (сани), *чацаргана* (облепиха), *чимээ* (шорох), *хараач* (увидел ли ты), *чүлөө* (до-суг), в монг. *чөлөө*.

Фонема *х*. Характерное для монгольских языков изменение активного органа при произнесении согласных заднего образования *х*, *г*, *нг* распространяется также на произношение аналогичных звуков сартульского говора. Фонема *х* в словах мягкого ряда образуется сближением задней части языка с нѳбом, а в словах твердого ряда, наоборот, мягкое нѳбо с язычком, сближаясь с задней частью языка, вибрирует и образует своеобразный дрожащий звук. *Х* является весьма распространенным в сартульском говоре звуком. При сборе лексического материала по говору сартулов, например, из 500 слов приблизительно 70—80 слов оказываются с начальным *х*. Фонема *х* употребляется только в начальной позиции слога: *хадзаха* (укусить), *хүдзүү* (шея), *хурца* (острый), *хуса* (береза), *хүхөө* (кукушка), *хүүхэн* (девочка), *хүмэдхэ* (брови), *хүршэ* (сосед), *хумаса* (ногти) и т. д.

Фонема *х'*. Мягкий *х'* бывает только заднеязычным. От заднеязычного оттенка твердого *х* эта фонема (*х'*) отличается мягкостью, т. е. дополнительным подъемом средней части языка. Она употребляется также только в начале слогов: *х'шихэ* (делать), *цах'юур* (кремень), *цо-х'илто* (удар) и т. п.

Звук *к*. Описывая звуки сартульского говора, следует особо остановиться на звуке *к*, потому что он может стать самостоятельной фонемой скорее всего в данном говоре. Встречается ряд слов, где *х* и *г*, встречающиеся в начале слогов в середине слова, произносятся сильно, как звук *к*, например, *дэбэскэр* // *дэбэсхэр* (матрац, подстилка). *эшкы* // *эшгы* (войлок) и др. И это, в свою очередь, обуславливает более частое, чем в литературном бурятском языке, произношение *к* в заимствованных из русского языка словах.

Фонема *б*. В зависимости от позиционных и комбинаторных условий фонема *б* может быть и звонким, и глухим, и смычным, и щелевым. Артикулируется *б* преградой, образованной нижними и верхними губами. Звонкий вариант *б* употребляется в начале слова, в середине слова между гласными или в сочетании со звонкими согласными; причем между гласными и после *р* фонема *б* является щелевым: *эбэр* (рога), *бабана* (козел), *баабаз* (отец). Глухой вариант *б* употребляется в исходе слога внутри слова перед глухими согласными. В литературном бурятском языке глухой *б* очень часто употребляется в исходе слова в качестве

показателя личной частицы при спряжении глаголов: *ошсoб* (я пошел), *epэб* (я пришел) и т. д. В сартульском говоре в аналогичных позициях глухой вариант *б* употребляется несколько реже, потому что личное спряжение глаголов допускается не всегда.

Фонема б'. Мягкая фонема *б'* в отличие от твердой фонемы *б* артикулируется при дополнительном подъеме средней части спинки языка. В положении между гласными или после *р* бывает щелевым, а в других положениях смычным. Причем употребляется *б'* исключительно в начальной позиции слога: *б'ичиг* (письмо), *аб'аан* (звук), *аб'ираха* (лезть).

Фонема д. Фонема *д* артикулируется одинаково с *т*, но при значительно более слабом мускульном напряжении языка. Аналогично слабой фонеме *б*, описанной выше, фонема *д* имеет звонкие и глухие оттенки, но не может быть щелевой в отличие от *б*. Кроме того, фонема *д* имеет долгие оттенки в словах типа: *мэддэг//мэдэдэг* (знающий). Сартульский *д* ничем не отличается в акустико-физиологическом отношении от халхаского *д*.

Фонема д'. Мягкая фонема *д'* в сартульском говоре встречается очень редко. Если в литературном бурятском языке в словах типа *д'ишлэхэ*, *эд'ээлэхэ* и т. п. употребляется мягкий *д'*, то в сартульском говоре в этих словах *д* произносится твердо как *дылэхэ*, *эдээлэхэ* и т. д. Литературное сочетание *ги*, например, в словах *ангир*, *мангир* и т. п. в сартульском говоре так же, как и в некоторых других бурятских говорах, произносится как *ди*, т. е. как мягкий *д'* и краткий *и* (в сартульском говоре такое произношение особенно последовательно).

Как и твердая фонема *д*, мягкий *д'* может быть в зависимости от позиционных и комбинаторных условий звонким и глухим; изредка встречается долгий оттенок в сочетаниях типа *баэхабэд'д'э*.

Фонема дз. Произнесение *дз* аналогично артикуляции *ц*. Разница лишь в том, что первый произносится при значительно слабом мускульном напряжении артикулирующих органов и с участием голоса, а второй, т. е. фонема *ц*, при сильном напряжении и без голоса. Фонема *дз* соответствует литературному *з*; влияние бурятского литературного языка на сартульский говор очень заметно: в частности, касается и произношения *дз* и *з*. Многие носители описываемого говора, главным образом молодежь, начинают произносить вместо *дз* переднеязычный щелевой слабый звонкий звук *з*. Это за последние годы начинает принимать довольно массовый характер. Можно встретить произношения: *дзам//зам* (путь), *адзарга//азарга* (жеребец), *хадзаар//хазаар* (узда), *эдзэн//эзэн* (хозяин) и т. п.

Фонема дж. Фонема *дж* (*д'ж*) артикулируется аналогично фонеме *ч* (*ч'*); отличается лишь тем, что произносится при ослабленном напряжении артикулирующих органов и с участием голоса, т. е. звонко. Так же, как и *ч*, на слух *дж* производит впечатление мягкого согласного. И не случайно при записи слов с *дж* сотрудники экспедиции всегда отмечали этот звук знаками *дьж*. Имеет место замена *дж* звуком *ж*, но она наблюдается значительно реже, чем замена *дз* звуком *з*. Фонема *дж* употребляется в начале слогов, например, *дунджэ* (четырёхгодовалая — о корове), *джаргал* (радость).

Фонема г. При сочетании с гласными мягкого и твердого рядов фонема *г* проявляется аналогично фонеме *х* в заднеязычных и увулярных оттенках. Как говорилось выше, фонема *х* имеет только щелевые глухие оттенки, а фонема *г* в зависимости от различных позиционно-комбинаторных условий может быть смычным — *гүүр* (мост) и щелевым — *үгэ* (слово), звонким — *гар* (рука) и глухим — *даг* (грязь). В ин-

тервокальном положении бывает звонким, щелевым, а в других позициях — смычным, причем в абсолютном исходе слова и в конце слога в середине слова перед глухими согласными является глухим, в начале слогов или в исходе слога в середине слова перед звонкими согласными — звонким. Конечный глухой *г* ни в коем случае не нужно смешивать с глухим сильным *к*, они строго противопоставляются по силе и слабости. При произношении бурятских слов бурятами или бурятами, родным языком которых является русский язык, самый явный акцент падает на неразличение заднеязычных и увулярных *х* и *г*. Как правило, фонема *г* в словах *гар* и *гэр* произносится одинаково, т. е. по-русски, как заднеязычный *г*, что правильно для второго слова, но неправильно для первого слова. В связи с этим искажается и произнесение гласного *а*, который с заднеязычным *г* звучит несколько выше, чем с *г* увулярным. И этот комплекс незначительных на первый взгляд искажений дает, в конечном счете, очень заметный акцент. Бурятское слово *хабар* у человека, родным языком которого не является бурятский, произносится с заднеязычным *х*.

Правильная постановка вопросов обучения бурятской орфоэпии в этом аспекте имеет очень большое значение. И не случайно некоторые наши молодые актеры из драматического театра допускают такие ошибки в произношении, сами того не замечая. Поэтому при обучении бурятскому языку в школе, а также при обучении риторическому искусству следует особо остановиться на этих основных вопросах орфоэпии. Между тем этот важный участок обучения всегда оставался втуне.

Ф о н е м а *г'*. Мягкий *г'* — заднеязычный смычный звук. Встречается только в начале слога и значительно реже, чем твердый *г*.

Ф о н е м а *м*. Фонема *м* произносится смыканием губ при опущенной нёбной занавеске. Опускание нёбной занавески закрывает выход воздушной струи через ротовую полость и обуславливает одноканальный выход воздушной струи через носовую полость. Эта фонема употребляется в любой позиции слова.

Ф о н е м а *м'*. Фонема *м'* произносится аналогично твердой фонеме *м*, но при дополнительном подъеме средней части спинки языка к твердому нёбу. Как и в литературном бурятском языке, в сартульском говоре фонема *м* употребляется только в начале слогов, однако несколько реже, так как в словах типа лит. *мяхан* — *м'ахан* (мясо) в сартульском говоре *м* произносится твердо и слово звучит как *маха*.

Ф о н е м а *н*. Фонема *н* — переднеязычный смычный носовой звук, как все носовые согласные, произносится при одновременном опускании нёбной занавески. Звук *н* относится к группе сонантных и артикулируется при еще меньшем напряжении произносительных органов, чем даже слабые согласные. Употребляется в основном в начале слога, редко в исходе слога внутри слова перед переднеязычными согласными.

Ф о н е м а *н'*. От твердого *н* мягкий *н'* отличается тем, что произносится при дополнительном подъеме средней части спинки языка. Употребляется *н'* в начале слога или в абсолютном исходе слова.

Ф о н е м а *й*. Звук *й* является среднеязычным, образуется щелевой преградой, образованной между средней частью спинки языка и твердым нёбом. В сартульском говоре, как и в литературном языке, употребляется только в начале слога независимо от того, в середине он или в начале слов. Среднеязычный *й* — звук довольно распространенный, встречается во всех монгольских языках и диалектах; всюду акустико-артикуляционные данные его в общем одинаковые. Примеры: *ёсо* — *йосо* (обычай), *ёхобэ* — *йонхобэ* (название цветка), *оёдол* — *ойодол* (шитье), *баяр* — *байар* (радость), *үе* — *үйэ* (сустав, звено).

Фонема л. Звук *л* образуется боковой щелью: кончик языка упирается в верхние резцы, а задняя часть языка немного поднимается вверх. В современном монгольском языке самостоятельной фонемой является глухой *л*, который в существующей орфографии обозначается сочетанием *лх*. Наши поиски аналогичного звука у сартулов Джида и Торея во время экспедиций успехом не увенчались. Видимо, в данном случае бурятское влияние взяло верх. Наряду с кратким *л* в сартульском говоре встречается долгий оттенок в словах типа *даллаха*. Фонема *л* употребляется в любой позиции, но в абсолютном начале слова встречается очень редко: *тармул* (грабли), *тасалга* (комната), *хулганoo* (мышь), *хулэг* (шахматная доска), *лата* (латанизированное письмо).

Фонема л'. В отличие от твердого *л* мягкая фонема *л'* произносится при дополнительном подъеме средней части спинки языка. Боковая щель при этом образуется по бокам задней спинки языка. Фонема *л'* употребляется в начале непервых слогов, в исходе слога в середине слова: *тол'и* (зеркало), *ул'яс* (осина), *хол'ихо* (мешать), *эл'бэхэ* (гладить). Редко, преимущественно в заимствованных словах встречается и в начале слова: *л'иис* (лист), *л'имбэ* (флейта).

Фонема р. При произнесении *р* кончик языка, соприкасаясь или образуя узкую щель с альвеолами, колеблется, образуя своеобразный дрожащий звук. Перед глухими согласными в середине слова *р* артикулируется глухо, а перед гласными и звонкими согласными — звонко. Такое своеобразное проявление одних и тех же фонем характерно для монгольских языков, где отсутствует фонематическое деление на глухие и звонкие, а существует фонематическое деление на сильные, слабые и сонантные. Фонема *р* в собственно сартульских, как и вообще в бурятских словах, не встречается в абсолютном начале слова, а употребляется довольно часто в середине в любой комбинации и в исходе слова. Примеры: *хуруу* (палец), *тургэн* (быстрый), *хабар* (весна), *цэрэг* (войско).

Фонема р'. Мягкий *р'* так же, как и твердый *р*, не встречается в начале слов. Однако, в отличие от твердого *р*, он не бывает глухим. Встречается в начале непервых слогов и в исходе слога в середине слова перед звонкими согласными: *тонгор'иг* (перочинный нож), *хар'и* (чужой), *сар'даг* (гора, покрытая снегом).

Фонема нг. Так же, как *х* и *г*, фонема *нг* проявляется в заднеязычных и увулярных оттенках. В отличие от *х* и *г* произносится она при опущенной небной занавеске, т. е. фонема *нг* является носовым сонантом. Употребляется *нг* только в конце слогов: преимущественно в исходе слов, а в середине слов только перед *г* и *х*.

Гласные

Всего в сартульском говоре 18 гласных фонем. Все они в зависимости от своих качественных и количественных характеристик подразделяются на различные группы.

1. Все гласные фонемы подразделяются на три ряда: а) твердый — *а, аа, о, оо, у, уу, аэ, оэ, уи, уи;* б) мягкий — *э, ээ, ү, үү, өө, үи;* в) нейтральный — *и, ии.*

Основанием для такого деления служит исторически сложившаяся сочетаемость определенных звуков в одном слове, поддерживаемая качеством самих гласных звуков. Твердые — это более открытые и задние, а мягкие, наоборот, являются более закрытыми и передними.

2. Деление гласных фонем на широкие (*а, аа, о, оо, э, ээ, өө, аэ, оэ, уа*) и узкие (*у, уу, ү, үү, и, ии, уи, үи*) основано на различии в степени

подъема языка при образовании гласных звуков. Здесь не играет никакой роли заднерядность или переднерядность гласных. Гласные высоко-го подъема относятся к узким, а гласные невысокого подъема — к широким. И это деление для гласных сартульского говора, равно как и для гласных других монгольских языков, имеет существенное значение для определения фонем.

3. В зависимости от характера артикуляции все гласные фонемы подразделяются на монофтонги (*a, aa, o, oo, э, ээ, у, уу, ү, үү, өө, и, ии*) и дифтонги (*аз, оэ, уи, үи, уа*). Монофтонги образуются при простом однородном укладе органов речи, а дифтонги — при сложном разнородном укладе органов речи, когда на протяжении звучания одного гласного один уклад органов речи сменяется другим.

4. Монофтонги, в свою очередь, делятся на краткие (*a, o, э, и, у, ү*) и долгие (*aa, oo, ээ, ии, уу, үү*). Здесь основанием деления является длительность или, как обычно принято в общей фонетике, количественная характеристика. Длительность — понятие относительное. Краткость или долгота гласных определяются только относительно друг друга. Нет какой-либо определенной грани, которая могла бы устанавливать, что такая-то долгота или, точнее, столько-то сигм — характеристика кратких гласных, а столько-то — характеристика долгих гласных.

В сартульском говоре наличествуют сильно редуцированные гласные в исходных слогах, которые часто исчезают совсем. Но это не играет существенной роли в различении фонемного состава вокализма говора.

5. Для характеристики фонемного состава гласных существенное значение имеет работа губ. Лабиализованные (*o, oo, у, уу, ү, үү, өө*) и нелабиализованные (*a, aa, э, ээ, и, ии*) гласные сартульского говора, как и других монгольских языков, составляют самостоятельные фонематические группы. При артикуляции нелабиализованных гласных губы не принимают участия, а при лабиализованных — губы играют существенную роль, являясь передней границей резонатора.

Описание гласных фонем

Фонемы *a* и *aa*. При произнесении краткого и долгого *a* тело языка максимально опускается вниз на дно полости рта, передняя его часть упирается в нижние резцы. Различные оттенки кратких и долгих *a* отличаются друг от друга незначительными продвижениями языка по горизонтали и по вертикали.

В непервых слогах сартульский краткий *a* подвергается очень сильной редукции вплоть до полного исчезновения в абсолютном исходе. Однако, если в современном монгольском языке наблюдается полная редукция конечных кратких гласных, то в сартульском говоре исчезновение кратких гласных в конце слова происходит не всегда. Вообще в бурятском языке нет полной редукции этого звука в исходе. Например, монгольский *цас*, сартульский *цаса*, бурятский *саһан* (снег); монгольский *арас*, сартульский *арас/арасо*, бурятский *араһан* (кожа); монгольский *яв*, сартульский *ява*, бурятский *яба* (идти).

Фонемы *у* и *уу*. При образовании этих звуков играют существенную роль губы, которые составляют переднюю границу резонатора; тело языка отходит глубоко назад, задняя часть языка поднимается вверх и назад. По сравнению с русским *у*, в монгольских языках он является значительно более открытым. В. М. Наделяев обозначает эти фонемы как закрытые *ö* и *o:*. Позиционная употребляемость фонем *у* и *уу* в сартульском говоре совпадает с литературным бурятским языком.

Фонемы *o* и *oo*. Они относятся к гласным заднего ряда, при артикуляции их так же, как при *у*, тело языка отходит назад, а задняя

спинка его поднимается к задней части мягкого нёба. В отличие от *у* и *уу* фонемы *о* и *оо* являются более открытыми — отверстие между губами более широкое.

Долгий *оо* в сартульском говоре очень часто употребляется в исходе слова там, где в литературном бурятском языке ожидается долгий *аа*, иначе говоря, встречаются произношения типа *тудоо* (попал) вм. *тудаа*.

Аналогично краткому *а*, краткий *о* в непервых слогах, особенно в абсолютном исходе, подвергается сильной редукции, даже вплоть до полного исчезновения в определенных позициях: *холтос* (древесная кора), *хολих//хολихо* (смешивать) и т. д.

Фонемы *э* и *ээ*. При артикуляции их язык находится в переднем положении, касаясь своей передней частью нижних резцов. В отличие от заднерядных гласных поднимаются вверх передняя и средняя части спинки языка к переднему твердому нёбу.

В непервых слогах краткий *э* аналогично кратким *а* и *о* подвергается редукции: *эр//эрэ* (мужчина), *эцэх//эцэхэ* (уствовать).

Фонемы *ү* и *үү*. Эти фонемы произносятся при следующем положении языка: тело языка собрано в середине полости рта с тенденцией подъема средней части спинки языка к середине нёба. Относятся они к гласным так называемого центрального ряда. Фонемы *ү* и *үү* относятся к гласным самого высокого подъема в ряду центральных гласных.

Фонема *өө*. Этот звук относится также к гласным центрального ряда, но в отличие от *ү* он более открытый. При артикуляции его язык лежит в середине полости рта с тенденцией подъема вверх к границе твердого и мягкого нёба.

Краткий *ө* в сартульском говоре употребляется очень часто, но не составляет, как и в литературном бурятском языке, самостоятельной фонемы. Звуки *ү* и *ө* являются более узким и более широким оттенками одной фонемы. Если в литературном языке можно легко дать предпочтение звуку *ү*, как употребляющемуся более часто, то этого нельзя сделать в таком же отношении в сартульском говоре. Вероятно, еще до недавнего времени эти оттенки составляли в языке сартулов самостоятельную фонему.

Позиционное употребление долгого *өө* несколько отличается от употребления в литературном языке. Например, повелительная форма второго лица глагола *үгэ* (дать) произносится *үгөөч* вместо литературного *үгыш* (ты отдай).

Фонемы *и* и *ии*. Они артикулируются при крайне переднем и верхнем положении языка. Краткий *и* является немного более открытым, чем долгий *ии*. Фонемы *и* и *ии* чаще всего встречаются после мягких согласных.

Аналогично кратким фонемам *а*, *э*, *о* краткий *и* в непервых слогах подвергается качественной редукции.

Дифтонги. Кроме основных четырех дифтонгов, которые встречаются в литературном бурятском языке, в сартульском говоре довольно часто употребляется дифтонг *уа*, первый элемент которого является открытым *у*, а второй элемент — заднерядным *а*. Например, *хуа*, лит. *ухаа* (каурый), *хуантаэдэж*, лит. *хун тайжа* (князь). Слова типа *угааха* (мыть) часто в сартульском говоре произносятся как *угах* в том же значении.

Дифтонги *аэ* и *оэ*, так же как и в литературном языке, часто произносятся как монофтонги *ä*: и *ö*:

Артикуляционно-акустические данные сартульских дифтонгов *аэ*, *оэ*, *уи*, *үи* аналогичны дифтонгам литературного языка (подробное опи-

сание их см. в работе «Звуковой состав бурятского языка». Улан-Удэ, 1959, стр. 142—145 и 157).

Фонетические особенности сартульского говора

1. А ф ф р и к а т ы. В сартульском говоре аффрикаты представлены четырьмя фонемами: *ц* (тс), *дз*, *ч* (тьш), *дж* (*дьж*)¹. Аффриката *ц* соответствует в литературном бурятском языке сильному щелевому *с*: лит. *саг* (время) — сарт. *цаг*, лит. *эсэхэ* (уоставать) — сарт. *эцэх*. Аффриката *дз* соответствует слабому щелевому *з*: лит. *заха* (край) — сарт. *дзаха*, лит. *ээн* (хозяин) — сарт. *эдэн*. Аффриката *ч* соответствует сильному щелевому двухфокусному *ш*: лит. *шэмэг* (украшение) — сарт. *чимэг*, лит. *шэхэн* (ухо) — сарт. *чихэн*. Аффриката *дж* соответствует слабому щелевому двухфокусному *ж*: лит. *жэл* (год) — сарт. *джил*, лит. *ажал* (работа) — сарт. *аджил*.

Наличие перечисленных выше аффрикат в сартульском говоре и закономерность их соответствий со звуками литературного бурятского языка совпадают с современным монгольским языком. Однако, если в монгольском (халхаском) языке употребление, следовательно, произнесение аффрикат почти абсолютное, то этого нельзя сказать относительно аффрикат сартульского говора бурятского языка. Здесь заметно сказывается влияние бурятского литературного языка. Слабые аффрикаты *дз* и *дж* часто представляют собой не сочетание смычной и щелевой артикуляции, а произносятся как щелевые *з* и *ж*. Причем такое произношение не обусловлено ни позиционными и ни комбинаторными условиями. Оно скорее обусловлено социальным фактором, влиянием школ, печати, литературы и т. д. Об этом говорит тот факт, что более частое произношение неаффрицированных звуков вместо аффрикат наблюдается у более молодого поколения. На данном этапе развития произнесение *дз//з* и *дж//ж* в сартульском говоре носит спорадический характер. А что касается фонем *ц* и *ч*, то они в этом отношении являются более устойчивыми, их произношение почти не подвергается влиянию литературного бурятского языка.

Перечисленные выше соответствия сартульских аффрикат и неаффрицированных звуков литературного языка являются наиболее закономерными и часто встречающимися. Кроме того, встречаются и другие соответствия. Аффриката *ч* соответствует щелевому однофокусному *с*: лит. *убсүүн* (грудь) — сарт. *убчүү*; лит. *сүлөө* (свобода) — сарт. *чүлөө*.

Не все *з* лит. бурятского языка дают в сартульском говоре аффрикату *дз*. Слово *анзаһан* (соха) казалось бы должно было, согласно общей закономерности, звучать в сартульском говоре *андзас*, но слово (соха) существует в форме *андас*, а в монгольском — *анжис*. В сартульском говоре сохранился первый перелом, когда «согласный **д* еще не переходит в аффрикату *дж* и сохранился благодаря тому, что **й//й* переходит в другой гласный»², в данном случае в *а*. В халха-монгольском языке фиксируется второй перелом, «согласный **д* переходит в аффрикату *дж*», но *й* сохранился³ и дал *анджис*. А в бурятском языке *й* подвергся перелому, дал *а*, а *дж* перешел в *з*.

2. Отсутствие *һ*. Фарингальный *һ* в бурятском языке является одним из самых распространенных звуков, он употребляется в на-

¹Артикуляционно-акустические данные сартульских аффрикатов см. выше.

²Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 109.

³См. там же.

чаде слогов: как в абсолютном начале, так и в середине слов. Как известно, он отсутствует во всех других известных монгольских языках и диалектах. Фонема *h* также отсутствует в говоре сартулов и цонголов.

В описываемом говоре фарингальному *h* литературного бурятского языка соответствует сильный щелевой звук *c* точно так же, как и в монгольском языке. Зафиксированы также случаи, когда у сартулов употребляется щелевой двухфокусный сильный *ш* вместо литературного бурятского *h*. Например, лит. *hуни* (ночь) — сарт. *шүнө*, монг. *шөнө*; лит. *hулжэхэ* (переходить по диагонали) — сарт. *шэлдэжэ*/|*сэлдэжэ*, монг. *шилжих*. Как видно из примеров, в этом отношении сартульский говор вполне идентичен современному монгольскому языку.

Говоря о взаимовлиянии соседних говоров в отношении звуков *h* и *c*, С. Ш. Чагдуров отмечает, что часто встречается употребление *c* вместо *h* в соседнем належащем говоре закаменских бурят, а обратного действия, т. е. употребления *h* вместо *c*, у сартулов не встречается. Однако и здесь ощущается некоторое влияние литературного языка, особенно через школьное образование. Автором данной работы зафиксировано довольно частое употребление *h* учащимися не только школ, но и вузов. Правда, учителя родного языка в школах Джидинского аймака говорят, что одним из трудных моментов в обучении правильному литературному произношению является систематическое путание *h* и *c*. Тем не менее следует заметить, что учащиеся сартулы с известными трудностями, но в конечном счете правильно усваивают произнесение *h*, и не соответствуют действительности утверждение, что любая попытка носителя сакающего говора произнести *h* непременно дает звук, похожий на *x*, но не *h*.

3. О звуке *k*. Выше, в разделе «Описание согласных фонем» отмечалось, что в сартульском говоре встречается ряд слов со звуком *k*, как-то: *дэбэскэр*/|*дэбэсхэр* (подстилка), *эшкы*/|*эшгы* (войлок).

Известно, что сильная смычная фонема *k* существует в калмыцком языке, но в более широком употреблении, как-то: *кэм* (кто), *көвүүн* (сын), *салкан* (ветер) и т. д. В сартульском же говоре звук *k* встречается в ограниченных позициях. С. Ш. Чагдуров обнаружил его только после щелевого *ш*¹ в словах типа *эшкүүр* (лестница), *мушкүхэ* (преследовать зверя), *эшкэрхэ* (свистеть) и т. д. Однако не менее часто встречается *k* и после звука *c*, например, *дэбэскэр* (матрац, подстилка), *үскүхэ* (умножать) и т. д. Причем, как было отмечено, употребление звука *k* в данных позициях не является абсолютным, оно носит не постоянный характер, периодически чередуясь с щелевым сильным *x* и слабым *g*. Такое своеобразное переплетение — безразличное употребление *k* различных фонематических группах характерно только для сартульского говора, который является промежуточным звеном между монгольским и бурятским языками, своеобразным мостом между этими родственными языками.

4. Долгота согласных. Исследователи халха-монгольского языка очень широко отмечали наличие в нем долготы согласных звуков. Это естественно, потому что произнесение некоторых согласных в определенных позициях с задержкой, с удлинением в количественном отношении довольно заметно. Бурятскому языку тоже свойственно аналогичное явление. Однако в специальной работе «Звуковой состав бурятского языка», к сожалению, этот факт не отмечен. Удлинение согласных часто происходит на стыке морфем, когда выпадает соединительная гласная. Например: *мэддэг* — вм. *мэдэдэг* (знающий), *хаддаг* — вм. *хададаг* (жнет). Наиболее заметно выявляется это явление с оттен-

¹См.: «Зап. НИИК». Вып. XI. 1951, стр. 158.

ком фонемы *д*. Правда, акад. Б. Я. Владимирцов находит долгие оттенки почти у всех халхаских согласных¹.

5. Отсутствие палатализации согласных в начале слова. В начале слова перед гласными *и*, *ии*, *а*, *о*, *у*, *үү* губные и переднеязычные согласные произносятся твердо. Например: *тымэ* (такой), *дылэхэ* (победить), *бы* (есть), *махан* (мясо), *ноднён* (прошлый год), *нүдэн* (глаз), *нуур//н'үүр* (лицо), но не *нуур* (озеро). Гласные *и* и *ии* при этом произносятся при несколько отодвинутом назад положении языка, на слух напоминающая русский *ы*. В литературном бурятском языке имеется такой оттенок только у долгого *ии*, но он употребляется только в непервых слогах и чаще всего в качестве гласного элемента аффикса родительного падежа.

Перед узкими огубленными гласными *у*, *ү*, *уу* в бурятском языке чаще всего встречается из палатализованных согласных звук *н'*. В сартульском говоре в аналогичных позициях *н* не является палатализованным в полном смысле слова, но подвергается очень легкому смягчению, а последующий гласный (или *у*, или *ү*, или *уу*) произносится также в несколько приподнятом и продвинутом вперед положении языка. Например, слово «лицо» — *нуур* произносится не так, как слово *нуур* (озеро), несмотря на то, что сартульское произнесение первого слова значительно отличается именно твердостью начального согласного от произнесения этого же слова в литературном языке, как *нуур* (*н'уур*). Твердое произношение начальных согласных в указанных выше позициях является одной из самых заметных отличительных особенностей описываемого говора. Правда, такое же явление, по свидетельству моих коллег — языковедов, наблюдается в цакающем говоре селенгинских и кяхтинских бурят.

В данном случае необходимо подчеркнуть в первую очередь, что твердое произношение губных и переднеязычных согласных в начале слова и открытое произношение последующих нейтральных гласных является в указанном говоре повсеместным, весьма устойчивым и закономерным.

6. Употребление кратких огубленных гласных *у* и *ү* в непервых слогах. В сартульском говоре имеет место заметная тенденция к употреблению кратких лабиализованных гласных высокого подъема *у* и *ү* в непервых слогах. Как известно, ни в современном бурятском литературном, ни в современном монгольском (халхаском) языках краткие *у* и *ү* не встречаются в непервых слогах.

В бурятском литературном языке, если в предыдущем слоге стоит из гласных твердого ряда *а*, *у*, *уу*, то в последующем слоге из кратких может употребляться только *а*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий *у*. Например, лит. *худаг* (колодец) — сарт. *худуг//худаг*; лит. *хуулах* (сдирать) — сарт. *хуулух//хуулах*; лит. *алаха* (убивать) — сарт. *алух//алах*.

Если в предыдущем слоге стоит из гласных мягкого ряда *э*, *ү* (*ө*), то в последующем слоге в литературном бурятском языке может употребляться из кратких гласных только *э*; в сартульском же говоре может употребляться и краткий огубленный *ү*. Например, лит. *үнэр* (запах) — сарт. *үнүр//үнэр*; лит. *нэрэхэ* (перегонять) — сарт. *нэрүх//нэрэх*.

Следует отметить при этом, что гласные *у* и *ү* в непервослоговой позиции звучат несколько иначе, чем в обычной первослоговой позиции, потому что они согласно общей закономерности бурятского языка подвергаются в данной позиции заметной качественной редукции. Тем не

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 62.

менее огубленное произнесение гласных в указанных выше позициях не вызывает сомнения. Почти все сотрудники диалектологической экспедиции (студенты и преподаватели — носители других диалектов) фиксируют в своих записях *y* и *y* в непервых слогах (см. текстовые записи диалектологических материалов)¹. Употребление краткого *y* в таких словах, как *дзусурлухо* (лицемерить), *усулхо* (поить скот), *нагуцо* (дядя по матери), *аксухо* (обменивать), *шудурхо* (скоблить), *шунгухо* (купаться) и т. д. приводится С. Ш. Чагдуровым в его статье «Заметки о сартульском говоре»². Это подтверждается также тем, что учащиеся, носители описываемого говора, как выяснилось из бесед с учителями бурятского языка, допускают ошибки именно такого порядка, т. е. пишут часто вместо нужного по правилу *a* или *э* произносимые в разговорной речи *y* или *y*.

Причем *y* и *y* в непервослоговой позиции встречаются чаще всего во вторых слогах и, как правило, через один согласный звук после гласного первого слога. Происходит, таким образом, своего рода уподобление, которое не характерно для других диалектов бурятского языка. Такие случаи, как *дзусурлухо*, т. е. употребление краткого *y* во втором и третьем слогах — редко встречающиеся явления.

7. Особенности гармонии сартульских гласных. Описанное выше своеобразие в употреблении кратких гласных сартульского говора существенным образом отражается на системе гармонии гласных. Общая закономерность сингармонизма сохраняется, она является единой для всех монгольских языков, которая выражается в том, что в одном слове не употребляются гласные твердого и мягкого рядов, а нейтральные гласные употребляются в одном слове с гласными того и другого ряда. Как известно, сингармонизм в монгольских языках является ступенчатым, т. е. употребление любого гласного каждого последующего слога определяется характером гласного каждого предыдущего слога. Это определяется огубленностью, долготой, краткостью, дифтонговостью и т. д.

Итак, в литературном бурятском языке в любом слове если в предыдущем слоге стоят гласные *a*, *aa*, *аэ*, *y*, *yy*, *yi*, то в последующем слоге может употребляться из кратких гласных только *a*, из долгих гласных — только *aa*, *yy*, из дифтонгов — только *аэ*³. В сартульском говоре после *a* и *y* предыдущего слога может встречаться в последующем слоге, кроме краткого *a*, еще краткий *y*.

Аналогичная картина наблюдается и в словах мягкого ряда. Например, если в предыдущем слоге слова находятся гласные *э*, *ээ*, *y*, *yy*, *yi*, то в последующем слоге может употребляться из кратких гласных *э*, из долгих — *ээ*, *yy*, кроме того, может употребляться из долгих гласных звук *өө*, если в предыдущем слоге стоит или краткий *y*, или долгий *өө*. В сартульском говоре, после *э* и *y* предыдущего слога может встречаться, кроме перечисленных выше гласных, и краткий *y*.

8. Вопрос о фонемности или оттенковости краткого *ө* (или, как обычно говорят, о самостоятельности и несамостоятельности *ө*). В истории бурятского языкознания этот вопрос занимал исключительно много места. Главным образом это касается исследователей диалектов. Каждый, кто как-нибудь касался вопросов бурятской диалектологии, считал своим долгом отметить, что краткий *ө* является в рассматриваемом диалекте или самостоятельной фонемой, или оттенком одной фонемы наравне с более узким кратким *y*. В част-

¹ РО БКНИИ, инв. № 2870.

² «Зап. НИИК». Вып. XI, 1951, стр. 159.

³ Здесь не приводятся гласные *и* и *ии*, так как они имеют свою специфику, не имеющую отношения к рассматриваемому вопросу.

ности, в «Заметках о сартульском говоре» С. Ш. Чагдурова говорится, что «в области вокализма в первую очередь надо отметить, что в сартульском говоре отчетливо различаются *ө* и *у*».

Анализ, с одной стороны, явлений, связанных с употреблением гласных *ө* и *у*, а с другой — различных рассуждений о фонемном или отенковом проявлении *ө* и *у*, показывает, что почти во всех бурятских говорах поведение *ө* и *у* в основном одинаковое. Во всех исследованных, то есть ставших известными, говорах *ө* и *у* выступают как оттенки одной и той же фонемы. Почему же несмотря на то, что они носят почти равную нагрузку, фонему называют *у*, а не *ө*? Дело в том, что в хоринском диалекте, легшем в основу литературного бурятского языка, имеет место явная тенденция к более частому употреблению *у* во всех позициях. Может быть, это еще усиливается под влиянием существующих уже более двадцати лет норм и правил орфографии, которая исключает написание краткого *ө*. Однако никто не может утверждать о полном отсутствии *ө* даже в хоринском говоре. Отсутствие краткого *ө* в бурятском алфавите и соответственно в бурятской орфографии объясняется, таким образом, отнюдь не действительным его отсутствием в языке, а стремлением к унификации и упрощению норм правописания.

Что касается других говоров, в том числе и сартульского, то в них звуки *ө* и *у* носят одинаковую нагрузку. Не вызывает сомнения утверждение о том, что одни слова, как правило, произносятся с *ө*, а другие — с *у*. Однако различие между звуком *ө* и *у* не может быть использовано для смыслового различения слов во всех условиях. Дело в том, что любое произнесение в виде эксперимента (допустим *ухэхэ* — умирать *вм.* *өхөхө* — взбираться на гору, или *нухэд* — дырки *вм.* *нөхөд* — товарищи) не влияет существенным образом на значение, вернее, на понимание значения слов и морфем, следовательно, звуки являются оттенками одной и той же фонемы.

9. Позиционное употребление сартульских согласных. Общая система позиционного употребления согласных фонем, свойственная современному бурятскому литературному языку, в основном распространяется и на систему сартульских согласных.

Вместе с тем, наличие сильной редукции гласных в исходе слов, дающей иногда даже полное их исчезновение, а также имеющаяся тенденция к палатализации исходного *л* в начальных слогах заметно отражается на позиционном употреблении согласных фонем сартульского говора. В литературном бурятском языке исключено употребление сильных согласных в исходе слов, кроме редких случаев — *с* и *ш*. В сартульском говоре сильные согласные встречаются в исходе слов очень часто. Например. лит. *ерэхэ* (приходить) — сарт. *ерэх//ерэхэ¹*; лит. *ошохо* (пойти) — сарт. *очих//очох//очихо*; лит. *арахан* (кожа) — сарт. *арас//арус//арусо*; лит. *үгыш* (отдай) — сарт. *үгөөч*. Как видно из последнего примера, все глаголы повелительного наклонения второго лица на *-ш* в сартульском говоре оформляются через аффрикату *-ч*. Причем, во многих случаях эта форма совпадает с вопросительной, например, лит. *үгөө гүш?* — сарт. *үгөөч?* (отдал ли? и отдай).

Слово *хул* (нога) в сартульском говоре всюду произносится с мягким *л'* — *хуль*. Материалы экспедиции не позволяют выявить какую-нибудь закономерность в употреблении мягкого *л'*. Согласный *л* уже

¹ Причастия будущего времени на *-ха* в сартульском говоре произносятся не всегда как в монгольском языке, т. е. без конечных гласных, во многих случаях в конце слова произносятся сильно редуцированный гласный. Здесь трудно установить какую-либо закономерность, когда сохраняется гласный, или когда исчезает.

после второго или третьего слога произносится твердо, например, нельзя говорить *худаль* вм. *худал* (ложь) или *ухэль* вм. *ухэл* (смерть) и т. д. Но зато слово *гүйхэн* (мелкий) в сартульском говоре произносится *гульхэн*. И здесь *л'* — мягкий, хотя и в середине слова. По всей вероятности, в исходе первого слога после узкого гласного *ү* согласный *л* смягчается.

10. Аспирация (придыхание). Сильные смычные согласные фонемы *п, п', т, т'* сартульского говора произносятся с придыханием: воздух подается из легких энергично, голосовые связки разомкнуты в момент размыкания преграды; для образования следующего за ним гласного голосовая щель начинает сужаться и поэтому начало следующего за согласным гласного остается глухим, что и вызывает так называемый выдох — аспирацию.

Перечисленные выше согласные произносятся иногда с придыханием и в литературном языке, но очень редко в зависимости от различных ситуаций. А в сартульском говоре так же, как и в монгольском языке, фонемы *п, п', т, т'* сопровождаются придыханием систематически. С этой особенностью фонетики сартульского говора связано то, что первослоговые гласные произносятся значительно напряженнее, чем в литературном бурятском языке. Более напряженное произнесение первослоговых гласных характерно для бурятского языка вообще. Это своеобразие звуковой системы бурятского языка отмечено почти всеми исследователями. Некоторые из них даже предлагали объединить все первослоговые гласные в одну или две фонемы.

Видимо, в сартульском говоре более напряженно произносятся не только смычные *п, п', т, т'*, но и другие согласные, соответственно и все первослоговые гласные. Четкая напряженная артикуляция звуков в начальном слоге, оказывается, влияет отрицательно на конец слова, поэтому краткие сартульские гласные в исходе слов подвергаются очень сильной редукции, вплоть до полного исчезновения.

11. Конечное оканье. При первом знакомстве с говором сартулов бросается в глаза весьма заметное оканье в исходе слов. В основном это — в какой-то степени эмфатическое оканье. Например, вместо лит. *тудаа* (попал) сартулы говорят *тудоо* в том же значении; лит. *сугтаа* (вместе) — сарт. *цугтоо* (Гарм. 58, стр. 25, 27).

Имеет место краткое оканье, которое встречается также в исходной позиции слова. Например, *нагуцо* (дядя по матери), *усулохо* (пить) и т. д. Как видно из приведенных примеров, краткое конечное *о* является редуцированным, иногда оно не произносится вообще, исчезает. Сартульское оканье существенно отличается от цонгольского и мухоршибирского оканья. В последних говорах оканье является систематическим и встречается не только в исходной, но и во всех других позициях. Например, цонг. *осо*, мух.-шиб. *оһо*, сарт. *ус//усо*, лит. *уһан* (вода); цонг. *тодох//тодохо*, мух.-шиб. *тодохо*, сарт. *тудух//тудухо//тудах*, лит. *тудаха* (попадать) и т. п. Оканье, близкое цонгольскому, зафиксировано в записях сотрудника экспедиции Ц. Е. Гармаева, произведенных в с. Дырестуй¹. Однако и здесь оно не является систематическим, лишь отдельные слова произносятся с *о*.

Как долгое — эмфатическое, так и краткое оканье в исходной позиции слов существенным образом отражается на системе сингармонизма. Здесь превалирует губная гармония гласных, т. е. так называемое губное притяжение при артикуляции гласных. Конечное *о* появляется лишь тогда, когда в предыдущем слоге стоит огубленный гласный

¹ См.: РО БКНИИ, инв. № 2870.

у или уу. Такого рода губное притяжание не свойственно литературному бурятскому и монгольскому языкам, но характерно для тюркских языков, где губной сингармонизм действует не внутри корня, а в аффиксах, т. е. «осуществляется только как уподобление вокализма аффиксов вокализму корня»¹.

12. Неустойчивый *н*. Бурятские говоры дают самые различные картины относительно сохранения или выпадения так называемого конечного неустойчивого *н*. Одни говоры сохраняют его во всех позициях, другие сохраняют частично, третьи вообще не знают его, т. е. все слова с возможным неустойчивым *н* на конце во всех позициях произносятся без этого *н*. Сартульский говор относится как раз к последним, все слова с неустойчивым *н* во всех позициях произносятся без него. Например, лит. *морин* — сарт. *мори* (лошадь), лит. *мяхан* — сарт. *маха* (мясо), лит. *хонин* — сарт. *хони//хон'о* (овца), лит. *таряан* — сарт. *таряа* (зерно) и т. д.

13. О дифтонге *уа*. В разделе описания гласных фонем указывалось, что дифтонг *уа* в сартульском говоре встречается в таких словах как *хуа* вместо лит. *ухаа* (каурый), *гуа* вместо *угаа* (мыть) и т. д. Этот дифтонг часто употребляется в халха-монгольском языке, где он выступает как самостоятельная фонема². Вероятно, он имеется также и в других бурятских диалектах. Но до сих пор исследователи бурятских говоров не отмечали его, и, видимо, он употребляется не так систематически, как в сартульском говоре. В сартульском говоре дифтонг *уа* так же, как и в монгольском языке, является самостоятельной фонемой.

14. Чередование кратких и долгих гласных. В сартульском говоре наблюдается своеобразная тенденция в произношении обычных долгих гласных первого слога слова кратко. Это касается лишь некоторых слов. Поэтому в данном случае приходится констатировать лишь замеченные в говоре факты. Сочетание слов *наадаашье гүйб* (даже не играл), сартулы произносят *насаач гүйб* (Гарм. 58, стр. 10) в том же значении. Местоимение *тишхэб* сартулы произносят *тэхэб* (так сделаю). Это явление переносится и на заимствованные слова, например, слово *маарли* (марля) у сартулов называется *марлин* (Гарм. 58, стр. 56).

15. Чередование *ээ//ы*. Бурятский долгий *ээ* в исходе слов часто в сартульском говоре дает *ы* — долгий: лит. *дэлхээ* (вселенная) — сарт. *дэлхы*, лит. *мэлхээ* (черепаха) — сарт. *мэлхы* (лягушка), или род. п.: лит. *хунэй* — сарт. *хүны* (человека), лит. *мориной* — сарт. *морины* (лошади) и т. д.

16. Чередование *х//г*. Если в литературном языке понятие *пахать, разрывать пополам, раскалывать* выражается словом *хахалха*, то в сартульском говоре оно оформляется *хагалха*. В данном случае наш говор совпадает с современным монгольским языком. Однако можно вполне употреблять и слово *хахалха*, как в бурятском литературном языке, ибо значение слова не изменится, разве только будет заметно лишь акцентное отклонение. Так что *г* и *х* выступают в данном случае как оттенки одной и той же фонемы.

17. Чередование *н'//н*. Иногда вместо лит. твердого *н* в исследуемом говоре произносится мягкий *н'*. Например, лит. форма *аһахань аа гү?* (от слова *аһаха* — цепляться) произносится *аһаханаа гү?* (*н* — твердый), сарт. *асахан' аа гү?* (Гарм. 58, стр. 17).

¹ Ф. Кязимов. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. «Изн. АН СССР». ОЛия. Т. XIII. Вып. 1, 1954, стр. 91.

² См.: В. М. Надеяев. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. «Вестник ЛГУ», 1957, № 8, стр. 127—128.

18. Чередование *с'//х'*. Сартульский глагол *х'иихэ* (делать), лит. *хэхэ*, иногда произносится как *с'иихэ* в том же значении (см. Сав. 59, стр. 78). Чаще всего вариант *сиихэ* имеет место в детском языке, но встречается и в языке взрослых.

19. Чередование *д//с* и *д//с//h*. Исследователи цонгольского и сартульского говоров отмечают всегда чередование лит. *д* с цонголо-сартульским *с*. С. Ш. Чагдуров, говоря о надежных формах, приводит следующие примеры, свойственные как сартульскому, так и цонгольскому говорам: сарт., цонг. *бурясаар* — лит. *бурядаар* (бурятom); сарт., цонг. *оросоор* — лит. *ородоор* (русским) и т. д.¹ Такое же чередование встречается в основе слова: сарт. *насаа* (Гарм. 59 стр. 10) — лит. *наа-даа* (играли); сарт. *босо* — лит. *бодо* (встать); в залоговом аффиксе *-лда// -лса*: сарт. *даэлалса* — лит. *даэлалда* (воевать). Встречается также в аффиксах мн. числа: сарт. *үгэзсы* — лит. *үбгэдэй* — род. п. мн. ч. (стариков).

По другим диалектам чередование *д//с* переносится еще на *h*, в частности в аларском и боханском. Например, лит. *бсдэ* (встать) — сарт. *бссо*, алар. *боһо*; лит. *пароходоо* (вин. п. возвратно-прит. склонения от слова *пароход*) — сарт. *парохоосоо*, бох. *парохооһоо*; лит. *нуудэй* (род. п. от слова *пуд*) — сарт. *пүүсы*, бох. *пүүһы*; лит. *бурядай* (буряты) — сарт. *буряасы*, бох. *буряаһы*.

20. Избежание сочетания двух гласных при заимствовании. Аналогично другим монгольским языкам и диалектам сартульский говор в заимствованных словах, если в них имеется сочетание двух качественно различных или даже одинаковых гласных, расходящихся на разные слоги, обязательно заменяет на долгие гласные по закону сингармонизма. Например, слово *паужин* давно уже вошло в словарный фонд говора, и даже носители его не считают это слово заимствованным. Произносят это слово как *паабжан* (Гарм. 58, стр. 14). Следовательно, сочетание гласных *ау* после *п* дало в сартульском говоре *aab*. При этом характерно, что щелевой двухфокусный *ж* сохраняется, не переходит в аффрикату. Сочетание *ио* переходит в долгий *oo*, например: лит. *радио* — разг., в том числе сарт. *раад'оо*.

21. Метатеза. Наиболее распространенное явление перестановки звуков касается слов, оканчивающихся в лит. бурятском языке на краткий гласный, независимо от того, к какой части речи они относятся. Обычно краткий гласный передвигается вперед, а согласный соответственно переходит на конец. Однако нужно отметить, что при отсутствии последующего за словом аффикса особенно в языке молодежи такая перестановка замечается все реже. Здесь сказывается, видимо, влияние бурятского литературного языка. Примеры на метатезу (сарт. ГС — лит. СГ):² сарт. *болохдоо* — лит. *болоходоо* (дат. - м. п. возвр.-прит. скл. от слова *болохо* — делаться чем-либо); сарт. *ааримда* — лит. *аармида* (в армии); сарт. *болобгуй* — лит. *болбогуй* (не произошло); сарт. *ерэхдэн* — лит. *ерэхэдэн* (к приходу его); сарт. *араггүй* — лит. *аргагүй* (невозможно).

Изредка перестановка касается согласных: сартулы род табангутов называют *табагнууд* (Буд. 58, стр. 3) — лит. *табангууд* (*агн-анг*). Сочетание в лит. языке ССГ в сартульском в определенных случаях дает СГС: лит. *хдалаха* — сарт. *хадагалха* (хранить). Иногда метатеза касается самого корня слова. Например, слово *илаха* (победить) в сарт. говоре произносится как *алиха* в том же значении. Здесь имеет место

¹ См.: С. Ш. Чагдуров. Заметки о сартульском говоре. «Зап. НИИК». Вып. XI, стр. 160.

² В условных обозначениях: С — согласный, Г — гласный.

перестановка *ила* в *али*. В бож. говоре это слово начинается со среднего согласного *й*: *йалаха*. Стало быть, чередуются *ила//али//йала*.

Имеет место также, когда меняется местами согласные, сохраняя в середине гласный, т. е. по обеим сторонам гласного: причастие прошедшего времени *эцэсэн* (уставший) в исх. падеже произносится *эцэнэсээ* (Улад. 59, стр. 22) — лит. *эсээн/нээ*. Перестановка происходит внутри говора: сарт. *эцэсэн* в исх. пад. в сартульском же дает *эцэнэсээ:сэн//нэс*.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ САРТУЛЬСКОГО ГОВОРА

В морфологии сартульского говора находим интересное переплетение форм бурятского и монгольского языков. Именно в этом состоит грамматическое своеобразие исследуемого говора.

Что касается области словообразования, то здесь сартульский говор не имеет особых специфических черт.

В основном смешение наблюдается в системе формообразования, особенно в системе склонения.

Склонение именных частей речи (существительных, прилагательных, числительных)

Склонение сартульских имен имеет ряд специфических черт. Эта специфика заключается, с одной стороны, в появлении то монгольских, то бурятских формантов падежей, а с другой стороны, в появлении падежных окончаний, свойственных только сартульскому говору. Наиболее характерны в этом отношении образование родительного, винительного падежей. Наименее подвержены изменениям орудный, совместный падежи. Они почти по всем диалектам бурятского и монгольского языков оформляются одинаково.

Родительный падеж. Оформление родительного падежа в сартульском говоре имеет некоторое своеобразие, отличное и от современного монгольского языка, и от современного бурятского языка.

Наиболее универсальным аффиксом родительного падежа в сартульском говоре является *-ы* (*-ны*). В современном монгольском языке аффикс родительного падежа *-ы* употребляется только после основ, которые оканчиваются на устойчивый *н*, причем только в словах твердого ряда, например, *окутан* (студент) — род. п. *окутаны*; *дуун* (песня) — род. п. *дууны* и т. п. В бурятском литературном языке вообще отсутствует такой аффикс родительного падежа.

Аффикс *-ы* в качестве показателя родительного падежа в сартульском говоре употребляется:

1) после основ, оканчивающихся на *-н* (независимо от того, в словах твердого или мягкого рядов): *мазхан* (палатка) — род. п. *мазханы*, *дазн* (война) — род. п. *дазны*, *үүлэн* (облако) — род. п. *үүлэны*, *хэлэн* (язык) — род. п. *хэлэны*. В монгольском языке в словах мягкого ряда после основ, оканчивающихся на *-н*, употребляется аффикс *-ий*: *хүн* (человек) — род. п. *хүний*, *өвгөн* (старик) — род. п. *өвгөний*.

2) После основ, оканчивающихся на твердые согласные, также независимо от твердорядности или мягкорядности слов: *гол* (река) — род. п. *голы* (в монгольском — *голын*, в бурятском — *голой*); *цэцэг* (цветок) — род. п. *цэцэгы* (в монг. — *цэцэгийн*, в бур. — *сэсэгэй*); *гэр* (юрта) — род. п. *гэры* (в монг. — *гэрийн*, в бур. — *гэрэй*); *хабар* (весна) — род. п. *хабары* (в монг. — *хаврын*, в бур. — *хабарай*); *нутагууд* (родные места) — род. п. *нутагууды* (в монг. — *нутагуудын*, в бур. — *нутагуудай*). Как видно из примеров, в современном монгольском языке, когда основа

оканчивается на твердый согласный: в словах твердого ряда родительный падеж оформляется аффиксом *-ын*, в словах мягкого ряда аффиксом *-ийн*. В бурятском литературном языке, когда основа оканчивается на твердый согласный, родительный падеж принимает аффикс *-ай* (*-эй*, *-ой*).

3) После основ, оканчивающихся на дифтонг *уи* и долгий гласный, при этом между основой и аффиксом *-ы* вставляется соединительный согласный *-н*, например, *буу* (ружье) — род. п. *бууны*, *Лумбуи* (собственное имя) — род. п. *Лумбуины* (стр. 11, Буд. 58). Когда основа оканчивается на дифтонг *уи*, не всегда в род. п. бывает *-ны*, а может употребляться аффикс *-н*: *шугуи* (чаща) — род. п. *шугуин*. В монгольском языке, если основа оканчивается на долгий гласный, прибавляется в род. п. аффикс *-ийн* с соединительным согласным *-г*, а не *-н*: *буу* (ружье) — род. п. *буугийн*, *залаа* (кисть) — род. п. *залаагийн*. В бурятском языке в аналогичных позициях род. п. оформляется аффиксами *-гай* (*-гой*, *-гэй*): *буу* — *буугай*, *залаа* — *залаагай* и т. п.

4) После основ, оканчивающихся на заднеязычно-увулярный *н*, при этом между основой и аффиксом вставляется согласный *-г*: *ан* (зверь) — род. п. *ангы*, *дэн* (светильня) — род. п. *дэнгы* (в монг. — *ангийн*, *дэнгийн*; в бур. *ангай*, *дэнгэй*).

В качестве показателя родительного падежа в сартульском говоре выступает аффикс *-шин*, когда основа оканчивается на мягкий согласный или на краткий редуцированный *и*: *сургууль* (школа) — род. п. *сургуулиин*, *Хутли* (собственное имя) — род. п. *Хутлиин* (стр. 1, Буд. 58). В данном случае сартульский говор полностью совпадает с литературным бурятским языком, а также с монгольским (*-ийн*).

Характерной особенностью сартульского говора является то, что род. п. имеет двоякое оформление, когда основа оканчивается на краткий гласный, кроме *и*: *хада* (гора) — род. п. *хадын* (афф. *-ын*) и *хадны* (афф. *-ны*). В первом случае сартульский говор совпадает с монг. и бур. языками, а во втором — он отличается от этих языков.

Дательноместный падеж. Дательноместный падеж в говоре образуется путем прибавления к основе слов аффиксов *-да* (*-до*, *-дэ*, *-дө*) и *-та* (*-то*, *-тэ*, *-тө*). Стало быть, в данном случае исследуемый говор совпадает с современными монгольским и бурятским языками. Правда, и здесь наблюдается незначительная разница фонетического порядка. В монгольском языке конечные краткие гласные данных аффиксов подвергаются сильной редукции вплоть до полного исчезновения, в результате чего остаются только *-д* и *-т*: *бичиг* (письмо) — дат.-м. п. *бичигт*; *зам* (дорога) — дат.-м. п. *замд*, *самар* (орех) — дат.-м. п. *самарт*; *хүн* (человек) — дат.-м. п. *хүнд* и т. д. В бурятском же языке конечная редукция не является количественной, имеет место лишь качественная редукция, характеризующаяся ослаблением мускулов произносительных органов, поэтому конечные гласные сохраняются полностью. Что касается сартульского говора, то здесь наблюдается двоякое явление: в одних случаях, когда основа оканчивается на гласный или дифтонг, аффикс дат.-м. п. употребляется без конечного гласного: *хүдөө* (степь) — дат.-м. п. *хүдөөд*, *гахаэ* (свинья) — дат.-м. п. *гахаэд*; а когда основа оканчивается на согласный, тогда аффикс дат.-м. п. употребляется с гласным, но сильно редуцированным, занимая между бурятским и монгольским языками в какой-то мере промежуточное положение.

В редких случаях у сартулов употребляется аффикс *-нда* (*-ндо*): сарт. *хотондо* (стр. 1, Гарм. 59) — лит. *хотодо* (городу), сарт. *киноондо* — лит. *кинодо*. Аналогичное явление встречается в цонгольском гово-

ре: *хананда* (стене), *киноондо* (в кино)¹. Что касается заимствованного слова *киноо*, то аффикс *-ндо* в дат.-м. п. закрепился за ним очень прочно, но слово *хото* (город), как показала проверка, может находиться в дат.-м. п. и в форме *хотондо*, и в форме *хотод*, и даже в виде *хотодо*. Так же обстоит дело и с другими словами: *хананда*, *батиинканда* и т. д.

Винительный падеж. В этом падеже переплетается монгольское, бурятское, цонгольское и, наконец, собственно сартульское.

В сартульском говоре имеет место употребление аффикса *-ы* в винительном падеже, ввиду чего некоторые имена внешне совпадают с родительным падежом, который, как указывалось выше, в основном оформляется через аффикс *-ы*. В сартульском говоре образовался аффикс винительного падежа *-ы* в результате выпадения конечного *г* (ср. монгольский аффикс вин. п. *-ыг*, где сохранился этот конечный *г*); он (аффикс *-ы*) употребляется, когда основа оканчивается на краткий гласный или согласный, кроме заднего *н*; *маха* (мясо) — вин. п. *махы* (монг. — *махыг*, бур. — *мяхыг*); *хада* (гора) — вин. п. *хады* (монг. — *хадыг*, бур. — *хадые*); *баатарнууд* (богатыри) — вин. п. *баатарнууды* (монг. — *баатарнуудыг*, бур. — *баатарнуудые*); *ном* (книга) — вин. п. *номы* (монг. — *номыг*, бур. — *номые*); *хучэ* (сила) — вин. п., *хучы* (стр. 38, Улад. 59) и т. д. В этих случаях в цонгольском говоре употребляется аффикс *-ыги*: *малыги* — вин. п. от слова *мал* (скот), *ахыги* — вин. п. от слова *аха* (брат)².

Аффикс винительного падежа *-гы* употребляется в рассматриваемом говоре, когда основа слова оканчивается на долгий гласный или дифтонг: *джолоо* (поводья, вожжи) — вин. п. *джолоогы* (стр. 18, Гарм. 1959); *хүдзүү* (шея) — вин. п. *хүдзүүгы* (стр. 48, Сав. 59). В данном случае в монгольском языке употребляется аффикс *-г*, в цонгольском говоре — *-ги*, в бурятском литературном языке *-е*.

Слова, оканчивающиеся на устойчивый *н*, часто оформляются через аффикс *-ши* (долгий *ши*), например; *эдзэнши* — хозяйина (Улад. 59, стр. 33), *хүүхэнши* — девочки (Улад. 59, стр. 50, 59); наряду с формой *хүүхэнши* встречается иногда *хүүхы* (Улад. 59, стр. 61). Слова типа *хүн*, *хаан* в винительном падеже оформляются, как правило, так же, как и в бурятском литературном языке: *хаан* (царь) — вин. н. *хаанши* (*хааншийэ*); *хүн* (человек) — вин. п. *хүнши*. В этих словах при прибавлении аффикса вин. п. конечный *н* основы смягчается не в такой степени, в какой в бурятском литературном языке, и долгий *ши* является более открытым, но он не может быть отнесен к гласному смешанного ряда *ы*. Иногда на место этого *ши* употребляется звук, несколько огубленный³. Огубление начального гласного аффикса винительного падежа не носит постоянного характера.

Надо заметить, что аффикс винительного падежа *-ы* все интенсивнее начинает заменяться бурятским литературным *-ые*. Из беседы с учителями бурятского языка выясняется, что при обучении бурятскому языку учеников-сартулов усвоение аффиксов вин. п. не встречает каких-либо затруднений.

Так же как и в других монгольских языках и диалектах, в сартульском говоре имеет широкое употребление безаффиксальный винительный падеж. Вопрос о том, в каких случаях употребляется аффиксальный вин. п. и в каких — безаффиксальный, установить невозможно, потому

¹ См.: Э. Р. Раднаев. Заметки о цонгольском говоре. «Тр. БКНИИ». Вып. 3, Улан-Удэ, 1960, стр. 130.

² См.: там же, стр. 130.

³ См.: С. Ш. Чагдуров. Заметки о сартульском говоре. «Зап. БМНИИ». Вып. XI, Улан-Удэ, 1951, стр. 160.

что в текстах встречаются имена в вин. п. и с аффиксом, и без аффикса в абсолютно одинаковых контекстах и сочетаниях.

И с х о д н ы й п а д е ж. Оформление исходного падежа в сартульском говоре в основном совпадает с монгольским языком, он образуется посредством аффикса *-аас* (*-оос*, *-ээс*, *-өөс*), тогда как в бурятском языке аффиксом исх. п. является *-һаа* (*-һоо*, *-һээ*, *-һөө*). В исследуемом говоре, когда исх. п. обозначает переход от одного предмета или явления к другому, конечный *с* аффикса *-аас* выпадает, например: *Уликчинээ дунда сургвүлида назмадахи калаасаа арбадахи калаас хүрэтэр сурааб* (стр. 69, Сав. 59) (Я учился в улечинской средней школе с восьмого по десятый класс); *Энэ аэлаа тэрэ аэл хүрэтэр...* (от этого дома до того дома...), *учараа* — от случая (стр. 38, Улад. 59.); *эцэнэсээ* — от усталости (стр. 22, Улад. 59)¹. Между прочим, такое явление встречается и в других бурятских диалектах, в которых нередко выпадает начальный *һ* аффикса *-һаа*.

Когда основа оканчивается на долгий гласный или дифтонг, а также на неустойчивый *н*, в современном монгольском языке в исходном падеже между аффиксом и основой вставляется в основном *г* и лишь иногда *н*, а в сартульском говоре, как правило, вставляется звук *н*; *сүү* (молоко) — исх. п. *сүүнээс*; *бороо* (дождь) — исх. п. *борооноос*. Соединительный *г* обнаружен в послелогое *тээгээс*: *баруун тээгээс* (с запада) — ср. лит. *тээһээ* (Гарм. 58, стр. 19).

И м е н и т е л ь н ы й п а д е ж имен существительных, прилагательных и числительных в сартульском говоре не имеет особых синтаксических показателей. Изредка наблюдается отклонение следующего порядка, когда *а* основе слов типа *киноо* (кино), *даха* (доха), *хана* (стена), *марлин* — марля (стр. 56, Гарм. 59) прибавляется дополнительный аффикс *-н*: *киноон*, *дахан*. В им. п. *н* прибавляется не всегда, но зато в дат. -м. падеже (см. выше), как правило, прибавляется дополнительный *н*: *киноондо*, *хананда*, *хотондо*, *батиинканда*. *Н* прибавляется обычно к основе, состоящей из двух или одного слога, исключение составляют заимствованные слова *батиинкан* — ботинки (Гарм. 59, стр. 46), *карточкан дээр* — на карточке (Токт. 57, отчет).

Имена с твердыми окончаниями, т. е. оканчивающиеся на согласные, кроме неустойчивого *н*, и на долгие гласные, в имен. пад. оформляются так же, как в современном монгольском и бурятском языках. В сартульском говоре, неустойчивый *н* выпадает, краткие же гласные окончания то сохраняются, как в бурятском языке, то выпадают, как в современном монгольском языке.

Слово *хул* (нога) в сартульском говоре в именительном падеже имеет мягкое окончание и звучит как *хуль*. Кроме того, следует отметить такую тенденцию, когда слова, оканчивающиеся на согласный в других говорах, в сартульском принимают в конце краткий или редуцированный гласный, а слова, оканчивающиеся на краткий гласный, наоборот, теряют этот гласный: лит. *үдэр*—сарт. *үдэрэ* (день); лит. *нэрэ*—сарт. *нэр* (имя) и т. п.

О р у д н ы й п а д е ж. Аффиксами этого падежа являются: 1) *-аар* (*-оор*, *-ээр*, *-өөр*), если основа оканчивается на краткий гласный или на любой согласный, кроме неустойчивого *н*: *сам* (расческа) — оруд. п. *самаар*; *эхэ* (мать) — оруд. п. *эхээр*; *хубилгаан* (оборотень) — оруд. п. *хубилгаанаар*; *дзам* (путь) — оруд. п. *дзамаар*; *мори* (лошадь) — оруд. п. *мор'оор*; 2) *-гаар* (*-гоор*, *-гөөр*, *-гээр*), если основа оканчивается на неустойчивый *н* или на долгий гласный и дифтонг: *ан* (зверь) — оруд. п. *ангаар*; *дэн* (све-

¹ В последнем примере имеет место метатеза слогов: должно быть *эцэсэнээс*, а стало *эцэнэсээ* (с).

ча) — оруд. п. *дэнгээр*; *хүдөө* (степь) — оруд. п. *хүдөөгөөр*, *далаз* (море) — оруд. п. *далазгаар*.

Совместный падеж не только по своей функции, но и по форме совпадает в бурятских диалектах и современном монгольском языке. Правда, в цонгольском говоре совм. п. имеет аффикс *-ты*, и лишь иногда имена в совм. п. могут произноситься с окончанием *-таэ* (*-тоэ*, *-тээ*)¹. В сартульском говоре тоже встречается употребление аффикса *-ты* в совм. п., но это не является характерным для носителей данного говора и носит спорадический характер. Закономерным для сартульского говора аффиксом совм. п. является *-таэ* (*-тоэ*, *-тээ*, *-төө*): *аба* (отец) — совм. п. *абатаэ*; *цэрэг* (армия) — совм. п. *цэрэгтээ*; *хорхоэ* (червь) — совм. п. *хорхоэтоэ*.

О так называемом направительном падеже и падеже предела. Касаясь вопроса склонения в монгольских языках, можно говорить в какой-то мере о так называемом направительном падеже с аффиксом *-руу* (*-рүү*) и о падеже предела с аффиксом *-цаа* (*-цоо*, *-цөө*, *-цээ*). Примеры: *усаруу* (в воду), *сүүрүү* (в молоко), *тархируу* (в голову), *дзүрхэрүү* (в сердце); *үвдэгцөө* (по колену), *хоолоэцоо* (по горло) и т. д.

Эти падежи Г. Д. Санжеев называет падежами ограниченного пространства, так как они «образуются только от основ определенной группы слов, по своему лексическому значению допускающих такое образование. Подобного рода образования иногда, может быть, не без основания относятся к явлениям словообразования; во всяком случае они лежат на грани между словообразованием и словоизменением, т. е. между лексикой и грамматикой»².

Слова с аффиксом *-цаа* (*-цоо*, *-цээ*, *-цөө*) в сартульском говоре встречаются редко. Г. Д. Санжеев приводит примеры на слова, по своему значению могущие определять высоту, например: *гэрца* (высотой до юрты), *нохэца* (высотой до собаки) и т. д. Но эти слова в сартульском говоре не принимают аффикс падежа предела. В данном говоре этот аффикс может употребляться со значением определения уровня или высоты чего-либо только относительно к частям тела человека или животных. Что касается так называемого направительного падежа, то он в сартульском говоре имеет более широкое употребление. Г. Д. Санжеев пишет, что этот «падеж» употребляется от некоторых слов, в основном имеющих топографическое значение»³. Далее автор отмечает, что более широкое употребление он имеет в ордосском диалекте и приводит с аффиксом так называемого направительного падежа такие слова, как *толого* (голова), *гэр* (юрта), *чā* (чай)⁴ и др. Все эти слова в сартульском говоре тоже могут принимать аффиксы *-руу* (*-рүү*): *толгоэруу* (в голову), *гэррүү* (в юрту), *цаэруу* (в чай) и т. д.

Некоторые исследователи монгольских языков относят к категории падежных аффиксов в бурятском языке послелог *соо* < *досоо*. А. Д. Руднев называет этот «падеж» — *Inessivus-illativus* с аффиксом *-соо*⁵. Он имеет место и в сартульском говоре: *оэсоо* (в лесу), *гэрсоо* (в доме), *махансоо* (в мясе) и т. д. Как видно из примеров, гласный аффикса *-соо* не подвергается гармонии гласных. В отношении бурятского *-соо*

¹ См.: Э. Р. Раднаев. Указ. соч., стр. 130.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 175.

³ Там же.

⁴ См. там же.

⁵ См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор. Пг., 1913—1914, стр. X.

Г. И. Рамстедт пишет следующее: «Бурятское «инессивное окончание» — есть результат специфически монгольского хода развития монгольского слова * *doṣa...* (ср. калм. *doṣa*); так, например, *ger-dōsa* «внутри дома», в результате фонетического развития превратилось в современное *gerṣo* «в доме». Возникший таким путем аффикс и поныне не подчиняется законам гармонии гласных. От него приняты падежные образования, например, *gerṣoḥo* «из внутренней части дома», *gerṣoyūḥ* «через внутреннюю часть дома, по всему дому»¹.

Следует заметить, что *соо* в бурятском литературном языке употребляется значительно чаще, чем в сартульском говоре. Часто лит. *соо* в сарт. заменяется послелогом *дотор*: *гэр дотор* (в доме), но в значении *в лесу* нельзя сказать *оэ дотор*, а надо — *оэ соо*.

Рассмотренный тип склонения является простым склонением. Кроме того, в сартульском говоре, как и в литературном бурятском языке, имеют место возвратно-притяжательное и лично-притяжательное склонения. Более того, в сартульском говоре, как, впрочем, и в других монгольских языках и диалектах, имеет место двойное склонение, когда к основе присоединяются сразу аффиксы двух падежей друг за другом. Но не все падежи могут составлять друг с другом двойное склонение. В сартульском говоре встречается следующая комбинация падежей:

1) родительный + дательный: *Цэрэнжаб* (собств. имя) — род. п. *Цэрэнжабы* + дат.-м. п. *Цэрэнжабында*; *ава* (отец) — род. п. *авын* + дат.-м. п. *авында*; *эджы* (мать) — род. п. *эджын* + дат.-м. п. *эджындэ*. При двойном склонении первый аффикс (в данном случае аффикс род. п. *-ын*) выполняет несколько иную роль, чем в простом склонении. Д. Д. Амоголонов его роль относит даже к словообразовательной². Предложение *Авында байна* означает не *У отца находится, а в доме* (или на квартире) *отца находится*. Род. п. выполняет более широкую функцию, указывая на местонахождение.

2) Родительный + исходный: род. п. *авын* + исх. п. *авынаас* (из дома отца); род. п. *эджын* + исх. п. *эджынээс* (из дома матери). Значение род. п. такое же, как и в первом случае. В литературном бурятском языке при удвоении родительного и исходного падежей между ними часто ставится аффикс *-хи*: *ахын + хи + хаа* (из дома брата). Этого не наблюдается в исследуемом говоре.

3) Совместный + орудный: совм. п. *амджилтатаэ* (с успехом, успешный) + оруд. п. *амджилтатаэгаар* (успешно); совм. п. *аюултаэ* (опасный) + оруд. п. *аюултаэгаар* (опасно); совм. п. *хучитээ* (с силой, сильный) + оруд. п. *хучитээгээр* (сильно) и др. Совместно-орудный падеж, как пишет Г. Д. Санжеев, образует обстоятельство образа действия или состояния³.

4) Совместный + винительный: совм. п. *мачинатаэ* + вин. п. *мачинатаэ* (с машиной); совм. п. *аватаэ* (с отцом) + вин. п. *аватаэ* (его вместе с отцом).

5) Дательный + исходный. Как и в бурятском литературном языке, в исследуемом говоре зафиксировано только *гэртээс*: дат. п. *гэртэ* (в доме) + исх. п. *гэртээс* (из дома), ср. лит. *гэртэхээ* в том же значении.

При лично-притяжательном склонении к падежным формам прибавляется сокращенная форма личных местоимений в

¹ Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 56.

² См.: Д. Д. Амоголонов. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958, стр. 142.

³ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, стр. 172.

родительном падеже: в 1-м лице ед. ч. — *мэнь*¹ или *-м*, мн. ч. — *мнаэ*; во 2-м лице ед. ч. — *чэнь*¹ или *-ч*, мн. ч. — *тнаэ*; в 3-м лице ед. ч. — *нь*, мн. ч. — *нь*.

В сартульском говоре притяжательные аффиксы 1-го и 2-го лица ед. ч. в основном совпадают с таковыми монгольского языка, а во мн. ч., наоборот, приближаются к аффиксам бурятского литературного языка. Если слово оканчивается на согласный, то в первом лице ед. ч. или произносят *мэнь*, то есть почти как в монг. языке, или просто — *-м*, при этом после конечного согласного слова вставляется гласный, например: *идзагуур* (род, происхождение) — *идзагуурам* (Буд. 58, стр. 1), ср. лит. *изагуурни*; *цэдхэл* (чувство) — *цэдхэлэм* (Улад. 59, стр. 58), ср. лит. *сэдхэлни*. Соединительный гласный вставляется также в исходном и орудном падежах при прибавлении аффикса личного притяжания 3-го лица: *талаас* — исх. п. от слова *тала* (простор), в 3-м лице в лично-притяжательном склонении будет *талаасань* (стр. 60, Гарм. 59); *бээнэс* — исх. п. от слова *бэе* (тело), в 3-м лице лично-притяжательного склонения будет *бээнээсэнь* (Сав. 59, стр. 48), а также от слова *хойно* (сзади) — *хойносонь* (Гарм. 59, стр. 26), от слова *өөрөө* (сам) — *өөрөөсэнь* (Гарм. 58, стр. 24).

Аффиксы возвратно-притяжательного склонения в отличие от лично-притяжательного прибавляются только к именам в косвенных падежах.

В родительном падеже при возвратном, то есть безличном притяжании, прибавляется аффикс *-гаа* (*-гоо*, *-гээ*, *-гөө*). Здесь сартульский говор совпадает с бурятским литературным языком. В современном же монгольском языке аффиксом возвратного притяжания в род. п. является *-хаа* (*-хоо*, *-хээ*, *-хөө*). Выше говорилось, что сартульские имена в род. п. в основном оканчиваются на гласные высокого подъема *-ы*, например, *цэрэгы* (армии), и когда к ним прибавляется аффикс возвратного притяжания, между двумя аффиксами восстанавливается *н*: *цэрэгынгээ*, соответственно — *шэлынгээ* (бутылки своей), *хадынгаа* (горы своей), *моринынгоо* (коня своего), *тэргынгээ* (телеги своей), а когда аффикс род. п. *-ны*, тогда соединительный *н* отсутствует: *цамцаны* — *цамцаныгаа* (рубашки своей).

В дательном-местном и орудном падежах прибавляется долгий гласный *-аа* (*-оо*, *-ээ*, *-өө*), подобно халха-монгольскому и бурятскому языкам: дат.-м. п. — *баатартаа* (богатырю своему) или *баатарнуудтаа* (богатырям своим), оруд. п. — *мор'оороо* (конем своим), *хүбүүдээрээ* (ребятами своими).

В исходном падеже возвратное склонение сартульского говора совпадает полностью с монгольским возвратным склонением, также прибавляется долгий *-аа* (*-оо*, *-ээ*, *-өө*), например, *шэб'аасаа* — от ученика своего (стр. 28, Гарм. 58). В бурятском же языке здесь прибавляется просто заднеязычный *н*: *шабиһаан* (от ученика своего), *гэрһээн* (из дома своего), *номһоон* (от книги своей) и т. д.

В совместном падеже сартульское возвратное склонение тоже совпадает с монгольским и бурятским, т. е. к форманту совм. п. прибавляется *-гаа* (*-гоо*, *-гээ*, *-гөө*): *эцэгтээгээ* — с отцом своим (стр. 28, Буд. 58), *цэрэгтээгээ* — с войском своим (стр. 43, Сав. 59), *абатаггаа* — с отцом своим (стр. 76, Сав. 59).

В винительном падеже сартульское возвратное склонение имеет некоторые особенности. Слова, оканчивающиеся на краткий гласный в вин. п., выглядят следующим образом: *ара* (северная сторона) — *арыгаа*

¹ В отличие от монгольского *минь*, *чинь*.

(северную свою сторону. — Стр. 38, Гарм. 59); *шэлэ* (хребет) — *шэлыгээ* (хребет свой. — Стр. 38, Гарм. 59); *хада* (гора) — *хадыгаа* (гору свою — Стр. 37, Гарм. 59). А слова, оканчивающиеся на согласный, совпадают с монг. и бур.: *ном* (книга) — *номоо* (книгу свою — Стр. 24, Сав. 59); *мал* (скот) — *малаа* (скот свой). Слово *парохоод* в вин. п. возвр. скл. звучит как *парохоосоо*, иначе говоря, конечный *д* переходит в *с*. Интересно отметить, что это слово в боханском говоре бурятского языка звучит как *парохооһоо*.

Причастия будущего времени на *-ха* при возвратно-притяжательном склонении вин. п. в бурятском литературном языке выглядят так: *ябаха* (ходить) — *ябахаяа* (для того чтобы ходить), *хэхэ* (делать) — *хэхэээ* (чтобы сделать), а в сарт. говоре: *ябаха* — *ябахыгаа* (Гарм. 59, стр. 5), *хиихэ* — *хиихыгээ* (Буд. 58, стр. 13), то есть склоняется так же, как и имена, оканчивающиеся на краткий гласный.

В сартульском говоре имена существительные, прилагательные и числительные имеют одинаковые падежные аффиксы. Склонение этих имен во множественном числе тоже не имеет специфических особенностей. Поэтому выделять специальные разделы по склонению имен прилагательных и числительных нет необходимости. А что касается местоимений, то они имеют свои особенности, о чем ниже будет сказано.

Выше приводились примеры в основном на склонение имен существительных. В парадигмах будут приведены не только существительные, но и прилагательные и числительные.

Простое склонение

Им. *гэр* (дом), *түргэн* (быстрый), *дзургаан* (шесть)
род. *гэры* (дома), *түргэны* (быстрого), *дзургааны* (шести)
дат.-м. *гэртэ* (дому), *түргэндэ* (быстрому), *дзургаанда* (шести)
вин. *гэры* (дом), *түргые* (быстрого), *дзургааны* (шесть)
ор. *гэрээр* (домом), *түргээр* (быстро), *дзургаанаар* (шестью)
совм. *гэртээ* (с домом), *түргэнтээ* (с быстрым), *дзургаантаэ* (с шестью)
исх. *гэрээс* (из дому), *түргэнээс* (от быстрого), *дзургаанаас* (от шести)

Лично-притяжательное склонение

Им. *гэрэм*//*гэр мэнь* (дом мой)
род. *гэрым*//*гэры мэнь* (дома моего)
дат.-м. *гэртэм*//*гэртэ мэнь* (дому моему)
вин. *гэрым*//*гэры мэнь* (дом мой)
ор. *гэрээрэм*//*гэрээр мэнь* (домом моим)
совм. *гэртээм*//*гэртээ мэнь* (с домом моим)
исх. *гэрээсэм*//*гэрээс мэнь* (от дома моего)

Возвратное склонение

Им. *дзургаан* (шесть)
род. *дзургааныгаа* (шести своих)
дат.-м. *дзургаандаа* (к шести своим)
вин. *дзургаанаа* (шесть своих)
ор. *дзургаагаараа* (шестью своими)
совм. *дзургаантаэгаа* (с шестью своими)
исх. *дзургаанаасаа* (от шести своих)

Множественное число

Форманты множественного числа в сартульском говоре в основном совпадают с формантами множественного числа монгольского и бурятского литературных языков. К таким формантам относятся: 1) *-ууд* (-үүд): *нутагууд* — местности (стр. 19, Гарм. 58), *цэрэгүүд* — войска (стр. 62, Сав. 59), *хүнүүд* — люди (стр. 24, Буд. 58); 2) *-нууд* (-нүүд): *баатарнууд* — богатыри (стр. 44, Сав. 59), *гадзарнууд* — земли (стр. 1, Буд. 58.), *хаданууд* — сопки (стр. 56, Буд. 58), *ууланууд* — горы (стр. 57, Буд. 58); 3) *-д*: *хүбүүд* — сыновья (стр. 78, Сав. 59), *ноёд* — начальство (стр. 15, Буд. 58), *чулууд* — камни (стр. 26, Улад. 59), *нохөд* — собаки (стр. 21, Улад. 59); 4) *-нар* (-нэр, -нор): *аханар* — старшие братья (стр. 42, Буд. 58), *ламнар* — ламы (стр. 32, Буд. 58), *таэжанар* — тайжи (стр. 19, Буд. 58). Этот аффикс присоединяется к словам, обозначающим людей, их профессию, родство и т. д. В современной орфографии монгольского языка этот показатель мн. ч. пишется отдельно и только в форме *нар*.

В бурятском языке вместо *-нар* чаще стал употребляться аффикс *-над*, который, как пишет Г. Д. Санжеев, представляет собою контаминацию суффиксов *-нар* и *-д*¹. Такая тенденция не обнаружена в исследуемом говоре.

Иногда в косвенных падежах имен встречается аффикс *-с* в качестве показателя множественного числа. Например, слово *үвгөн* (старик) в родительном падеже мн. ч. встречается в форме *үвгэсы*. Здесь имеет место чередование *д/с*. Однако аффикс *-с* в им. п. в качестве показателя множественного числа в сартульском говоре в отличие от халхаского языка не употребляется, а встречается только в косвенном падеже и в интервокальном положении: *буряасы* (бурят), *хагасы* (половину), *эрдэ-нисын* (драгоценности. — Стр. 41, Улад. 59) и т. д.

Словообразовательные аффиксы *-тан* (-тон, -тэн), *-чуул* (-чүүл) образуют имена только во множественном числе, например: *улаантан* (красные), *багачуул* (дети).

Местоимение

Разряды сартульских местоимений такие же, как и бурятские. Личные: *би* (я), *чи/ши* (ты), *бэди* (мы), *та* (вы), *тэрэ* (он и тот), *тэдэ* (они и те). Указательные: *энэ* (этот), *эдэ* (эти), *тэрэ* (тот), *тэдэ* (те), *шимэ/ымэ* (такой), *тиимэ/тымэ* (такой), *эды* (столько), *тэды* (столько). Вопросительные: *хэн* (кто), *юун*, *юу* (что), *ямар* (какой), *али* (который). Обобщительные: *бүгэд*, *булта*, *хуу*, *бүхы* — (все). Выделительные: *бэшиэ*, *ондоо*, *бусад* — (другой, иной).

Изменение местоимений по падежам в сартульском говоре более близко к монгольскому склонению, чем к бурятскому. Ниже приводятся образцы склонений некоторых сартульских местоимений.

Склонение личных местоимений

Единственное число

Им. <i>би</i> (близкое к <i>бы</i> — я)	<i>чи</i> (ты)
род. <i>мэн'ии/мэны</i> (меня, мой)	<i>чэн'ий/чэны</i> (тебя, твой)
дат.-м. <i>нада/надад</i> (мне)	<i>чамада/чамад</i> (тебе)

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I, М., 1953, стр. 132.

вин. *намы//намаэй* (мне)
ор. *надаар* (мною)
совм. *надтаэ* (со мной)
исх. *надаас* (от меня)

чамы//чамаэй (тебе)
чамаар (тобою)
чамтаэ (с тобой)
чамаас (от тебя)

Множественное число

Им. <i>бэд'и//бэдэ</i> (мы)	<i>таа</i> (вы)
род. <i>бэдны//бэд'ины</i> (нас, наши)	<i>таны//танаэ</i> (вас, ваши)
дат.-м. <i>бэдэндэ//бэд'индэ</i> (нам)	<i>танда</i> (вам)
вин. <i>бэдны//бэд'иный</i> (нас)	<i>таны//таный</i> (вас)
ор. <i>бэднээр//бэд'инээр</i> (с нами)	<i>танаар</i> (вами)
совм. <i>бэдэнтээ//бэд'интээ</i> (с нами)	<i>тантаэ</i> (с вами)
исх. <i>бэднээс//бэд'инээс</i> (от нас)	<i>танаас</i> (от вас)

Склонение указательных местоимений

Им. <i>тэрэ</i> (тот, то, та)	<i>тэдэ</i> (те)
род. <i>тэрны//тэрээны</i> (того, той)	<i>тэдны</i> (тех)
дат.-м. <i>тэрэндэ</i> (тому, той)	<i>тэдэндэ</i> (тем)
вин. <i>тэрны//тэрный</i> (тот, то, ту)	<i>тэдны//тэдный</i> (те)
ор. <i>тэрэнээр</i> (тем, той)	<i>тэднээр</i> (теми)
совм. <i>тэрэнтээ</i> (с тем, с той)	<i>тэдэнтээ</i> (с теми)
исх. <i>тэрэнээс</i> (от того, от той)	<i>тэдэнээс</i> (от тех)

Им. *энэ* (этот, это, эта)
род. *энны//энээны* (этого, этой)
дат.-м. *энэндэ* (этому, этой)
вин. *энны//энный* (этот, это, эту)
ор. *энэнээр* (этим, этой)
совм. *энэнтээ//энэнтээ* (с этим, с этой)
исх. *энэнээс//энэнээс* (от этого, от этой)

Склонение вопросительных местоимений

Им. <i>хэн</i> (кто)	<i>йүүн//йүү</i> (что)
Род. <i>хэны</i> (чей)	<i>йүүны</i> (чего)
Д.-м. <i>хэндэ</i> (кому)	<i>йүүндэ</i> (чему)
Вин. <i>хэны//хэный</i> (кто)	<i>йүү</i> (что)
Ор. <i>хэнээр</i> (кем)	<i>йүүнээр//йүүгээр</i> (чем)
Совм. <i>хэнтээ</i> (с кем)	<i>йүүтээ</i> (с чем)
Исх. <i>хэнээс</i> (от кого)	<i>йүүнээс</i> (от чего)

Склонение других местоимений приблизительно совпадает с приведенными выше парадигмами склонений.

Следует отметить, что личное местоимение 2-го лица ед. ч. *чи* (ты) в сартульском говоре иногда произносится как и в бурятском литературном языке как *ши*: *шэниингээ* (стр. 42, Гарм. 59). Личное местоимение 1-го лица мн. ч. имеет двойное звучание: *бэди* и *бэдэ* (мы).

Указательные местоимения *энэ* (этот) и *тэрэ* (тот) в косвенных падежах в монгольском языке принимают другие основы: им. п. — *энэ*, *тэрэ*, но род. п. — *үүний*, *түүний*, дат. м. п. — *үүнд*, *түүнд* и т. д. В сартульском говоре этого не замечено. Здесь он больше примыкает к литературному бурятскому языку. Характерно, что такое изменение основы указательного местоимения в монгольском языке происходит только в ед. ч., а во мн. ч. склоняется без изменения: им. п. — *эд* (эти), *тэд* (те), род. п. — *эдний*, *тэдний*, дат.-м. п. — *эдэнд*, *тэдэнд* и т. д.

Числительные

Об именах числительных в алтайских языках Г. И. Рамstedт писал следующее: «В то время как родство числительных в языках других языковых семей, например индоевропейской, легко распознается и тем самым служит явным свидетельством взаимосвязанности соответствующих языков, *алтайские языки* (курсив мой. — И. Б.) обнаруживают в числительных крайне незначительное количество общих черт, и даже в близкородственных языках они зачастую полностью отличаются друг от друга». В подтверждение этого тезиса Г. Рамstedт приводит множество весьма показательных примеров из группы тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских и других языков, где числительные резко различаются.

Что же касается некоторых совпадений типа монг., тунг. *mingan* (тысяча), тюрк., монг., тунг. *tūman* (десять тысяч) и т. д., как правильно отмечает Г. Рамstedт, они не могут «являться общим праязыковым достоянием», потому что они «слишком уж сходны друг с другом, они должны рассматриваться как языковое достояние довольно позднего происхождения, а в отдельных случаях — как заимствования»¹. Таким образом, на примере числительных не видно так называемой алтайской общности. Разумеется, совершенно иначе обстоит дело внутри монгольских языков, в них употребляются по существу одни и те же числительные. Некоторые незначительные расхождения касаются фонетических сторон. Так, например, имеет место выпадение конечного *n*, чередование *й//ж//дж*; *й//з//дз* и другие.

В сартульском говоре, как правило, отпадает конечный *n*: лит.

арбан — сарт. *арав//арва*; лит *нэгэн* — сарт. *нэг//нэгэ* и т. д. Числительное *шесть*: по-лит. *зургаан*, по-сарт. *дзургаа*, по-бох. *йоргоон*; *шестьдесят*: по-лит. *жаран*, по-сарт. *джара*, по-бох. *йорон* и т. д.

Сартульские имена числительные располагают всеми разрядами, какие имеются в бурятском литературном и современном монгольском языках: количественные, собирательные, порядковые, дробные. Все разряды образуются путем прибавления соответствующих аффиксов от количественных числительных. В монгольском языке порядковые числительные образуются наряду с *-дахь* еще при помощи старо-письменного аффикса *-дугаар*: *хойор дугаар* (второй). В сартульском же говоре этот аффикс уже не употребляется, порядковые числительные, как и в бурятском языке, образуются только при помощи *-дахи*: *хойор* (два) — *хойордохи* (второй), *гурва* (три) — *гурвадахи* (третий) и т. п.

Количественные числительные сартульского говора, как уже говорилось, такие же, как и в других монгольских языках:

1 — нэг,	8 — наэма,	15 — арван тава,
2 — хойор,	9 — йүсэ,	16 — арван дзургаа,
3 — гурав,	10 — арав,	17 — арван долоо,
4 — дүрэв,	11 — арва нэгэ,	18 — арва наэма,
5 — тава,	12 — арван хойор,	19 — арван йүсэ,
6 — дзургаа,	13 — арван гурав,	20 — хори;
7 — долоо,	14 — арван дүрэв,	
30 — гучи,		80 — найа
40 — дүчэ,		90 — йэрэ
50 — тави,		100 — дзуу
60 — джара,		1 000 — мянга
70 — дала,		и т. д.

¹ Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 64 и 67.

Если за числительным, оканчивающимся на неустойчивый *н*, следует имя с начальным согласным, кроме *н*, то конечный *н* числительного восстанавливается: *наэман гэр* (восемь юрт), *арван хүн* (десять человек).

Склонение числительных не отличается от склонения других именных частей речи.

Отдельные замечания по глаголу

1. В сартульском говоре повелительная форма 2-го лица совпадает с вопросительной формой: глагол *үгэ* «дать» в форме *үгөөч* означает (отдай! отдал ли?) Пример: 1) *Хулихым аваад үгөөч* (Вытащи серу из моих ушей), букв. «дай вытащив серу мою» (стр. 24, Сав. 59); 2) *Батад ном үгөөч?* (Отдал ли ты Бате книгу?)

Но не всегда глаголы совпадают полностью, например: 1) *Ном ханаас аваач?* — Откуда взял книгу? (стр. 24, Сав. 59); 2) *Энэ ном авч!* — Возьми эту книгу! *Үгөөч* = *үгьши* — отдай! (стр. 41. Улад. 59.) *Хүргөөч* = *хүргөө гүй?* — доставил ли? (стр. 42. Улад. 59). *Хэлээч* < *хэлыш* — скажи! (стр. 20. Улад. 59).

Расхождение в основе типа *авч* и *аваач* объясняется, по мнению С. Ш. Чагдурова, омонимией. Здесь наличествует омонимическое отталивание, потому что глагол *абаха* (взять, брать) в повелительной форме как *аваач* совпадает с повелительной формой глагола *аваачих* (уносить). Язык, избегая такого совпадения, дает форму для первого глагола *авч*.

2. Утвердительная частица *сэн* в сартульском говоре превратилась в аффикс, который присоединяется к глаголу и образует прошедшее время с оттенком утвердительности: *гэгсэн* < *гээсэн* — говорил (стр. 58, Улад. 59), *уулдзаасам* < *уулдзаасэн би* — встретился я (стр. 58, Улад. 59). Этот *сэн* совпадает по звучанию с аффиксом причастия прошедшего времени, но они отличаются друг от друга тем, что аффикс причастия присоединяется к основе глагола, а другой аффикс присоединяется только к форме прошедшего времени на *-аа*, причастия на *-даг*.

Частица *-сан* (*-сэн*, *-сон*), которая является глагольной связкой, образовалась от формы причастия прошедшего времени от мертвого глагола *аху* (быть), от которого причастие будущего времени будет *асан* > *сан* // *нан*.

3. Глагол *хэ* (делать) в сартульском говоре произносится как *хиц*: *аджал хицхэ* (работать). В записях, произведенных в селе Н-Бургултай, часто встречается наряду с *хицхэ* еще форма *сицхэ*, чего нет в монгольском языке, где этот глагол звучит так же, как и в сартульском говоре, — *хицхэ*.

4. Деепричастие. Соединительное деепричастие в сартульском говоре имеет два форманта в зависимости от окончания основы. Если основа оканчивается на гласный, то соед. деепр. оформляется через аффикс — аффрикату *-дж* (или *-джа*): *мэдэдж* — зная (стр. 19, Гарм. 58), *болоджо* — делаясь (стр. 53, Сав. 59), *бэлэдхэджэ* — готова (стр. 26, Гарм. 58), *тыгэджэ* — так делая (стр. 43, Сав. 59), *сууджа* — сидя (стр. 56, Сав. 59), *хиидж* — делая (стр. 20, Гарм. 58). Если основа оканчивается на согласный, то для образования соед. дееприч. употребляется аффикс *-и*: *йэрч* — приходя (стр. 20., Гарм. 58), *гарч* — выходя (стр. 20, Гарм., 58).

Такое распределение аффиксов в сартульском говоре не является обязательным. Встречаются слова, когда глаголы с согласным окончанием принимают аффикс *-дж*, например, *бүглэрджэ* — задыхаясь (стр. 61, Сав. 59). Здесь опять-таки сказывается влияние бурятского литера-

турного языка, где соединительное деепричастие оформляется исключительно через *-жа* (*-жо*, *-жэ*), независимо от окончания основы. Двойное оформление через аффрикат *-дж* и *-ч* является характерным для современного монгольского языка.

Деепричастие предела в сартульском говоре имеет тройное оформление. Как известно, в монгольском языке это деепричастие оформляется через аффикс *-тал*, в бурятском языке — через аффикс *-тар*, в цонгольском говоре наряду с *-тар* употребляется еще аффикс *-сар*¹. Все эти три формы имеют место в сартульском говоре. Наиболее распространенным является общебурятский вариант *-тар*: *болотор* (пока становился), *очитор* (пока уходит), *явтар* (пока шел) и др. Редко встречается аффикс *-тал*: *оротол* (пока входил), *харатал* (пока видел). Здесь, вероятно, имеет место диссимилиация аффиксального *р*. Но, как показала проверка, сартулы не всегда дают *-тал*, когда в основе глагола имеется звук *р*, а могут, например, сказать *и оротор*. Аффикс *-сар* употребляется довольно часто, он почти свободно чередуется с аффиксом *-тар*: *бэзтар//базсар* (пока стоял), *хэбтэтэр//хэбтэсэр* (пока лежал) и т. д. В боханском говоре это деепричастие оформляется исключительно через аффикс *-сар* (*-сор*, *-сэр*, *-сөр*).

5. Глаголы прошедшего времени в изъявительном наклонении, в отличие от бурятского литературного языка, в сартульском говоре образуются при помощи суффиксов *-лаэ* (*-лоэ*, *-лээ*): *явлаэ* (пошел), *очилоэ* (сходил), *ерлээ* (пришел) и др. В литературном бурятском языке этой формы нет, в нем имеется утвердительная частица *бэлэй*, происшедшая от вспомогательного глагола *бэ* (быть)². По свидетельству Ц. Б. Будаева и Э. Р. Радиаева, глаголы с суффиксом *-лаэ* довольно часто употребляются в цонгольском говоре.

Суффикс *-лаэ* соответствует старописьменному *-luqai*, *-lugei*. В современном монгольском языке этот аффикс дал *-лаа* (*-лээ*, *-лоо*, *-лөө*) и является показателем недавнопрошедшего времени изъявит. накл. глагола³. Примеры: *итглээ* (доверил), *бослоо* (встал), *орлоо* (вошел), *чадлаа* (сумел), *өглөө* (дал) и др. В калмыцком языке эта форма представлена в виде *л*+долгий *-а*: (*-о*-, *-э*), т. е. гласный аффикса является монофтонгом, развившимся от дифтонгов *ai*, *ei*, *oi*⁴. Таким образом, более близким к старописьменному монгольскому варианту является нынешнее сартульское оформление данного аффикса.

6. О сложной глагольной основе. В сартульском говоре распространено общебурятское образование сложной глагольной основы путем соединения двух изначально самостоятельных глаголов, где первый глагол является основным, сохраняет свое значение, а второй глагол подвергается усечению, теряет свое первоначальное значение и выполняет вспомогательную роль.

В сартульском говоре имеет широкое распространение образование сложной глагольной основы путем слияния соединительного деепричастия и вспомогательного глагола *баз-* (быть); *ябадьжаэгаа* — ходил (стр. 51, 58, Улад. 59), *больджазгаа* — происходил (стр. 14, Гарм. 59). Очень распространенным является также присоединение к основе глагола вспомогательного глагола *очи* (пойти): *уначоо* — упал (стр. 62, Сав. 59),

¹ См.: Д. Д. Амоголонов. Современный бурятский язык. 1958, стр. 223.

² См.: А. Д. Руднев. Хори-бурятский говор, П., 1913—1914, стр. ХХІХ.

³ См.: Б. Х. Годаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 107—108.

⁴ См.: Г. И. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание. М., 1957, стр. 133.

болчоо — перестал (стр. 24, Сав. 59), *салчоо* — разошлось (стр. 9, Гарм. 59), *суучоо* — сел (стр. 2, Улад. 59). В этих случаях вспомогательные глаголы не подвергаются гармонии гласных. Но наряду с ним встречаются случаи типа *даруулашаба* — был задавлен (стр. 49, Сав. 59) *даруула* + *ошобо*, где гласный второго элемента подвергся гармонии. Характерно, что в последнем примере вспомогательный глагол имеет литературно бурятское звучание — *ошохо*.

В сартульском говоре имеет место образование сложной глагольной основы путем соединения глагола прошедшего времени на *-аа*, *-гаа* и вспомогательного глагола *боло* (становиться): *чадаабал* — если сумел (стр. 37, Улад. 59), *болгоогүйболч* — если не случилось (стр. 39. Улад. 59), *ерээбэл/ерээбол* — если пришел (стр. 59., Улад 59).

О частицах

1. Отрицательная частица *-гүй* в сартульском говоре при причастии будущего времени получает своеобразное произношение: начальный ее согласный *г* полностью оглушается и произносится с придыханием, что не характерно для слабых согласных монгольских языков; теперь после глухого придыхательного *г* употребляется сильно редуцированный *у*-образный звук, а затем произносится основной гласный элемент морфемы — долгий гласный или *оэ* или *аэ* или *ыи*, в результате всех этих изменений частица звучит примерно так: *гуаэ*, *гуоэ*, *гуй*. Примеры: *боллоггуоэ* (Улад. 59, стр. 49), *баэггуоэ* и т. п. Правда, эта частица и при самостоятельном употреблении в сартульском говоре звучит в виде *гуаэ*, например: *Гэртээ очохууч? Г'уаэ!* (Пойдешь домой? Нет!) Однако при имени и при других формах глагола, кроме причастия будущего времени, отрицательная частица *-гүй* оформляется так же, как и в современном монгольском и бурятском языках: *ябаагүй* (не пошел), *үхэргүй* (без коровы), *гүингүй* (не бегая) и т. д.

2. Старомонгольская частица запрещения или отрицания *битгий* в современном монгольском разговорном языке употребляется несколько ограничено, а в бурятском языке она вовсе отсутствует. В бытовой разговорной речи сартулов ее тоже нет, но она встречается в фольклоре сартулов. В частности, в одной старинной песне о двух братьях, которая была записана в с. В.-Ичетуй у Д. Г. Будаевой (1912 г. рождения), эта частица употреблена в форме *бэтигы*: *Гэргэны мэнэ ациухада, гэнтэ бэтигы хэлээрээ; эрхын чэнээ хүүгым эджыгээсээнэ бэтигы холдуулаараэ* (Буд. 58, стр. 28). Перевод: «Когда спросит жена обо мне, не рассказывай вдруг; с палец ребенка моего не отлучай далеко от матери».

3. В сартульском говоре существительное *хун* (человек) часто употребляется в роли частицы, близкой по своему значению утвердительной частице литературного бурятского языка *һэн*, что соответствует сартульской частице *сэн*. Интересующее нас слово употребляется только в форме *хум* и чаще всего после причастия прошедшего времени: *Би (ы) Тор'оор ябаа хүм* — Я ездил по Торее (т. е. по Торейскому району); *Би тэрэндэ хэлээ хүм* — Я ему сказал. Вместо этих предложений можно сказать: *Би Тор'оор ябаа сэм*; *би тэрэндэ хэлээ сэм*. Но *хум* и *сэм* не имеют абсолютного тождества, частица *хум* употребляется, когда необходимо особо подчеркнуть говорящему собственную роль в действии, о котором говорится в предложении. Примеры: *Би Петропавловканда баэдаг хүм* (я живу в Петропавловке). Если вместо этого сказать: *Би Петропавловканда баэдаг сэм*, то значение изменится, ибо последнее означает: «Я когда-то жил в Петропавловке».

Частица *хум* употребляется, таким образом, после причастий про-

шедшего времени на *-аа*, *-гаа*, многократного на *-даг*, однократного на *-гша*.

4. Вопросительная частица *гү* в сартульском говоре нередко сливается с предшествующим глаголом. Например, вместо лит. *баэна гү?* (имеется ли? есть ли?) сартулы говорят: *баэнуу?* (стр. 52, Улад. 59), вместо *гээшэ гү?* (оно и есть?) — *гээчүү?* (стр. 41, Улад. 59), вместо *шадаха гүш?* (сумеешь ли?) — *чадахууч?* (стр. 33, 37, Улад. 59).

5. В сартульском говоре уступительная частица имеет двоякую форму, в одних случаях эта частица имеет монгольское звучание *-ч*, а в других — бурятское *-шье*: *джабарланышье* (стр. 72, Сав. 59), *холшорлонишье* (стр. 73, Сав. 59), но: *ямарч*, *үнөөч* (стр. 11, Гарм. 59). Но трудно уловить какую-либо закономерность в употреблении той или иной формы.

С. Ш. Чагдуров в своей статье о сартульском говоре утверждает наличие только монгольского варианта этой частицы¹. Однако с меньшей частотностью употребляется и бурятский вариант этой частицы *-шье*. По всей вероятности, влияние школы, печати и т. д. будет содействовать более частому употреблению именно *-шье*, поскольку монгольский субстрат этой частицы уже стал уступать во многих случаях.

6. В исследуемом говоре имеет широкое употребление утвердительная частица *-сэн*. В бурятском литературном языке *һэн* употребляется отдельно от слова и не подвергается гармонии гласных. В сартульском говоре дело обстоит иначе, данная частица произносится слитно со словом и соответственно изменяется в зависимости от состава гласных слова, например: *яваасан* (пошел), *очоосон* (ушел), *ерээсэн* (пришел).

7. Частица *йэм* (лит. *юм*) в сартульском говоре, как и в других говорах бурятского языка, имеет довольно частое употребление. В отличие от литературного бурятского языка, в сартульском говоре частица *юм* в произношении сливается с основой предшествующего слова. Если за ним не следует никакого аффикса, иногда после *м* употребляется краткий гласный: *хабчуулсыйэма* — втиспул (Улад. 59, стр. 26), лит. *хабишуулан юм*. Тем не менее в сартульском говоре после *м* гласный обычно не употребляется: *намнайэм* — выгнал (Улад. 59, стр. 21), *болоойэм* — случилось (стр. 5, Улад. 59), *суучоойэм* — сел (стр. 2, Улад. 59), *бийэм* — есть (Улад. 59, стр. 43).

Между прочим следует отметить, что после частицы *йэм*, вернее в сочетании с ней, частица *даа* произносится с мягким *д'*: *тыгээйэм аабд'ээ* (должно быть, так и сделал).

8. В сартульском говоре частица 1-го лица ед. ч. употребляется только в форме *-б*, тогда как в литературном бурятском языке в зависимости от конечного звука основы бывает и в виде *-б*, и в виде *-би*: сарт. *Би баэгааб* (Я был), *Би баэдагаб* (Я бываю), ср. лит. *Би байгааб*, *Би байдагби*.

О наречном употреблении *дзаа дзуу*. Сочетание *дзаа дзуу* в сартульском говоре употребляется часто. Оно относится к разряду наречий повторов и имеет значение «мало-помалу», «немного», «кое-что»: *Ерэсэнэсээ хозчо дзаа дзуу колхоздоо адьжил сиигээб* — После приезда я немного поработал в колхозе своем. (Сав. 59, стр. 67); *Мүнөө адьжил сиихээ болисоор тавач дьжил үнгэрэв, гэртээ хувүүдээрээ дзал дзуу гэрээ адьжил сиигээд бэгдэг хүмби* (Сав. 59, стр. 78) — Как я перестал работать, прошло пять лет, я с ребятами делаю кое-что по дому.

¹ См.: С. Ш. Чагдуров. Указ. соч., стр. 161—162.

Для бурятского литературного языка нехарактерно, когда предложение завершается причастием прошедшего времени на *-һан* (*-һон*, *-һэн*). Если это причастие является сказуемым, то обязательно при себе имеет вспомогательный глагол, именное слово или предикативную частицу, например, *Тэрэ хүн Москвагаар ябаһан байна* (или *ябаһан юм*) — Он был в Москве. Но в сартульском говоре завершение предложения причастием прошедшего времени является вполне закономерным, например: *Лундуг Джамцын 1803 ондо турьсөн*, *1814 ондо нас барсан* — Лундук Джамцуев родился в 1803 году, умер в 1814 году (Буд. 58, стр. 34); *Лубсан-эши 1673 ондо турьсөн*, *74 настаздаа үхөсөн* (Буд. 58, стр. 36) Лубсан-Эши родился в 1673 году, умер, когда ему было 74 года.

В рассматриваемом говоре имеет большое распространение завершение предложений глагольной формой на *-лаэ* (*-лоэ*, *-лээ*): *Тэр хүн гоород очлоэ* (Он уехал в город); *Тэрэч Тори явлаэ* (Он поехал в Торей) и т. д.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ

В лексике современного сартульского говора не сохранились какие-либо остатки, указывающие на прошлое народа сартов, пригнанных из Хорезмийского ханства в пределы монгольских степей во времена чингисова нашествия. Историки еще с достоверностью не установили, когда эти мастеровые-ремесленники впервые появились в Монголии. Существует предположение, что они в качестве пленников могли появиться в XIII—XIV веках.

Лексика сартульского говора в основном состоит из переплетения монгольской и бурятской лексики. Кроме того, в нем употребляется некоторое количество специфических слов, характеризующих социально-экономические условия жизни сартулов в течение последних 5-6 веков. 500-600 лет — это, видимо, достаточный срок, чтобы бесследно исчезли в языке маленькой группы, завезенной в чужую страну, субстратные явления родного языка. Здесь, надо думать, сказалось то, что в качестве пленников монголы завозили в страну только мужчин.

Лексические различия между сартульским говором и современным бурятским языком незначительны. Эти различия чаще всего сводятся к фонетическим. Например, там, где в бурятском языке имеет место фарингальный *h*, в сартульском говоре обязательно наличествует *c*, вместо целевых бывают аффрикаты, или долгому *ээ* литературного языка в сартульском иногда соответствует *ы*: лит. *дэлхээ* — сарт. *дэлхы*, лит. *мэлхээ* — сарт. *мэлхы* и т. д.

Между литературным бурятским языком и сартульским говором наблюдаются и семантические расхождения, то есть одни и те же слова употребляются с различными значениями. Например, *мэлхээ* в лит. означает *черепаха*, а в сарт. *лягушка*, которая в бурятском обозначается совсем другим словом — *баха*. Здесь сартульский говор совпадает с монгольским языком. Слово *хандза* в сартульском говоре означает *плита* — *низкая печка*, тогда как в современном монгольском и бурятском языках *ханза*/*хандза* означает *ящик*.

Редко встречается и лексические расхождения, когда один и тот же предмет (или явление) обозначается абсолютно разными словами. Например, *старшая сестра* по-бур. *эгэиэ*, по-монг. *эгч*, по-сарт. *ад'аа*.

В исследуемом говоре встречаются случаи, когда слова и их значения расходятся с литературным бурятским языком, но совпадают с говорами западных добайкальских бурят. Например, в сартульском говоре

известно слово *тура* в знач. *город*. В аларском и эхирит-булагатском говорах это слово употребляется именно в этом значении.

Поскольку многие сартульские слова совпадают как со словами современного монгольского, так и со словами современного бурятского языков, постольку мы не касаемся их в данном описании. Материалы по лексике хранятся в РО БКНИИ, и в них в общей сложности содержится около 10 тысяч слов и терминов. Надеемся, что в дальнейшем представится возможность использовать весь собранный материал по лексике сартулов для диалектологического словаря бурятского языка.

Небезынтересно отметить, что все заимствованные из русского языка слова оформляются по фонетико-грамматическим законам сартульского говора. Например, русское слово *машина* сартулы произносят в виде *мачшина*, тогда как в литературном бурятском языке это слово произносится как *машина*. О заимствованных собственных именах будет сказано ниже в разделе «Ономастика».

Материалы по ономастике

Сартульская ономастика отражает историю сартулов опять-таки только монгольского и бурятского периодов. Почти все имена сартулов тибетского и монгольского происхождения, исключая молодое поколение, которое начинает носить русские имена.

У сартулов самое широкое распространение имеют имена тибетского происхождения.

Имена мужчин: Санджи (Будда), Самбуу (хороший), Цэдэн (долголетний), Ванда (полновластный), Жамбал — тибетское имя бодисатвы Манджушири, Еши (разум), Гатаб (преодолевающий трудности), Балджи-Нима (могущественное солнце), Доржо (алмаз), Дэмбэрэл (функциональная зависимость), Цэбэг (бесконечный возраст), Дашлай (счастливое деяние), Пэрэнлэй (порождение следствия), Чагдар — имя божества (державший в руке алмаз), Содном (добродетель), Галсан (счастье), Дамба (высший), Рэнчэн (драгоценность), Ендон (наука или знание), Сэнгэ (лев), Балчин (великая воля), Лубсан (ясный разум), Ваампил (увеличение права), Ганджуур — основой буддийский канон (из 108 томов), Дагба (слава), Жамьян — имя божества Манджушири, Ябжан (высший отец), Данзан (опора религии), Балдан (могущественный), Жүгдүр (волосы на голове), Цэмбэл (развивающий хвалу), Жалсан (зонтик), Самдан (сосредоточение), Бабаасан (пятница), Ванджил (царь граждан), Ваандан (полнокровный), Гэндун — монах, член буддийской общины, Данджуур — название комментарий к Ганджуру (225 томов), Дампил (прогрессивное развитие), Шараб || Шираб (ум, разум), Чоен (пространство, наполненное религиозным учением), Норбо (талисман, исполняющий желание), Даша (счастливый), Гомбо (вера или религия), Жэгмэд (безопасный), Дугар (белая палочка — атрибут божества), Дамдин (лошадиноголовый), Сахияа || Сакьяа (религиозная секта).

Женские имена: Цэрмаа (золотая мать), Бүтэд (ведущая сына), Дулма (спасительница-мать), Ханда (спасительница-дева).

Тибетские имена Сүрэн (хранитель), Еши (разум), Доржо (алмаз), Нима (счастье), Джаб (вера), Пил — Бил (развивающий) и др. образуют сложные имена вместе с другими именами, например: Дугар-Джаб, Балджа-Нима, Цэрэмпил, Дамдин-Сүрэн, Цэдэн-Еши, Цэрэн-Доржо и т. д.

У сартулов встречается много имен санскритского происхождения: Гүр-Бадзар || Гур-Ваджар (алмазный учитель), Бадзар (алмаз), Буда (Будда), Дариима — имя богини, Радна (драгоценность), Гарма (след-

ствие), Арьяа (святой), Зана (разум), Бандзаракца (пять хранителей), Осор (распространение света).

Среди сартульских имен распространены также имена монгольского происхождения: Хубита (счастливый), Эрдэни (драгоценность), Баатар (богатырь), Мунхэ (вечный), Зула (светильник), Гэрэл (свет), Буянта (добродетельный), Тогтохо (устанавливаться, оформляться), Бата (сильный), Олзо (находка) и др.

Как уже отмечалось, нынешняя молодежь, тем более школьники, начинают все чаще носить русские имена: Иван, Андрей, Михаил, Валерий, Мария, Валентина, Эльвира, Анна и т. д.

Сартульские фамилии, как и у других бурят, образуются на базе личных имен посредством наиболее распространенных русских суффиксов *-ов*, *-ев*: Балдан + *ов* — Балданов, Бандзаракца + *ев* — Банзаракцаев и т. д.

Одной из характерных особенностей в области ономастики у сартулов является отсутствие прозвищ. Например, у носителей других бурятских говоров встречаются имена Азарга (жеребец), Гүүн (кобыла), Шоно (волк), Бааһан (кал) и т. д., которые присваивали из суеверных побуждений, пытаясь, таким образом, обмануть злую силу и уберечь своего ребенка от злой силы — смерти. Такие имена присваивались, когда у бездетных родителей, наконец, рождался ребенок, или когда у родителей умирали дети.

Материалы по топонимике

Названия населенных пунктов, местностей во многих случаях образуются от основы существительного при помощи аффикса прилагательного *-та* (*-то*, *-тэ*), обозначающего «наличие того, что выражено производящей основой»¹.

Д о р г о т о — «барсучье место» от слова *доргон* (барсук). Горная местность в б. Торейском районе между селами Алцак и В.-Торей. И н з а г а т а — «место, где обитает много козлят» от слова *инзаган* (дикий козленок). Название большого благоустроенного села-центра колхоза Джидинского района. Д э р э с т э — «место, где обильно растет трава чий блестящий» от основы *дэрс(эн)* монг. (чий блестящий). Название большого села со смешанным населением, центра совхоза «Октябрьский». Село это расположено в 8 км от ж.-д. станции Джиды на Джидинском тракте. Н а р а с т а — «место, обильное соснами, сосновое место» от слова *нарус/нарас* (сосна). Название местности в Джидинском районе. Я р г а й т а — «место, где растет кизил» от слова *яргай* (кизил). Название местности в Джидинском районе. С а р а с т у й (бур. сараста) — искаженное произношение словосочетания *шар уста* — «место, где имеется снеговая вода» от *шар ус*, которое означает «снеговая вода» (досл. «желтая вода»). Это название небольшого стана, расположенного в горной местности в б. Торейском районе в 9—10 км от с. Алцак. У л я т у й. Осведомители дали этому слову двойную этимологию. Первая — не *улята*, а *альята* от слова *алья* (резвый, игривый, своевольный). Это — название горной речки, поэтому такая этимологизация вполне допустима. Другая — от слова *улиха* (плакать), эта менее вероятна, чем первая трактовка. Ц а г а т а от *цагаан* (белый, свет). Не исключено, что это название связано с цветом какого-либо растения или еще чего-нибудь. Может быть, оно дано по цвету воды речки, которая носит это название.

¹ К. М. Черемисов. Краткий грамматический справочник по бурятскому языку. Приложение к «Бурятско-русскому словарю», М., 1951, стр. 832.

Н о м т о. Сартулы говорят не просто «Номто», а *Улаан номто* (Красно-книжные). Происхождение этого названия, возможно, связано с религиозной сектой красношапчичников, которые в Монголии чаще называются красношпичниками — *улаан номтон*. Красношпичники (или красношапчичники) — это очень древняя религиозная секта, и появление целого села с этим названием в Забайкалье представляет большой интерес. Сейчас там села, как такового, нет, остался небольшой полевой стан в 8—9 км от с. Алцак. И ч е т у й — название двух сел, которые расположены по реке Ичетуй. Верхний Ичетуй — *Дээдэ үчөөтэй* — центр колхоза им. Д. Банзарова, Нижний Ичетуй — *Доодо үчөөтэй* — бригада колхоза им. XX партсъезда. Некоторые полагают, что это название происходит от слова *үчөө* или *үчөөс*, лит. *үшөөхэн* (ива) и означает *местность с обильными ивами*.

С а ф ф и к с о м *-та* остаются еще два известных нам названия: это название русского села в 10 км от Петропавловки — Елотуй — *Елоото* и название горы — Мухатуй — *Мухата*. Эти названия пока не поддаются приемлемому объяснению. Правда, есть предположение, что Елотуй по-бурятски должно звучать не Елоото, а Елото, и тогда оно окажется произведенным от слова ёло (хищная птица). Что же касается названия горы Мухатуй, то предполагается, что здесь имеет место искаженное произношение слова *буха* (бык), очень распространенного у бурят названия гор, возвышенностей и т. д.

Б а я н — название русского села, расположенного на Южном берегу реки Джиды в 7 км от Петропавловки. Первоначально по-бурятски это село называлось Баян Хуса: *баян* (богатый), *хуса* (береза), то есть «место, богатое березой». Сейчас и русские, и буряты забыли первоначальное название села, все называют его просто Б а я н.

Т о р е й — название двух сел и речки, на которой стоят эти села. Села различаются друг от друга добавлением *дээдэ* (верхний) и *доодо* (нижний). Они расположены в 17 км друг от друга. Нижний Торей до конца 1960 г. являлся центром Торейского района. Это большое село со смешанным населением, преобладают русские. В народной этимологии название *Тори* связывается с глаголом *тойрохо* (кружить, делать круг), или *тойруу* (круглой, огибающий). Однако имеется предположение, что это слово эвенкийского происхождения.

Ш и в э э — бурятское название села Петропавловки, районного центра Джидинского аймака. Это большое село, приближающееся к типу рабочих поселков. *Шивээ*, лит. *шэбээ* значит «изгородь, пригон». Полное название — *Гэгээтын шэбээ* (пригон Гэгэтуя). На этом месте, то есть на месте небольшого пригона села Гэгэтуя и возникло большое современное село Петропавловка с самостоятельным названием, связанным со святыми днями Петра и Павла.

А р м а к — большое русское село, расположенное в 70 км от районного центра — села Петропавловки, и название речки, на которой расположено село. Сартулы дают этому названию двоякую этимологию: 1) *армаг гэджэ ара таладаа модо оэтоэ гадзары хэлэдэг* (армаком называют место, по северной стороне которого растет лес); 2) *армаг* — сокращение слов *ара намаг*: *ара* (северная сторона), *намаг* (болотистое место). И то и другое по топографии местности подходит. Но соответствуют ли эти объяснения истине, трудно сказать.

У к ы р ч е л о н — название сел и горы. Гора называется по-бурятски *Ухэр чулуун*. Названия сел: Новый Укырчелон и Старый Укырчелон произошли от названия горы, а название горы от крупных камней, которые находятся на горе. По-бурятски и монгольски *үхэр шулуун* (*чулуун*) — «большой камень, валун». Но народная этимология пошла

дальше: говорят, что на этой горе имеется огромный камень, похожий на быка, и, мол, сама гора тоже напоминает быка.

Ц а г а н - У с у н — русское село на самой восточной окраине Джидинского района. Составные части этого названия состоят из слов *цагаан* (белый) и *усун* (вода).

Н а м а г — небольшое бурятское село в 5 км от Цагагуя. Полное его название Цагаатын намаг. *Намаг* — это «болото, низменное, болотистое место». Село находится как раз в низменном и в какой-то степени болотистом месте.

Т о х о й — русское село, расположенное на южном берегу реки Джиды в 35 км от Петропавловки (в б. Торейском районе). *Тохой* — «изгиб, излучина реки».

Е н х о р — большое русское село в восточной части Джидинского района, примерно в 50 км от Петропавловки. Енхор по-бурятски означает «углубление». Следовательно, село расположено в углубленном месте.

Н а р и н — название двух речек и двух сел, расположенных на этих речках. Большой Нарин — русское село, находящееся на западном крае района. Малый Нарин — бурятское село, находящееся в 9—10 км от Петропавловки, за Гэгэтуем. Нарин означает «узкий». Речки эти действительно маленькие, узенькие и местность также представляет в какой-то мере узкий коридор. Прибавления Большой и Малый, видимо, более позднего происхождения и относятся к названиям сел, что и соответствует действительности.

Х у ж а р — полевой стан в 10 км от с. Армак по реке Армак. *Хужар* — «солончак». Место, действительно, солончаковое.

Х о т о г о р — название местности под Алцаком, которую часто называют *Талын Хотогор*. *Хотогор* означает «изогнутый, наклонный; склон, покатость». *Хотогор газар* или иногда просто *хотогор* (лощина).

Г о р х о н — небольшое русское село, расположенное примерно в 10 км от села Н.-Торей (б. центра Торейского р-на). Деревня находится на южном берегу реки Джиды. *Горхон* по-бурятски — «ручеек».

О ё р — большое бурятское село, центр колхоза «Заветы Ильича» в 25 км от Петропавловки. *Оёр* значит «дно». Село расположено на низком месте берега реки Джиды.

Б у р г у л т а й — название речки и двух сел: *Доодо Бургалтай* (Нижний Бургултай) — центр колхоза «Улан-Бургултай» и *Дэгдэ Бургалтай* (Верхний Бургултай) — бригада этого же колхоза. Название *Бургалтай* объясняется в двух вариантах: в одном говорится, что оно произошло от глагола *бургаха* (порошить — о снеге), а в другом — от слов *боро гал* (серый огонь). В том и другом случае сработала народная этимология.

З а к а м е н с к — название города в Закаменском районе. Многие считают, что это название произошло от русского — «За камнем». Но сартулы говорят, что оно связано с бурятскими словами *заха аэл* (крайнее село), или еще — *заха аймаг* (крайний аймак).

У л е г ч и н — название речки и большого бурятского села. Это название в легендах, бытующих в народе, связывают либо с *улэгшэн нохой* (сука), либо с *улэгшэн шоно* (волчица). Вероятнее всего, что виновник названия волчица, потому что жители этого места до сих пор не могут похвастаться окончательным истреблением волков.

Г у н з а н — название горы на монгольско-советской границе в районе сел Желтура и Тохой. Местные буряты этимологию этого названия выводят от слов *гунан* (трехлетний) и *заан* (слон) и сказывают, что на этой горе, мол, погиб трёхлетний слон. Но ничего подобного во

времена нахождения здесь бурят случиться не могло, потому что слоны не появлялись в этом районе. Или название этой горы происходит от слов *гунжан* (трехлетняя — о короле), или от тибетского слова *гун-зан*, которое переводится на бурятский язык как *хамаг юмье баригша* (державший или имеющий все). Действительно, это гора с очень богатой флорой и фауной.

Б о ц и й — село, расположенное на южном берегу р. Джиды в юго-восточном направлении от села Петропавловка, в 35—40 км. Боций этимологизируется как монг. *бууц*, бур. *бууса* (стоянка, стойбище).

Б у р и н-Х а н — большая гора, которая окрестными жителями считается священной. *Бурин хаан* состоит из слов *бурин* (весь; всеильный) и *хаан* (хан, царь; тот кто господствует), стало быть, *Бурин хаан* досл. означает «Всесильный царь», а если перевести по смыслу, то значит «Над всеми господствующая вершина».

Д ж и д а — название реки. Происхождение этого названия объясняется двояко. Многие историки считают, что Джида происходит от слова *жада* (копье). Ц. Жамцарано в своей работе «Очерки о происхождении и жизни монгольских родов» пишет, что слово *джида* — хамниганское (эвенкийское) слово¹, но не объясняет, что оно означает.

Э р э э н д а б а а н — название небольшой возвышенности, перевала. *Эрээн* (пестрый), *дабаан* (возвышенность, горный перевал). Название *Эрээн* (пестрый), видимо, было дано этому перевалу потому, что здесь можно видеть различную растительность, да и сам перевал ступенчат, неровен и покрыт мелкими камнями, и все это вместе взятое, должно быть, создает впечатление пестроты.

Х а д х а л д о о ч — маленькое село под горой Капитанка. Русские переименовали это село на Подхулдочи. По народной этимологии это название связывается со значением слова *хадхалдаха* (колоть, резать друг друга) и говорится, что здесь когда-то была резня.

Русские названия сел Георгиевка, Лапшиново, Зарубино, Кряжево, Мазаево, Шариново происходят от фамилий их первых поселенцев. Некоторые из этих названий среди бурят нашли иные интерпретации. Например, название села Шариново в селе Гэгэтуй объясняли тем, что там была найдена давным-давно огромная *шиирэ* (кость ноги быка), и поэтому, мол, это село стали называть Шариново. На самом же деле в этом селе проживают Шарины, которые и являются первыми его поселенцами.

Ш а р т ы к е й — русское село, которое почти является продолжением села Н.-Торей на запад. Это название этимологизируется, исходя из бурятских слов *шара* (желтый, рыжий) и *тэхэ* (козел). Стало быть, первоначально оно, это место, называлось *Шара тэхэ*, досл. «рыжий козел». Правда, в говоре нынешних бурят, жителей этих мест нет этого слова: сартулы козла называют не *тэхэ*, а *бабана*. Быть может, до прихода сартулов здесь жили другие бурятские племена, в языке которых козел назывался не *бабана*, а *тэхэ*. В связи с этим уместно привести одно высказывание В. И. Абаева относительно значения топонимических названий в языке. Он указывает, что «Топонимика имеет первостепенное значение как исторический и лингвистический источник. Но не всегда она пригодна для заключений об этногенезе в языковом субстрате. Бывает, что старое население просто вытесняется с данной территории, не оставляя никаких других следов, кроме топонимики»².

¹ См.: Ц. Жамцарано. Очерки о происхождении и жизни монгольских родов. Улан-Батор, 1934, стр. 138.

² В. И. Абаев. Заключительное слово на расширенном заседании ученого совета.—О теории субстрата. «Доклады и сообщ. ИЯ АН СССР». Вып. IX, 1956, стр. 166.

Ц. Б. БУДАЕВ

ЦОНГОЛЬСКИЙ ГОВОР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цонгольский говор распространен на обширной территории Кяхтинского¹ и на значительной части Селенгинского и Бичурского аймаков Бурятской АССР. Носители цонгольского говора являются выходцами из Монголии, переселившимися на территорию Бурятии в разное время, начиная со второй половины XVII столетия. Об этом свидетельствуют исторические документы, а также устные предания и язык самих цонголов. Так, в «Истории Бурят-Монгольской АССР» говорится о том, что в самом конце XVII в. переселились из Монголии в Забайкалье цонголы, узоны и хагаины из Тушету-хановского аймака².

В сочинении «Происхождение рода цонгол» (имя автора и дата написания не указаны) содержится важное сведение о приходе из владений Тушету-хана в 1696 г. 150-ти монголов во главе с зайсаном Ухином. «Следует отметить указания, что Ухин и его спутники принадлежали к монгольской «кости» — «цонгол», а некоторые из пришедших вместе с ними шуленг к монгольским «костям» — «хорчин» и «йоншиэбо»³.

В этой связи весьма интересно сообщение осведомителя Жигмитцыренова Бимбы Цырендашиевича⁴: «Баян Барджагар, Номин, Хэрцу⁵, Бидэр (ганц хүүхэнты баггаад, тэрэгээрээ дүүрчэсэн), Хогсоо Баатар, үхин емэч тэрэл үедэ Монголоос цугтоо гараа ем», т. е. «Баян Барджагар, Номин, Хэрцу, Бидэр (у него была одна дочь и тем кончилось его поколение), Хогсо-Батор, Ухин и другие вышли из Монголии в одно время».

Значит, вместе с Ухином были еще Хогсо-Батор, Баян-Барджагар, Номин, Хэрцу, Бидэр. Их потомки живут теперь в основном в улусах Большелуг, Мурочи, Хилгантуй, Бурдун Кяхтинского аймака, Ноехон Селенгинского аймака, Средний Харлун Бичурского аймака.

Трудовое население Монголии «бежало от маньчжурского ига, а вместе с тем от монгольских ханов, князей и тайшей, уходя в пределы Русского государства»⁶. Одной из причин массового бегства монголов в пределы России явились также бесконечные войны халхаских князей между собой, а также с ойратскими ханами и тяжелые последствия этих опустошительных войн. «...Почти половина Халхи была разорена, и

¹ В состав Кяхтинского аймака включен бывший Кударинский аймак (в 1959 г.) с его цонгольскими улусами.

² См.: «История Бурят-Монгольской АССР». Т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 101.

³ Л. С. Пучковский. Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения АН СССР. Вып. I, М.—Л., 1957, стр. 135.

⁴ Из улуса Средний Харлун Бичурского аймака, 1896 г. рожд., цонгол (потомок Хогсоун-Батора).

⁵ В других улусах произносят это имя *Хэрсүү*.

⁶ «История Бурят-Монгольской АССР», Т. I, Улан-Удэ, 1954, стр. 101.

большинство халхасов дошло до такой крайности, что спасалось от гнетущей их бедности одним только бегством в Россию»¹.

Итак, носители рассматриваемого говора являются представителями монгольских родов, переселившихся в Забайкалье главным образом со второй половины XVII в. И с этого периода началось формирование нового, цонгольского говора.

Изучение того, какие изменения претерпел язык этих халхасцев за период их совместной жизни с бурятами, представляет особый научный интерес, так как на примере цонгольского говора мы можем наблюдать процесс взаимодействия близкородственных языков (бурятского и монгольского).

Несмотря на небольшие расхождения, связанные главным образом с родо-племенными различиями² и влиянием со стороны соседних диалектов³, цонгольский говор представляет собой в целом единую языковую систему. Такое единство на столь обширной площади могло образоваться потому, что носители говора живут с давних пор компактными массами и имеют между собой тесное общение, экономическое и языковое.

Работа, предлагаемая вниманию читателей, написана на материалах, собранных автором в результате неоднократных поездок в район распространения описываемого говора. В итоге этих поездок более или менее тщательно обследовано 15 населенных пунктов, где в основном распространен данный говор. Это улусы Большелуг, Бурдун, Мурочи, Хилгантуй, Табангут, Алтай, Баян-Булак, Кудара-Сомон, Ульзетуй, Цаган-Челутай Кяхтинского аймака, Бараний Луг, Убур-Дзокуй, Ноехон Селенгинского аймака, Средний Харлун и Усть-Эдуй Бичурского аймака.

Кроме того, использованы лексические материалы рукописного отдела БКНИИ СО АН СССР, собранные диалектологическими отрядами в Кяхтинском и Селенгинском аймаках в 1956—1958 гг.

Следует отметить, что в улусах Баян-Булак, Цаган-Челутай, Кудара-Сомон, Ульзетуй Кяхтинского аймака живут вместе представители цонгольских и западно-бурятских родов, пришедшие сюда примерно в одно и то же время. Последние (западные буряты), находясь в окружении цонголов или в непосредственном контакте с ними, хотя и почти полностью ассимилировались, но все же сохранили некоторые свои специфические черты, особенно в области фонетики, как *сакань* и *шакань* вместо цонгольского *цаканья* и *чаканья*. Ср. ашеб. *сэсэг* (цветок), цонг. *цэцэг*; ашеб. *шэхэ* (ухо), цонг. *чихэ*. Алтайские ашебагаты, т. е. жители улуса Алтай Кяхтинского аймака, сохранили даже написание. Ср. алт. *һүхэ* (топор), цонг. *сүхэ*; алт. *һам* (расческа), цонг. *сам*.

¹ А. Позднеев. Материалы для истории Халхи. СПб., 1883, стр. 360.

² В цонгольских улусах находим сейчас представителей следующих родов и их ответвлений: урлут цонгол или урлут (в ул. Бурдун), эндэ цонгол или эндэ-этэн (там же), ухин наймантан и наймантан (в улусах Мурочи, Средний Харлун), урянхат (в улусах Хилгантуй, Мурочи, Ноехон), батад (в улусах Цаган-Челутай, Баян-Булак, Большелуг, Мурочи), ашебагат (в улусах Ульзетуй, Усть-Дунгуй, Цаган-Челутай), абагат (в улусах Кудара-Сомон, Баян-Булак), шарнут (в улусах Цаган-Челутай, Кудара-Сомон, Баян-Булак), номоход (в улусах Ноехон, Усть-Эдуй), иршантан (в ул. Усть-Эдуй), хамниган (там же), очорпудтан (там же), хорчот (в ул. Ноехон), галдан ан (там же), амалайтан, настан хурбэтэн (ответвления рода хорчот в Ноехоне), самбилтан (ответвление племени Хогсоун-Батора в ул. Большелуг), бунитан (ответвление рода ухин-наймантан в ул. Средний Харлун), далайтан, дагачитан, унагачитан, дзабтан, хэрсүтэн (ответвления цонгольских родов в ул. Большелуг), табангуты (в улусах Субуктуй, Табангут, Большелуг) и др.

³ Цонголы соприкасаются с востока с хоринцами, с севера — с иволгинцами, с запада — с сартулами, а на юге граничат с Монголией. Рядом с цонгольскими улусами издавна расположены русские деревни.

Поэтому при исследовании цонгольского говора мы в основном ориентировались на речь жителей улусов Мурочи, Хилгантуй, Бурдун, Большелуг, Харлун, Усть-Эдуй, Ноехон и Убур-Дзокуй. По нашим наблюдениям, в речи жителей этих улусов наиболее ярко проявляются языковые особенности цонгольского говора.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В цонгольском говоре насчитывается 27 согласных фонем: п, п', б, б', м, м', т, т', д, д', н, н', с, ш, ц, ч, дж, дз, и, л, л', р, р', г, нг, х, х'.

В современном монгольском языке 31 согласная фонема: п, п', б, б', м, м', т, т', д, д', н, н', с, ш, ц, ч, дж, дз¹, й, л, л', р, р', г, г', нг, х, х', г, нг', лх².

В литературном бурятском языке 27 согласных: п, п', б, б', м, м', т, т', д, д', н, н', с, ш, ж, з, и, л, л', р, р', г, г', нг, х, х', h³.

Следовательно, в указанных трех языковых подразделениях мы имеем расхождение в отношении согласных ц, ч, дж, дз, ж, лх, нг', г, h и сходжение в отношении всех остальных согласных фонем.

Для монгольского языка характерны фонемы лх, нг', г, которые не бытуют ни в цонгольском говоре, ни в литературном бурятском языке. Ср. монг. *Лхамациуу* (соб. нмя), цонг. *Хамациуу*, бур. лит. *Гамасуу*; монг. *баг* (маска), цонг. и лит.⁴ *баг*.

В рассматриваемом говоре и халхаском диалекте представлены аффрикаты дж, дз, ц, ч, которые отсутствуют в литературном бурятском языке, где вместо них соответственно употребляются щелевые ж, з, с, ш. Примеры:

цонг. говор	монг. язык	лит. бур. язык	значение
дзүрхэ	дзүрх	зүрхэн	сердце
дзудзаан	дзудзаан	зузаан	толстый
дзасаг	дзасаг	засаг	власть
джавар	джавар	жабар	ветер-верховик
джороо	джороо	жороо	иноходь
джиихэ	джиих	жиихэ	вытягивать ноги (при отдыхе)
цэцэн	цэцэн	сэсэн	умный
цоохор	цоохор	соохор	чубарый
цэвэр	цэвэр	сэбэр	чистый
чадал	чадал	шадал	сила
чулуу	чулуу	шулуун	камень
чүдөр	чөдөр	шүдэр	тренога
чоно	чоно	шоно	волк

Но зато в цонгольском говоре и монгольском языке отсутствуют фарингальный h и щелевые ж, з, которые имеют место в литературном бурятском языке и во всех налегающих диалектах. Бурятскому h соот-

¹ В монгольском языке аффрикаты дж, дз орфографически оформляются как ж, з.

² См.: В. М. Наделяев. Современный монгольский язык. Часть первая, фонетика и графика (рукопись). Фонема лх наблюдается в словах типа *Лхамаджаб* (соб. нмя). Ср. цонг. *Хамаджаб* или *Ламаджаб*. Фонема г встречается, например, в слове *баг* (маска) в отличие от фонемы г в слове *баг* (административная единица в МНР: маленький).

³ См.: И. Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 40.

⁴ Лит. — здесь и далее означает бурятское литературное слово.

ветствует цонгольский и монгольский звук *с*: цонг., монг. *сам*, лит. *хам* (расческа); цонг., монг. *сохор*, лит. *хохор* (слепой); цонг., монг. *сөөм*, лит. *һөөм* (пядь). А щелевым согласным *ж*, *з* в исследуемом говоре и халхаском диалекте соответствуют аффрикаты *дж*, *дз*.

К специфическим особенностям цонгольского консонантизма можно отнести то, что в нем наличествует звук *к*, являющийся оттенком фонемы *х* и отсутствующий в монгольском и бурятском языках. Оттенок *к* в рассматриваемом говоре употребляется в начале непервых слогов, которые следуют непосредственно за закрытыми слогами, оканчивающимися преимущественно на согласные *б*, *ш*. Например: цонг. *тэбкэ* (кусочек кирпичного чая), ср. монг. *тэвх*, лит. *тэбхэ*; цонг. *хүбкэ* (мох), ср. лит. *хүбхэн*, монг. *хөөд*; цонг. *мушкаха* (крутить), ср. монг. *мушгих*¹, лит. *мушкаха*; цонг. *эшкэрхэ* (свистеть), ср. лит. *эшхэрхэ*; цонг. *нидкэрхэ* (разминать кожу забитой овцы), ср. лит. *нидхэрхэ*.

В хамииганском говоре² бурятского языка *к* встречается в любых позициях слова и значительно чаще, чем в цонгольском и сартульском говорах³. Наличие звука *к* является, на наш взгляд, одним из существенных отличий данных говоров от других бурятских диалектов, в частности от хоринского наречия. Этим и объясняется тот факт, что в заимствованных из русского языка словах звук *к* носители цонгольского, сартульского и хамииганского говоров произносят без затруднений, а представителям нахающих диалектов, особенно старшему поколению, произнести правильно данный звук бывает пелегло. Ср. цонг. *кадуушка*, хор. *кадуушка* (кадушка); цонг. *конттоор*, хор. *хонттоор* (контора).

Далее, в описываемом говоре отсутствует смычный мягкий согласный *г'*, который имеется в монгольском и бурятском языках: монг. *гишх* (светать), *гишгэх* (наступать), *гиндж* (цепь), лит. *гишхэ* (светать), *гишнаха* (визжать). В связи с этим нужно отметить, что в отличие от халхаского диалекта в бурятском языке «слоги со смягченным *г* в преобладающем большинстве случаев перешли в слоги со смягченным *д*»⁴. Поэтому в бурятском языке согласный *г'* встречается реже, чем в монгольском. Примеры: хор. *анди* (класс), *долдин* (волна). Ср. халх. *анги*, *долгион*.

Весьма интересно, что в цонгольском говоре произносятся заднеязычные и увулярные оттенки фонемы *г* там, где в литературном бурятском языке и нахающих диалектах употребляются щелевые оттенки ее. Так, в селах Бурдун и Хилгантуй Кяхтинского аймака нами были зарегистрированы следующие слова, в которых употребляются заднеязычные и увулярные оттенки указанной фонемы: *эгэчэ* (сестра), *агаар* (воздух), *эргэ* (берег), *үлгүи* (люлька), *авгаэ* (брат), *үвгөө* (дедушка).

В отличие от монгольского языка в цонгольском говоре, видимо, под влиянием литературного бурятского языка и хоринского наречия общемонгольская фонема *с* в конце слога представлена в виде смычного *д*: цонг. *адхаха*, лит. *адхаха* (проливать). Ср. монг. *асгах* от общемонг. *асхахи*.

Цонгольский говор и халхаский диалект отличаются от литературного бурятского языка тем, что в последнем общемонгольская фонема *с* в положении перед гласными представлена фарингальным *һ*, а аффрикаты *дж*, *дз*, *ц*, *ч* — в виде щелевых *ж*, *з*, *с*, *ш*.

¹ В монгольском языке цонгольскому *к* изредка соответствует фонема *г* (наряду с *х*).

² Хамииганы живут в Акшинском, Кыринском, Шилкинском, Дульдургинском и Карымском районах Читинской области.

³ Сартулы живут в основном на территории Джидинского аймака.

⁴ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1957, стр. 29.

В цонгольском говоре насчитывается 21 гласная фонема: *a, aa, o, oo, y, yy, aэ, oe, yi, a, e, ээ, өө, ү, үү, өэ, үи, э, и, ии, и.*

В современном монгольском языке 24 гласных фонемы¹: *a, aa, o, oo, y, yy, aэ, оэ, yi, а, ау, ya, yai, e, ээ, ө, өө, ү, үү, үи, э, и, ии, и.*

В современном бурятском языке 20 гласных: *a, aa, o, oo, y, yy, aэ, оэ, yi, а, э, ээ, өө, ү, үү, үи, э, и, ии, и.*

Сопоставление состава гласных фонем в этих трех языковых подразделениях показывает, что они расходятся между собой в отношении гласных *ay, ya, yai, ө, өэ.*

Особенность цонгольского вокализма заключается в том, что в нем имеется дифтонг *өэ*, которого нет в современном монгольском и литературном бурятском языках. Например: цонг. *дзөөхээ*, монг. *дзөөхий*, лит. *зөөхэй* (сметана); цонг. *бөөмөөлхө*, лит. *бөөмэйлхэ* (относиться заботливо, ласково).

Фонемы *ay, ya, yai, ө*, бытующие в халхаском диалекте, отсутствуют в цонгольском говоре и литературном бурятском языке. Напр., монг. *аугаа* (великий), *гай* — почтительное обращение к старшему, *хуаран* (казарма), *лянхуа* (лотос), *өдөр* (день). Ср. цонг. *үдөр*, лит. *үдэр*. В отличие от монгольского языка в абсолютном начале слова и в первом слоге мягкорядных слов в исследуемом говоре всегда произносится, как и в литературном бурятском языке, звук *ү*, а не *ө*, например:

цонгольский говор	монгольский язык	литературный бур. язык	значение
үндөр	өндөр	үндэр	высокий
үбдөг	өбдөг	үбдэг	колени
гүрмөл	гөрмөл	гүрмэл	плетенка
гүрөөс	гөрөөс	гүрөөһэн	косуля
хүнөг	хөнөг	хүнэг	бадья
түмөр	төмөр	түмэр	железо
түрөл	төрөл	түрэл	родственник

Характерной фонетической особенностью нашего говора является тенденция к произношению *o* (*oo*) или *y* в непервых слогах. В частности, если в литературном бурятском и монгольском языках в предыдущем слоге стоят *a, aэ*, то в последующих слогах употребляется только *a*; в цонгольском же говоре² произносится *o* (*oo*). Примеры:

цонгольский говор	монгольский язык	литературный язык	значение
аворго	авраг	абарга	тиски
тарголхо	таргалха	таргалха	жиреть, полнеть
насо	нас	наһан	возраст, лета
сахол	сахал	һахал	борода
арол	арал	арал	остров
нарос	нарс	нарһан	сосна
дзагос	дзагас	загаһан	рыба
нагоцо	нагац	нагса	родные по матери
х'алгоос	х'алгас	хялгааһан	конские волосы

Если в современном бурятском и монгольском языках в предыдущем слоге находится *y*, то в последующем слоге из кратких гласных встречается только *a*; в цонгольском же говоре может употребляться и редуцированный *y*. Например:

¹ См.: В. М. Надеяев. Современный монгольский язык. Часть первая. Фонетика и графика (рукопись).

² Преимущественно у кяхтинских и бичурских цонголов.

цонгольский говор	монгольский язык	литературный бур. язык.	значение
усу	ус(ан)	уһан	вода
худуг	худаг	худаг	колодец
тугүл	тугал	тугал	теленок
хугулхо	хугалах	хухалха	переламывать

Среди части цонголов (например, селенгинских) вместо гласного и литературного бурятского и монгольского языков употребителен звук *о*. Это соответствие (*у* — *о*) отмечается в тех словах, в которых некогда и в первом и во втором слогах имели *у*: сел.-цонг. *осо* (вода), халх. *ус*, лит. *уһан*, обшемонг. *usun*; сел.-цонг. *н'отог* (родное место), халх. *нутаг*, лит. *нютаг*, обшемонг. *nutug*.

Говоря об окании сартулов, проф. Г. Д. Санжеев предполагает, что оно связано с субстратными явлениями: «Если некоторые люди принадлежат к сартульскому роду, то все они начинают окать. Они же (т. е. сартулы. — Ц. Б.) — таджикские ремесленники, которых пригнал Чингис-хан. Таджикский язык тем и характерен, что в нем преобладает окание. Если в Иране говорят нан «хлеб», то в Таджикистане говорят нон (и по-узбекски нон). Эти признаки сохраняются очень долго»¹. Если это так, то, вероятно, сартулы, живущие издавна в непосредственном соседстве с цонголами, оказали здесь свое влияние на последних.

Необходимо также отметить, что слабонапряженные гласные цонгольского говора в непервых слогах подвергаются большей редукции, нежели в литературном бурятском языке и хоринском наречии, но меньшей редукцией сравнительно с монгольским языком. В этом отношении изучаемый говор занимает как бы промежуточное положение между халхаским диалектом и бурятским языком. Например: цонг. *нара* (солнце), ср. монг. *нар*, лит. *наран*; цонг. *н'үдө* (глаза), ср. монг. *нүд*, лит. *нюдэн*; цонг. *үүлэ* (облако), ср. монг. *үүл*, лит. *үүлэн*; цонг. *дура* (любовь), ср. монг. *дур*, лит. *дуран*.

В отличие от литературного бурятского и современного монгольского языков в цонгольском говоре намечается значительная тенденция к замене мягких согласных фонем на границе первого и второго слогов твердыми, при одновременном качественном изменении краткой гласной фонемы первого слога (повышение на одну ступень подъема): цонг. *хатырча*, лит. *хатарша*, монг. *хатирч* (рысак); цонг. *идалхан*, лит. *адлихан*, монг. *адилхан* (одинаковый); цонг. *тавхха*, лит. *табиха*, монг. *тавих* (ставить); цонг. *харха*, лит. *хариха*, монг. *харих* (идти домой). Эти расхождения являются следствием «различной эволюции гласного *i*, который, с одной стороны, подвергся различной ассимиляции, с другой, — сам подвергался различной ассимиляции прочие гласные и сильно влиял и на эволюцию согласных»².

Соответствия звуков

Внутри говора наблюдаются следующие соответствия г л а с н ы х:
өө//үи: *хүхөө* — *хүхүи* (кукушка), ср. халх. *хүхөө*, хор. *хүхы//хүхүи*.
э//ү: *эрүү* — *үрүү* (подбородок), ср. халх. *эрүү*, хор. *үргэн*.
а//и: *алага* — *алига* (ладонь), ср. халх. *алга*, хор. *алиган*.

¹ «Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка», Улан-Удэ, 1955, стр. 106.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Ч. I. М., 1953, стр. 75.

э//и: бичиг — бэчэг (письмо), ср. халх. бичиг, хор. бэшэг.
о//оо: дзомогол — дзомогоол (щепки), ср. халх. дзомгол, хор. зомгоо-
нон.

а//уу: бул'джамар — бул'джамуур (жаворонок), ср. халх. болджо-
мор, хор. булджамуур.

а//аэ: бул'игаар — булгаэр (юфть), ср. халх. булигаар, хор. бул-
гаэр.

Как видно, это соответствие обусловлено влиянием хоринского на-
речия на фонетическую систему описываемого говора. При этом следует
заметить, что халхаский субстрат встречается весьма редко.

оо//оэ: шороо — шороз (мусор).

өө//тэ: үгөө — үгээ (дед по отцу).

ии//оэ: сиинэг — соэног (кастрированный козел по третьему году).

Причинon подобных соответствий, по-видимому, являются прежние
расхождения между древними монгольскими диалектами; ср., напр.,
монг. шороо — шорой¹ (мусор; земля).

В говоре имеются следующие соответствия с о г л а с н ы х :

т//ц: атарха — ацарха (принести), ср. монг. атрах — ацрах.

с//д: бос — бод (вставай), ср. монг. бос, лит. бодо.

Как известно, еще в классическом монгольском языке *д* часто чере-
довался с согласным *с*: классич. даду//дасу (привыкать), ср. халх. дада,
бур. дада; классич. джед //джес (медь), ср. халх. дзэс, бур. зэд².

д : *т*: данка — танка (чугунный кувшин для вина). Чередование
этих звуков обусловлено тем, что вообще в монгольских языках, кроме
бурятского и ойратского языков, *д* и *т* смешиваются весьма часто³.

д : *д'*: идээ — ид'ээ (пища). Данное чередование является следстви-
ем того, что в бурятском языке перелом гласного *и* произошел позже,
чем в других монгольских языках. Ср. лит. эдээн, монг. идээ.

к // *х*: тэбкэр — тэбхэр (квадратный). Причина этого расхождения —
наличие в цонгольском говоре архаизмов, как, например, сохранение
раннего *к*. А в современном монгольском и литературном бурятском
языках этот звук отражается в виде щелевого *х*. Ср. монг. тэвхэр, лит.
тэбхэр.

н // *н'*: шүнө — шүн'и (ночь). Ср. монг. шөнө, хор. хүни.

р // *р'*: үрөл — ур'ил (дикая яблоня). Ср. монг. өрөл, лит. улир;
үрил//үлир — здесь метатеза.

ч // *ц*: үбчуу — үбцүү (грудная кость). Ср. монг. өвчүү, лит. үбсүү.

й // *г*: эриэ — эргэ (берег). Ср. лит. эрве, монг. эрэг.

Как видим из примеров, приведенные расхождения являются резуль-
татом влияния на речь цонголов соседних бурятских говоров.

Сравнительно с литературным бурятским языком (хоринским на-
речием) в цонгольском говоре и современном монгольском языке иногда
имеют место соответствия:

звука *м* литературному *м'*: цонг. маха, монг. мах, лит. мяхан (*м'а*-
хан) — мясо;

звука *л* литературному *л'*: цонг. дээрлэг, монг. дээрлэг, лит. зэрлиг
(зэрл'иг) — дикий;

звука *р* литературному *р'*: цонг., монг. эрээн, лит. эрэн (эр'ээн) —
пестрый; цонг., монг. дзараа, лит. заряа (зар'аа) — еж; цонг., монг.
тэвэр, лит. тэбэр'и (охапка);

¹ См.: «Монгольско-русский словарь». Под общ. ред. А. Лувсандэндэва, М., 1957,
стр. 657.

² См.: Г. Д. Санжеев. Указ. соч., стр. 87.

³ См. там же, стр. 39.

звука *д* литературному *д'*: цонг. *дылхэ*, монг. *дийлэх*, лит. *диилэхэ* (*д'иилэхэ*) — побеждать;

звука *х* литературному *х'*: цонг., монг. *хэрээ*, лит. *хирээ* (*х'ирээ*) — ворон; цонг. *эрхэ*, монг. *эрх*, лит. *эрхи* (*эрх'и*) — четки; цонг. *хумс*, монг. *хумс*, лит. *хюмһан* (*х'умһан*) — ногти.

Приведенные соответствия представляют собой результат исторических переломов гласного *i*. Как известно, «разные монгольские диалекты по-разному проходили через три этапа перелома гласного *i*. Процесс перелома этого гласного протекал далеко не равномерно даже в рамках одного и того же диалекта»¹.

Имеются также соответствия:

звука *х* литературному *г*: цонг. *номохон*, монг. *номхон*, лит. *номогон* (смирный);

звука *г* литературному *х*: цонг., монг. *догolon*, лит. *дохолон* (хромой), цонг. *дагаха*, монг. *дагах*, лит. *дахаха* (следовать за кем-либо); цонг. *хагалха*, монг. *хагалах*, лит. *хахалха* (раскалывать);

звука *т* литературному *д*: цонг., монг. *тонгорог*, лит. *донгорог* (перочинный нож). Эти соответствия являются следствием частого смешения *г* — *х* и *д* — *т* в монгольских языках (кроме ойратского и бурятского). Подобное смешение наблюдается «преимущественно в восточных халхаских говорах и внутреннемонгольских диалектах»².

Звук *дж* соответствует литературному *з*: цонг. *урджанан*, монг. *урджан(г)*, лит. *урзанда* (в позапрошлом году); звук *дз* соответствует литературному *ж*: цонг. *дзаваджа*, монг. *дзавьдж*, лит. *жабжа* (углы рта). Соответствия этих звуков также связаны с переломом гласного *i*. Ср., например, классич. *джиргуган*, халх. и цонг. *дзургаа*, бур. *зургаан*. В результате второго перелома, т. е. перехода гласного *i* в лабиализированный *y* под влиянием такого гласного слога в последнем примере *дж* развился в *дз* (з)³.

В говоре находим также соответствия:

звука *о* литературному *у*: цонг. *болод*, монг. *болд*, лит. *булад* (сталь);

звука *уу* литературному *уу*: цонг. *н'үүр*, монг. *нүүр*, лит. *нюур* (*н'уур*) — лицо;

звука *и* литературному *ү*: цонг., монг. *б'итүү*, лит. *бүтүү* (закрывать);

звука *ш* литературному *с*: цонг., монг. *шар*, лит. *сар* (бык кастрированный), цонг. *шалдаган* (*шалдан*), монг. *шалдан*, лит. *салдан* (голый);

звука *с* литературному *д*: цонг. *гэсхэ*, монг. *гэсэхэ*, лит. *гэдэхэ* (оттаивать); цонг. *хоросхо*, монг. *хорсох*, лит. *хордохо* (чувствовать боль); цонг. *х'иисхэ*, монг. *хиисэх*, лит. *хиидэхэ* (нести по ветру);

звука *ц* литературному *т*: цонг. *цорх'ируу*, монг. *иорхируу*, лит. *торхируу* (куропатка);

звука *с* литературному *т*: цонг. *самарха*, монг. *самрах*, лит. *тамарха* (плавать);

звука *б* литературному *м*: цонг. *бүүлө*, монг. *бүүл*, лит. *мүйл* (десны);

звука *м* литературному *б*: цонг. *н'улмаха* (*н'олмохо*), монг. *нулимах*, лит. *нёлбохо* (плевать).

Сравнительно с современным монгольским языком в рассматриваемом говоре и литературном бурятском языке находим соответствия:

¹ Г. Д. Санжеев. Указ, соч., стр. 106.

² Там же, стр. 58.

³ См. там же, стр. 104.

звука *уу* монгольскому *уй*: цонг. *бугуул'и*, лит. *бугуули*, монг. *бугуул* (аркан);

звука *ү* монгольскому *ө*: цонг. *бүгөлөө*, лит. *бүглөө*, монг. *бөглөө*, (пробка); цонг., лит. *хүдөө*, монг. *хөдөө* (степь; сельская местность);

звука *ээ* монгольскому *ий*: цонг. *бээлээ*, хор. *бээлээ*, монг. *бээлий* (рукавицы);

звука *й* монгольскому *г*: цонг. *бурйаха*, лит. *бурьяха*, монг. *бургих* (клубиться); цонг. *баайаха*, лит. *бааяха*, монг. *баагих* (дымить);

звука *х* монгольскому *г*: цонг. *бахалдзуур*, лит. *бахалзуур*, монг. *багалдзуур* (глотка); цонг. *уйдхар*, лит. *уйдхар*, монг. *уйтгар* (грусть, печаль);

звук *в* монгольскому *м*: цонг. *Цолво*, лит. *Солбон*, монг. *Цолмон* (Венера);

звука *д* монгольскому *с*: цонг., лит. *буд*, монг. *бөс* (материя).

Эти данные свидетельствуют о значительном влиянии литературного бурятского языка и хоринского наречия на фонетическую систему цонгольского говора.

В говоре имеются также соответствия (связанные с переломом гласного *i*):

звука *н'* монгольскому *н*: цонг. *н'ааха*, лит. *няаха*, монг. *наах* (клетка); ср. классич. *нигаху* → *нагаку* — халх. *наах*;

звука *л'* монгольскому *л*: цонг. *дол'оохо*, лит. *долёохо*, монг. *долоох* (лизать);

звука *х'* монгольскому *х*: цонг. *эрх'им*, лит. *эрхим*, монг. *эрхэм* (лучший); цонг. *эмх'й*, лит. *эмхи*, монг. *эмх* (порядок).

Кроме того, в рассматриваемом говоре наблюдаются слова со звуками, не имеющими соответствий ни в современном бурятском, ни в монгольском языках и тем самым характеризующими фонетическую особенность говора. Приведем примеры:

м — *н*: цонг. *унтарха* (гаснуть), ср. лит. *унтарха*, монг. *унтарах*; цонг. *унишаха* (читать), ср. лит. *унишаха*, монг. *униших*.

Эти соответствия обусловлены звуковой средой: если губной или носовой звук сочетается с согласными, то в говоре вместо него нередко употребляется *м*.

д — *з* — *дж*: цонг. *андас*, монг. *анджис*, лит. *анзаһан* (соха). В данном соответствии отражаются первый и второй переломы гласного *i* (по Г. Д. Санжееву): ср. *кадигар* → *кадагар* → монг. *кадаар* (первый перелом); *кадигар* → *каджигар* → *каджагар* → *кадзагар* → халх. *хадзаар*, бур. *хаззаар* (второй перелом) — узда. Отсюда можно полагать, что в цонгольском слове *андас* сохранился ранний *д*.

ч — *ш* — *ц*: цонг. *чудхохо* (вливать), ср. лит. *шудхаха*, монг. *цутгах*; цонг. *чараэ* (физиономия, лицо), ср. лит. *шарай*, монг. *царай*. Фонемы *ч* и *ц* (*ш* и *с*) представляют собою «результат длительной эволюции двух фонем ранних монгольских диалектов — *ч* (в положении перед любым гласным, кроме *i*) и смычного *т* (в положении перед гласным *i*). В результате длительной эволюции... из первой фонемы *ч* получилась *ц* и (в бурятском) *с*, а из второй — смычного *т* — образовались *ч* и (в бурятском) *ш*¹.

Аа — *а*: цонг. *чацарганаа* (облепиха), ср. лит. *шасаргана*, монг. *чацаргана*; цонг. *батаганаа* (муха), ср. лит. *батагана*, монг. *батгана*. Здесь имеет место удлинение конечного гласного.

¹ Г. Д. Санжеев. Указ. соч., стр. 92.

Как и во всех монгольских языках, в рассматриваемом говоре соблюдается определенная закономерность сочетания гласных звуков в слове. Однако при своем конкретном воплощении в цонгольском говоре закон гармонии гласных имеет свои особенности. Так, если в литературном бурятском и монгольском языках в предыдущем слоге находится *y*, то в последующем слоге из кратких гласных встречается только *a*; в цонгольском же говоре¹ может употребляться и редуцированный *y*: цонг. *тугул* (теленок), ср. лит., монг. *тугал*; цонг. *худуг* (колодец), ср. лит., монг. *худаг*; цонг. *усу* (вода), ср. лит. *уһан*, монг. *ус(ан)*; цонг. *н'угус* (утка), ср. лит. *нугаһан*, монг. *нугас*; цонг. *ургуху* (расти), ср. лит. *ургаха*, монг. *ургах*.

Если в литературном языке в предыдущем слоге стоит *y*, то в последующих слогах бывает *э*, а в цонгольском говоре употребляются редуцированные *ү* и *ө*. В отличие же от монгольского языка в цонгольском говоре в абсолютном начале слова и в первом слоге никогда не произносится краткий гласный *ө*. Примеры: цонг. *бүхө*, ср. лит. *бүхэ*, монг. *бөөх*; цонг. *хүлүрхү* (потеть), ср. лит. *хүлэрхэ*, монг. *хөлрөх*; цонг. *дүтүлхү* (приближаться), ср. лит. *дүтэлхэ*, монг. *дөтлөх*; цонг. *мүргүхү* (бодаться), ср. лит. *мүргэхэ*, монг. *мөргөх*; цонг. *үдүр* (день), ср. лит. *үдэр*, монг. *өдөр*. В этих случаях в цонгольском говоре характер гласных первого слога влияет на состав гласных непервых слогов.

Если в литературном бурятском и монгольском языках в предыдущем слоге стоит *a*, то в последующих слогах употребляется *a* (*aa*), тогда как в исследуемом говоре произносится *o* (*oo*): цонг. *намор* (осень), ср. лит. монг. *намар*; цонг. *наморджоо* (осеннее стойбище), ср. лит. *намар-жаа*, монг. *намарджаа*; цонг. *хадохо* (косить), ср. лит. *хадаха*, монг. *хадах*; цонг. *таргон* (жирный), ср. лит., монг. *тарган*; цонг. *таргоноор* (жирно), ср. лит., монг. *тарганаар*; цонг. *адхоол* (плечевая кость), *адхоолоор* (плечевой костью), ср. лит. *адхаал* (*адхаалаар*), монг. *атгаал* (*атгаа-лаар*)

О некоторых фонетических процессах

Выпадение звуков в словах, как своеобразное фонетическое явление в цонгольском говоре, происходит во всех позициях: в начале, в середине и в исходе слова. Примеры: цонг. *н'ээхэ*, ср. монг. *инээх*, лит. *энеэхэ* (смеяться); цонг. *нөөх'и*, ср. монг. *үнөөх*, лит. *үнөөхи* (тот самый); цонг. *хүдүмүр*, ср. монг. *хөдөлмөр*, лит. *хүдэлмэри* (работа); цонг. *бах'ирха*, ср. монг. *бархирах*, лит. *бархирха* (кричать, реветь); цонг. *чандаг*, ср. лит. *шандаган* (заяц); цонг. *шанаг*, ср. лит. *шанага* (поварешка).

Выпадению подвергается не только отдельный звук, но и целый слог: цонг. *тэхэ*, ср. монг. *тэгэхэ*, *тэх*, лит. *тшигэхэ* (делать так).

Особенно в связной речи происходят различные фонетические процессы. Например, при столкновении кратких гласных на стыке двух слов исчезает конечный гласный первого слова, а начальный гласный второго слова сохраняется: *талхнд* ∘ *орхо* (приступать к хлебоуборке), *хадамд* ∘ *очихо* (выходить замуж).

При стечении краткого гласного с долгим выпадает краткий гласный: *мэдээ* ∘ *роо* (пришел в сознание) от *мэдээ* + *ороо*.

При стяжении соединительного и разделительного деепричастия со вспомогательными глаголами выпадают начальные согласные вспомогательных глаголов *яваджаэна* (идет) вместо *явадж баэна*; *унтаджаэна*

¹ Преимущественно у кяхтинских и бичурских цонголов.

(спит) в м. *унтадж баэна*; *ерээдаэна* (уже пришел) в м. *ерээд баэна*; *хараа-даэна* (смотрит) в м. *хараад баэна*.

В говоре наблюдаются также случаи ассимиляции и диссимиляции.

Если в потоке речи, например, после звука *н* следуют губно-губные согласные *б* и *м*, то *н* всегда подвергается регрессивной ассимиляции, превращаясь из переднеязычного звука в губно-губной *м*. Например: *хүм* ~ *баэна* (из *хүн баэна*) — человек стоит; *дзүм* ~ *болоо* (из *дзүн болоо*) — настало лето; *олом* ~ *модо* (из *олон модо*) — много верст; или при соседстве сильного *с* и слабого *д* последний оглушается, подвергаясь прогрессивной ассимиляции. Возьмем слово *наастаг* (играющий) — из глагола *наас-* (играть) + суффикс многократного причастия *-даг*. Ср. *дуулдаг* — поющий (из *дуул + даг*).

Обнаруживается также закономерность, когда при непосредственном соседстве слабого и сильного звуков в результате выпадения гласного между ними слабый ассимилируется сильному звуку по напряженности, т. е. становится сильным. Например: *аятаэ* (*айатаэ*) > **айтаэ* > цонг. *ах'ты* (приятный); *Бүтэددзүү* (собств. имя) > **Бүтдзүү* > цонг. *Бүтцүү*.

В качестве примера диссимиляции можно привести слово *хүлтүр*¹ наряду с *хүртүр* (вплоть до), ср. лит. *хүртэр*, монг. *хүртэл*. Здесь имеем дистактную диссимиляцию: из двух одинаковых звуков (*р*) один изменился в *л*.

При соседстве аффрикаты *ч* и смычного *н* в первом звуке снимается смычное начало и весь звук переходит в щелевой *ш*: *яахач + наб* > *яахашинаб* (зачем это тебе), *очоч + нуу* > *очошнуу* (идешь ли?)

Если рядом оказываются согласные звуки аффриката *ч* и смычный *д*, то они оба подвергаются изменению, при котором первый звук диссимилятивно переходит в *ш*, второй звук ассимилятивно переходит в сильный *т*. Например: *явыч + даа* > *явыштаа* (уйди же); *ерыч + дээ* > *ерыш-тээ* (приди же); ср. *явал даа*, *ерэл дээ* (в том же значении).

Цонгольскому говору известна и метатеза. Примеры: цонг. *таравга* (тарбаган), ср. монг. *тарваг*, лит. *тарбаган*; цонг. *баяралха* (радоваться), ср. монг. *баярлах*, лит. *баярлаха*; цонг. *эрүүл* (здоровый), ср. лит. *элүүр*; цонг. *цар'ил* (пешня), ср. лит. *салир*.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В грамматическом строе цонгольского говора и современного бурятского и монгольского языков нет существенных различий. Все грамматические категории, имеющиеся в этих языках, присущи и данному говору. Вместе с тем, в изучаемом говоре имеет место ряд грамматических форм, различающихся от таковых литературного бурятского и монгольского языков.

Имя существительное

Число имен существительных. Как и в современном монгольском и бурятском языках, в цонгольском говоре единственное число не имеет особого показателя, который характерен для монгорского и баоаньского языков².

Множественное число образуется при помощи специальных суффиксов, присоединяемых к основе имени перед падежным аффиксом. Разли-

¹ Отмечено в ряде улусов Кяхтинского аймака.

² О наличии показателя единственного числа в монгорском и баоаньском языках см.: Б. Х. Тодаева. Монгольские языки и диалекты Китая. М., 1960, стр. 75 и 111.

чия между рассматриваемым говором литературным бурятским и монгольским языками в употреблении суффиксов множественности незначительны.

В изучаемом говоре имеются следующие аффиксы множественного числа: *-д*, *-ууд* (*-үүд*), *-нууд* (*-нүүд*), *-гууд* (*-гүүд*), *-нар* (*-нор*, *-нэр*, *-нөр*), *-чуул* (*-чүүл*), *-тан* (*-тон*, *-тэн*, *-төн*)¹.

1. *-д*. Этот суффикс употребляется при основах, оканчивающихся на согласный *н* (иногда на согласный *р*), а также на гласные, после которых в литературном бурятском языке следует неустойчивый *н*. При этом суффикс *-д* заменяет собой конечный согласный основы. Например: *самаган* (жена) — *самагад* (жены), *хувүүн* (мальчик) — *хувүүд* (мальчики), *нүхөр* (товарищ) — *нүхөд* (товарищи), *хони* (овца), лит. *хонин* — *хонид* (овцы), *ямаа* (коза). лит. *ямаан* — *ямаад* (козы).

Иногда в говоре аффикс *-д* (видимо, по аналогии с предыдущими словами) принимают отдельные имена с конечным гласным и дифтонгом, причем последний теряет свой второй компонент *э*. Например: *нохоэ* (собака) — *ноход* (собаки), *эмэ* (женщина) — *эмэд* (женщины). В халхаском диалекте в этих случаях употребляется показатель *-с*: *нохой* — *нохос*, *эмэ* — *эмэс*. В литературном бурятском языке после основ с конечным гласным и дифтонгом показатели множественности *-д* или *-с* не встречаются.

2. *-ууд* (*-үүд*). Этот суффикс употребляется после основ с конечными согласными *б*, *г*, *д*, *м*: *хэб* (образец) — *хэвүүд* (образцы), *бэцэг* (письмо) — *бэцэгүүд* (письма), *ном* (книга) — *номууд* (книги), *хятад* (китаец) — *хятасууд* (китайцы). В связи с последним примером нужно отметить, что при присоединении к основе слов аффикса множественного числа (и некоторых падежей, о чем ниже) в говоре происходит характерное чередование: конечный *д* основы последовательно заменяется согласным *с*: *ород* (русский) — *оросууд* (русские), *бураэд* (бурят) — *бураэсууд* (буряты), *гоород* (город) — *гооросууд* (города), *тогсд* (павлин) — *тогосууд* (павлины).

В отличие от цонгольского говора (и литературного бурятского языка) в монгольском языке аффикс *-ууд* (*-үүд*) используется при основе, оканчивающейся на любой согласный звук, в том числе и на *р*, *л*. Примеры: монг. *гэр* (юрта) — *гэрүүд* (юрты), *гол* (река) — *голууд* (реки), ср. цонг., лит. *гэр* — *гэрнүүд*, *гол* — *голнууд*.

3. *-нууд* (*-нүүд*). Употребляется при основах, оканчивающихся на гласные, дифтонги и согласные *р*, *л*: *таха* (подкова) — *таханууд* (подковы), *галуу* (гусь) — *галуунууд* (гуси), *гахаэ* (свинья) — *гахаэнууд* (свиньи), *гал* (огонь) — *галнууд* (огни), *мур* (след) — *мурнууд* (следы).

4. *-гууд* (*-гүүд*). Употребляется при основе, оканчивающейся на заднеязычный *н*: *ан* (зверь) — *ангууд* (звери), *дэн* (свеча) — *дэнгүүд* (свечи), ср. лит., монг. — также *ангууд*, *дэнгүүд*.

Однако несколько отличается образование множественного числа отдельных слов, обозначающих родственные отношения людей. Так, основы слов *үезлэ* (двоюродный), *хаялала* (троюродный) в цонгольском говоре и бурятском языке принимают аффикс *-гууд*, *-гүүд* (при этом восстанавливается неустойчивый *н*), а в халхаском диалекте эти основы принимают аффикс *-д*: цонг., лит. *үезлэнгүүд* (двоюродные братья или сестры по отцу) от *үезлэ* (двоюродный); *хаялалангууд* (троюродные, дети двоюродных братьев по отцу) от *хаялала* (троюродный), ср. монг. мн. ч. *үезэд* (двоюродные), *хаялид* (троюродные).

¹ По техническим причинам далее почти не употребляются условные знаки, обозначающие сверхкраткость гласных, мягкость согласных и т. п.

5. *-нар* (*-нор, -нэр, -нөр*). Этот суффикс принимают имена, оканчивающиеся на гласные и дифтонги и обозначающие родство и профессию людей: *аха* (старший брат) — *аханар* (старшие братья), *дүү* (младший брат) — *дүүнэр* (младшие братья), *ахаэ* (женщина замужняя), *ахаэнэр* (женщины), *дзээ* (племянник) — *дзээнэр* (племянники), *багша* (преподаватель) — *багшанар* (преподаватели).

В монгольском языке аффикс *-нар* орфографически не подчиняется закону гармонии гласных, например: *дүү нар* (младшие братья), *эгч нср* (сестры).

6. *-чуул* (*-чүүл*) присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные и согласный *н*, который при этом выпадает. Данный суффикс придает именам в основном собирательное значение. Примеры: *эрэ* (мужчина) — *эрэчуул* (мужчины), *дзалуу* (молодой) — *дзалуучуул* (молодежь), *бага* (малый) — *багачуул* (малыши), *саэн* (хороший) — *сэзчуул* (хорошие люди). Как видно из примеров, суффикс *-чуул* (*-чүүл*) служит преимущественно средством субстантивации прилагательных.

В халхаском диалекте имеется показатель *-чууд*, который «представляет собой контаминацию суффиксов *-чуул* и *-д*»¹: *дзалуучууд* (молодежь), *багачууд* (малыши).

В говоре наблюдаются случаи употребления двойных форм множественного числа. Например: *ноэн* (начальник), *нод* (начальники) от *ноэн + д* с выпадением конечного *н*, *ноёсүүд* (начальники) от *нод + ууд* с заменой *д* основы звуком *с*. Двойное множественное число образуется от основ, обозначающих преимущественно людей.

Склонение имен существительных. В исследуемом говоре имеется семь основных падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, орудный, совместный и исходный. Кроме них встречаются также падежи ограниченного распространения — предельный и направительный.

Именительный падеж. В цонгольском говоре и халхаском диалекте основа имен с неустойчивым конечным *н* теряет его, тогда как в бурятском языке то же имя прочно сохраняет этот согласный. Примеры:

цонгольский говор	монгольский язык	литературный бур. язык	значение
нара	нар	наран	солнце
одо	од	одон	звезда
үүдэ	үүд	үүдэн	дверь
үндөгө	өндөг	үндэгэн	яйцо

Родительный падеж. В говоре родительный падеж образуется посредством аффиксов *-ы, -ын, -н*, присоединяемых к основе имени.

Аффикс *-ы* употребляется после основ, оканчивающихся на согласные. Например: *гадзар* (земля) — *гадзары* (земли); *үдөр* (день) — *үдөры* (дня); *буцамал* (вдова) — *буцамалы* (вдовы); *гэрэл* (зеркало) — *гэрэлы* (зеркала); *Гармаджаб* (собств. имя) — *Гармаджавы*; *хэрэг* (дело) — *хэрэгы* (дела); *бүд* (материал) — *бүсы* (материала); *биргэдиир* (бригадир) — *биргэдиiry*² (бригадира); *эм* (лекарство) — *эмы* (лекарства); *хүн* (человек) — *хүны* (человека).

Если имя оканчивается на согласный *с* и гласные при выпавшем *н*, то между основой и аффиксом *-ы* восстанавливается неустойчивый или.

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков, стр. 132.

² Заимствованные слова изменяются по законам грамматики данного говора.

скрытый *н*. Например: *мори*, монг.-письм. *морин* (конь), род. п. *морины*; *модо*, монг.-письм. *модун* (дерево), род. п. *модны* (дерева); *ямаа*, монг.-письм. *ямаан* (коза), род. п. *ямааны* (козы); *үндэс*, монг.-письмен. *үндэсүн* (корень), род. п. *үндэсны* (корня).

Если имя (кроме собственных имен) оканчивается на долгие гласные, то между основой и аффиксом также появляется согласный *н*: *хашаа* (забор) — *хашааны* (забора), *дзуу* (иголка) — *дзууны* (иголки), *джолоо* (повод) — *джолооны* (повода), *дүрөө* (стремя) — *дүрөөны* (стремени). В данном случае имена принимают конечный *н* (которого раньше не было) по аналогии со словами типа *ямаа(н)* (коза).

Между основой на конечный заднеязычный *н* и аффиксом родительного падежа появляется вставочный *г*: *ан* (зверь), род. п. *ангы*; *дэн* (свеча), род. п. *дэнгы* (свечи). Вставочный *г* появляется также и между основой (собственных имен) на конечный долгий гласный и аффиксом *-ы*: *Цэрмаа* (личное имя), род. п. *Цэрмаагы*; *Дзалаа* (улус в Селенгинском аймаке), род. п. *Дзалаагы*.

В монгольском языке лишь при основах с конечным переднеязычным *н* употребляется аффикс *ы* (в словах твердого ряда), *ий* (в словах мягкого ряда): *дулаан* (тепло) — *дулааны* (тепла), *үнэн* (правда) — *үнэний* (правды). А после основ, оканчивающихся на любой гласный и согласный, кроме переднеязычного *н*, используется аффикс *-ийн* (в словах мягкого ряда), *-ын* (в словах твердого ряда): *гэр* (юрта) — *гэрийн* (юрты), *хавар* (весна) — *хаврын* (весны), *аджил* (труд) — *аджлын* (труда), *ард* (трудящийся) — *ардыч* (трудящегося).

В бурятском языке для образования родительного падежа после основ на любой конечный согласный употребляется аффикс *-ай* (*-ой*, *-эй*): *булаг* (родник) — *булагай* (родника); *бүд* (материал) — *бүдэй* (материала); *амитач* (животный) — *амитанай* (животного); *модон* (дерево) — *модочой* (дерева); *мал* (скот) — *малай* (скота); *хабар* (весна) — *хабарай* (весны).

В основах имен на конечные долгие гласные, заднеязычный *н* в родительном падеже принимаются аффиксы *-ийн*, *-ын* (в современном монгольском языке), *-ай*, *-ой*, *-эй* (в литературном бурятском языке), но между основой и аффиксом вставляется *г*. Например: монг. *ангийн* (зверя), *дэгчийн* (свечи), *хашаагын* (забора), *дүрөөгийн* (стремени), соответственно в лит. *ангай*, *дэнгэй*, *хашаагай*, *дүрөөгэй*.

Аффикс *-ийн* (*-ын*) в говоре употребляется после основ, которые оканчиваются на краткие гласные и не имели раньше скрытого *н*. При этом конечный гласный отбрасывается.

В отличие от литературного бурятского языка в говоре наряду с аффиксом *-ийн* (*-ын*) употребляется также *-ны* (здесь *н* является вставным звуком между двумя гласными). Приведем примеры: *тэргэ* (телега) — *тэргын*, *тэргэны*, лит. *тэргын* (телеги); *чарга* (сани) — *чаргын*, *чарганы*, лит. *шаргын* (саней); *хутага* (нож) — *хутагын*, *хутаганы* (ножа); *арх'и* (вино) — *арх'ийн*, *архины*, лит. *архийн* (вина); *сургуули* (школа) — *сургуул'ийн*, *сургуулины*, лит. *һургуулийн* (школы); *суур'и* (место) — *суур'ийн*, *суурины*, лит. *һуурийн* (места). В этих случаях имена принимают конечный *н* (которого раньше не было у них) по аналогии со словами типа *мори(н)* (конь).

Подобные же явления с неустойчивым *н* происходят и при наращении аффиксов дательного-местного и исходного падежей.

Наличие в аффиксах родительного, а также совместного падежей *-аэ* (*-аэ*) в литературном бурятском языке и долгого *-ий* (*-ы*) в цонгольском говоре объясняется явлением мэнсфтонгизации дифтонга *аэ*, который исторически «...представлял сочетание элементов типа *а* и *й*, что отра-

зилось на его орфографии в исходе слов в старомонгольском письменном языке»¹.

Аффикс *-н* употребляется в говоре, как и в современном монгольском и бурятском языках, после основ с конечными дифтонгами². Примеры: *далаэ* (море) — *далаэн* (моря), *нохоэ* (собака) — *нохоэн* (собаки), *үгөөэ* (дед) — *үгөөэн* (деда).

Дательнo-местный падеж. Дательнo-местный падеж в цонгольском говоре и в литературном бурятском языке имеет аффиксы: *-да* (*-до, -дэ, -дө*), *-та* (*-то, -тэ, -тө*), в халхаском — *-д, -т*.

Аффикс *-да* (*-до, -дэ, -дө*) присоединяется к основам, оканчивающимся на любой гласный, а также на согласные *м, л, н, с*. Например: *дово* (бугор) — *доводо* (бугру); *гүрөн* (государство) — *гүрөндө* (государству); *саэшаал* (похвала) — *саэшаалда* (похвале); *эм* (лекарство) — *эмдэ* (лекарству).

В отличие от бурятского языка в рассматриваемом говоре в дательнo-местном падеже между основами, оканчивающимися на согласный *с* и гласные, и аффиксом *-да* (*-до, -дэ, -дө*) нередко появляются вставочные звуки *ан* (после *с*), *н* (после гласных): *хана* (стена) — *хананда*, ср. лит. *ханада* (стене); *тасалга* (перегородка) — *тасалганда*, ср. лит. *таһалгада* (перегородке); *тиноо* (кино) — *тиноондо*, ср. лит. *кинодо* (кино); *туруу* (копыто) — *туруунда*, ср. лит. *турууда* (копыте); *хабтас* (переплет) — *хабтасанда*, ср. лит. *хабтаһанда* (переплету); *үвэс* (сено) — *үвэсөндө* (сену); *хүнэс* (провиант) — *хүнэсэндэ* (провианту).

Аффикс *-та* (*-то, -тэ, -тө*) употребляется после основ, оканчивающихся на согласные *б, г, д, р*: *хэб* (форма) — *хэбтэ* (форме); *дзэд* (медь) — *дзэдтэ* (меди); *дзасаг* (власть) — *дзасагта* (власти); *аадар* (ливень) — *аадарта* (ливню).

Характерно, что между основой, оканчивающейся на *р*, и аффиксом иногда вставляются звуки *ан* (по гармонии гласных): *абдар* (сундук) — *абдаранда* (сундуку); *тэндир* (небо) — *тэндирэндэ* (небу).

Винительный падеж. В данном говоре существительные в безаффиксальном винительном падеже встречаются значительно чаще, чем в литературном языке.

Аффиксальный винительный падеж имеет окончания *-ииг* (*-ыг*), *-ии* (*-ы*), *-г*.

Аффикс *-г* употребляется после основ с конечными долгими гласными и дифтонгами: *галуу* (гусь) — *галууг* (гуся); *гахаэ* (свинья) — *гахаэг* (свинью); *тохоэ* (локоть) — *тохоэг* (локтя); *чулуу* (камень) — *чулууг* (камня).

Аффикс *-ииг* (*-ыг*) ставится после основ, оканчивающихся на любой согласный и краткий гласный (при этом краткий гласный отбрасывается): *ава* (отец) — *авыг* (отца); *цаг* (время) — *цагыг* (время); *хул* (нога) — *хулыг* (ногу); *мэндэ* (здоровье) — *мэндыг* (здоровье); *халис* (шелуха) — *халисыг* (шелуху); *хон'и* (овца) — *хон'ииг* (овцу); *дал'и* (крыло) — *дал'ииг* (крыло).

Если имя оканчивается на заднеязычно-увулярный *н*, то между основой и аффиксом *-ыг* (*-ы*) вставляется *г*: *дзан* (нрав) — *дзангыг* (нрава); *дэн* (свеча) — *дэнгыг* (свечи).

¹ И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка, стр. 142.

² Исключением является, быть может, лишь одно имя *цаэ* (чай), оканчивающееся на дифтонг, но принимающее в цонгольском говоре и монгольском языке аффикс *-ны*, а в литературном бурятском языке *-гай*, а не *-н*. Цонг. *цаэны*, монг. *цайны*, лит. *сайгай* (чая).

Аффиксы *-ийг* (*-ыг*), *-г* имеются и в современном монгольском языке. В литературном бурятском языке вместо них употребляются аффиксы *-ише*, *-е*.

В отличие от литературного бурятского и монгольского языков в изучаемом говоре наряду с аффиксом *-ийг* (*-ыг*) весьма часто встречается его усеченная форма *-ии* (*-ы*), например: *хувуун* (мальчик) — *хувууны* (мальчика); *түрөл* (родственник) — *түрөлы* (родственника).

В данном случае формы родительного и винительного падежей в цонгольском говоре совпадают. Они различаются по значению лишь в связной речи: *хувууны ном* (книга мальчика) (род. п.) и *хувууны дууда* (повои мальчика) (вин. п.). Однако подобное совпадение наблюдается только тогда, когда аффикс *-ии* (*-ы*) наращивается на основы с конечным согласным. Если же основа оканчивается на краткий гласный, то в родительном падеже между основой и аффиксом *-ии* (*-ы*) появляется вставочный *н*. Например: *талха* (хлеб) — вин. п. *талхы* (хлеб), род. п. *талханы* (хлеба).

Совместный падеж. В цонгольском говоре совместный падеж образуется при помсци аффикса *-ты*. В современном монгольском и бурятском языках данный падеж имеет аффикс *-тай* (*-той*, *-тэй*). Эти аффиксы ставятся после основ, оканчивающихся на любой звук. Приведем примеры: цонг. *намагты* (болотистый), досл. «с болотом», монг., лит. *намагтай*; цонг. *дэвааты* (с перевалом), монг., лит. *даваатай*; цонг. *ногооты* (с травой), монг., лит. *ногоотой*; цонг. *галты* (с огнем), монг., лит. *галтай*. Как отмечалось выше, здесь в говоре произошла монофтонгизация.

Исходный падеж. Имя в исходном падеже как в цонгольском говоре, так и в монгольском языке принимает аффикс *-аас* (*-оос*, *-ээс*, *-өөс*).

Аффикс *-аас* (*-оос*, *-ээс*, *-өөс*) употребляется после основ, оканчивающихся на любой звук. При этом после основ с конечным заднеязычно-увулярным согласным *н* вставляется *г*; после основ, оканчивающихся на согласный *с* и дифтонг (всегда), а также на согласный *р* и любой гласный (факультативно) между основой и аффиксом появляется вставочный *н*. Примеры: *таг* (полка) — *тагаас* (с полки), *дээл* (шуба) — *дээлээс* (от шубы), *хамар* (нос) — *хамаргаас* (из носа), *абдар* (сундук) — *абдарнаас* (из сундука), ср. монг. *абдараас*, *тэндир* (небо) — *тэндирнээс* (с неба), ср. монг. *тэнгэрээс*¹, *ноос* (шерсть) — *ноосноос* (из шерсти), *хада* (гора) — *хаданаас* (с горы), *хана* (стена) — *хананаас* (со стены), *толгоэ* (голова) — *толгоэноос* (из головы), *гадзаа* (улица) — *гадзаанаас* (с улицы).

Как видно из примеров, многие слова, не имевшие в основе конечного *н*, по аналогии с именами с конечным скрытым *н* типа *мори* из *морин* (конь), в исходном падеже принимают этот согласный: *хана* (стена) — *хананаас* (со стены) вм. *ханаас*, *уула* (гора) — *уулнаас* (с горы) вм. *уулаас*.

Заметим здесь, что при присоединении к основе имени с конечным *д* аффиксов родительного, винительного, орудного и исходного падежей происходит в говоре своеобразное чередование: конечный *д* всегда заменяется звуком *с*. Например: *бурад* (бурят) — род. п. *буразсы*, вин. п. *буразсы(е)*, оруд. п. *буразсаар*, исх. п. *буразсаас*, но: дат.-местн. п. *бурадта*, совм. п. *бурадты*, ср. лит. *бурад* — *бурадай*, *бурадта*, *бурадые*, *бурадаар*, *бурадтай*, *бурадһаа*.

¹ В отличие от цонгольского говора в монгольском языке между конечным *р* основы и аффиксом исходного падежа не появляется вставочного *н*.

В литературном бурятском языке вместо *-аас* употребляется аффикс *-һаа* (по гармонии гласных): *һүүдэр* (тень) — *һүүдэрһээ* (от тени), *уһан* (вода) — *уһанһаа* (из воды), *һан* (казна) — *һанһаа* (из казны), *наран* (солнце) — *наранһаа* (от солнца).

Выше мы говорили о так называемом простом склонении, при котором к основе имени присоединяется аффикс лишь одного какого-нибудь падежа.

Исследуемому говору известно также и двойное склонение, при котором к основе одного и того же падежа присоединяются аффиксы двух разных падежей. Например: *авгында* (на квартире у дяди) от *агаа* (дядя) *+ын* (у дяди) *+да*, ср. моиг. *авгынд*, лит. *авгында*. Здесь имеем родительно-дательно-местный падеж. Или возьмем: *бороотыдо* (в дождливую погоду) от *бороо* (дождь) *+ты* (имеющий дождь) *+до*, ср. монг. *бороотойд*, лит. *бороотойдо*; здесь совместно-дательно-местный падеж; *үнэтыгээр* (дорого) от *үнэты* *+гээр*, ср. монг., лит. *үнэтэйгээр*; здесь совместно-орудный падеж.

Л и ч н о е п р и т я ж а н и е. Остановимся на притяжательном склонении, при котором к аффиксам соответствующего падежа присоединяются следующие лично-притяжательные частицы:

первое лицо ед. числа *-м*; мн. числа *-мнаэ*;

второе лицо ед. числа: *-ч*, *-чан* (*-чон*, *-чэн*, *-чөн*), *-чан'* (*-чон'*, *чэн'*, *-чөн'*); мн. числа *-тнаэ*;

третье лицо обоих чисел: *-н*, *-н'*.

Личное притяжание первого лица единственного числа в говоре имеет частицу *-м*, в монгольском языке — *минь*, а в литературном бурятском языке — частицы *-ни* (после конечного согласного основы или падежа), *-мни* (после конечного гласного или дифтонга). В цонгольском говоре частицы *минь*, *-ни*, *-мни* отсутствуют. Примеры: цонг. *гэрэм* (мой дом), ср. монг. *гэр минь*, лит. *гэрни*; цонг. ахам (мой старший брат), ср. монг. *ах минь*, лит. *ахамни*; цонг. *дүүм* (мой младший брат), ср. монг. *дүү минь*, лит. *дүүмни*.

Личное притяжание первого лица множественного числа в цонгольском говоре принимает частицу *-мнаэ*, в халхаском диалекте — *маань*, в литературном бурятском языке — *-най* (после конечного согласного основы или падежа), *-мнай* (после конечного гласного или дифтонга). Например: цонг. *гэрэмнаэ* (наш дом), ср. моиг. *гэр маань*, лит. *гэрнай*; цонг. *ахамнаэ* (наш брат), ср. монг. *ах маань*, лит. *ахамнай*.

Если личное притяжание второго лица единственного числа в изучаемом говоре имеет частицы *-ч*, *-чан*, *-чан'* (по гармонии гласных), то в литературном бурятском языке оно принимает частицу *-шини*, в монгольском языке — *чинь*. Например: цонг. *гэрч* (*гэрчэн*, *гэрчэн'*) — твой дом, *ахач* (*ахачан*, *ахачан'*) — твой брат, ср. лит. *гэршини*, *ахашини*, монг. *гэр чинь*, *ах чинь*.

Личное притяжание третьего лица (обоих чисел) в цонгольском говоре принимает частицу *-н* (наряду с *-н'*), а в современном монгольском и бурятском языках *-нь*. Например: *гэрэн* (его дом), *ахан* (его брат), ср. монг. *гэр нь*, *ах нь*, лит. *гэрынь*, *ахань*.

Если имя оканчивается на согласный, то между конечным согласным основой и лично-притяжательной частицей первого и третьего лица обоих чисел в говоре появляется вставочный гласный *а* (по гармонии гласных): цонг. *нүхэд* (друзья) — *нүхэсэм* (мои друзья), ср. лит. *нүхэд-ни*, монг. *нөхөд минь*; *хэрэг* (дело) — *хэрэгэмнаэ* (наши дела), ср. лит. *хэрэнай*, монг. *хэрэг маань*; цонг. *хүл* (нога), *хүлөн* (его, ее нога), ср. монг. *хөл нь*, лит. *хүлынь*.

Сравнительная таблица лично-притяжательных частиц

Число	Лицо	Цонг. говор	Монг. язык	Лит. бур. язык
Ед. ч.	1-е	-м	минь	-мни, -ни
	2-е	-ч (-чан, -чан')	чинь	-шни
Мн. ч.	1-е	-мнаэ	мань	-мнай, -най
	2-е	-тнаэ	тань	-тай
Ед. ч., мн. ч.	3-е	-н, -н'	нь	-нь

Безличное (или возвратное) притяжание. В говоре встречается безлично-притяжательная (или возвратно-притяжательная) частица *-аа* (по гармонии гласных), которая передает понятие *свой* и присоединяется к косвенным падежам. При этом между аффиксами родительного, совместного падежей и возвратно-притяжательной частицей *-аа* вставляется согласный звук *г*.

Приведем образцы склонения имен существительных с употреблением частиц возвратного притяжания.

Падежи		
Род.	гэры+гээ	мор'ины+гоо
Дат.-м.	гэрт-ээ	мор'инд+оо
Вин.	гэр+ээ	мор'+оо
Ор.	гэрээр+ээ	мор'оор+оо
Совм.	гэрти+гээ	мор'иты+гоо
Исх.	гэрээс+ээ	мор'иноос+оо

В отличие от цонгольского говора и литературного бурятского языка в халхаском диалекте частицей возвратного притяжания при родительном падеже является *-хаа* (*-хоо, -хээ, -хөө*) наряду с *-гаа* (*-гоо, -гээ, -гөө*). Например: монг. *малынхаа* (или *малынгаа*) — своего скота, ср. цонг. *малыгаа*, лит. *малайнгаа*; монг. *мориныхоо* (или *мориныгсо*) — своей лошади, ср. цонг. *мор'иныгоо*, лит. *моринойгоо*.

В отличие от изучаемого говора и монгольского языка в литературном бурятском языке в исходном падеже частицей возвратного притяжания служит *-аан* (*-оон, -ээн, -өөн*), где для различения частицы притяжания от падежного аффикса присоединяется *н*: лит. *гарһаа* (из руки) — *гарһаан* (из своей руки), ср. цонг. и монг. *гараасаа*.

Другой особенностью литературного языка можно считать то, что в нем возвратное притяжание в винительном и совместном падежах принимает вставочный звук *й*: *уһайаа* (*уһаяа*) — свою воду, *гэртэйээ* (*гэртээ*) — со своим домом. Этого мы не находим в цонгольском говоре и монгольском языке: цонг. *усоо*¹ (или *осоо*²), монг. *усаа* (свою воду); цонг. *гэртигээ*, монг. *гэртэйгээ* (со своим домом).

¹ У кяхтинских и бичурских цонголов.

² У селенгинских цонголов.

Особенности словообразования имен существительных. В говоре наблюдаются следующие характерные суффиксы:

-*нхаэ* (-*нхээ*). Данный суффикс служит средством словообразования от глагольных оснвов: *тули-* (гореть) — *тулинхээ* (подгоревшая хлебная корка), *уна-* (падать) — *унанхаэ* (эпилепсия);

-*уунаэ* (уменьш.-ласкат. при собственных именах): *Даша* — *Дашуунаэ* (соб. имя), *Дорджо* — *Дорджуунаэ* (соб. имя), *Дари* — *Дар'уунаэ* (соб. имя);

-*дэг*. Этот суффикс служит средством образования имен существительных от некоторых глагольных основ: *шэмэдэг* (герань луговая), от глагола *шэмэхэ* (высасывать сок)¹;

-*цог*: *оломцог* (тебенки седла), от существительного *олом* (подпруги).

В говоре находим также словообразовательные суффиксы, имеющие специфическое фонетико-морфологическое оформление:

-*дца* (-*дцо*, -*дцэ*)²: *угаадца* (помои). Этому суффиксу соответствуют: в литературном языке суффикс -*дахан* (-*донон*, -*дэһэн*), в монгольском -*дас* (-*дос*, -*дэс*). Ср. лит. *угаадаһан*, монг. *угаадас*;

-*аас* (-*оос*, -*ээс*, -*өөс*): *хучаас* (крыша), от глагола *хучха* (крыть), *хашиас* (переда или задники у унтов), от глагола *хашха* (пришивать), *хүшөөс* (стежка), от *хүшхэ* (стегать, приметывать);

-*аар* (-*оор*, -*ээр*, -*өөр*): *мушкөөр* (оторочка, обшивка), от глаг. *мушкөхө* (обшивать оторочкой), ср. монг. *мушгөөр*, лит. *мушхөөһэн*;

-*аанаг* (лит. -*аана*): *унтаанаг* (засоня), от глаг. *унтаха* (спать).

Ср. лит. *унтаана*;

-*сэ* (монг. -*сэг*): *үдзүүрсэ* (шкура овцы от весенней до осенней стрижки). Ср. монг. *үдзүүрсэг*.

В говоре находим ряд диалектных слов, которые возникли при помощи суффиксов, известных литературному и монгольскому языкам: -*даэ*: *улаадаэ* (цветок распутившейся сараны), от прил. *улаан* (красный), *дзургаадаэ* (шестерня), от числит. *дзургаа* (шесть); -*мал*: *буцамал* (вдова), от глагола *буцаха* (возвращаться назад).

Следует отметить, что словообразовательные суффиксы -*лга*, -*лта* являются очень продуктивными в литературном языке, но в рассматриваемом говоре они употребляются исключительно редко.

В говоре не наблюдаются случаи образования имен существительных посредством уменьшительно-ласкательного суффикса -*хан* (-*хон*, -*хэн*), часто используемого в литературном бурятском языке (главным образом под влиянием русского языка). Например: *үдэрхэн* (денечек)³, *амахан* (ротик)⁴, *Должидхон*⁵ (соб. имя — Должиточка), *Анихан*⁶ (соб. имя — Анечка).

Имя прилагательное

Грамматические формы и значения имен прилагательных во всех трех сопоставляемых языковых подразделениях одинаковы.

Сравнение предметов может быть передано при помощи имени существительного в исходном падеже и основы прилагательного: *гэрээс үндөр* (выше дома), *хөөнөөс хара* (чернее угля). При образовании сравнительной конструкции в говоре употребляются суффиксы -*аал* и -*шаг* (по гармонии гласных), которые показывают небольшое ступение ка-

¹ Растение имеет сладкий сок.

² Восходит к суффиксу -*дас* (-*дос*, -*дэс*, -*дөс*).

³ См.: И. В. Баранников. Русский язык. Улан-Удэ, 1953, стр. 3.

⁴ См. там же, стр. 112.

⁵ См.: Б. Батоев. Хандама. Улан-Удэ, 1959, стр. 14.

⁶ См.: Б. Санжин. Шэнэ зам. Улан-Удэ, 1959, стр. 115.

чества предмета по сравнению с качеством другого предмета. Например: *Бата Дашаас үндөршөг* (Бато немного выше Даши); *Хувуунтнаэ томо-джоол болоо*, от основы *томо-джоо* (взрослеть) — Ваш сын стал повзрослее.

Усиленность качества передается, во-первых, постановкой перед именем прилагательным слов *ухаангүй*, *араггүй*, *мүр талагүй*, *мүргүй*, *мүр мүчөгүй*, *дэн*, *муухаз*, *булаэ*, *будзар* и т. п. (исключительно, очень); *дзүгээргүй*, *яашагүй* (вполне); *бэр-бэр* (более, еще), *эгээ* (самый), в лит. *эгээн*, а в монгольском языке *эгээ* означает, наоборот, понятие — чуть, едва¹.

В говоре не употребительны слова *угаа*, *тон* (очень), которые имеют место в литературном бурятском языке, и слово *маш* (весьма, гораздо), которое характерно для халхаского диалекта.

Во-вторых, усиленность качества передается удвоением первого слова имени прилагательного (с некоторым фонетическим изменением): *мор монцогор* (совершенно круглый), *цаб цагаан* (белый-пребелый), *уб улаан* (красный-прекрасный).

Ослабленное качество выражается посредством суффиксов *-бтар*, *-шаг*, *-вар* (по гармонии гласных). Наиболее продуктивными в говоре являются суффиксы *-бтар*, *-шаг*: *шара* (желтый) — *шарабтар* (желтоватый), *нарин* (тонкий) — *нарибтар*, при этом конечный *н* основы отбрасывается (тонковатый); *томо* (большой) — *томошог* (большеватый), *набтар* (низкий) — *набтаршаг* (низковатый). Менее продуктивен суффикс *-вар*: *улаан* (красный) — *улавар* (красноватый), *цагаан* (белый) — *цаэвар* (беловатый).

Суффикс *-хан* (*-хон*, *-хэн*, *-хөн*) может выражать ослабленное или усиленное качество: *үндөрхөн* (высоковатый) от *үндөр* (высокий); *элихэн* (весьма четкий) от *эли* (четкий).

Сравнительно с литературным бурятским языком суффикс *-шаг* встречается в говоре реже. Например, он не употребляется с именами прилагательными, обозначающими цвет (в данном случае используется суффикс *-бтар*): если в лит. бурятском языке встречается прилагательное *харашаг* (черноватый), то в цонгольском говоре его нет, а говорят *харабтар*.

Характерно, что в литературном монгольском языке не обнаруживаются случаи употребления прилагательных с суффиксом *-шаг* (*-шог*, *-шэг*).

Особенности словообразования имен прилагательных. К характерным для цонгольского говора словообразующим аффиксам прилагательных можно отнести суффикс *-р*: *татар* (мелководная) от глагольной основы *тата-* (убывать): *усо татар базна* (река нынче мелководная).

В говоре находим также словообразовательные суффиксы, имеющие специфическое фонетическое оформление: *-мицуу* (лит. и монг. *-мсог*): *гоёмцуу* (модный), ср. лит., монг. *гоёмсог*, от прилагательного *гоё* (красивый); *-саг* (монг. *-суу*, лит. *-ша*): *махсаг* (любящий мясо), ср. монг. *махсуу*, от существительного *маха* (мясо), лит. *мяхаши*.

Имя числительное

По своему образованию и употреблению числительные в цонгольском говоре, литературном бурятском и монгольском языках в основном сходны.

¹ См.: «Монгольско-русский словарь». Под общ. ред. А. Лувсандэндэва, стр. 666.

В рассматриваемом говоре количественные числительные первого десятка¹ и числительные, обозначающие десятки², в отличие от таких современных бурятского и монгольского языков, в именительном падеже произносятся всегда без *н*: *нэгэ* (один), *гурва* (три), *дүрвэ* (четыре), *арва* (десять), *дүчө* (сорок), *дзуу* (сто), ср. лит. *нэгэн*, *гурбан*, *дүрсэн*, *арбан*, *дүшэн*, *зуун*³. Однако в числительных второго десятка для обозначения десятков появляется *н*: *арван нэгэ* (одиннадцать), ср. лит. *арба нэгэн*; *хорин тава* (двадцать пять), *дзуун назма* (сто восемь).

При счете календарных дней в числительных, обозначающих десятки, также появляется *н*. Так, на вопрос: *Мүнөөдөр хэдэмбэ?* (Сегодня которое число?) носители говора отвечают: *нэгэн* (первое число), *гурван* (третье), *хорин* (двадцатое), *гучан* (тридцатое).

Некоторые расхождения наблюдаются в оформлении порядковых числительных. В цонгольском говоре порядковые числительные образуются от количественных посредством присоединения суффиксов *-дти* (фонетический вариант суффикса *-дхи*) и *-дугаар* (*-дүгээр*). Например: *нэгэдти* (*нэгэдхи*) — первый, *тэвэдти* (*тавадхи*) — пятый; *юсдүгээр* (девятый), *арвдугаар* (десятый).

В литературном языке не употребляется суффикс *-дугаар* (*-дүгээр*), который бытует в цонгольском говоре и монгольском языке. В халхаском диалекте отсутствует суффикс *-дах* (*-дохи*, *-дэхи*), употребляющийся в литературном бурятском языке и цонгольском говоре. Наличие в данном говоре суффикса *-дах* (*-дохи*, *-дэхи*, *-дөхи*) наряду с суффиксом *-дугаар* (*-дүгээр*) свидетельствует о влиянии литературного языка и хоринского наречия на цонгольский говор, в частности, на его грамматический строй.

Собирательные числительные образуются от количественных числительных посредством присоединения суффикса *-уулаа* (*-үүлээ*): *гурвуулаа* (втроем), *дүрвүүлээ* (вчетвером), *дзургаалуулаа* (вшестером). В халхаском же диалекте данные числительные образуются при помощи аффикса *-уул* (*-үүл*): *гурвуул*, *дүрвүүл*, *дзургуул*. В современном бурятском языке собирательные числительные образуются посредством приращения главным образом суффиксов *-уулан* (*-үүлэн*), *-луулан*: *гурбуулан*, *дүрбүүлэн*, *зургаалуулан*.

Отличие говора в отношении образования разделительных числительных является отсутствием в нем числительных *нэгжээд* (по одному), *хошоод* (по два), которые имеют место в монгольском и бурятском языках. Разделительность предметов, выражаемых этими числительными, в нашем говоре обозначается посредством повторов: *нэгэ нэгээр* (по одному), *хоёр хоёроор* (по два).

Имена числительные изменяются по падежам так же, как и существительные.

Местоимение

Сравнительно с литературным бурятским языком особенность склонения личного местоимения *биш* (я) в изучаемом говоре сводится к тому, что оно в дательном-местном, орудном, совместном и исходном падежах принимает иную форму. А именно: *нада*, ср. лит. *намда* (мне), *надаар*, ср. лит. *намаар* (мною), *надаты*¹, ср. лит. *намтай* (со мной), *надаас*,

¹ За исключением числительного *хоёр* (два).

² Числительное *мянга* (тысяча) произносится также без *н* (ср. лит. *мянган*, монг. *мянга* и *мянган*).

³ В современном монгольском языке они могут произноситься и с *н* и без него: *нэг* — *нэгэн* (один), *гурв* — *гурван* (три), *хорь* — *хорин* (двадцать) и т. п.

⁴ Монг. *надтай*.

ср. лит. *намһаа* (от меня). Но в винительном падеже как в цонгольском говоре, так и в халхаском диалекте местоимение *бии* (я) имеет форму *намаэ* (меня), монг. *намайг*, ср. лит. *намайе*. Падежные формы данного местоимения в изучаемом говоре и монгольском языке в основном совпадают (в говоре нет формы *надад*, которую находим в монгольском наряду с *над*—мне).

Склонение остальных личных местоимений существенных отличий не имеет. Отдельные случаи фонетических различий между ними те же, что при склонении имен существительных.

Приведем образцы склонения личных местоимений.

Падеж	Число единственное			Число множественное		
	лицо			лицо		
	первое	второе	третье	первое	второе	третье
Им.	бии	чи (таа)	тэрэ	бидэ(бэди)	гаанар	тэдэ
Род.	мэн'ин	чины	тэрны	бидны	таанары	тэдны
Дат.-мест.	нада	чамада (ганда)	тэрээндэ	бидэндэ	таацарта	тэдэнлэ
Вин.	намаэ (г)	чамаэ (г)	тэрны (г) тэрээнэ (г)	бидны (г)	таанары (г)	тэдны (г)
Орудн.	надаар	чамаар (ганаар)	тэрнээр (тэрээгээр)	биднээр	таанараар	тэднээр
Совм.	надты	чамты (ганты)	тэрээнты	бидэнтэ	таанарты	тэдэнтэ
Исх.	надаас	чамаас (ганзас)	тэрнээс (тэрээнээс)	биднээс	таанараас	тэднээс

В говоре имеются указательные местоимения: *энэ* (этот), мн. число *эдэ* (эти), *тэрэ* (тот), мн. число *тэдэ* (те), *шимэ* (такой), мн. число *шимэнүүд* (такие), *тымэ* (такой), мн. число *тымэнүүд* (такие), *эды* (столько), *тэды* (столько), *үнөөх*¹, *үнөөхэ*² (тот).

Приведем образцы склонения указательных местоимений *энэ* (этот), *тэрэ* (тот).

Падеж	Цонгольский говор		Литературный язык		Монгольский язык	
Им.	энэ	тэрэ	энэ	тэрэ	э'э	тэр
Род.	энээнэ	тэрээнэ	энээнэй	тэрээнэй	үүнний	түүний
Дат.-мест.	энээндэ	тэрээндэ	энээндэ	тэрээндэ	үүнд	түүнд
Вин.	энээны (г)	тэрээны (г)	энээшине	тэрээшине	үүнийг	түүнийг
Орудн.	энээгээр	тэрээгээр	энээгээр	тэрээгээр	үүнээр	түүнээр
Совм.	энээнтэ	тэрээнтэ	энээнтэй	тэрээнтэй	үүнтэй	түүнтэй
Исх.	энээнээс	тэрээнээс	энээнлээ	тэрээнлээ	үүнээс	түүнээс

¹ У кяхтинских цонголов. Ср. монг. *өнөөх*.

² У селенгинских цонголов.

Сравнительно с литературным языком в местоимении *тымэ* (такой) в изучаемом говоре (и в халхаском диалекте) звук *т* не палатализуется (ср. цонг. *тымэ*, лит. *т'шимэ*).

Следует уиомянуть, что в говоре не встречается местоимение *тус* (данный), которое находим в современном монгольском и бурятском языках.

Из особенностей местоимений других разделов нужно указать на наличие в цонгольском возвратного местоимения *өөснөө* (сама) вм. халхаского *өөрсдөө*, литературного *өөһэдөө*, а также глагольных местоимений *эчгэ-* (делать как это), *тэгэ-* (делать как то) вместо монгольских *ий-*, *тий*¹, литературных *шигэ-*, *тиигэ-*.

Глагол

Изьявительное наклонение. В исследуемом говоре, как и в литературном бурятском языке, имеются личные показатели сказуемости — усеченные формы личного местоимения. Например: цонг. *яванаб*, лит. *ябанаб* (я иду); цонг. *яванабди*², лит. *ябанабди* (мы идем); цонг. *яванач*, лит. *ябанаш* (ты идешь), цонг. *яванат*, лит. *ябанат* (вы идете).

Современный монгольский язык характеризуется фактическим отсутствием показателей сказуемости. Значение лица в монгольском языке передается при помощи самостоятельных местоимений, стоящих перед глаголами. Примеры: *би явна* (я иду), *бид явна* (мы идем), *чи явна* (ты идешь), *та нар явна* (вы идете).

В отличие от литературного языка в халхаском диалекте и цонгольском говоре бытует форма недавнопрошедшего (второго прошедшего) времени, которая имеет аффикс *-лаа* (*-лоо*, *-лөө*) в монгольском языке, аффикс *-лаэ* (*-лоэ*, *-лээ*) в цонгольском говоре³. Приведем один пример, характерный для этой формы прошедшего времени в исследуемом говоре: *Эдгөө хүлтөр хар аджил хииджэл үнгэрлээ дөө. Малан аджалдач явалцалаэ даа. Биргэдицрээрч яваад үдзэлээ. Тэгээд үнөө аджалаас суллагдаад, амаралтанда баэнаб*⁴ (До сих пор я занимался физическим трудом, работал на животноводстве, немного поработал и бригадиром. Сейчас нахожусь на отдыхе).

В отличие от цонгольского говора и бурятского языка в современном монгольском языке имеет место давнопрошедшее (третье прошедшее) время, образующееся при помощи суффиксов *-джээ*, *-чээ*: *дзааджээ* (указал), *олджээ* (нашел), *гарчээ* (вышел), *үгчээ* (дал), *авчээ* (взял).

Повелительно-желательное наклонение. Обращение к первому лицу единственного числа в говоре имеет аффикс *-суу* (*-сүү*), в литературном бурятском языке — *-һуу* (*-һүү*) и к ним присоединяются личные показатели *-б*, *-бди*. А в монгольском языке форма первого лица обоих чисел образуется при помощи аффиксов *-е*, *-э*, *-я*⁵.

Обращение к первому лицу множественного числа в изучаемом говоре имеет специфический аффикс *-ы* (у селеинских цонголов),

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык. М., 1959, стр. 53.

² В отличие от хоринского наречия, в цонгольском говоре часто происходит выпадение звука *б* из частицы *-бди*. У носителей говора нередко можно услышать, например: *яванади* (мы идем), *очоноди* (мы уходим), вм. *яванабди*, *очонобди*.

³ Преимущественно у цонголов Кяхтинского аймака.

⁴ Записано в ул. Большелуг, Кяхтинского аймака, БурАССР.

⁵ Кроме того, форма первого лица единственного числа образуется посредством суффикса *-с гай* (*-сүгэй*) и выражает намерение, желание, решимость совершить то или иное действие.

-ый (у кяхтинских и бичурских цонголов), а в литературном бурятском языке аффикс -я, -е, -ё с личным показателем -бди.

Примеры: цонг. *явасуу* (гойду-ка), лит. *ябануу*, монг. *явья* (первое лицо единственного числа); сел.- цонг. *явайы*, кях.-цонг. *явий* (пойдем-ка), лит. *ябая(бди)*, монг. *явья* (первое лицо множественного числа).

Следующей особенностью повелительно-желательного наклонения нужно считать то, что обращение ко второму лицу единственного числа (когда обращение означает просьбу совершить действие в будущем) в цонгольском говоре имеет суффикс -аары, а в современном монгольском¹ и бурятском языках -аарай (-оорой, -ээрэй, -өөрэй)². Например: цонг. *яваары* (сходи), лит. *ябаарай(ш)*, монг. *яваарай*.

Обращение ко второму лицу множественного числа в говоре оформляется аффиксами -аарагты (-оорогты, -ээрэгты, -өөрөгты), в литературном бурятском языке аффиксами -аарайт (-ооройт, -ээрэйт), в халхаском диалекте аффиксами -гтун, -гтүн (с оттенком вежливости, а также в призывах), -аарай (-оорой, -ээрэй, -өөрэй).

Приведем примеры: цонг. *гараарагты* (выходите), *ороорогты* (заходите), *ерээрэгты* (приходите), ср. лит. *гараарайт*; монг. *гарагтун*, *орогтун*, *ерэгтүн* (в знач. вежливости), *гараарай*, *ороорой*, *ерээрэй* (в обычной форме).

Обращение к третьему лицу обоих чисел в говоре принимает аффикс -аасы, а в литературном языке данная форма пожелания оформляется аффиксом -хай (-хой, -хэй), в монгольском языке аффиксом -аасай.

Например: цонг. *ерээсы* (хорошо бы, если бы пришел, или пришли), *ороссы* (хорошо бы, если зашел, или зашли), *үгөөсы* (хорошо бы, если бы дал или дали); ср. лит. *ерэнэй*, *орохой*, *үгэнэй*; монг. *ирээсэй*, *ороосой*, *өгөөсэй*.

В бурятском языке и в рассматриваемом говоре отсутствует желательная форма первого лица с аффиксом -сугай (-сүгэй), которая имеется в монгольском языке: *явсугай* (пойти бы мне или нам), *бичсүгэй* (написать бы мне или нам).

Весьма показательно, что в цонгольском говоре³ (как и в халхаском диалекте) бытует просительная форма второго лица с аффиксом -аа (-оо, -ээ, -өө) плюс -ч (в единственном числе) и -т (во множественном числе). Например: цонг., монг. *аваач!* (возьми же!), *аваат!* (возьмите же!), *ерээч!* (приходи же!), *ерээт!* (приходите же!), *үгөөч!* (дай же!), *үгөөт!* (дайте же!). Ср. лит. *абыш*, *абыт*; *ерыш*, *ерыт*; *үгыш*, *үгыт*.

Таким образом, в сопоставляемых языковых подразделениях наблюдается разнообразие вариантов суффиксов повелительно-желательного наклонения. А в его значениях отклонений не обнаружено.

В области словообразования глаголов имеются лишь отдельные случаи фонетических различий, на которых не останавливаемся.

Причастие

Сравнительно с литературным бурятским языком в цонгольском говоре не используется причастие давнопрошедшего времени с аффиксом -нхай (-нхой, -нхэй). Оно передается в говоре посредством аффиксов

¹ В халхаском диалекте обращение ко второму лицу и во множественном числе принимает этот аффикс — *-аарай*.

² С последующим прибавлением показателя лица -ш в литературном бурятском языке.

³ Преимущественно у цонголов Кяхтинского и Бичурского аймаков.

простого прошедшего времени *-аа* (*-оо*, *-ээ*, *-өө*). Например: лит. *язанхай* (ушел), цонг. *яваа*; лит. *ерэнхэй* (пришел), цонг. *ерээ*; лит. *мэрдонхой* (отправился), цонг. *мордоо*.

В отличие от монгольского и литературного бурятского языков, в говоре отсутствует также однократное причастие с аффиксом *-гши* (*-гшио*, *-гшиэ*) — в литературном бурятском языке, *-гч* — в монгольском языке. В говоре это причастие передается посредством аффикса многократного причастия *-даг* (*-дог*, *-дэг*, *-дөг*). Например: лит. *ерэгшэ* (приходит), *ошогшо* (уходит), *хөөрэгшэ* (рассказывает), ср. цонг. *ердэг*, *очидог*, *хөөрдөг*.

Если многократное причастие принимает отрицание *-гүй*, то, в отличие от литературного бурятского языка, в исследуемом говоре и халхаском диалекте конечный звук причастия *г* перед отрицанием часто выпадает. Например: *биш аздаагүйб* (я не боюсь), ср. лит. *би айдаагүйб*, монг. *би айдаагүй*¹.

Причастие прошедшего времени в монгольском языке отличается от такового в бурятском языке и цонгольском говоре тем, что оно, образовавшись посредством аффикса *-сан* (*-сон*, *-сэн*, *-сөн*), может выражать в то же время законченную мысль. Например: монг. *Бат ирсэн* (Бато приехал), ср. цонг. *Бата ерээ* и лит. *Бата ерээ*.

Деепричастие

Соединительное деепричастие в цонгольском говоре и современном монгольском языке образуется при помощи аффиксов *-ч²* (после основ, оканчивающихся на согласные, кроме *л*, *м*, *н*) и *-дж* (после основ, оканчивающихся на согласные *л*, *м*, *н* и гласные). А в литературном бурятском языке данное деепричастие образуется посредством аффикса *-жа* (*-жо*, *-жэ*) — после основ с любым конечным гласным и согласным. Например: цонг., монг. *тэсч* (терпя) от *тэсхэ* (терпеть), ср. лит. *тэсэжэ*.

В говоре весьма часто происходит органическое сращение (стяжение) соединительных деепричастий с вспомогательными глаголами *базха* (быть, находиться), *орхихо* (оставить), *ерхэ* (прийти). Например: кяхт.-цонг. *нюучша*, сел.-цонг. *нюуотиха* (взять да спрятать) от *нюудж орхихо* дословно «пряча оставить», ср. лит. *нюужархиха*; кяхт.-цонг. *цохичшоо*, сел.-цонг. *цодтео* (взял да набил) от *цохидж орхёо*, ср. лит. *сохижорхёо*.

В отличие от современного бурятского и монгольского языков в рассматриваемом говоре очень редко употребляется слитное деепричастие с аффиксом *-н*. В значении последнего носителями говора используются, главным образом, аффиксы соединительного деепричастия (*-дж*, *-ч*): цонг. *бээдж ядадж суува* (сидел кое-как), досл. «кое-как находясь, сидел», ср. лит. *байжа ядан нууба*, монг. *байдж ядан суув*.

Когда слитное деепричастие принимает отрицание *-гүй*, то в отличие от современного бурятского языка в цонгольском говоре между конечным *н* деепричастия и отрицанием всегда вставляется гласный звук: цонг. *Намаэг аванагүй яваа* (Не взяв меня, уехал), ср. лит. *Намайе абангүй ябаа*; цонг. *Гэртээ хүрнөгүй ерээ* (Не дойдя домой, вернулся), ср. лит. *Гэртээ хүрэнгүй ерээ*.

¹ О выпадении конечного *-г* перед отрицанием *-гүй* в речи халхасцев сообщил нам студент ЛГУ Лувсандаш Содов, халха-монгол из Булганского аймака МНР.

² Этот суффикс, очевидно, является фонетическим вариантом аффикса *-дж*, который при выпадении гласного основы ассимилировался с предыдущим согласным.

Цонгольское и современное бурятское предельное деепричастие образуется при помощи аффикса *-тар* (*-тор*, *-тэр*, *-төр*)¹, а монгольское — при помощи *-тал* (*-тол*, *-тэл*, *-төл*). Например: цонг., лит. *гартар* (пока не выйдет), *ортор* (пока не зайдет), *ертэр* (пока не придет), ср. монг. *гартал*, *ортол*, *иртэл*.

Показательно, что в халхаском диалекте предварительное деепричастие образуется при помощи аффикса *-магц* (*-могц*, *-мэгц*, *-мөгц*), а в нашем говоре и литературном бурятском языке — *-мцаар* (*-мицоор*, *-мцээр*, *-мцөөр*)². Например: цонг. *явамцаар*, лит. *ябамсаар* (лишь только пошел), ср. монг. *явамгац*; цонг. *оромцоор*, лит. *оромсоор*, ср. монг. *ормогц* (лишь только вошел); цонг. *ерэмцээр*, лит. *ерэмсээр*, ср. монг. *ирмэгц* (лишь только прибыл).

Попутное деепричастие в цонгольском говоре и современном бурятском языке образуется аффиксом *-нгаа* (*-нгоо*, *-нгээ*, *-нгөө*), а в монгольском языке — посредством аффикса *-нгууд* (*-нгууд*). Например: цонг., лит. *явангаа* (идя, в момент хождения), *ерэнгээ* (прибывая), *оронгоо* (заходя), ср. монг. *явангууд*, *ирэнгүүд*, *оронгууд*.

Весьма характерно, что аффикс *-нгаа* (*-нгоо*, *-нгээ*, *-нгөө*) в халхаском диалекте образует заменное деепричастие со значением «вместо того чтобы» (в цонгольском говоре и литературном бурятском языке этот аффикс образует, как уже отмечено, попутное деепричастие). Например: монг. *явангаа* (вместо того чтобы идти)³, ср. цонг., лит. *ябангаа* (идя, в момент хождения).

Наречие

В говоре находим наречия, которые отсутствуют или редко используются в сравниваемых языках. Например, наречие времени: *нөөхөд* (недавно), ср. лит. *тээсгэн*, *тээмэндэ*, монг. *сая* — от основы *үнөө*, *мүнөө*; *нугтуй* от стяжения слов *нэгэ* и *хэды* (немного — о времени): *нугтуй баэха* (несколько времени побудет); *нэгсэг* (немного — о времени): *нэгсэг гадзаагуур яваад ер* (немного прогуляйся по улице); *дзаримтыдаа* — от слов *дзарим* и *тээдээ* (иногда), ср. лит. и монг. *заримдаа*; *харигтаа* от стяжения слов *харин* и *эгтээ* (вдруг; ни с того, ни с сего).

Наречие меры и степени: *дун* (исключительно), *дун эндэхи* (исключительно здешние).

В цонгольском говоре и литературном бурятском языке имеются наречия, не употребляющиеся в монгольском языке: *тугаар* (недавно). *хаа ганца*, лит. *хаа ганса* (кое-когда).

Служебные слова

Значительные расхождения в сравниваемых языковых единицах обнаруживают служебные слова.

Послелог. В современном бурятском языке имеется послелог *соо* (в, внутри), указывающий месторасположение чего-нибудь в чем-либо. В цонгольском говоре этот послелог в указанном значении не употребляется, вместо него употребителен послелог *дотор*: лит. *ой соо* (в лесу), цонг. *оэ дотор*.

В значении монгольского послелога *өмнө* (перед, впереди) в изуча-

¹ Вариант *-төр* в литературном бурятском языке не употребляется.

² В литературном бурятском языке звучит *-мсаг* (*-мсоор*, *-мсээр*, *-мсөөр*).

³ См.: Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык. М., 1959, стр. 71.

емом говоре и литературном бурятском языке используется послелог *урда*, употребляющийся для передачи как временных, так и локальных отношений. Он управляет родительным и исходным падежами: *Тэрны урда Базнаб* (Стою перед ним).

Современному бурятскому языку и говору цонголов присущ послелог направления *гудор*, лит. *худар* (туда), управляющий основой.

Послелог монгольского и литературного языков *туриша*, монг. *туриш* (в течение) в исследуемом говоре соответствует послелог *цоо*: цонг. *джэл цоо* (в течение года), ср. лит. *жэлэй туршада*, монг. *жилийн туршид*. Эти послелогии употребляются во временном значении. Послелог *цоо* управляет именительным падежом, а *туриша* (*туриш*) — родительным падежом. Последний нередко сопровождается дательно-местным падежом.

В отличие от халхаского диалекта в цонгольском говоре и литературном бурятском языке часто употребляется послелог *тооны*, лит. *тооной* (почти): *ганцаараа тооны*, лит. *гансаараа тооной* (почти один), *мүнгэгүй тооны*, лит. *мүнгэгүй тооной* (почти без денег).

С другой стороны, в нашем говоре и монгольском языке широко бытует послелог *болгон* (каждый), например: *хүн болгон* (каждый человек), ср. лит. *хүн бүхэн*.

По сравнению с современным бурятским и монгольским языками в говоре исключительно редко встречается послелог *мүтэ*, лит. *мэтэ*, монг. *мэт* (подобно). Вместо него употребляется послелог *шэнгэ* (подобно, вроде), также имеющий место в современном монгольском (*шиг*) и бурятском (*шэнги*) языках.

В исследуемом говоре употребителен указательно-утвердительный послелог *гээч* (то): *Талха гээч азмашты гарна* (Урожай-то исключительно хороший).

С о ю з ы. Из сочинительных союзов в этом говоре имеют употребление противительные союзы *тэгээд* вм. лит. *тшигээд*, *болоод* вм. лит. *аад* (а), *харин* (однако, но), соединительный союз *болоод* вм. лит., монг. *ба*, *болон* (и), разделительный союз *гү*, *али* (или), ср. монг. *буюу*.

Из подчинительных союзов данному говору известны *хэрвээс*, лит. *хэрбээ*, монг. *хэрэв*; *ханаэ* (с вариантом *ханаа*), *хадэ*, *бол* вм. лит. *һаа*¹, соответствующие русскому *если*.

Союзы *ханаэ* (иногда *ханаэ*), *хадэ* носят диалектный характер: *очхол ханаэ очооч* (если пойдешь, так иди); *чиныь ерхэ хидэ гэртээ бэхлэ* (если ты придешь, буду дома). Вместо этих союзов в современном бурятском языке употребляется союз *һаа*, в монгольском — *бол*. К этим союзам диалектного порядка можно отнести противительный союз *болоод*, лит. *аад* (а): *Хэлэгүй болоод хэлдэг, хүлгүй болоод явдэг*² (Нет языка, а говорит, нет ног, а ходит — загадка. Отгадка *члэс* — часы).

Союз *зүгөөр* (однако), *ба*, *болон* (и), характерные для литературного бурятского языка, *бээгээд* (и), *буюу* (или), быгующие в монгольском языке, не присущи цонгольскому говору.

Частицы. Частицы в говоре представлены в следующем виде.

1. Утвердительные частицы *дэл* (по гармонии гласных)³, *ем* (лит. и монг. *юм*), *бшуу* (*бш/ү*), *шуу* (*шүү*)⁴, *сэч* (лит. *һэч*), *бэлээ*.

¹ Союз *һаа* (лит. *һаа*) совершенно не употребляется среди цонголов Кяхтинского и Бичурского аймаков, спорадически используется селенгинскими цонголами.

² Загадка записана в ул. Ульзетуй, Кяхтинского аймака.

³ В литературном бурятском языке частица *даа* не подчиняется гармонии гласных.

⁴ Частица *шуу* (*шүү*) используется в говоре реже, чем *бшуу* (*бш/ү*), ср. лит. *бшуу*, монг. *шуу* (*шүү*).

Утвердительную частицу литературного языка (хоринского наречия) *агша* цонгольский говор и халхаский диалект совершенно не знают.

2. Отрицательные частицы *бүү* (лит. *бу*, монг. *буу*, *бүү*), *битгий*¹, *бэшэ*, *-гүй*. «Общеизвестной формой отрицания при повелительном наклонении глагола во всех монгольских языках является *бу* «не». Отрицание же *битгий*, употребляемое преимущественно в разговорном языке монголов, отсутствует в бурятском языке»².

В говоре не бытуют частицы отрицания *үл*, *эс*, имеющие место в монгольском языке, и *-дүй*, употребляющаяся в литературном бурятском языке.

3. Уступительные частицы *-ч*, *-чаг* в говоре используются вместо литературной *-шве* (ср. монг. *-ч*) и придают слову оттенок безразличия, неопределенности и усиления: цонг. *ямарчаг ем базха* (все может быть), ср. лит. *ямаршве юмэн байха*; монг. *ямарч юм байха*.

4. Частица логического ударения *-л*. Если она стоит после согласных, то перед ней появляется гласный звук. В современном бурятском языке после согласных ставится частица *-ла* (*-ло*, *-лэ*). Например: цонг. *ерэгэл* (пусть приходит), монг. *ирэг лэ*, лит. *ерэг лэ*.

5. Вопросительные частицы *юү*³ (монг. *юу*, *юү*), *гүү*¹ (лит. *гү*), *уу*, *үү* (ср. монг. *уу*, *үү*), *б* (лит. и монг. *бэ*), *аа гүү*, *ааб*, *хаяа*, *-лтаэ* (лит. *алтай*), *б'ии* (лит. *бы*), *бэдэ* (лит. *бэээ*, монг. *биз*), *аавэдэ* (лит. *аавза*).

6. Личные частицы первого лица единственного числа *-б* (ср. монг. *минь*), множественного числа *-бди*, *-ди* (ср. монг. *маань*), второго лица единственного числа *-ч* (ср. монг. *чинь*, лит. *-ш*), множественного числа *-т*.

В отличие от литературного бурятского языка из частицы *-бди* нередко выпадает звук *б*, главным образом в речи кяхтинских и бичурских цонголов: *чучууди*, ср. лит. *сасуубди* (мы ровесники); *ерээд'и*, ср. лит. *ерэбди* (мы пришли).

Междометие. Приведем несколько характерных примеров клича домашних животных и птиц:

а) междометия в значении «прочь!»: *хуиис!* (окрик на свиней); *хаадь!* (окрик на лошадей); *чаадь!* (окрик на коз); *таадь!* (окрик на овец); *хөөч!* (окрик на крупный рогатый скот);

б) междометия в значении «стой! куда?!»: *чаа!* (окрик на коз); *хаа!* (окрик на скров); *кудаа!* (окрик на лошадей); *хулваэ!* (окрик на овец), ср. лит. *хулай!*;

в) междометия в значении «иди сюда!»: *джиб-джиб!* (к курам), *джуу-джуу!* (к козам), *чууг-чууг!* (к свиньям), *пр'оо-пр'оо* (к овцам), *өө-өө-өө!* (к коровам).

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

Порядок членов предложения. Общий порядок расположения членов предложения в сравниваемых языковых подразделениях одинаков: определение и подлежащее ставятся перед определяемыми и сказуемым. Тем не менее в исследуемом говоре обнаруживаются некоторые отклонения в строе предложения от литературной нормы.

Так, если в монгольском и бурятском литературном языках сказуемое всегда остается на последнем месте, то в цонгольском говоре после

¹ Употребляется в говоре реже, чем частица *бүү*.

² Д. А. Алексеев. Грамматическая категория отрицания в монгольских языках. См.: «Вестник ЛГУ». 1957, № 98, стр. 114.

³ Употребляется среди кяхтинских и бичурских цонголов.

⁴ Используется среди селенгинских цонголов.

сказуемого нередко оказываются другие члены предложения. Приведем примеры:

Цүхөч оэрхон доо эндээс вм. обычного *Эндээс Цүхөч оэрхон доо* (Чикой [река] отсюда совсем близко).

*Талха ехэ хомор базгаа урдач*¹ вм. *Урдач талха ехэ хомор базгаа* (Раньше хлеба было очень мало).

*Янаваар сараас эхилдж гараад баэнаб амаралтанд*² вм. *Янаваар сараас эхилдж амаралтанд гараад баэнаб* (С января месяца я нахожусь в отпуске [на пенсии]).

*Голдуу эшгы гэртү базгаа гүэдээ урдач*³, вм. *урдач голдуу эшгы гэртү базгаа гү эдээ* (Раньше-то в основном в войлочных юртах жили).

Огроссы биргэд'иир сэн дээ манэ үгөн вм. *Манэ үгөн огроссы биргэд'иир сэн дээ* (Наш старик [муж мой] работал бригадиром огородной бригады)⁴.

В современном бурятском языке причастные и деепричастные обороты ставятся впереди сказуемого или главного предложения. А в описываемом говоре нередко наблюдается обратное, например: *Яваа морёо уноод*⁵ вм. *Морёо уноод яваа* (Уехал, сев верхом на коня); *Уилна вэдд'ээ ондоо хүнд очхсдоо*⁶ вм. *Ондоо хүнд очхдоо уилна вэдд'ээ* (Если оставишь [ребенка] с чужими людьми, он будет плакать).

С о г л а с о в а н и е. Если в литературном языке нередко наблюдается согласование в числе определения с определяемым или подлежащего со сказуемым, то в цонгольском говоре такого согласования не наблюдается.

В литературном бурятском языке «иногда форму множественного числа принимает определение, а не определяемое, формально остающееся в единственном числе»⁷. Однако в говоре подобный переход формы не наблюдается. Например, лит. *ехэнүүд гэр* (большие дома), ср. цонг. *ехэ гэрнүүд*.

В в о д н ы е с л о в а. Из слов, грамматически не связанных с предложением, весьма употребительны в говоре слова *хари* (видимо, вероятно), *угтоо* (по существу, в общем). Они могут встречаться и в начале, и в середине, и в конце предложения.

Примеры: *Патрээдч гэхэ, каартачкач гэхэ. Угтоол дүри гэхэ базгаа даа. Урд цагт базаагуи*⁸—«Назыряют и портретом и карточкой (речь шла о фотокарточках. — Ц. Б.). По существу надо бы говорить «снимки». Раньше их не было (у нас)». *Эндэч угтоо мал барихад саян гадзар даа* (Здесь в общем хорошо разводить скот). *Тымэл базгаа ем угтоо* (Так по существу и есть). *Удэшилэн тээшээ эдэжы ерхэ бэйүү хари* (К вечеру мама придет, вероятно).

П р я м а я и к о с в е н н а я р е ч ь. В литературном бурятском языке прямая или косвенная речь ставится, как правило, впереди вводящих слов. Однако в изучаемом говоре прямая и косвенная речь (вместе со словом *гэдж*) зачастую оказывается после вводящих слов. Например: *Хэлээры дээ Джамсаты ерхэ гэдж* вм. *Джамсаты ерхэ гэдж хэлээры дээ* (Передай-ка, чтобы он приехал с Жамсой).

¹ Зарегистрировано в ул. Бараний Луг, Селенгинского аймака.

² Записано в ул. Большелуг, Кяхтинского аймака.

³ Отмечено в ул. Хилгантуй, Кяхтинского аймака.

⁴ Зафиксировано в ул. Хилгантуй, Кяхтинского аймака.

⁵ Записано в ул. Бурдун, Кяхтинского аймака.

⁶ Зарегистрировано в ул. Средний Харлун, Бичурского аймака.

⁷ Г. Д. С а н ж е е в. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941, стр. 85.

⁸ Записано в ул. Кудара-Сомон, Кяхтинского аймака со слов осведомителя Г. Ц. Доржиева, рождения 1888 г.

При сравнении лексики цонгольского говора со словарным составом литературного бурятского и монгольского языков наблюдаются две линии расхождения: собственно-лексические и лексико-семантические.

К собственно-лексическим расхождениям можно отнести: а) полные лексические расхождения; б) частичные лексические расхождения.

К лексико-семантическим расхождениям могут быть отнесены: а) полные смысловые расхождения; б) частичные смысловые расхождения.

Собственно лексические расхождения

Полные лексические расхождения. К полным лексическим расхождениям относим слова, отсутствующие в сравниваемых языках или имеющие различную внутреннюю форму.

Ниже приведем краткое описание слов этого типа, которые встречаются в тех или иных разделах лексики и характеризуют специфику говора.

Из лексики животноводства. *Хүхөл* (прядь волос у лошади между ушами, на лбу; челка), ср. лит. *хамбай*. *Базча* (конь-бегунец), ср. лит. *гүйгөөшэ морин*. *Голхо* (недоразвитое копыто у лошади). *Самбаэ* (крестец у коровы): *Үхэрыхииг ууца гэжкүй, самбаэ гэхэ, хони йамааныхииг ууца гэхэ* (Крестец у коровы называют *самбаэ*, а не *ууца*, а крестец мелкого скота именуют *ууца*)¹. *Хүхө* (недоразвитое копыто у парнокопытных, напр., у овец). *Сагал'и* (баран по третьему году)². *Сынэг* (кастрированный молодой козел по второму году). *Хүгэнэ* (ошейник [для ягненка])³. *Хөөхө* (выгонять скот), ср. лит. *намнах* (приближаться [о возрасте]): *Үнөө далыгаа хөөдж яванаб* (Скоро мне будет семьдесят лет)⁴. *Самардаг* (н^тбная занавеска). *Цороз* (часть груди вместе с брюшной частью тела). *Хүхөр* (небольшая изгородь для ягнят [в юрте]). *Нёголуур* (пилорическая часть желудка [напр., у овец]). *Дабджаарха* (плохо развиваться [об организме домашних животных]). *Содо* (перо от хвоста курицы).

Животноводческая лексика создается в основном своими внутренними ресурсами. Но наряду с этим наблюдаются и отдельные заимствования из русского языка, появившиеся особенно в последнее время, как, например, *длярха* (длярка), *чавалн* (овцевод, чабан; овцеферма), *порчоонко* (поросенок) и некоторые другие.

Небезынтересно здесь отметить, что в цонгольском говоре животноводческая лексика богаче, чем, например, в байкало-кударинском говоре. Носителям байкало-кударинского говора не известны, скажем, такие названия домашних животных, как *сынэг* (кастрированный молодой козел по второму году), *шүлгө* (двухлетний баран), *дзусаг* (двухлетняя овца) и другие. Но зато у байкало-кударинцев сильно развита лексика по рыболовству: *нэлбэрүүн* (сиг), *хадаран* (харнус), *нэлимэ* (осетр), *гүльмэ* (сеть), *гур* (черезвик), *хартха* (наплава [часть невода]), *тэлээдүүн* (упруга [у лодки]), *оёгор* (дно лодки), *хашаан* (борта [части лодки]), *яршээ* (крупные гвозди на бортах лодки) и т. д.⁵ Эти и многие другие термины, связанные с рыболовным промыслом, неупотребительны в

¹ Со слов осведомителя П. Б. Вампилова из ул. Хилгантуй, Кяхтинского аймака.

² Записано в ул. Табангут, Кяхтинского аймака.

³ Записано там же.

⁴ Зарегистрировано в ул. Кудара-Сомон, Кяхтинского аймака.

⁵ Из материалов, собранных мною во время диалектологической экспедиции в Байкало-Кударинском и Кабанском аймаках БурАССР летом 1960 г.

цонгольском говоре, так как носители говора не занимаются рыбным хозяйством.

Из лексики полеводства. *Дзургаадаэ* (шестерня жатки): *ехэ дзургаадаэ* (большая шестерня), ср. лит. *араата мөөрэ* (шестерня)¹, монг. *дугы, араа* (шестерня). *Алига* кях.-цонг.² (ремень ручной молотилки, прикрепляющий ее бигок к ручке). *Цагаан тараз*³ (пшеница), ср. лит. *шэнишэ*, монг. *улаан буудай*. *Сүр* кях.-цонг. (стог, скирд), ср. монг. *нуруу өвс* (стог), *цолог* (скирд), лит. *сомоо, һүри*. *Шанаа* кях.-цонг. (рис), ср. монг. *цагаан будаа, баразгар* от тиб. *бараз* (крупа), гар (белый)⁴. *Гасна* (соха): *гаснаар хагалха* (пахать сохой). *Саваан* (соха с одним лемехом). *Хуруу* — досл. «палец» (часть жатки или сенокосилки, между которыми двигается при косьбе режущий аппарат. — В ул. Ноехон).

В отличие от животноводческой лексики в полеводческой лексике имеется заметно больше заимствований.

Из бытовой лексики. *Чэмхэмэл* (женская рабочая обувь). *Хошко* кях.-цонг. (ложе ружья), ср. лит. *хүрээ*, монг. *бууны модон хэсэг*. *Модолхо* (скручивать обрабатываемую овчину двумя палочками — *аросоо модолхо*). *Дүүджэгэ*⁵ (журавль колодца). *Хошлон* (полоса кошмы вокруг войлочной юрты). *Балгас*⁶ (летник). *Шудорго* (приспособление для обработки кожи). *Шэлвэ* (петля для пуговиц). *Хандза* (плита). *Бөөрөнкөи* 1) «круглый»: *бөөрөнкөи углууты ногоон цаз* (кирпичный чай с круглой печатью)⁷; 2) «шарообразный мешочек». *Үнгулуй* (крытый материей войлок, служащий матрацем)⁸, ср. монг. *гудас*. *Хүльтидөхө* (толпиться), ср. лит. *хагшалха*, монг. *овоорох*. *Хянгар* ноех. (большой нож для резания лапши), ср. *дзаадзуур*. *Эрээс* (закрутка у лучковой пилы). *Базрагаа* (взрослый, степенный): *базра аа хүн* (степенный, взрослый человек). *Хорюул* (бельмо на глазу), ср. монг. *нүдний үүл*, лит. *манан*. *Маани* (могила, кладбище). *Тээгэ* (здвижка, крючок у двери), ср. лит. *шэбхэ*, монг. *оньс*. *Тээгэлхэ* (закрывать дверь на крючок), ср. лит. *шэбхэдэхэ*. *Ургэбчэ*, иногда *үргэ* (К. -Сомон), *үлгүүр* (Уб.-Дзокуй) — (коромысло), ср. лит. *тэлүүр*, монг. *дамнуур*. *Дунгури* кях.-цонг. (колесо), сел.-цонг. *мөөр*. *Амбуулдаха* (садиться на «гробьяжку») (о ребенке). *Нятаэха* (подохнуть). *Түйөөнцөг* (кожаный мешочек). *Сүл'джемэг* (кружево). *Мул'джалха* (вывихнуть ногу). *Табхаанцаг* (посуда для отставания молока). *Удагаалагча* (заместитель): *дзасны удагаалагча* (заместитель председателя), ср. лит. *орлогшо*, монг. *орлогч*. *Тотосджо* (женские панталоны). *Хөөрцөг* (посуда, где обрабатываются сливки). *Харганаа* (веник), ср. монг. *шүүр*, лит. *хамуур*. *Хяадза* (тяжи у телеги). *Бозтог* (чувяки, унты), ср. лит. *гутал*, монг. *сөөхий гутал*. *Улуурха* кях.-цонг. (бредить во время болезни [при высокой температуре]), ср. монг. *дэмийрэх*, *солиорох*, лит. *дэмырхэ*. *Башинаг* (в Ц. -Челутае, Уб.-Дзокуе) — «чувяки, унты», ср. *бозтог*; сартулы говорят тоже *башинаг*. Здесь, видимо, сказывается влияние сартулов.

Слова, обозначающие родство и семейные отношения людей. *Бааваз* сел.-цонг. (старшая сестра), ср. лит.

¹ См.: «Русско-бурят-монгольский словарь». Под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М., 1954 г., стр. 728.

² В ул. Бурдун произносят это слово как *алага*.

³ В ул. Убур-Дзокуй.

⁴ Со слов осведомителя Н. А. Баинова из ул. Хилгантуй, Кяхтинского аймака. Это подтверждают также сотрудники РО БКНИИ тибетологи Б. Д. Дандарон и Л. Я. Ямпиллов.

⁵ Употребляется в ул. Бараний Луг.

⁶ Записано в ул. Табангут.

⁷ В ул. Убур-Дзокуй.

⁸ В ул. Ноехон.

ээгшэ, монг. эгч. Эмэгээ — бабушка [по отцу], ср. лит. хугшэн эжы, монг. эмэг эх. Авагджан — сестра отца, тетя [по отцу], ср. лит. абага ээгшэ. Аджаэ — сестра [в ул. Убур-Дзокуй, Селенгинского аймака], ср. лит. ээгшэ, монг. авга эгч. Нагаца бааваэ — сестра матери, тетя [по линии матери], ср. лит. нагаса абгай, монг. нагац эгч. Аваэ 1) кях.-цонг. — сестра; 2) сел.-цонг. — жена старшего брата; 3) почтительное обращение к женщине старше себя. Дундаэ сел.-цонг. (средняя сестра). Ехэ-аваэ (старший). Дзааваэ (младший брат). Ехэ ахаэ кях.-цонг. (старшая сестра). Дунда ахаэ кях.-цонг. (средняя сестра). Дзаахаэ кях.-цонг. (младшая сестра). Бүлө ахаэ кях.-цонг. (двоюродная сестра [по матери]). Бүлө аваэ (двоюродный брат [по матери]). Түгөд (близнецы), ср. лит. эхир ухибүүд, монг. ихэр.

Из лексики флоры. Шүхөр цэцэг (цветок повилики). Шар цэцэг (одуванчик), ср. лит. нямня, монг. багваахай цэцэг. Хараалча цэцэг, бэрэ цэцэг (живокость крупноцветная). Бахын цэцэг (лютик). Шэмэдэг (герань дикая). Туулаэн бөөр (каштан). Ухэр будог (змееголовник). Наран цэцэг (мак голостебельный распутившийся). Хэр толгоэ (житняк гребенчатый). Дзаг (саксаул). Гарихан джамба (просвирняк лесной) и некоторые другие.

Прочие слова. Хотли (молодой сурок одного года). Содосо (старое русло реки). Питага (шлепка, порка): питага эдихэ (быть выпоротым). Еором (глубокие места в воде, в реках, озерах). Шаргалг (окунь). Нууры хүтэгэр (карась). Джурджааха (детеныш суслика). Наэман хүлтө (хлопья снега). Тозхо (понять, смыслить): ем тожгуй хүн бэздаг (бывают и непонятливые, несмышленные люди). Сүлджэмөр (цепочка). Мэргэн дэгээ (гадюка). Бухан шувуу кях.-цонг. (синичка). Хараалч шувуу ц.-чел. (крапивница), ноех. чогчого. Цагаан длаг кях.-цонг. (сорога), ср. ноех. ялагача. Балдс bran. (черт): тэр ямар бэлдс мэдэхэн дээ (какого же черта он [она] знает). Эгтээ (зря). Нүмөргө (серый паут). Луугаа (также и...): тэр луугаа (точно также и...). Ялваха (слепить глаза, напр., от яркого света). Дзагатанаха (чесаться, зудеть), ср. лит. зохолхо. Алга в значении (нет, отсутствует): алга суугаа (на бобах остался). Этуу ц.-чел. (куропатка). Хамаруи батаганаа сел.-цонг. (мошка), Сараалджан (ветренный, легкомысленный). Гонтохо (попрошайничать). Бугалаг (предплечье)—в ул. Убур-Дзокуй, Селенгинского аймака. Нүхөөс (заплата), ср. лит. халааһан.

Частичные лексические расхождения. Это слова, которые обладают общим корнем со словами литературного бурятского языка, но имеют некоторые фонетико-морфологические различия. Примеры: андас сел.-цонг. (соха), кях.-цонг. (лемех сохи [или плуга]), ср. лит. анзаһан (соха), монг. анджис (соха, плуг), анджисны хошуу (лемех). Босхуул (беглец, дезертир), ср. лит. бодхуул, монг. оргодол. Дзусаал (летнее стойбище), ср. лит. зуһалан, монг. дзуслан. Хосом (накипь, осадок от кипяченого молока), ср. лит. хюһама, монг. хусам. Хосуур (скобель), ср. лит. хюһуур, монг. хусуур. Үсөгөи (пятки), ср. лит. һуеы, монг. өсги. Самуурха (ошибаться), ср. лит. һамарха, монг. алдаа гаргах, андуурх, эндүүрх. Үрөл (дикая яблоня—ягода), ср. лит. улир, монг. өрөл. Онохо (лнить, выцветать — о материи), ср. лит. ангаха, монг. онох, гандах. Елгон (ходкий — о коне), ср. лит. ульгам. Ирагалха (кряхтеть), ср. лит. иирагалха (тихо стонать во сне). Тохоз (локоть), ср. лит. тохоног, монг. тохой. Уруу (челюсть), ср. лит. үргэн, мэнг. эрүү. Нюлмас (слезы), ср. лит. нёлбоһон, монг. нулимс. Дээрюун (умышленно, нарочно), ср. лит. зорюута, мэнг. зориуд. Данха (чугунный кувшин), ср. лит. танха. Хосорон (яловая корова, доящаяся второй год), ср. лит. хюһаран, монг. хусран. Ергэ (кастрированный баран, валух), ср. лит. эрье.

Ерэ (острие), ср. лит. *эри*, монг. *ир*. *Шалдаган* (голый), ср. лит. *салдан*, мэнг. *нуцэч*. *Чячяг* (висок), ср. лит. *начшяг*, мэнг. *чамархай*. *Орсхо* (течь, протекать), ср. лит. *урдха*, мэнг. *урсах*. *Атэрха* (принести), ср. лит. *асарха*, монг. *ацрах*. *Түмөс* (луковица сараны), ср. лит. *тибэн*, монг. *төмс*.

Лексико-семантические расхождения

Полные смысловые расхождения. Это слова, отличающиеся по своей семантике при совпадении формы. Иначе говоря, обнаруживаются такие случаи, когда одни и те же слова употребляются в разных значениях: в цонгольском говоре — в одном смысле, в литературном бурятском — в другом, в монгольском — в третьем. Например, слово *ото* встречается во всех трех языковых делениях. Однако в говоре оно означает *всегда*, в монгольском языке — *концы лавы у охотников*, а в литературном бурятском языке — *насквозь*. Или цонг. *толи* — (маятник для стенных часов)¹, монг. *толь* (словарь), хор. *толи* (зерцало); цонг. *чииг* (роса), монг. *чииг*, лит. *шииг* (сырость, влага) и т. д.

Частичные смысловые расхождения. В сравниваемых языковых подразделениях находим одни и те же слова, одно значение которых совпадает, а другое — нет. Например, слово *джолоо* в говоре означает *поводья* (*у узды*) и *устужины* (*у саней*), а в литературном бурятском и монгольском языках только *поводья*. Слово *ходоодо* в цонгольском говоре имеет два значения: а) *морда* (*рыболовная*) и б) *желудок*, в халхаском диалекте (*ходоод*) и литературном языке (*хото*) имеет одно значение — «желудок». Слово *хазрцаг* в говоре означает: 1) *гроб*, 2) *небольшой ящик*, а в монгольском и бурятском языках — только *ящик* (или сундучок). В говоре словосочетание *наран цэцэг* имеет два значения: *мак полевой* (распустившийся) и *подсолнух*. А в сравниваемых языках — лишь одно значение *подсолнух*.

Подобные семантические расхождения также свидетельствуют о специфике изучаемого говора.

Далее, словарный состав говора характеризуется тем, что в нем находим большой пласт халха-монгольских слов. Обусловлено это этнической принадлежностью самих цонголов к халхасцам.

Во-первых, в лексике говора имеются слова, отсутствующие или редко употребляющиеся в литературном бурятском языке, но бытующие в монгольском языке и цонгольском говоре и имеющие в последних эквивалентное значение. Например, такие лексические единицы, как *хунтөгөр* (междубровье), *сэвэлэг* (стебель небольшой саранки), *сором* (лучшая, ценная часть травы), *барюубча* (приданое новорожденного), *тэбкэ* (палочка, которой приподнимают горячий котел) и другие неизвестны литературному бурятскому языку, но известны монгольскому языку (соответственно пишутся *хөнтөгөр*, *сэвэлэг*, *сор*, *баршувч*, *тэвх*).

Во-вторых, одно и то же понятие обозначается иными словами в литературном бурятском языке, одинаковыми словами — и в цонгольском говоре и монгольском языке. Так, слово *гурил*, бытующее в цонгольском говоре и монгольском языке, означает *мука*, а в литературном языке это же понятие передается словом *талхан*. Последнее слово, бытующее среди цонголов и халхасцев (по-цонгольски *талха*, по-монгольски *талх*), употребляется в значении *хлеб*. Тогда как в литературном бурятском языке *хлеб* именуется заимствованным из русского языка словом *хилэмэн*. Таких примеров немало.

¹ Записано со слов Р. Г. Гармаева из ул. Кудара-Сомон.

В-третьих, одни и те же слова употребляются в цонгольском говоре и монгольском языке в одном значении, а в литературном языке — в ином значении. Так, слово *агсаа* бытует и в цонгольском говоре, и в монгольском языке, и в литературном бурятском языке. Но данное слово в первых двух языковых единицах означает *матерчатый мешочек*, а в бурятском языке — *обмен, мена*.

Слово *дошо* в исследуемом говоре и монгольском языке означает *бугорок, кучка земли около норы сурка*, а в литературном языке оно употребляется в значении *наледь; льдины, выбрасываемые из полыньи*. Или возьмем слово *даганаха*¹ (цонг. *даганан аджалаха* — работать беспорядочно). В монгольском языке и цонгольском говоре оно означает *исполнять бесценно*, а в бурятском языке — *насыпать на потолок*. Слово *хадуур* в нашем говоре и халхаском диалекте означает *коса (по-сибирски литовка)*, а в литературном бурятском языке — *серп*.

Эти факты свидетельствуют о том, что в исследуемом говоре сохранилось значительное количество слов халхаского происхождения, неизвестных другим бурятским диалектам и литературному языку. В этом состоит одно из самых характерных отличий данного говора.

Но тем не менее цонгольский говор является говором не халхаского, а бурятского языка. Ибо за период трехсотлетней совместной жизни с бурятским населением под влиянием последнего у цонголов возникла своя речь, более близкая к собственно бурятским говорам² и литературному языку. В связи с изменением жизни носителей говора, обусловленным переселением их из Монголии, изменилась прежде всего лексика говора, которая, в отличие от фонетической системы и грамматического строя является, как известно, чрезвычайно подвижной.

Поэтому в цонгольском говоре мы находим также много (но несколько меньше, чем в накающих говорах) лексических единиц, бытующих в литературном языке, и не характерных для монгольского языка. В этом состоит другое отличие лексики рассматриваемого говора. Для иллюстрации приведем примеры, разделив их на две группы.

Во-первых, одно и то же понятие обозначается иными словами в монгольском языке³, одинаковыми словами — в цонгольском говоре и литературном бурятском языке. Так, например, *плавники у рыб* в нашем говоре и бурятском языке называются *сэрвээ* (по-литературному *һэрбээ*), а в монгольском языке они носят название *дживэр*. Слово *угощать* в цонгольском говоре и литературном языке передается *хүндөлхө* (по-литературному *хүндэлхэ*), а в монгольском языке — *гийчлэх*. Или существительные *дубина, долг, глоток, загадка, игра* по-цонгольски и по-литературному соответственно передаются словами *шиидам, ури, балга, таавар* (по-литературному *таабари*), *наадан*, а по-монгольски они именуется в той же последовательности: *бороохой, өгцөө, ооч, оньсго, тоглоон* и т. д.

Во-вторых, одни и те же слова употребляются в одинаковом значении в цонгольском говоре и литературном бурятском языке, в ином значении — в монгольском языке. Таким образом, некоторые лексические единицы говора под влиянием бурятского языка изменили свою прежнюю семантику и приобрели новое значение. Например, слово *маяа* встречается и в цонгольском говоре, и в литературном языке, и в халхаском диалекте. Но в указанном говоре и литературном языке оно означает «кривой» (о ногах), а в халхаском диалекте — «пресс для

¹ По-монгольски пишется *дагнах*.

² Имеются в виду накающие говоры бурятского языка.

³ Или совсем отсутствует в нем.

масла». Глагол *баалха* означает в первых двух языковых единицах *принуждать, неволить, заставлять*, а в монгольском языке — 1) *штрафовать*; 2) *нагнаиваться от раздражения металлическим предметом*. Или слово *баахан* в литературном языке и цонгольском говоре употребляется в значении *немножко, маленький*; а в халхаском диалекте, наоборот, — *довольно много, значительно*.

Приведем еще несколько фактов.

Цонгольский говор	Литературный бур. язык	Монгольский язык	Значение в цонг. говоре и лит. бур. языке	Значение в монгольском языке
мөрыцөхө	мүрысэхэ	морийцөх	соревноваться	держаться пари, биться об заклад
сүндөлхө	һүндэлхэ	сөндлөх	снова, ходить или ездить туда и сюда	переправляться через реку
джиирэгэлэхэ	жнпрээлхэ	джиирэглэх	плотно затыкать	подстилать
тоэв	тоибо	тойв	препятствие	громоздкость, что-либо громоздкое
дэрдэгэр	дэрдэгэр	дэрдэгэр	оттопыренный, торчащий (об ушах)	1) твердый, затвердевший; 2) хрупкий
махалха	мяхалха	махлах	мучить, терзать	толстеть, полнеть
хөөвөрлөхө	хөөбэрилхэ	хөөвөрлөх	ограстать, становясь пушистой	снимать отросшую шерсть
ховоо	хобоо	хобоо	кормушка (для кормления и поения скота)	колодезная бадья
хүүршэхэ	хүүршэхэ	хүүрших	подгорать, обгорать	залеживаться, преть

Лексическое влияние литературного языка обнаруживается и в синонимном употреблении слов литературного языка. В словарном составе говора встречаются, например, такие слова-синонимы, как *анаха*, *нарилха* (остерегаться, настораживаться); *үсөрхө*, *цобхорхо* (прыгать); *хувүүлхэ*, *түрхө* (рожать); *ходжохо*, *шүүхэ* (выиграть); *хамаатан*, *түрөлтид* (родственники); *хаг*, *удааджа* (послед — у животных); *ухана*, *тэхэ* (козел), *уур*, *уурал* (пар, испарение); *унгосхо*, *инцагаалха* (ржать — о лошади); *улабча*, *дүрөнхө* (стелька); *шороо*, *шороз* (чернозем); *хүүхэн*, *бацаган* (девушка); *царцаа*, *тарчаа* (кузнечики); *шургуул*, *соголго* (выдвижной ящик стола); *цэр*, *мэньд'ир* (мокрота); *торгууль*, *тоэво* (препятствие); *сэлихэ*, *дэлгэхэ* (распахивать, открывать); *өөргүй*, *хамаагүй* (все равно, безразлично); *мэлхы*, *баха* (лягушка); *хаца*, *чүлөө* (свободное время, досуг); *саднаг*, *гадас* (кол); *дугуй*, *мөөр* (колесо); *дээл*, *дээл* (шуба); *хөөхө*, *тууха* (выгонять, гнать); *шалвалха*, *шулгалха* (царапать, сдирать кожу) и другие. В приведенных здесь синонимах вторые слова (*нарилха*, *цобхорхо*, *түрхө*, *шүүхэ* и т. д.) появились в говоре в результате воздействия на него литературного бурятского языка.

В цонгольском говоре функционируют также парные слова, образованные из лексических единиц литературного и монгольского языков. Примеры: *хура бороо* (дождь), *даэн цэрэг* (война), *уур цухал* (гнев, ярость), *бордохо шахаха* (откармливать скот на убой), *илаас батагана* (мошкара) и т. д. В этих парных словах компоненты *хура*, *даэн*, *цухал*, *шахаха*, *батагана* являются литературными бурятскими словами.

Все эти данные говорят об огромном влиянии бурятского языка на цонгольский говор. Особенно сильное воздействие на наш говор ока-

зало хоринское наречие, носители которого находятся в непосредственной территориальной близости и превосходят в количественном отношении.

В целом можно сказать, что цонгольский говор в области словарного состава во многом утратил свою монгольскую специфику и значительно сближился с литературным бурятским языком.

Наряду с этим нужно отметить, что ряд слов литературного языка неупотребителен в цонгольском говоре. Это связано с тем, что словарный состав литературного языка богаче, чем лексика местных диалектов. Но слов, отсутствующих в рассматриваемом говоре, сравнительно немного. Перечислим примеры: *дулдыдаха* (зависеть); *дашарамдуулан* (по случаю чего-либо, в связи с чем-либо); *тэрьелхэ* (убегать, удирать, обращаться в бегство), ср. цонг. *дзугтааха*; *һажжааха* (подражать; напоминать), ср. цонг. *дураэха*; *тээсгэн* (недавно, на днях); *һэишхэлтэхэ* (быть в интимных отношениях); *хэжэгтэхэ* (болеть гриппом), ср. цонг. *ханяадарха*; *мушхамал* (витая кожаная веревка), ср. цонг. *сур аргамджа*; *мухалай* (место, противоположное изголовью, у кровати), ср. цонг. *хулдзүүр*; *ништын* (общественный, общий), ср. цонг. *хамтын*; *үдэ* (полдень), ср. цонг. *хагаддөр*; *түһөөлхэ* (угадывать, узнавать по сходству), ср. цонг. *тухаэлха*; *түхирха* (натравливать, науськивать, подзуживать), ср. цонг. *хэрэлдүүлхэ*, *яс хаяха*; *түрихэ* (теснить, напирать); *тухашарха* (быть сильно занятым, перегруженным), ср. цонг. *ядалцаха*; *һабяаһагүй* (несерьезный, невыдержанный, легкомысленный), ср. цонг. *аривагүй*; *үүргэ* (обязанность, роль); *халаан* (смена); *һагад* (едва, чуть, немного, слегка); *һаргаха* (слепить глаза от яркого света, напр., от солнечных лучей); *һүнэлгэ* (угасание, отмирание); *һэишхэлгүй* (бессовестный, бесстыжий), ср. цонг. *эчэргүй*; *яһала* (довольно, достаточно); *усадхаха* (ликвидировать), ср. цонг. *үгы хиихэ*; *мэлхэлзха* (принимать излишне радостное выражение лица) и некоторые другие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итогом нашего исследования является прежде всего данное нами описание фонетических, грамматических и лексических особенностей цонгольского говора в сравнительном аспекте с современным бурятским и монгольским языками.

Как в области фонетики и морфологии, так и в области лексики изучаемый говор характеризуется тем, что он:

- а) сохраняет черты, свойственные халхаскому диалекту;
- б) подвергся значительному влиянию со стороны хоринского наречия и литературного бурятского языка;
- в) обладает таким своеобразием, которое присуще только этому говору.

Цонгольский говор ныне во многом утратил свою монгольскую специфику и значительно сближился с бурятским языком, став одним из его своеобразных говоров.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. А. А б а ш е е в. Тункинский говор	3
Введение	3
Фонетика	6
Гласные	6
Согласные	8
Характеристика согласных	8
Морфология	13
Имена существительные	13
Образцы склонения	16
Множественное число	17
Имена прилагательные	18
Местоимения	20
Числительные	21
Глагол	22
Наречие	24
Частицы	25
Послелоги	26
Некоторые примеры построения предложений	26
Лексика	28
Заключение	32
М. П. Х о м о н о в. Боханский говор	35
Введение	35
Фонетические особенности	41
Гласные	41
Согласные	43
Сингармонизм	44
Ударение	45
Мелодика	46
Морфологические особенности	48
Суффиксы словообразования	48
Суф. кс , образующие имена качества, признака или свойства	49
Склонение	50
Множественное число	51
Местоимения	51
Наречие	52
Послелоги	54
Частицы	54
Звукоподражательные слова	56
Союзы	56
Числительное	56
Глагольная основа	57
Образование глаголов от имен существительных	57
Образование глаголов от имен прилагательных	57
Образование глаголов от глагольных основ	58
Повелительные формы глагола	58
Формы пожелания и просьбы	58
Причастие	60
Деепричастие	61
Лексические особенности	62
Заключение	69

Э. Р. Раднаев. Баргузинский говор	71
Из истории баргузинских бурят	72
Фонетические особенности	80
Лексические особенности	86
Морфологические особенности	100
Об именах существительных	100
Об именах прилагательных	102
О числительных	103
О местоимениях	103
Глагол	103
Наречие	104
Послелог	105
Частицы	105
Союзы	106
Междометие	106
Заключение	106
И. Д. Буряев. Сартульский говор	108
Фонетическая система	112
Согласные	112
Описание согласных фонем	114
Гласные	119
Описание гласных фонем	120
Фонетические особенности	122
Грамматические особенности	130
Склонение именных частей речи (существительных, прилагательных, числительных)	130
Множественное число	138
Местоимение	138
Числительные	139
Отдельные замечания по глаголу	141
О частицах	143
Из синтаксиса	145
Некоторые сведения по лексике	145
Материалы по ономастике	146
Материалы по топонимике	147
Ц. Б. Будаев. Цонгольский говор	151
Предисловие	151
Фонетические особенности	153
Соответствия звуков	156
Об особенностях сингармонизма	160
О некоторых фонетических процессах	160
Грамматические особенности	161
Имя существительное	161
Имя прилагательное	169
Имя числительное	170
Местоимение	171
Глагол	173
Причастие	174
Деепричастие	175
Наречие	176
Служебные слова	176
Некоторые сведения по синтаксису	178
Лексические особенности	180
Собственно лексические расхождения	180
Лексико-семантические расхождения	183
Заключение	186

ИССЛЕДОВАНИЕ БУРЯТСКИХ ГОВОРОВ

ВЫПУСК 1

(Труды Бурятского комплексного научно-исследовательского института
СО АН СССР, выпуск 17, серия языковедческая)

Редактор БКНИИ *А. Н. Сумкин*
Редактор издательства *Н. Н. Ильина*
Технический редактор *Д. Б. Батоцыренова*
Корректоры *Р. П. Моисеева, Е. С. Павлова*

Сдано в набор 25/1-1965 г. Подписано к печати 15/XII-1965 г.
Заказ № 1443. Тираж 1000 экз. 12 п. л. (16,44 усл. п. л.)
Уч.-изд. л. 15,93. Формат 70×108 1/16.
Цена 1 р. 6 к. И-00053.

Типография Управления по печати при Совете Министров БурАССР, г. Улан-Удэ.

**Покупайте книги
Бурятского комплексного
научно-исследовательского института
Сибирского отделения АН СССР!**

Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Вып. 1. 1959, 11 п. л., ц. 66 коп.

В сборнике имеются статьи: У.-Ж. Ш. Дондуков — Предварительный отчет об экспедиционных работах по изучению говоров бурятского языка, проведенных отделом языка и письменности БКНИИ летом 1958 г.; Г. О. Туденов — Наблюдения по фольклору бурят Еравнинского и Хоринского аймаков; Т. М. Болдинова — Традиционные песни хоринских бурят (по материалам фольклорной экспедиции 1957 г.) и др.

Краткие сообщения БКНИИ СО АН СССР. Вып. 2. 1960, 9,25 п. л., ц. 69 коп.

В сборнике имеются статьи: Т. А. Бертагаев — Словарный состав живой речи и его дифференциальные группы (на материале бурятского языка); М. П. Хомонов — О лексических особенностях аларского говора; Ц. Б. Будаев — О семантических сходствах пословиц и поговорок разных народов. И др.

Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 1. 1959, 12,67 п. л., ц. 84 коп.

В сборнике имеются статьи: Ц. Б. Цыдендамбаев — Влияние русского языка на развитие бурятского; Л. Ш. Шагдаров — Исследование бурятского языка русскими учеными; Г. О. Туденов — Влияние русской поэзии на бурятскую; Ц. А. Дугар-Нимаев — Героические образы бурятской советской литературы; А. Уланов — Отражение дружбы с русскими в бурятском народном творчестве; Л. Е. Элиасов — Роль русских ученых в исследовании бурятского фольклора; М. П. Хомонов — Русские заимствованные слова в улигерной поэтике бурят. И др.

Бертагаев Т. А. К исследованию лексики монгольских языков. 1961, 10 п. л., 51 коп.

Книга посвящена изучению словарного состава бытового повседневного языка бурят.

На большом фактическом материале в сравнительном плане исследована лексика пяти говоров (аларского, эхирит-булагатского, мухоршибирского, южно- и частично северноселенгинского), рассмотрены и приведены в процентах расхождения в их словарном составе.

Книга состоит из разделов: методика исследования; говоры и диалекты бурятского языка; корреляты на уровне говоров и на уровне диалектов; дериваты: фиктивные, на уровне говоров и на уровне диалектов; разностные слова на уровне говоров и на уровне диалектов; частные или локальные компоненты дифференцированных групп; о южно- и северноселенгинских говорах; транскрипция и др.

Дондуков У.-Ж. Ш. Аффикальное словообразование частей речи в бурятском языке. 1964, 12 п. л., ц. 90 коп., 600 экз.

Работа, посвященная одному из актуальных вопросов бурятского языкознания, по существу является первой работой в области исследования способов словообразования бурятского языка вообще.

В данной работе автор выявил и систематизировал не только все словообразовательные аффиксы и их модели по образованию различных типов и категорий слов, но также и их значения по каждому случаю словообразования. При этом автор определяет продуктивность и непродуктивность как словообразовательных аффиксов, так и производящих основ.

Кроме того, автор подробно рассматривает вопросы взаимоотношений производных слов и производящих основ и соотносительность их словообразовательных типов, что позволяет ему выявить специфику и роль различных производящих основ и словообразовательных аффиксов в системе бурятского словообразования.

Книга предназначена для языковедов-лингвистов, преподавателей, студентов.

Дугаров Н. Б. Библиография литературы по бурятскому языкознанию. 1964, 5 п. л., ц. 16 коп.

Данный указатель литературы является первой попыткой более или менее полно собрать и систематизировать имеющуюся литературу по бурятскому языкознанию со II половины XVIII века по 1960 год.

Указатель охватывает книги, монографии, брошюры, журнальные и газетные статьи по бурятскому языку как на русском, так и на бурятском языках.

Работа состоит из двух разделов. В первый раздел включена литература, изданная до революции, во второй — литература послереволюционного периода.

В конце работы дан указатель имен и названий.

О п е ч а т к и

Стр.	Строка		Напечатано	Следует читать
	сверху	снизу		
20	18		стерлял	стрелял
34		1	А. Д. Шагдаров	Л. Д. Шагдаров
39	27		подергнууться	подвергнууться
47		19	происхождения	происхожденне
49		5	дургим	другим
61	20		ошхошаа н	ошхошхаан
151		3	Хогсо ун-Батора	Хогсо-Батора
152		7	Хогсоун-Батора	Хогсо-Батора

Ц. О. Очиров — За повышение уровня исследований и за укрепление связи науки с жизнью; И. И. Соктоева — Образ В. И. Ленина в бурятском изобразительном искусстве; Б. Б. Олзоев — Музыкально-песенное творчество бурят; В. Ц. Найдаков — Страничка из истории бурятского театра; А. В. Тумяхани — Некоторые сведения о художественной обработке металла у бурят в прошлом; И. М. Поспелов — Комсомол Бурятии в подготовительный период коллективизации сельского хозяйства (1928—1929 гг.); Ю. Г. Дылыков — Комсомол Бурятии в борьбе за сплошную коллективизацию сельского хозяйства (1930—1932 гг.); С. А. Максанов — О развитии художественной самодеятельности трудящихся Бурятской АССР в послевоенные годы (1946—1958 гг.); Е. М. Залкин — К истории бурят-хоринцев в конце XVII века; И. А. Асаланов — Об одном нойсонском хозяйстве II половины XIX века; П. Б. Коновалов — К вопросу о дюнных стоянках Забайкалья; М. П. Хамаганов — Бурятский фольклор в кругу научных интересов востоковеда О. М. Ковалевского; С. П. Балдаев — Несколько замечаний о «ээгээтэ аба»; Т. М. Болдорова — Заметки по бурятскому фольклору; У.-Ж. Ш. Дондуков — О союзах и союзных словах современного литературного бурятского языка; Ц. Б. Будаев — К характеристике лексического состава цонгольского говора; Д. Г. Дамдинов — Предварительные данные о языке хамниганов Читинской области; М. П. Хомонов. Павел Поуха (Секретная история монголов); И. З. Ярневский — фольклорные экспедиции отдела литературы и фольклора (1959—1961 гг.); Б. Д. Максанова — Значительное пополнение рукописного фонда БКНИИ СО АН СССР.

Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. (Материалы координационной конференции, Улан-Удэ, 22—24 августа 1963 г.). 1964, 18,9 п. л., ц. 1 р. 15 к.

Вступительное слово секретаря Бурятского ОК КПСС Д. Д. Лубсанова; Г. Д. Санжиев — Задачи изучения языков Сибири; Ю. Д. Дешериев — К вопросу о функциональном и внутривидовом развитии младодисциплинарных языков народов СССР в советскую эпоху; О. П. Суник — О языковом развитии некоторых малочисленных народностей Сибири; Н. А. Баскаков — Задачи изучения тюркских языков Сибири; А. А. Дарбеева — О некоторых вопросах общественной функции бурятского языка; Г. И. Донидзе — О некоторых сдвигах в общественной функции хакасского языка в советскую эпоху; Л. Ш. Шагдаров — Развитие бурятского литературного языка в советскую эпоху; И. К. Илишкин — О некоторых вопросах, связанных с закономерностями развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху; Д. А. Монгуш — Развитие тувинского языка в советскую эпоху; П. А. Слепцов — Развитие якутского языка в советскую эпоху; Д. Ф. Патачакова — Развитие хакасского языка в советскую эпоху; Н. А. Кучигашева, Е. Н. Чунжекова — Развитие алтайского языка в советскую эпоху; Т. А. Бертагаев — О койне и о путях развития национальных языков; Л. Е. Элмасов — Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья; Ц. Б. Цыдендамбаев — Язык бурятской периодической печати; У.-Ж. Ш. Дондуков — О развитии общественно-политических терминов в бурятском языке; Ц. Б. Будаев — О периодах политической литературы на бурятский язык; Г. О. Туденов, В. Ц. Найдаков — О некоторых вопросах бурятской сценической речи; И. С. Хамгушкеев — О языке бурятской советской литературы и о задачах его изучения; И. Д. Бураев, Э. Р. Раднаев, Д. Г. Дамдинов — К вопросу использования диалектных богатств и преодоления диалектных различий в литературном бурятском языке; М. Н. Мангадаев — Русский язык в школах Бурятской АССР; М. И. Исаев — Некоторые вопросы языкового развития и проблема культуры русской речи нерусских народов Советского Союза. (Постановка вопроса); Ц. Ц. Цыдыпов — Бурятский язык в школе; И. В. Баранников — К вопросу об освоении бурятами русских звуков; О. А. Нечаева — Этнографическая лексика как источник обогащения русского литературного языка; Выступления; Рекомендации конференции.

Труды БКНИИ СО АН СССР, Вып. 6. Серия историко-филологическая, 1961. 14 п. л., ц. 1 р. 26 к.

А. В. Краснов — Коммунистическая партия в борьбе за совершенный государственный аппарат (1929—1932 гг.); Б. С. Санжиев — Ярослав Гашек — активный участник борьбы за укрепление Советской власти в Восточной Сибири; П. Т. Хаптаев — К вопросу о расчленении крестьянства Забайкалья; И. А. Асалханов — О социально-экономическом развитии деревень и улусов Балаганского

округа Иркутской губернии во второй половине XIX в.; Л. К. Минерт — Архитектурное творчество бурятского народа и национальные традиции в архитектуре Советской Бурятии; В. Ц. Найдаков — О репертуаре Бурятского театра драмы; В. И. Золхоев — О трех типах ударения в монгольских языках; С. А. Максанов — Культурно-просветительное учреждение Бурятской АССР в годы послевоенных пятилеток (1946—1958 гг.); В. Ц. Найдакова — «Будамшу»; Л. Е. Элиасов — Песни горнозаводских рабочих Забайкалья XVIII в.; С. Ф. Коваль — Страничка из жизни декабристов Михаила и Николая Бестужевых на поселении в Селенгинске; М. П. Хомонов — Народные изречения в романе Х. Намсараева «На утренней заре»; С. П. Балдаев — Историко-патриотические песни западных бурят; Т. М. Болдонова — Обрядовая поэзия и юрорлы; Э. Р. Рыгдылон и П. П. Хороших — Новые рунические надписи и знаки Прибайкалья; Д. А. Алексеев — О свадебных обрядах бурят.

Чагдуров С. Ш. **О выразительности слова в художественной прозе.** 1959. 5,5 п. л., ц. 24 коп.

Работа представляет собой попытку теоретического осмысления некоторых очень важных вопросов стилистики.

Несмотря на то, что в последнее время появился ряд крупных работ в области теории выразительности слова, все же ни лингвистам, ни литературоведам пока не удается раскрыть как следует специфику стилистики художественной речи. Остается еще много нерешенных задач. В работе С. Ш. Чагдунова читатель найдет небезынтесные соображения относительно постановки этих задач и методов их решения.

На материале языка произведений Л. Леонова, М. Шолохова и других советских писателей автор показывает, как надо анализировать художественный текст, пытается определить, что понимать под выразительностью слова, какие иметь в виду условия, в которых проявляется эта выразительность.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Книги можно приобрести в книжном киоске БКНИИ, в магазинах и киосках Буркинготорга, Буркоопсоюза и „Союзпечати“, а также выписать наложенным платежом и по байковским перечислениям в ред.-изд. отделе БКНИИ (г. Улан-Удэ, ул. Кирова, 35) или в отделе „Книга—почтой“ (г. Улан-Удэ, ул. Ленина, 63).

ЧС (Бур)
И889
6733

Цена 1 р. 11 к.

УЛАН-УДЭ 1965